

**300-ЛЕТИЮ
ГОРОДА
НИЖНИЙ ТАГИЛ
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

НИЖНИЙ ТАГИЛ В XX ВЕКЕ: ГОРОД, СОЦИУМ, СРЕДА

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Министерство просвещения Российской Федерации
Нижнетагильский государственный социально-педагогический
институт (филиал) федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный
профессионально-педагогический университет»
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

**НИЖНИЙ ТАГИЛ В XX ВЕКЕ:
ГОРОД, СОЦИУМ, СРЕДА**

Коллективная монография

Нижний Тагил – Екатеринбург 2023

УДК 908(470.54)
ББК ТЗ(235.55)+Д891
Н60

Печатается по решению Ученого совета НТГСПИ
(протокол № 4 от 29.12.2021 г.)

Редколлегия:

Даренская И. В., канд. ист. наук, декан социально-гуманитарного факультета НТГСПИ (ф) РГППУ

Кириллов В. М., доктор ист. наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук НТГСПИ (ф) РГППУ

Рыжкова О. В., канд. ист. наук, зам. декана по науке социально-гуманитарного факультета НТГСПИ (ф) РГППУ (отв. ред.)

Рецензенты:

Л. Н. Мазур, доктор ист. наук

Е. Г. Неклюдов, доктор ист. наук

Н60 **Нижний Тагил в XX веке: город, социум, среда** : коллективная монография / Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» ; Уральский государственный педагогический университет ; ответственный редактор О. В. Рыжкова. – Нижний Тагил : [б. и.] ; Екатеринбург : УрГПУ, 2023. – 302 с. – Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-7186-2144-0

В монографии освещена динамика изменений городского пространства, социума и среды Нижнего Тагила на протяжении XX века. Авторами монографии являются преподаватели и выпускники исторического факультета Нижнетагильского государственного педагогического института (ныне социально-гуманитарного факультета филиала РГППУ в Нижнем Тагиле), ставшего с момента своего открытия в 1976 году одним из центров изучения городской истории.

Книга адресована историкам, культурологам и всем, кто интересуется вопросами урбанистики и исторического краеведения.

Дизайн обложки: И. П. Кузьмина.

УДК 908(470.54)
ББК ТЗ(235.55)+Д891

© Булавин М. В., Даренская И. В., Ермаков А. В.,
Кайдышева Н. Н., Кириллов В. М., Манзор И. А.,
Маринина (Олохова) О. П., Рыжкова О. В.,
Тараканов М. Ю., Харитоновна Е. Г.,
Сериков Ю. Б., 2023

© Нижнетагильский государственный
социально-педагогический институт (филиал)
ФГАОУ ВО «Российский государственный
профессионально-педагогический
университет», 2023

ISBN 978-5-7186-2144-0

© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Город	9
1.1. Строительство соцгорода Нижний Тагил (Маринина (Олохова) О. П., Кириллов В. М.)	9
1.2. Строительство градообразующих предприятий (Ермаков А. В.).....	42
1.3. Модернизация города в конце 1940-х – 1990-е годы (Ермаков А. В.).....	49
Глава 2. Социум	56
2.1. Изменения в естественном движении населения г. Нижний Тагил в XX веке (Тараканов М. Ю.).....	56
2.2. Общественные организации и благотворительная деятельность в Нижнем Тагиле в годы Первой мировой войны (Кайдышева Н. Н.).....	114
2.3. Социальный портрет низового депутатского корпуса Нижнего Тагила на рубеже 1920–1930-х гг. (Даренская И. В.).....	124
2.4. Спецконтингент в истории города (Кириллов В. М.).....	132
2.5. Движение «Мемориал» и становление гражданского общества в городе (Харитоновна Е. Г.)	169
2.6. Экологическое движение в Нижнем Тагиле: от митингов к природоохранным программам (Ермаков А. В.).....	175
2.7. Эволюция православной религиозности тагильчан в советский период истории (Булавин М. В.)	181
2.8. Познающие свой край: краеведы и краеведческое движение в Нижнем Тагиле в последней четверти XX века (Рыжкова О. В.)	187
Глава 3. Среда	204
3.1. Городская среда и материально-бытовое положение тагильчан в 1917 – начале 1941 гг. (Ермаков А. В.).....	204
3.2. Жилищная сфера в Нижнем Тагиле в годы Великой Отечественной войны: на пределе возможного (Ермаков А. В.).....	231

3.3. Экологические последствия промышленного скачка 30–40-х годов (Ермаков А. В.)	245
3.4. Тагильские парки и скверы (Манзор И. А.)	252
3.5. Учреждения культуры и образования в информационном пространстве городских СМИ (по материалам газеты «Тагильский рабочий») (Рыжкова О. В.).....	256
3.6. Археологические памятники в городской среде (Сериков Ю. Б.).....	265
Заключение	277
Список литературы	280
Сведения об авторах	299
Список сокращений	301

ВВЕДЕНИЕ

300-летию Нижнего Тагила посвящается

В 2022 году Нижнему Тагилу исполнилось 300 лет. Пожалуй, самым динамичным, богатым на героические и трагические события в этой 300-летней истории был XX век.

Авторы предлагаемой монографии попытались оценить динамику изменений городского пространства, социума и среды на протяжении XX века. Эта логика и легла в основу структуры книги.

В первой главе О. П. Маринина (Олохова) и В. М. Кириллов создают панораму строительства соцгорода Нижний Тагил, промышленными доминантами которого стали два градообразующих предприятия – Новотагильский металлургический завод и Уральский вагоностроительный завод. О деталях строительства этих промышленных гигантов повествует А. В. Ермаков. Он же анализирует процесс модернизации города в конце 1940-х – 1990-е годы, акцентируя внимание на изменениях в жилом фонде.

Вторая глава посвящена характеристике различных сегментов городского социума. Открывает главу очерк М. Ю. Тараканова, в котором он на основе материалов переписей населения детально анализирует изменения в естественном движении населения г. Нижний Тагил на протяжении всего XX века. Об общественных организациях и благотворительной деятельности в Нижнем Тагиле в годы Первой мировой войны рассказывает Н. Н. Кайдышева. И. В. Даренская создает социальный портрет низового депутатского корпуса Нижнего Тагила на рубеже 1920–1930-х гг., используя массовые унифицированные документы – личные карточки и количественные методы обработки информации.

Характерным термином советской эпохи становится понятие «спецконтингент». Его применяли к различным категориям: политическим узникам концентрационных лагерей 1919–1922 гг., лишенным избирательных прав, раскулаченным спецпереселенцам, осужденным за контрреволюционные преступления, жертвам многочисленных подзаконных актов, депортированным и принудительно мобилизованным для работы в промышленности, попавшим в плен и осужденным за измену родине в годы войны и др. Анализу спецконтингента в истории нашего города посвящен очерк

В. М. Кириллова. Об истории реабилитации тагильчан – жертв политических репрессий, общественном движении «Мемориал» и становлении гражданского общества в городе пишет Е. Г. Харитоновна.

Обратной стороной ускоренной модернизации и превращения Нижнего Тагила в крупный индустриальный центр стало обострение экологической ситуации в городе. Поводом к массовому экологическому протесту в Нижнем Тагиле стал досрочный пуск 9-й коксовой батареи в 1986 году, что привело к резкой загазованности города. А. В. Ермаков попытался проанализировать, как экологическое движение в Нижнем Тагиле прошло непростой путь от митингов к природоохранным программам.

О вере, религиозности населения в советское время было не принято писать. Одним из первых об эволюции православной религиозности тагильчан в советский период истории рассказал М. В. Булавин, отметив особенности этого процесса в нашем городе.

Особую категорию городского социума составляют краеведы. На протяжении XX века краеведением в городе занимались как государственные ресурсно-информационные учреждения, так и учебные заведения и общественные объединения. Яркую страницу в историю краеведческого движения в Нижнем Тагиле вписал клуб «Тагильский краевед», который начал свою работу в апреле 1986 г. Об участниках клуба и его деятельности в последней четверти XX века пишет О. В. Рыжкова.

Осмысление истории города невозможно без изучения городской среды обитания (проживания), под которой понимают совокупность конкретных основополагающих условий, созданных человеком и природой в границах населенного пункта. Эти условия оказывают влияние на уровень и качество жизнедеятельности человека. Городская среда обитания формирует отношение человека к городу и системе управления. Среда обитания создается под воздействием различных факторов: антропогенного, абиотического и биотического. Анализу различных аспектов городской среды Нижнего Тагила посвящена третья глава монографии. В первых трех очерках этой главы, написанных А. В. Ермаковым, оцениваются материально-бытовое положение тагильчан и жилищная сфера города в первые десятилетия советской власти и в годы Великой Отечественной войны, экологические последствия промышленного скачка 1930–1940-х годов.

О тагильских парках и скверах, которые не только «смягчают» экологические проблемы города, но и являются излюбленными местами отдыха горожан, пишет И. А. Манзор.

Городская газета «Тагильский рабочий», основанная в 1906 году, является важной частью информационной среды города. На протяжении всего XX века газета информировала тагильчан о политических, социально-экономических, культурных событиях, происходивших в городе, стране, за рубежом. То, какое отражение на ее страницах получила деятельность учреждений культуры и образования в эпоху трансформаций конца XX – начала XXI века, проанализировала О. В. Рыжкова.

Историко-культурное наследие – неотъемлемая часть городской среды, меморативного ландшафта города, имеющего слоистую структуру. В основе этой структуры – следы далеких эпох, превратившиеся в археологические объекты, памятники. Именно этим следам посвящен очерк Ю. Б. Серикова, завершающий монографию.

Несколько слов следует сказать об авторах монографии. Это преподаватели и выпускники исторического факультета Нижнетагильского государственного педагогического института (ныне социально-гуманитарного факультета филиала РГППУ в Нижнем Тагиле). Факультет с момента своего открытия стал одним из центров изучения городской истории, инициировал серию научных конференций разного уровня к круглым и юбилейным датам в истории Нижнего Тагила. Последние три конференции (2012, 2017, 2022) акцентировали внимание на обсуждении вопросов, связанных с изучением городского пространства и населяющего его социума [Город: годы, события, люди 2012; Город, социум, среда... 2017; Город, социум, среда..., ч. 1–2 2022], поэтому данную монографию можно рассматривать как некий промежуточный итог коллективного обсуждения обозначенных проблем. Отдельного упоминания заслуживает А. В. Ермаков. Мы сочли необходимым включить в монографию работы, как опубликованные при жизни А. В. Ермакова в краеведческом альманахе «Тагильский вестник», издававшемся на факультете в 1998–2010 гг. (это параграфы 3.1 и 3.2), так и неопубликованные, являющиеся частью учебно-методического пособия «Урал и Тагильский край в XX веке», которое по независящим от автора причинам так и не увидело свет.

Авторский коллектив выражает благодарность организациям и людям, оказавшим помощь в создании книги:

Татьяне Николаевне Райхерт, директору филиала РГППУ в Нижнем Тагиле, за всемерную поддержку в подготовке и издании книги;

МКУ «Нижнетагильский городской исторический архив», и. о. директора Олесе Станиславовне Репниковой и ведущему архивисту Виолетте Евгеньевне Лавровой за содействие в подготовке архивных материалов к публикации;

МБУК «Нижнетагильский музей-заповедник “Горнозаводской Урал”», директору Эльвире Раисовне Меркушевой, заместителю директора по научной работе Ирине Юрьевне Матвеевой и научному сотруднику отдела фондов Дарье Михайловне Симоновой за помощь в сопровождении данного издания иллюстративным материалом;

лично Валентине Анатольевне Дацкевич, за предоставленные фотоматериалы и информацию о деятельности клуба «Тагильский краевед».

Монография адресована историкам, культурологам и всем, кто интересуется вопросами урбанистики и исторического краеведения.

ГЛАВА 1. ГОРОД

1.1. Строительство соцгорода Нижний Тагил

Газета «Тагильский рабочий» в июне 1931 г. представила общественности проекта строительства социалистического города: «В 1931–1932 гг. предполагался рост населения Тагила с 60.000 чел. до 128.000 чел. В 1938 г. в Тагиле будет жить, согласно плану, 250.000 чел. На это количество жителей и рассчитан новый город. В 1937 г., когда будет закончено все строительство социалистического Тагила, жилая площадь увеличится в 14 раз». Это требует немедленно приступить к строительству нового социалистического города. Строительство будет осуществляться строго в соответствии с намеченными задачами пятилетнего городского строительства на 1933–1937 гг. В эти годы город будет переделан и перепланирован. «...От грязных, топких демидовских улочек не останется и следа. Дома будут светлы и просторны, окружены зелеными насаждениями. В 1938 г. мы будем иметь на каждого человека 12 м² жилой площади. Уйдут кривые покосившиеся домики, уступая место многоэтажным домам. Не будет таких мест, как сейчас, где 10 телег не могут разъехаться. Средняя ширина улиц будет 22 метра: проезжая часть по 8 метров, тротуары по 5 метров. В соцгороде не будет различия между городом и деревней. Социалистический быт не допускает близкого соседства промышленных предприятий и жилищ... Индустриальные заводы-гиганты – Тагилстрой, Вагонстрой и Коксохимкомбинат будут располагаться вне городской черты. Тагил постепенно превратится из пыльного, захудалого поселка заводского типа в новый социалистический город – город света, новых домов, широких улиц и зеленых насаждений. В Новом Тагиле будет создан целый ряд культурно-просветительских учреждений. Жизнь Большого Тагила будет обеспечена всеми культурными и материальными благами» [Тагил социалистический 1931].

Анализируя материалы периодической печати (газеты «Урал-вагонстрой», «За металл», «Уральский рабочий») и дискуссии архитекторов по вопросу советского градостроительства [Меерович, Коньшева, Хмельницкий 2011; Меерович URL; Токарев 2011; Соскин 2004; Общество и власть: 1930-е годы 1998; Социальная мобилизация в сталинском обществе... 2013], мы сформулировали следующие

щее понятие «социалистический город»: *это административно-территориальная и просветительская единица государства, прилегающая к промышленному предприятию, окруженная лесным массивом, связанная между собой транспортной сетью, рассчитанная на определенное количество населения с заданной жилой площадью, с социально-культурными учреждениями, с обобществлением быта и коллективным трудом, обслуживаемая близлежащими подсобными сельскохозяйственными предприятиями.*

Согласно установкам советской власти, в определенной степени опирающимся на идеи, высказанные в ходе архитектурных дискуссий, планировалось переустроить быт населения, отказываясь от политики индивидуальной семейной жизни в пользу совместного общежития. ЦК ВКП (б) 30.05.1930 г. принял постановление «О работе по перестройке быта», в котором указывалось, что финансовые влияния необходимо направить на строительство промышленных объектов, а не на комфортабельное жилье за счет средств государства.

Столкновение концепций, выработанных в ходе архитектурных дискуссий, и идеологизированных, прагматичных установок государства по определению задач строительства социалистического города привело к утверждению концепции промышленно-селитебного образования, центральным ядром которого должно стать градообразующее предприятие.

В 1927 г. Уралпланом был разработан «Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы развития первого пятилетия» [3]. Это был первый в СССР долгосрочный план развития отдельного экономического района. Одновременно разрабатывались планы строительства социалистических городов при промышленных предприятиях: Уралвагонстрой в Нижнем Тагиле, Уралмаш в Свердловске, тракторный завод в Челябинске, Магнитострой в Магнитогорске, Локомотивстрой в Орске и др.

В августе 1930 г. и в апреле 1931 г. на Урал выезжали комиссии в составе представителей «Наркомтяжпрома», «Парвагдиза» и «Гипромаша» для окончательного определения выбора площадки завода. Было принято решение о строительстве Уральского вагоностроительного завода в городе Нижний Тагил. В «Объяснительной записке к проекту социалистического города Тагила» дано обоснование всех преимуществ тагильского варианта. Удовлетворительным признан проект строительства жилого района для населения. Первоначально хотели застроить восточную часть города – район

Гальянка, но рабочим на дорогу до завода потребовалось бы тратить 1,5–2 часа. Поэтому 7.08.1931 г. Горсовет принял решение строить новый Кушвинский район вблизи промышленной площадки. Президиум ВСНХ от 15.07.1931 г. принял решение о строительстве завода и включил УВЗ в список ударных строек СССР [Постановление Президиума ВСНХ СССР о включении в перечень ударных строителств заводов Парвагдиза // Из фонда Выставочного комплекса ОАО «НПК «Уралвагонзавод»].

Одновременно было принято решение о строительстве нового соцгорода в Нижнем Тагиле. При составлении плана жилищного строительства учитывалось только количество постоянного населения, с нормативом жилой площади 4 м² на человека, а временное население (строительные рабочие и их семьи) планировалось обеспечить временным жилищем на новостройках [НТГИА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 170. Л. 113].

Предполагалось, что при постройке нового города в течение 4–5 лет нужно будет ежегодно сносить 25% зданий старого города. Это привело к заключению о чрезвычайном обострении жилищного кризиса. От разломки старого города нельзя получить годный строительный материал, так как новый город мыслится построить по определенному стандарту, когда все части зданий изготавливаются на специальных фабриках. При постройке города на старом месте нельзя говорить о социалистическом городе, так как холмистая местность не даст возможности этот город полностью механизировать; город, расположенный на старой территории, окружен со всех сторон рудниками, заводами и подъездными путями. При расширении эти предприятия окажутся в середине города и будут загрязнять воздух [НТГИА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 111].

Осенью 1930 г. сформировали специальную комиссию при Президиуме Нижнетагильского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов [НТГИА Ф. 700. Оп. 1. Д. 32]. Документы архива позволяют проследить напряженную организационную работу комиссии по разработке варианта строительства соцгорода. Предлагалось развернуть строительство в общей черте города на площади Корабельного мыса с планируемым населением в 250 000 чел. Здесь уже имелись естественные насаждения (внутреннее кольцо), «зеленая площадь составляла 656 га. После очистки территории под застройку и прокладку улиц до 25% зеленого массива может быть использовано в парках, где желательно разнообра-

зие, внешнее же кольцо города образует сад (75 га природной парковой зоны)» [НТГИА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 113, 114].

Комиссия разработала инструкцию по строительству промышленных предприятий и жилого массива, поставившую задачу «не допустить, чтобы старый город, вбирающий в себя все население, держащийся на индивидуальном старом быту и личной семейной жизни, мелкособственнический город, потребовал массу средств на благоустройство, либо превратился в пустое место» [НТГИА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 113, 114]. Рекомендовалось существующий старый металлургический завод превратить в музей. В отношении новой жилой застройки определялось, что в будущем городе население нужно разместить как можно ближе к месту работ.

По новой планировке полагали выстроить город по следующему плану: «вначале застраивается участок на Красном Камне, после чего можно приступить к Центральной части, при строительстве домов-коммун, старые постройки будут сноситься целыми улицами» [НТГИА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 211, 211об.].

Поселок для рабочих и служащих должен был строиться вокруг завода. Территория, занимаемая под промышленное предприятие с поселком, планировщиками рассматривалась как соединение четырех частей целого комплекса. В нее входили:

- земля, занимаемая под производственные сооружения;
- земля, занимаемая под жилые и культурно-социальные строения. Селитебная часть территории города должна была быть застроена группами крупных домов, объединенных в административно-хозяйственные единицы – бытовые коммуны. Каждый взрослый должен иметь отдельную небольшую жилую комнату. Все дома должны быть снабжены центральным водоснабжением и электроэнергией. Жилые дома и помещения культурно-социального назначения должны быть размещены по территории поселка недалеко от промышленных предприятий и зданий общественного пользования. Инструкция предписывала: между каждой парой домов-коммун рассчитывать участок под большую площадь для размещения школь-десятилеток и детских площадок, доступную для света, воздуха и проезда автомашин;
- земля, занимаемая под зеленые насаждения. Жилые дома не должны быть скучены и тесно нагромождены. Каждая отдельная группа домов (бытовая коммуна) должна быть отделена друг от друга полосой зеленых насаждений. Планировалось, что город бу-

дет насыщен чистым и здоровым воздухом. Зеленые насаждения должны составить 35% селитебной площади, третью часть зеленой зоны должны составить сады и парки;

– земля, занимаемая под пути сообщения. Дороги разделены на две категории: магистрали с большим пассажирско-грузовым движением и для пешеходов. И те и другие должны быть окаймлены зелеными насаждениями, по всем улицам предусмотрено устройство велосипедных и мотоциклетных дорожек [НТГИА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 70].

На техническом совещании, проходившем 30.10.1930 г., обсуждался вопрос о выборе места и согласовании расположения коксохимического комбината и металлургического завода на общей площадке. В свое время эта строительная площадка, находящаяся вблизи города Нижний Тагил в районе между железной дорогой, рекой Вязовкой и притоком реки Кушва, была намечена Уралгипромезом для строительства нового Тагильского завода и представлена на утверждение председателя Гипромеза. Совещание признало площадку пригодной для размещения металлургического завода и коксохимического комбината [НТГИА. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 1. Л. 1].

Доклад о выборе площадки под строительство металлургического и коксохимического комбинатов от 22.11.1930 г. заслушали в Президиуме Тагильского городского совета. Совещание одобрило выбор площадки; отметило, что существующая роза ветров и проектируемое расположение вредных химических производств гарантирует город от воздействия химических газов. Отвод стоков отработанных вод в речку Сухую Ольховку изолирует влияние вредных источников на питьевые водные бассейны города. Расстояние между существующим городом и проектируемой площадкой комбината удовлетворяет требованиям закона о расположении промышленных предприятий вдали от населенных пунктов и может быть превращено в зону зеленых насаждений. Решение жилищного вопроса в связи со строительством коксохимического комбината и металлургического завода должно быть достигнуто за счет переустройства и расширения существующего города. Рекомендовалось отвести участки для строительства временных бараков рабочих коксохимического комбината на территории между кирпичным заводом и домом отдыха [НТГИА. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 4].

В июле 1931 г. «Гипромез» утвердил проект строительства НТМЗ. Ему предстояло стать вторым предприятием по объему про-

изводства черной металлургии в СССР после Магнитки и в два раза мощнее Кузнецкого металлургического комбината [Ново-Тагильский металлургический завод (часть 1) URL]. Пуск первой очереди завода был намечен на середину 1934 г. Промышленное строительство потребовало коренной перепланировки города, расширения городской черты, ряда специальных съемок и составления нового проекта города [НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 190. Л. 77].

Разработка второго проекта строительства социалистического индустриального города строилась на директиве: строительство нового завода не должно привести к закрытию существующего металлургического завода, что экономически нецелесообразно [НТГИА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 111].

Планы промышленного развития означали полную реконструкцию рудников, строительство невиданных ранее по мощности заводов, а вместе с ними новых городских районов, строительство города, который во много раз превышал старый Нижний Тагил.

В первую очередь строительство предполагалось осуществлять, согласно распоряжению СНК РСФСР, при НТМЗ и УВЗ – возвести образцовые соцгородки для рабочих и служащих на территориях Красного Камня и района УВС. Плановый показатель строительства города с населением в 250 000 чел. во втором варианте был сохранен. Генеральный план застройки Нижнего Тагила утвердили в 1931 г.

В окончательном варианте принят план строительства УВЗ на новом месте, первое время строительство намечалось проводить отдельно на двух территориях – существующего Тагила и поселка Вагонстроя, с последующим их соединением в единый город [Ново-Тагильский металлургический завод (часть 1) URL]. Кроме градобразующего предприятия принято решение о строительстве соцгорода при УВЗ [Первые пятилетки. 30–40-е годы 1991: 16–17].

В соответствии со вторым пятилетним планом Нижний Тагил должен был превратиться в мощный производственно-культурный центр страны [НТГИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 55. Л. 1, 2].

В Генеральном проекте застройки города от 2.02.1936 г. прописывалось: одобрить предложения, представленные СНК РСФСР, НКТП и Госпланом СССР по генеральной схеме строительства города Нижний Тагил с учетом роста населения до 400 000 чел. [НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 190. Л. 75].

В связи со строительством заводов-гигантов и населенных поселков возле них раздвигались границы города. В соответствии с

проектом модернизации «городская черта с исчислением угодий в границах» должна была увеличить территорию города от 3 056 га до 28 320 га [НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 192. Л. 46].

Президиум Уральского областного исполнительного комитета, заслушав доклад комиссии «О развитии города Нижний Тагил, в связи со строительством Коксохимкомбината, Тагилстроя, Вагонстроя и реконструкцией существующих предприятий» (13.10.1931 г.), констатировал совершенно неудовлетворительное состояние проектировочных работ и отсутствие конкретного плана реконструкции существующего города. Президиум постановил: «во-первых, утвердить для размещения городского рабочего поселка Тагилстроя территорию района Красного Камня, а для восточной его части участок, расположенный за линией железной дороги между рекой Тагилем и Вязовкой. Во-вторых, для размещения рабочего поселка Коксохимкомбината отвести территорию существующего города, примыкающую к железной дороге, а также поручить Вагонстрою закончить все исследовательские работы по изысканию территории рабочего поселка, который должен быть расположен южнее или юго-восточнее заводской площадки, после чего произвести отвод места под поселок...» [НТГИА. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 7. Л. 44, 45, 46].

В документах комплексных планов строительства индустриальных центров Урала разработаны нормы коммунального строительства к 1937 г.: на 1 чел. в доме-коммуне должно приходиться 20 м² площади, число населения в коммуне – 900–1 200 чел., число этажей – не выше трех-четырёх. Стены огнестойкие, высотой 2,8 м. Водоснабжение по водопроводу, потребление на одного человека в сутки 150 л. Отопление домов путем использования отходящего тепла промышленных предприятий. При проектировании домов-коммун учитываются санитарно-гигиенические условия. При всех домах рекомендовано устройство кабинок-душей. Это не исключало устройство общественных бань из расчета 18 посещений в год, устройство купален в открытых водоемах и плавательного зимнего бассейна. Стирка белья и периодическая чистка прочей одежды организуется централизованно в бытовых учреждениях [НТГИА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 11. Л. 3, 4].

Вопрос о постройке жилья для строителей НТМЗ обсуждался 9.08.1931 г. в Свердловске на совещании Правления всесоюзного объединения «Востокосталь». Совещание рассмотрело представленный Управлением строительства проект обеспечения рабочих жильем.

Начать застройку участков намечалось в следующей очередности [НТГИА. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 1. Л. 5]: «сначала барачный поселок по левому берегу реки Вязовки на территории строительства; затем поселок для постоянных рабочих из многоквартирных домов на правом берегу реки Вязовки с техническими поселками и одновременно барачный поселок на правом берегу реки Вязовки; следующий поселок у “Красного Камня”, входящий в территорию будущего соцгорода. Одновременно вести постройку Лесного (второго поселка)».

В системе восточного треста Союзстроя 4.12.1931 г. был организован Тагилкомбинатстрой, в состав которого вошел Уралвагонстрой, под общим руководством М. М. Царевского. Новая строительная организация призвана объединить стройки Тагильского района, находящиеся в разных объединениях и организациях, в одно целое на основе единого сводного технологического плана. Объединялись и организации самого строительства, и организации самих работ на строительстве. Дирекция УВЗ перешла в подчинение Тагилкомбинатстроя [Кузьмин А. Н. Историческая справка «Трест 88». Из фонда Выставочного комплекса ОАО «НПК «Уралвагонзавод», ОФ-1080. Л. 20]. В 1932 г. Уралвагонстрой как крупную стройку отделили от Тагилкомбинатстроя в самостоятельное производство.

В «Горстройпроекте» (Москва) в начале 1933 г. обсуждались три варианта реконструкции Нижнего Тагила. Первый вариант планировки совершенно исключал из использования под селитебные цели территории существующего города и намечал расселение населения исключительно на осваиваемых территориях в трех районах: Кушвинском (включая Вагонстрой), по левому берегу Тагильского пруда южнее Гальянки и по левому берегу реки Вяя к северо-западу от Завыйского района существующего города. Этот вариант был отвергнут как дезурбанизационный со следующей аргументацией: он создает раздробление всего населенного пункта на три части и удаляет их друг от друга; отказывается полностью от реконструкции существующего города; ведет к нерациональным схемам водоснабжения; неудовлетворительно привязывает к схеме железнодорожного узла; имеет одно достоинство – удаление жилья от источников вредности.

Второй вариант планировки занимал промежуточное положение, расселяя большую часть населения на территории осваиваемых районов (Кушвинский, Красный Камень и левый берег реки Вяя) и части территории для расселения существующего города (Цен-

тральный и Выйский районы). Проект предполагал перенесение главного городского центра из пределов существующего города в осваиваемый Кушвинский район с удалением на несколько километров как от существующего городского центра, так и от пункта связи с внешним миром – пассажирской станции. Этот вариант сочетал в себе идеи архитекторов-урбанистов и дезурбанистов, утвержден он также не был.

Третий вариант планировки, получивший позднее название «Окончательная схема», предусматривал расселение в количестве от 318 000 до 360 000 чел. в семи селитебных районах: из них четыре расположены на территории существующего города – Завыйский, Выйский, Центральный, Гальянка, и три района осваиваемых – Красный Камень, район им. III Интернационала, Кушвинский, включая Вагонстрой [НТГИА. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 190. Л. 17].

Третий вариант отражал взгляды урбанистов, он давал полное обоснование выбора места строительства социалистического города. Согласно проекту создавался единый компактный город, территориально совпадающий с существующим городом, с освоением ближайших к нему территорий, с максимальной экономией на сооружение и эксплуатацию водопровода, канализации, энергоснабжения, но с увеличением затрат на транспорт для трудового населения Вагонстроя.

Одновременно с утверждением «Окончательного варианта» в марте 1933 г. выходит постановление СНК СССР «Об утверждении схемы планировки г. Нижний Тагил» [НТГИА. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 190. Л. 17], скорректировавшее соотношение задач промышленного и городского строительства. В постановлении дана характеристика состояния города, для которого ставилась задача социалистической реконструкции: городское хозяйство Нижнего Тагила находится на низком уровне развития, количество населения выросло с 1930 г. по 1.01.1933 г. с 50 000 до 124 000 жителей, со строительством новостроек увеличилось до 164 000 чел., при крайне недостаточном росте жилой площади. Предполагалось к 1932 г. общий жилфонд увеличить до 577 000 м², но план выполнен только на 40%. Водопровод, канализация, транспорт в городе отсутствуют. Дорожным благоустройством охвачено только 5% территории. Зеленых насаждений 0,5% от селитебной территории. Имеется одна баня, и нет ни одной прачечной. В правительственном документе отмечались отсутствие проекта планировки Нижнего Тагила в период раз-

мещения основных предприятий тяжелой промышленности; незаконченность до настоящего времени работ по районной планировке. Это создает большие затруднения для рационального экономического и удовлетворительного в санитарном отношении строительства города [НТГИА. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 190. Л. 17].

СНК РСФСР постановил профинансировать коммунальное, жилищное и социально-культурное строительство Н. Тагила в размере 16 539 000 рублей [НТГИА. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 43. Л. 41]. Принятые документы позволяют сделать вывод, что власть предпринимала шаги по улучшению жилищно-коммунального и культурно-бытового строительства, но средств, выделяемых на это, было явно недостаточно.

В постановлении СНК СССР «О проектировании и строительстве города Нижнего Тагила» от 13.05.1933 г. предполагалось закончить районирование города, воспретить отвод участков без предварительного согласования, обеспечить финансированием проектные работы. СНК постановил утвердить схему планировки города [НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 190. Л. 76].

С началом первой пятилетки советское правительство взяло на себя руководство проектированием и строительством домов для рабочих. Задача решалась путем массового производства домов при жестком ограничении их типологического разнообразия. Группа архитектора М. Я. Гинзбурга разработала пять типов жилых секций в нескольких вариантах для изготовления заводским способом и быстрой сборки в различных частях СССР. Жилая секция представляла собой маленькую индивидуальную квартиру, в состав которой входили одна или две спальни, гостиная с встроенной нишей для кухни, ванная комната с туалетом [Близнакова 2001: 65].

Предполагалась следующая типология строительства жилых зданий: «от 2 до 5% – жилище повышенной комфортности (для семей партийно-административного руководства); от 15 до 20% – предельно упрощенное жилище: общежития, казармы, бараки, дома-коммуны (одинокие и холостые); от 70 до 80% – квартирное заселение (семейные)» [Меерович 2010].

Такая типология жилья прописывалась в программах проектирования соцгородов в предвоенный период. Изменялись отдельные виды строений. В середине 1930-х гг. при перепланировке города требовалось запроектированный ранее тип общежития с коридорной системой заменить квартирным типом с комнатами для одиноких,

общей вместительностью не более 15 чел., избегать устройства ресторанов с кухнями в условиях расположения над ними квартир, совмещать рестораны с другими зданиями общественного питания.

Технический проект Генеральной планировки города Нижний Тагил осуществлялся институтом «Горстройпроект» под руководством главного архитектора А. М. Мостакова и старшего архитектора Н. Н. Смирнова. Генеральная планировка Нижнего Тагила утверждена Управлением главного архитектора НКТП СССР 16.10.1934 г. [Меерович 2010].

Составление Генеральной планировки Нижнего Тагила и отдельных районных планировок проходило в острой дискуссии между урбанистами и дезурбанистами. Двухлетний опыт изучения Тагильского района показал, что лучшим является южное направление от объектов промышленности. Это объясняется северо-восточной ориентацией ветров. Геологические, гидрогеологические и почвенные условия подтверждают преимущества этой территории. Западный район характеризуется тем, что в южной его части имеется торфяное болото в районе Гальянка, а на границе Высокогорского месторождения существует значительное вклинивание рудного тела в сторону селитебной территории. Намечающаяся вследствие этого зона обрушения отрезает от селитебной зоны значительный кусок территории. В Восточном районе вся территория свободна от каких-либо геологических и гидрогеологических дефектов за исключением северо-восточной части, где на значительном протяжении тянется болотистая полоса [Горстройпроект Нижнетагильское отделение. Пояснительная записка к проекту города Нижний Тагил. Кн. IV. Архитектор А. М. Мостаков. Районы административных центров // Из фонда Выставочного комплекса ОАО «НПК Уралвагонзавод». Л. 74].

Быть ли новому городу в восточной части отдельным селитебным районом? Изучение естественных условий и ознакомление с санитарно-гигиеническими факторами, а главное, фиксирование размещения промышленных предприятий продиктовали совершенно определенную структуру городского плана. Учитывались направление ветров, рельеф местности, протяженность промышленных предприятий. Это привело к использованию территории под промышленное строительство на западе и полосы, расположенной между реками Малая и Большая Кушва, на востоке. Другие варианты проектирования города признаны несостоятельными [Горстройпроект Нижнетагильское отделение. Пояснительная за-

писка к проекту города Нижний Тагил. Кн. I V. Архитектор А. М. Мостаков. Районы административных центров // Из фонда Выставочного комплекса ОАО «НПК Уралвагонзавод». Л. 74].

Дезурбанистический проект плана развития Нижнего Тагила противоречил урбанистам: во-первых, объекты промышленности располагались с запада на восток, этому соответствовала система инженерного оборудования. Подчинение восточной части города западной заключалось в том, что на западе находятся источники водоснабжения, места отвода канализационных стоков и источники энергоснабжения. Во-вторых, немаловажным фактором являлось мнение о необходимости возведения единых городов, а не разорванных между собой.

Для Тагила был принят смешанный вариант, сочетающий принципы дезурбанизма и урбанизма. В конечном итоге предлагаемая структура расположения социалистического города в виде концентрированного пятна на западе и линейной застройки на востоке стала обязательной к исполнению. Полученная смешанная форма связана со спецификой города. Особняком располагается небольшое пятно рудника им. III Интернационала, который оторван от основных селитебных территорий. Привязка рудника к железнодорожной ветке основной магистрали, специфичность производства оправдывает развитие уже существующего поселка до своей проектной мощности. Резервы селитебной территории намечены на трех участках – на юге Вагонстроя, на юге западного пятна (район Гальянки) и в соответствующем направлении от поселка им. III Интернационала.

Архитектор А. М. Мостаков отмечал: «Из общей цифры в 450.000 населения, западный район включает 235.000 чел., восточный – 200.000 и северный сателлит – 15.000 чел. Сосредоточение основных инженерных устройств на западе, направление вредных газов с запада на восток подтверждают правильность сосредоточения наибольшей массы именно в западном районе» [Мостаков 1935: 9].

Разрабатывая планировку промышленного города, тагильские зодчие исходили не только из экономических задач, не менее важными считались природно-ландшафтные факторы, которые существенно повлияли на архитектурно-пространственное решение планировки города. Генеральная схема реконструкции Нижнего Тагила создавалась с учетом требования создания компактных городов.

Пятилетний план индустриализации страны определял очередность строительства промышленности в Нижнем Тагиле одновре-

менно на трех участках. Вблизи строящихся заводов-гигантов параллельно возводились социалистические поселки с учетом всех видов обслуживания. Строительство в середине 1930-х гг. имело две схемы расположения районов города. Схема архитектурной застройки «А» зодчего А. М. Мостакова сосредотачивала внимание на западном районе города: Красный Камень, Выя, в поселке рудника им. III Интернационала и в восточном районе города у Вагонстроя. Это определяло структуру основных магистралей города в соответствии с найденной формой: в западном районе – кольцеобразную, в восточном – ленточную. Их объединение должно создать единство зрительного восприятия и пространственную четкость, весьма необходимую для быстрой ориентировки в городе [Мостаков 1935: 9, 11].

Схема архитектурной застройки «Б» утверждает, что протяженность магистралей исходит не из одной функциональной оправданности, а также гармонично связана с ландшафтом. По главной оси перспективы открываются виды на пруд и район Красный Камень, по второстепенной оси перспективы направлены на промышленные предприятия на фоне Уральских гор. Отчетливо выделяются два пятна – западный с высокой этажностью и восточный – у площадки Вагонстроя. Остальные районы, уходящие к окраинам, имеют пониженную застройку до 2–3 этажей. Районы у самого центра имеют особые полосы с наиболее высокой этажностью (8–10 этажей). Предполагалось, что территория города будет динамически нарастать от периферии к центру, являющейся кульминацией всей композиции.

Одновременно с архитектурной застройкой рассчитывалось количество населения социалистического города с предоставлением жилой площади $3,3 \text{ м}^2$ на каждого жителя: соответственно на западе будет проживать 60 000 чел., а на востоке – 79 000 чел. Для этого потребовалось построить: в районе Красного Камня – 4 квартала, в Выйском районе – 4 квартала, на Вагонстрое – 10 кварталов и в поселке III Интернационала – 2 квартала. Территорию планировалось застраивать с западной и восточной части города навстречу друг другу. Предполагалось, что участки соцгорода соединятся через 15–20 лет. Генеральный план выдвигал санитарно-гигиенические требования как одно из условий соединения.

Согласно предложению Наркомхоза намечалось развитие центра города в том месте, где он сейчас находится, несмотря на отрыв территории от Кушвинского района. Данный вариант предусматри-

вал объединение группы районов: Красный Камень, Центральный район, Выя, Завья. Здесь будет находиться общественная сеть зданий: Дом Красной Армии, почтово-телеграфное отделение, отделение милиции, Дом Советов, Дом контор и трестов, Дом печати, Дом ОГПУ и другие учреждения [Горстройпроект Нижнетагильское отделение. Пояснительная записка к проекту города Нижний Тагил. Кн. IV. Архитектор А. М. Мостаков. Районы административных центров // Из фонда Выставочного комплекса ОАО «НПК Уралвагонзавод». Л. 74].

Важным вопросом в планировании Нижнего Тагила явилось районирование отдельных частей города. Архитекторы «Горстройпроекта» были убеждены в том, что нет никаких нормативных показателей административного деления города. Они руководствовались типичными для Нижнего Тагила факторами: во-первых, разорванность западного пятна природными барьерами в виде прудов и рек. Протяженность восточного пятна привела к созданию трех административных районов в западной части города, одного района в восточной части и Северного поселка в северной части города. Исходя из этих обстоятельств, проектировалось четыре парка: первый – в центре города, связанный с Нижнетагильским прудом. Из районных парков один располагался на Вагонстрое, второй парк находился на стыке районов Красный Камень, Выя и Центральный, расположен на реке Тагил. Третий парк – в поселке им. III Интернационала. В центральном районе и в районе Вагонстроя предполагалось строительство вузовских городков и учреждений здравоохранения. При расположении отдельных объектов учитывалась возможность их группировки по схожему признаку: формирование на одном участке учреждений социально-бытового обслуживания, а иногда к ним примыкает пожарная часть. Такая группа составляет коммунальный центр. Культурные центры состоят из районного клуба с физкультурными учреждениями, техникумами, школами и универмагом [Горстройпроект Нижнетагильское отделение. Пояснительная записка к проекту города Нижний Тагил. Кн. IV. Архитектор А. М. Мостаков. Районы административных центров // Из фонда Выставочного комплекса ОАО «НПК Уралвагонзавод». Л. 73].

Культурное обеспечение населения города должно было осуществляться как в центре, так и в районах. Согласно инструкции «Горстройпроекта», общегородские культурные учреждения, а также диспансеры и бани располагались в центре и рассчитывались на

обслуживание от 35 000 до 45 000 населения. Дворец культуры на 1 000 чел. и кружковая зона в нем с тремя детскими секторами на 1 200 чел. размещались в общественной полосе, но не на площади, а в конце улицы Высоковской (современное название – ул. Первомайская) [Горстройпроект Нижнетагильское отделение. Пояснительная записка к проекту города Нижний Тагил. Кн. IV. Архитектор А. М. Мостаков. Районы административных центров // Из фонда Выставочного комплекса ОАО «НПК Уралвагонзавод». Л. 76].

Районные клубы в планах увязывались с площадями. В Кушвинском районе запроектировано строительство четырех клубов, рассчитанных на 750 чел. каждый; на Красном Камне – клуб на 350 чел., его вынесли на периферию участка ввиду загрязненности места, к реке Тагил и стадиону. Клуб в Завыйском районе, рассчитанный на 500 чел., разместили в одном из первых кварталов, приближенных к пруду и центру этого района. Общее число клубов составляло, согласно проекту, по Кушвинскому району – 4, по Западному району – 6, по району им. III Интернационала – 1. Планировалось строительство двух театров: в Центре города и при районе Вагонстроя. Одновременно проектируются здание цирка, здание кинотеатра, метеорологическая станция, экскурсионная база, техникумы, НИИ [Горстройпроект Нижнетагильское отделение. Пояснительная записка к проекту города Нижний Тагил. Кн. IV. Архитектор А. М. Мостаков. Районы административных центров // Из фонда Выставочного комплекса ОАО «НПК Уралвагонзавод». Л. 76–78].

Генеральная планировка Нижнего Тагила впервые сформирована в полном объеме непосредственно на площадке строительства комплексной бригадой «Горстройпроекта» в тесной увязке с городской общественностью. Проект был поддержан рабочими организациями, во всех районах в клубах шло обсуждение планов и сроков строительства. Этот проект начал воплощаться на практике, развернулось строительство как жилых кварталов, так и их технического обеспечения (водопровод, трамвай, дороги) [Нижний Тагил 1975].

Обобщая изложенный материал, можно сделать вывод, что в планировании и реальном строительстве соцгорода проявились объективные тенденции, связанные со спецификой развития России. Нахождение страны в рядах «второго эшелона» «догоняющей модернизации» заставило политическое руководство решать проблемы незавершенной в дореволюционный период индустриализации. Избранный вариант социалистического эксперимента привел страну к изоля-

ции от иностранных инвестиций, нарушению общих закономерностей индустриального развития. Курс на укрепление обороноспособности страны спровоцировал забвение интересов человека в угоду развитию военно-промышленного комплекса, где составной частью явилось строительство соцгородов и освоение новых территорий.

В 1930-е гг. произошла эволюция понятия «соцгород» из первоначальной идеи комфортной среды проживания человека в идею нового типа социальной политики и управления. Эта идея предполагала концентрацию пролетариата в новых промышленных центрах, «стирание» границ между городом и деревней за счет использования новых сельскохозяйственных земель.

В проектных организациях проведена разработка плана создания социалистического города Нижний Тагил одновременно со строительством градообразующих промышленных предприятий. В соцгороде предполагалась организация столовых, фабрик-кухонь, бань, механизированных прачечных, клубов, кинотеатров, парка отдыха и т. д. Градостроительные планы должны были обеспечить равные благоприятные условия всем жителям.

Одна из особенностей строительства соцгорода заключалась в использовании собственных инженерно-технических кадров без привлечения иностранных специалистов и с применением своей техники. В проекте нового Тагила отразился принцип градостроительного подхода – формирование вокруг городского центра промышленно-селитебных образований «соцгородков». Предполагалось, что в первую очередь строительство будет осуществлено на территории поселка Вагонстроя (УВЗ) и на Красном Камне (НТМЗ), где планировалось создать образцовые «соцгородки» для рабочих и служащих.

Реализация проекта строительства социалистического города Нижний Тагил связана с работой «творческих группировок» советского архитектурного авангарда. В начале 1928 г. было организовано Уральское отделение Всероссийского объединения современных архитекторов (УралОСА). Между центральным правлением ОСА (А. А. Веснин, М. Я. Гинзбург, И. И. Леонидов и др.) и архитекторами УралОСА установились тесные творческие и организационные контакты. В проектировании застройки отдельных районов Нижнего Тагила принимали участие и члены Центрального правления ОСА: М. Я. Гинзбург (район Красный Камень), И. И. Леонидов (район Ключи), А. М. Мостаков (проект соцгорода Вагонстроя) и др. Вместе с М. Я. Гинзбургом и его командой в Нижний Тагил пришел кон-

структивизм с его очень актуальной и своевременной формулой – рациональное, доступное, функциональное, удобное жилье.

Стилистика и проектный подход конструктивистов проявились и в архитектуре Нижнего Тагила, где как в промышленной, так и в гражданской архитектуре нашли свое воплощение мотивы конструктивистского формообразования.

Негативное отношение к исторической среде, характерное для проектной идеологии 1920–1930-х гг., проявило себя и в генплане Тагила, разработанном в 1934 г. в мастерской архитектора А. М. Мостакова («Горстройпроект»). Проект предлагал полностью снести и перестроить исторически сложившуюся часть города. В результате его реализации, в конце концов, был снесен целый квартал между улицами Красноармейской (бывшая Арзамасская и Новый тракт), Первомайской (бывшая Высоковская), Уральской (сейчас Горошниковая) и берега пруда, где располагалась индивидуальная застройка усадебного типа. Мероприятия по уничтожению частной застройки вскоре были заморожены, так как дефицит жилья вынудил приостановить снос старого деревянного жилья [РГАЭ. Ф. 8122. Оп. 1. Д. 111. С. 42–44].

В конце 1920-х гг. М. Я. Гинзбург выехал на Урал, ему предстояло работать в трех городах Среднего Урала: Нижнем Тагиле, Свердловске и Каменске-Уральском. На Урале силами местных архитекторов уже разрабатывались проекты застроек городских районов [РГАЭ. Ф. 8122. Оп. 1. Д. 111. С. 44].

В Нижнем Тагиле началось проектирование отдельных районов. Архитекторов и проектировщиков было недостаточно для грандиозного по масштабам строительства, поэтому А. М. Мостаков просил перебросить из Москвы и Ленинграда группу специалистов-проектировщиков в количестве 50–60 чел.; мобилизовать 2–3 проектировщика из «Гипрогора» сроком на 2–3 месяца. Он обратился в Союз советских архитекторов с просьбой принять шефство над Тагилом путем прикрепления бригады высококвалифицированных мастеров-архитекторов [НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 235. Л. 363, 363об.].

В районе Выя планировалось строительство четырех-, пяти- и шестиэтажных жилых домов, детских учреждений, пунктов питания и снабжения, учреждений коммунального обслуживания. Фактором, оказавшим влияние на архитектурное оформление квартала, стало расположение квартала у улицы Первой Вогульской и реки Тагил, с мостом и трамвайной общегородской линией Красного Камня в

Выйском районе и районе Лебяжинского рудника, расположенного с северной стороны [Горстройпроект Нижнетагильское отделение. Пояснительная записка к проекту города Нижний Тагил. Кн. IV. Архитектор А. М. Мостаков. Районы административных центров // Из фонда Выставочного комплекса ОАО «НПК Уралвагонзавод». Л. 68].

Согласно Генеральному плану в первую очередь проектировалось строительство жилых домов, яслей, столовой, школы. Во вторую очередь осуществлялось строительство жилых домов вдоль берега реки Тагил. Квартал застраивался только с южной стороны, примыкающей к жилому массиву, по остальным сторонам его ограничивают пищекомбинат, река Тагил и не подлежащая застройке северная сторона. Каждый жилой комплекс является самостоятельной бытовой и хозяйственной единицей. Район предполагалось заселить ИТР и рабочими Лебяжинского рудника [Пояснительная записка к проекту города Нижний Тагил. Кн. IV. Архитектор А. М. Мостаков. Районы административных центров // Из фонда Выставочного комплекса ОАО «НПК Уралвагонзавод». Л. 70–71].

В начале строительства НТМЗ вблизи от промышленной площадки формируются два рабочих поселка: один для строителей, а другой для технических специалистов. В феврале 1931 г. строительная организация «Уралстройиндустрия» приступила к возведению барачных для строителей будущего завода. Название поселок получил по строительной организации, которая занималась возведением НТМЗ – треста «Тагилстрой» [Пояснительная записка к проекту города Нижний Тагил. Кн. IV. Архитектор А. М. Мостаков. Районы административных центров // Из фонда Выставочного комплекса ОАО «НПК Уралвагонзавод». Л. 70–71].

Финансовые вложения в 1935 г. были направлены в два независимых потока: на строительство заводов-гигантов и их соцгородков. Через год утверждена первая схема развития жилищного строительства в Тагиле, предусматривавшая плановую застройку жилых районов с численностью населения в 450 000 чел. и строительство соцгородков. Проект строительства НТМЗ одновременно включал в себя и соцгород для металлургов. В пояснительной записке к проекту прописывалось его возведение на определенном расстоянии от завода для «полноценного отдыха трудящихся, не испытывающих социальных и коммунальных неудобств» [Из истории жилищного и гражданского строительства в Нижнем Тагиле (часть 2) URL].

Постепенно в Тагиле развивалось строительство крупнейших заводов союзного значения, в 1935 г. центральной стройкой являлось возведение Вагонного комбината, куда правительство направило значительные финансовые средства. Строительные работы в районе проходили на промышленных, жилищно-коммунальных и социально-бытовых объектах. Инвестиции в строительство района на 1935 г. «выражались в сумме 231.831.900 рублей. Средства израсходованы: а) на промышленное строительство 206.136.900 рублей, что составило 88,9% от плана, б) на жилищно-коммунальное и социально-культурное – 25.695.300 тысяч рублей или 11,1% плана» [Отчет Нижне-Тагильского Городского Совета РК и КД о работе за 1935 год. С. 28]. Согласно генеральной смете, пересчитанной в 1938 г., «общая сумма капиталовложений исчислялась в 950.171.500 рублей, на соцгород отводилось около 150.000.000 рублей или 15,8% от общей суммы, как следствие – мизерное финансирование» [НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 156. Л. 16–17].

Площадку под строительство социалистического города металлургов выбрали в районе Красного Камня. В южной части этого района уже располагался деревянный жилой фонд поселка Красная слободка, состоящий из 63 небольших домов. Имеющийся жилой фонд был сильно изношен – от 35% до 75% [НТГИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 145. Л. 7об.]. Разработка проекта в середине 1930-х гг. осуществлялась архитекторами планировочной мастерской «Наркомтяжстроя» под руководством М. Я. Гинзбурга [Из истории жилищного и гражданского строительства в Нижнем Тагиле (часть 2) URL].

Согласно плану, район имел три главных выхода из других частей города. Расположение этих улиц сохранилось до настоящего времени: по улице Раздельная (современное название – ул. Победы), по Первой, Второй и Третьей Свердловским улицам (бывшие 1, 2 и 3 Введенские улицы, современное название – ул. Пархоменко) и улице МОПРа (ранее Этапная, современное название – проспект Мира). Все они выходили на большую площадь Красного Камня с памятником героям Гражданской войны в центре. Входы в район оформлялись монументальными скульптурными формами, тематически и стилистически связанными с центральным памятником на площади [НТГИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 93. Л. 6 об.; Из истории жилищного и гражданского строительства в Нижнем Тагиле (часть 2) URL].

В эскизе района 1934 г. запроектировано всего 83 здания, из них 30 для общественного пользования. Предполагалось на Красном Камне построить жилой район площадью 219 106 м², по 9 м² на 1 чел. Проект предусматривал строительство многоэтажных зданий с размещением в них населения: а) пятиэтажные здания – 29%; б) семиэтажные здания – 36,4%; в) восьмиэтажные здания – 8,61%; г) девятиэтажные здания – 14,3%; д) двенадцатиэтажные дома – 8,2%; е) четырнадцатиэтажные дома – 3,49% [НТГИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 93. Л. 16, 16 об.]. На одной стороне площади намечалось расположить клуб, магазины, почту, детские учреждения; на другой – шесть домов повышенной этажности. Все жилые помещения ориентированы на юг или юго-восток. В планируемых каменных домах предполагалось следующее соотношение квартир: однокомнатные – 7%, двухкомнатные – 63%, трехкомнатные – 30%. Площадь двухкомнатной квартиры должна была составлять 30 м², трехкомнатной – 47 м², четырехкомнатной – 60 м², с высотой потолков не менее 3 м.

В основу своего проекта мастерская М. Я. Гинзбурга заложила принципы: «экономичность: наибольшая плотность населения при наименьшей сумме капиталовложений, с обеспечением благоприятных санитарно-гигиенических условий и высокого уровня инженерно-технического оснащения района; комфортность жилых дворовых пространств; единство архитектурного ансамбля. В эскизном проекте этот принцип реализовался через оригинальное варьирование этажности построек. Двенадцати-четырнадцатиэтажные “небоскребы” центральной площади сменяются пятью жилыми ансамблями семи/девятиэтажных домов. Вся остальная жилая застройка представлена домами в четыре-пять этажей и учреждениями общественного и социально-культурного назначения в два-три этажа» [НТГИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 145. Л. 7–9].

Особо тщательно в проекте прописана сеть коммунального обслуживания: на первых этажах жилых зданий размещались аптеки, парикмахерские, бытовые и дошкольные учреждения, внутри жилых дворовых территорий спланированы физкультурные площадки. Ближе к потребителю в самостоятельных зданиях располагались школы, поликлиника, пожарное депо, гараж, банно-прачечный комбинат, строительство пяти школ на 880 учащихся. На центральной площади планировали построить районный клуб с залом на 600 зрителей, четыре столовые на обслуживание 250 посетителей. Сеть общественного питания представлена рестораном в центральном пар-

ке и двумя ресторанами в восточной части района, с видом на реку Тагил, пропускной способностью 100 мест каждый. Еще семь столовых по 200 мест размещались в отдельных зданиях. Намечалось на территории (площадью 3,6 га) построить больничные городок – больницу на 1 000 пациентов и родильный дом на 60 рожениц. План предусматривал организацию четырех трамвайных маршрутов, соединяющих Красный Камень с вокзалом, центром города и НТМЗ [НТГИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 145. Л. 16, 17, 20]. *Это позволяет утверждать, что район Красный Камень по проекту являлся примером социалистического города, сочетающего в себе все преимущества того времени с благоустроенной территорией, чистым воздухом и в окружении зелени.*

Параллельно с проектом группы архитекторов-конструктивистов М. Я. Гинзбурга московский архитектурный институт «Горстройпроект» разработал альтернативный проект под названием «план Б» на случай, если проект группы Гинзбурга не будет принят. Оба проекта обсуждались всенародно в Клубе металлургов, рассмотрение проектов шло в партийных, общественных организациях города и области.

Эксперты пришли к заключению о дальнейшей переработке проекта. При планировке жилых корпусов рекомендовано учесть следующее: во-первых, тип общежитий с коридорной системой заменить квартирным типом с комнатами вместимостью не менее 15 чел. Во-вторых, избегать строительства ресторанов над квартирами, а совмещать ресторан вместе с универмагом в одном здании. В-третьих, капитальное строительство должно быть этажным. В-четвертых, в подвальных помещениях проектировать сараи площадью от 4,5 м² до 5 м². В-пятых, при оформлении фасадов избегать монотонности [НТГИА. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 42. Л. 20, 20 об.]. Авторы проекта отказались от традиционных типовых кварталов, предложили единый замкнутый архитектурный ансамбль, еще раз подчеркнув этим характерную черту ОСА – создание своего стиля, использование, но не копирование зарубежного опыта.

Приняли проект социалистического городка Красный Камень, разработанный мастерской под руководством Гинзбурга. Как и ожидали архитекторы, реализация проекта оказалась трудно выполнимой. Все-таки решили не отказываться от него, растянув реализацию строительства на десять лет. При этом начали строить не с центра, а с квартала № 2 (современное название – улица Жуковского), с

выходом на улицу Раздельную (современное название – улица Победы). Были запланированы два первых жилых дома и детский сад.

Летом 1935 г. начались строительные работы на Красном Камне на месте бывшей Рыжковской слободки, небольшого района на правом берегу реки Вязовка. Здесь заложен новый район – соцгородок. За пять лет строительства удалось реализовать только часть проекта: в это время возведены два пятиэтажных жилых здания по улице Жуковского под номерами 8 и 20, детский сад, гараж, пожарное депо [Из истории жилищного и гражданского строительства в Нижнем Тагиле (часть 1) URL].

Два пятиэтажных жилых дома построены под руководством архитектора М. Я. Гинзбурга в стиле конструктивизма и вошли в историю Тагила как «гинзбургские дома». Сегодня эти дома имеют статус памятников архитектуры федерального значения.

Одновременно с районным планированием соцгородка на Красном Камне архитекторы разрабатывали проекты соцгорода Вагоностроителей [НТГИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 154. Л. 18]. Застройка соцгорода при Уралвагонзаводе была начата в 1932 г. одновременно со строительством завода. Шло строительство соцгородка из домов барачного типа, которые являлись временным жильем, включающим в себя бани, больницы, школы, клубы, магазины, столовые, детские сады и другие учреждения.

В первый период строительства социалистического города для расселения рабочих построено и сдано в эксплуатацию 109 757 м² жилой площади в постройках временного типа, состоящей из барачных, фанерной, разнокаркасной и щитовой конструкции. Барачные поселки с временным дощатым жильем были плохо приспособлены для жизни в бытовом отношении: не было канализации, благоустроенных дорог и тротуаров. Барак представлял собой одноэтажную постройку с печным отоплением. Для одиноких рабочих бараки строили на четыре отделения, в каждом по 25–26 чел.; для семейных – с однокомнатным делением и общим коридором посередине помещения.

В качестве образца соцгорода УВЗ рассматривались проекты архитектора «Горстройпроекта» И. О. Гохблита, одного из авторов генерального плана «Большого Красноярска» (1934 г.), и архитектора Г. Г. Коротыша, автора плана «Соцгорода Краматорска» (1930 г.) [Позднякова 2010].

Основным градообразующим фактором являлась промышленность, вокруг которой формировались селитебные территории в со-

ответствии с системой микрорайонирования: определялись расстояния от подъезда жилого дома до детского сада (150–200 м), школы (200–300 м), местного торгового центра, учреждений бытового обслуживания, поликлиники (500 м). В границах каждого микрорайона в радиусе пешеходной доступности должны были располагаться детские сады, школа со спортивными площадками, комбинаты бытового обслуживания, продовольственные и промтоварные магазины, сад. Торговые магазины с первых этажей жилых зданий перемещались в отдельные самостоятельные комбинаты бытового обслуживания.

Для строительства соцгорода Вагоностроителей выбрали план И. О. Гохблита. Согласно плану «Горстройпроекта» в первую очередь предполагалось строительство Кушвинского района, примыкающего к Вагоностроительному заводу. Между Кушвинским и Центральными районами образуется разрыв, который в дальнейшем предполагалось развивать и связать городок Вагоностроителей с Нижним Тагилом.

Проект сохранял общую идею композиции Кушвинского района: магистраль, идущая от главных ворот завода вглубь района на восток от Заводской улицы (современное название – Восточное шоссе) к проспекту Сталина (современное название – проспект Вагоностроителей) и улице Свердлова (название улицы сохранилось). Центральными магистралями района стали проспект Сталина, состоящий из системы площадей и узлов, и улица Советская (современное название проспект Дзержинского). От главной проходной до улицы Орджоникидзе (название улицы сохранилось) и улицы Советской тянется бульварная зеленая полоса. Проспект Сталина к северу выходит на дорогу в поселок Салка. На базе двух основных осей развит центр и несколько площадей: на одном конце находится площадь культурного значения, здесь запроектированы – Дом культуры, техникум и другие объекты. На другом конце при пересечении улицы Советской с проспектом Сталина – основная площадь, Дом Советов, универмаг, театр. Между двумя площадями расположен бульвар. Площадь у завода по величине больше районной, где доминируют заводское управление, столовые и другие административные учреждения. Значимость площади диктуется и тем, что она является сосредоточием направления в Нижний Тагил, в поселок Салка, в будущий центр восточного крыла города, к водохранилищу. Рынок остается в квартале № 4 на старом месте [НТГИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 154. Л. 18].

На это кольцо нанизывались жилые кварталы зданий, обустроенные четырехэтажными каменными домами первой очереди. Квартал Б отводился под строительство коммунальных зданий; квартал А – под складское хозяйство. Кварталы В, Г и Г-2 планировались под строительство двухэтажных деревянных и каменных жилых зданий. Треугольное пространство, заключенное между заводом и всей линией жилых кварталов с севера на юг, отводилось под зеленые насаждения [НТГИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 154. Л. 17].

В экспертном заключении по районному проекту планировки соцгорода отмечались плюсы и минусы технических проектов планировки соцгорода Вагностроителей, составленных «Горстройпроектом» [НТГИА Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 272. Л. 31–34]. Консультанты отметили наряду с положительными чертами недостатки проекта: «наряду с правильным подходом к разрешению застройки жилого квартала проектировщики злоупотребляют одновременным применением многих приемов архитектурной выразительности. Это вызвано тем, что нет общего решения района и улицы, проектировщики не решают архитектуру зелени и не увязывают ее органически с архитектурой зданий. Намеченная планировка для административно-общественных зданий территории и площади не соответствует масштабам самих зданий. Трактовка его не должна носить чрезвычайно парадного, официального и торжественного характера, присущего краевым и областным центрам. Тагил имеет значение только районного центра, отсюда административно-общественный центр не должен занимать большой территории» [НТГИА Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 272. Л. 31–34].

Был дан ряд рекомендаций архитектурного оформления улиц и кварталов Тагила с учетом географического положения города: «В условиях Тагила нельзя поднимать высоко отдельные здания, учитывая расположение города на возвышенностях. Восприятие города определяется еще его силуэтом. Было бы ошибочно стремиться к нивелированию и обезличиванию естественных данных; зелень может служить определением района города и способствовать лучшей ориентации, если применять для районов города разные породы деревьев. Тагил имеет разнообразный, живописный рельеф, который дает в руки проектировщика богатый материал. Правильно вести работу планировки по этапам, необходимо параллельное проектирование конкретных объектов» [НТГИА Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 272. Л. 31–34]. Критические замечания были высказаны и в отношении планировки хозяйственного обслуживания кварталов.

Была проведена большая работа и завершен районный проект планировки соцгородка при промышленном предприятии УВЗ. Застройку первоочередных районов соцгорода Вагоностроителей рассчитывали на 57 000 жителей, пять жилых кварталов площадью 236 га и пять общественных кварталов площадью 38 га, зонирование по принципу этажности определялось желанием отказаться от временных поселков для рабочих. Несколько кварталов отведено для двухэтажного облегченного строительства. Ряд восточных кварталов застраивались трехэтажными зданиями из-за наличия в этих районах болотистых поверхностей, что не позволяло на этом месте вести застройку высокоэтажными зданиями. Высказанные мнения экспертов предоставили возможность выявить выбор восточного участка Вагонстроя для первоочередного строительства, который обусловлен близостью застраиваемых кварталов к предприятиям первоочередного строительства, наличием в этом районе временных поселков, необходимых для расселения трудовых ресурсов [НТГИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 86. Л. 2; Мостаков 1935: 14].

Особое внимание специалисты группы УралОСА уделили разработке проекта застройки рабочего поселка Вагонстроя. В 1931 г. на строительстве нового завода работали более 7 000 чел., количество работников постоянно увеличивалось и к 1.06.1933 г. трудовые массы составляли уже 9 600 чел. Все они были расселены во временном жилье барачного типа, а небольшое количество населения проживало в брусковых домах [Из истории жилищного и гражданского строительства в Нижнем Тагиле (часть 2) URL].

В марте 1934 г. состоялось совместное заседание партийной организации Вагонстроя и Исполкома города, на котором присутствовали заместитель Наркома тяжелой промышленности СССР П. И. Баранов и заместитель председателя Госплана В. И. Межлаук. Архитектор М. Я. Гинзбург представил свой проект застройки заводского поселка, который в дальнейшем должен вырасти в самостоятельный город. Проект снабжен подробной пояснительной запиской [Из истории жилищного и гражданского строительства в Нижнем Тагиле (часть 2) URL]: а) промышленная зона вагоностроительного завода отделялась лесопарковым массивом, играющим роль фильтра, от жилой зоны; б) специалистов новостройки необходимо расселить в одном доме, его лучше построить как можно ближе к предприятию, чтобы в случае необходимости они смогли в кратчайший срок прийти на производство; в) необходимо построить

жилые дома для рабочих завода преимущественно малой и средней этажности, с квартирами на две, три и четыре комнаты общей площадью 52 м², 68,5 м² и 75 м² соответственно; г) для населения одновременно необходимо возвести здания под учреждения соцкультбыта: два клуба с возможностью демонстрации кинофильмов, баня, библиотека, стадион. Кроме этого, возвести две школы, два дошкольных детских учреждения, школу рабочей молодежи; д) осуществить озеленение поселка.

Архитектор М. Я. Гинзбург предложил местным зодчим провести необходимую доработку зданий проекта, проект был в целом одобрен, его реализацию наметили проводить поэтапно.

Уже весной 1934 г. в поселке Вагоностроителей развернулась масштабная стройка соцгородка. Реализация проекта началась с улицы Ленина (современное название – улица Ильича), на которой появились: школа № 9 и школа № 70 (раньше здание школы № 55), дом для инженерно-технических специалистов и четыре жилых трехэтажных дома для передовиков производства и др. Наиболее интересным зданием застройки 1930-х гг. является «Дом инженерно-технических работников», позже прозванный в народе «Домом дирекции». Большое Т-образное четырехэтажное здание с центральной пятиэтажной частью разработано в конце 1920-х гг. архитекторами «ОСА». Кроме квартир, в доме предусмотрено размещение магазина, прачечной и даже детского дошкольного учреждения [Из истории жилищного и гражданского строительства в Нижнем Тагиле (часть 2) URL].

В соцгородке для проведения культурно-массовых мероприятий построен клуб инженерно-технических работников (современное название – «Молодежный театр» по улице Ильича, 37) по типовому проекту в стиле конструктивизма. В этом же стиле построены здания бани и больницы, а также здание гостиницы «Северный Урал», до сих пор расположенное на центральной улице Нижнего Тагила – проспекте Ленина. Значимость последнего объекта была подчеркнута двумя парадными портиками – со стороны улицы Огаркова и со стороны проспекта Ленина, а по всему фасаду расположились небольшие закрытые балконы [Из истории жилищного и гражданского строительства в Нижнем Тагиле (часть 2) URL; Домрачева, Федяшева 2008].

Постоянный жилой фонд в районе Вагонстроя в первой половине 1930-х гг. состоял из 23 каменных домов, 228 деревянных брусковых 8-квартирных домов, 90 деревянных брусковых

4-квартирных домов, всего в количестве 339 домов с общей кубатурой 125 082 м³, а жилая площадь составила 97 714 м². По проекту расселения в этих домах планировалось разместить 12 122 чел., а фактически проживало 13 116 чел. Временный жилой фонд состоял из 315 домов, включающих в себя следующие типы зданий: каркасно-фибролитовые, рамо-каркасные, каркасно-засыпные коттеджи, бараки каркасно-засыпные, бараки, обшитые фанерой, бараки, обложенные землей, «комиссаровские» бараки щитовой конструкции. При общей площади 112 614 м² жилая площадь составляла 96 269 м², в этих домах предполагалось проживание 11 680 жильцов, а в реальности размещались 21 939 чел. [НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 217. Л. 5].

Проведя сравнительный анализ статистических данных из архивных документов, мы сделали вывод, что временный жилой фонд района Вагоностроителей был перенаселен в два раза и представлял собой на 48% от общего количества домов застройку деревянного барачного типа.

Необходимо более пристально рассмотреть ситуацию, сложившуюся в связи с развитием жилищного фонда во всех районах социалистического города. В градостроительном плане 1931–1932 гг. предполагалось: в районе Тагилстроя возвести 75 000 м², а фактически построено 20 808 м² жилья, что составило 27% от плана. На Вагонстрое намечалось строительство жилья общей площадью 11 800 м², а реализовано лишь 3 699 м², что составило 31% от первоначального плана. В это же время в районе Коксохимкомбината проектировалось 37 881 м² жилой площади, а выполнено 6 440 м², что составило 17% от плана. В районе Высокогорского рудоуправления намечалось строительство жилой площади в объеме 24 331 м², а сдано нового жилья в количестве 9 399 м², что составляет 38% плана. В районе рудника им. III Интернационала устанавливалось возведение нового жилья в количестве 4 636 м², а в реальности построено жилой площади 3 420 м², что составило 73% [НТГИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 55. Л. 90].

Первоначальный план по строительству жилой площади для населения города сильно отставал от реальных темпов строительства. Средний показатель общего объема жилищного строительства по указанным районам в Нижнем Тагиле составил 37,2%. Муниципальное унитарное предприятие «Горкомхоз» отмечало безответственное отношение к выполнению плана по жилищному строительству, приводило данные снижения нормативов постройки жилой площади. На одного человека жилая площадь в 1931 г. состави-

ла 3,3 м², а в 1932 году уже сократилась до 2,1 м² против нормы в 4,6 м² по Уральской области [НТГИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 55. Л. 90]. Архивные документы позволяют проследить динамику снижения темпов строительства жилого фонда в Нижнем Тагиле и в последующие годы [НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 31. Л. 2].

Соцгород Нижний Тагил в 1934 г. на всей территории городских земель размером в 28 000 га располагал жилыми домами в количестве 8 161 строение, из которых принадлежало новостройкам – 162 дома, действующим предприятиям – 29 домов, транспортному отделу – 17 домов, Горсовету – 199 домов, жилищной кооперации – 4 дома, индивидуальным домовладельцам – 7 759 домов. Кроме постоянной жилой площади имелись на новостройках и в городе здания барачного типа – 384 строения. Общая жилая площадь 384 зданий составляет 151 770 м². Общее количество жилой площади города в домах и бараках составляет 443 290 м². При имеющемся населении города 125 000 чел. на 1934 г. средняя жилая норма с учетом барачных составляет 3,54 м², без учета барачных – 2,33 м² на 1 чел. [НТГИА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 170. Л. 112 об.]. Барачное жильё составляло 34,2% от всей жилой площади города.

В первой половине 1930-х гг. отмечается увеличение вводимой в эксплуатацию жилой площади: 1932 г. – 342 000 м², 1933 г. – 443 290 м², 1934 г. – 619 461 м². Вследствие увеличения численности тагильчан жилая площадь на 1 чел. оставалась на одном уровне: 1932 г. – 117 700 чел. – площадь 2,2 м², 1933 г. – 125 000 чел. – 2,3 м², 1934 г. – 208 000 чел. – 2,1 м² [НТГИА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 170. Л. 118]. Во второй половине 1930-х гг. наблюдалась тенденция ухудшения жилищных условий: если в 1936 г. на одного жильца приходилось 4,5 м², то в 1937 г. – 4,1 м², а к концу 1937 г. – 3,9 м² [РГАЭ. Ф. 8122. Оп. 1. Д. 111. Л. 20 об.]. В то же время размер жилплощади все же вырос с 2,1 м² в 1934 г. до 4,5 м² в 1936 г. Во второй половине 1930-х гг. наш город по-прежнему был представлен преимущественно индивидуальной деревянной застройкой.

В отчете Нижнетагильского городского совета за 1936 г. приведена статистика выполнения плана строительства соцгорода. Сообщалось, что в 1935 г. сдано в эксплуатацию 34 000 м² постоянной жилой площади и 47 000 м² временной. Закончены наружные работы по строительству дома учителей и гостиницы. Построены 7 школ (из них 5 в городе) на 2 700 учащихся, 10 детсадов, клуб на Высокогорском железном руднике, поликлиника на Тагилстрое на 1 000 паци-

ентов, заразный барак, открыто 3 детских на Уралвагонстрое. Подготовлена к эксплуатации первая очередь городского водопровода протяженностью 4,8 км и на Уралвагонстрое – 1,6 км. Открыты парки культуры и отдыха на Тагилстрое, Уралвагонстрое и медном руднике им. III Интернационала с общей площадью 2,5 га, площадь зеленых насаждений города увеличена на 12 га [Отчет Нижне-Тагильского Городского Совета РК и КД о работе за 1935 год. Л. 33].

В 1936 г. средний показатель общего объема жилищного строительства по районам в Нижнем Тагиле составил 31,4% от плана. Приходится констатировать, что за период с 1931 по 1936 гг. показатели жилищного строительства в среднем снизились на 5,8%.

В конце второго пятилетнего плана общая селитебная территория центрального района Нижнего Тагила составляла 420 га. По данным Народного хозяйственного учета, на 1.01.1938 г. население центрального района составляло 35 800 чел., район преимущественно оставался застроенным деревянными зданиями дореволюционной постройки. В центральной части города находились кирпичные здания жилого фонда – 15,9%, деревянные строения жилого фонда составляли 75,8%, смешанные здания из кирпича и дерева – 8,3%.

Помимо жилищного фонда в центральном районе располагались учреждения культурно-бытового назначения, фонд которых составил в процентном выражении: кирпичные здания – 80,8%, деревянные здания – 12,8%, смешанные – 6,4%. Архивные документы свидетельствуют, что в общем домовом фонде центрального района кирпичных зданий 42,8% от всего фонда. Эти строения в большинстве заняты под обслуживающие учреждения. Общий домовый фонд в основном представлен старой застройкой, износ которой в среднем составляет 40% [Отчет Нижне-Тагильского Городского Совета РК и КД о работе за 1935 год. Л. 5–5 об.].

В соцгороде при УВЗ в 1938 г. временное жилье в основном располагалось в северной части первого квартала и квартала № 3-а. Кроме соцгорода жилые здания временного типа находились в поселке для спецпереселенцев, в поселке возле ТЭЦ, в поселке Красный бор и в поселке Валегин бор. Квартал № 1 и спецпоселок застроены фанерными бараками, остальные районы – разнокаркасными и щитовыми бараками. Временный жилой фонд ввиду непрочности конструкций зданий требовал больших затрат на поддержание его в надлежащем состоянии. Особое внимание уделялось развитию капитального каменного строительства, срок эксплуатации таких домов

составлял более 50 лет, а деревянных зданий – только 20–25 лет [НТГИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 154. Л. 18].

Жилой фонд Вагонстроя в 1938 г. был представлен деревянными зданиями в количестве 234 объекта с общей кубатурой 507 947 м³, а жилая площадь строений составила 84 028 м². Деревянный жилой фонд представлен следующим типом строений: брусковые 12-квартирные дома, брусковые 8-квартирные дома, коттеджи одноквартирные и двухквартирные, общежитие ИТР. Кроме того, жилой фонд имел в наличии каменные бесцементные дома в количестве 6 строений из 8- и 12-квартирных домов с общей площадью 24 640 м² (жилая площадь – 3 676 м²). Каменные дома представлены в количестве 9 строений с общей площадью 112 080 м², а жилая площадь составила 17 523 м². Они были выполнены в виде: 12-квартирных жилых домов, 30-квартирных, 36-квартирных, 47-квартирных, 48-квартирных и 64-квартирных домов [НТГИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 154. Л. 5, 5 об.].

Перечисленный жилой фонд размещен не только в соцгороде, но также в близлежащих поселках. Постоянный фонд жилой площади имел в наличии дома индивидуальной застройки: по социалистическому городу индивидуальные двухэтажные жилые дома общей площадью 76 216 м², четырех-пятиэтажные индивидуальные дома – 13 881 м²; поселок индивидуального строительства площадью 5 241 м², поселок «Пихтовая гора» – 5 652 м² и поселок ТЭЦ – 1 234 м² [НТГИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 154. Л. 6].

К середине 1930-х гг. параллельно со строительством соцгорода шло возведение промышленных предприятий. Главная цель градостроительного плана заключалась в том, чтобы наряду с возведением промышленных объектов проходило строительство соцгорода. При этом на заводах были сосредоточены основное внимание и объемы финансирования.

Со строительством градообразующих предприятий НТМЗ и УВЗ границы города увеличились, появляются новые селитебные территории, «соцгородки». Необходимо выделить особенности финансирования новостроек. Большая часть финансов Тагилстроя отводилась на строительство культурно-бытовых учреждений, а семьи работников промышленных предприятий и новостроек расселены в уже имеющемся жилым фонде старого города. В районе Вагонстроя основное внимание уделялось строительству завода-гиганта УВЗ, а

оставшаяся сумма капиталовложений отводилась на строительство «соцгородка».

В заключение отметим: в процессе строительства Нижнего Тагила наблюдалась эволюция концепта «соцгород», начиная от дискуссий архитекторов, составления бумажных проектов, градостроительных планов и заканчивая их реальным осуществлением. Выделим ряд изменений: во-первых, во второй половине 1930-х гг. при разработке жилого района на Красном Камне наблюдается переход от концепции «функционального города» к доктрине «города-ансамбля», согласно которой акцент смещается с «потребительского равенства» на идейно-художественные мотивы и ранжированный комфорт.

Выделяются специфические отличительные черты при строительстве «соцгородков» на Красном Камне и в районе Вагонстроя. «Соцгородок» для металлургов НТМЗ размещал сеть коммунального обслуживания на первых этажах жилых зданий. Авторы проекта отказались от традиционных типовых кварталов, предложили единый замкнутый архитектурный ансамбль. Район Выя и «соцгородок» УВЗ, в отличие от района на Красном Камне, были разбиты на кварталы (жилые комплексы). Проект «соцгородка» для вагоностроителей предполагал размещение сети коммунального обслуживания в отдельных зданиях.

Другое отличие заключалось в объеме жилой площади проектируемых квартир. В соцгороде при УВЗ жилая площадь планируемых квартир была больше, чем на Красном Камне: двухкомнатные – 52 м² против 30 м²; трехкомнатные – 68,5 м² против 47 м²; четырехкомнатные – 75 м² против 60 м².

Немало из планируемого удалось воплотить в реальность. В процессе осуществления плана строительства социалистического города Нижний Тагил были реализованы проекты московских архитекторов из «ОСА» (конструктивистов), часть каменных зданий соцгорода сохранилась до настоящего времени. Большая часть строений в стиле конструктивизма размещена в районе Вагоностроителей, так как основная часть финансирования направлялась на строительство УВЗ и рабочего поселка возле него.

Капиталовложения в строительство НТМЗ и возведение жилого района со второй половины 1930-х гг. пошли на спад, что помешало реализовать проект «соцгородка» для металлургов на Красном Камне.

Сравнивая использование капиталовложений в строительство города в течение 1930-х гг., мы пришли к выводу, что с каждым го-

дом объемы строительства новой жилой площади снижались, нереализованное строительство накапливалось на следующий год, что еще более усугубляло проблему жилищного обеспечения тагильчан. Проекты «идеального города» и практика их воплощения в жизнь расходились. Строительство соцгорода лишь сопровождало в сильно усеченном варианте возведение и пуск промышленных объектов, на которые шло основное финансирование, что подтверждает нацеленность государства на развитие военно-промышленного комплекса.

В промышленности наблюдалась та же картина: постоянная корректировка планов, недофинансирование, снижение темпов строительства и запоздание с вводом объектов в строй – все это говорит об общих проблемах социалистического строительства.

К концу 1930-х гг. наблюдается ориентация не на «коммунистическое общежитие», а на коммунальное переуплотненное заселение. Город Нижний Тагил отнюдь не представлял собой примерный образец социалистической архитектуры и социально-экономической обустроенности, вместо этого получилась барачно-социалистическая застройка с недостаточными бытовыми условиями. В 1939 г. окончательно утверждена планировка города: существующий Нижний Тагил и поселок Вагонстрой (современный Дзержинский район), разрыв между районами существует и сегодня.

Актуализированный исторический материал процесса проектирования и строительства соцгорода Нижний Тагил наглядно показал отрицательный вектор развития концепции «социалистического города».

Первоначальная идея «города-сада», «нового города» как места комфортного проживания человека «освобожденного труда» эволюционировала в идею социалистического города как нового типа социальной политики и управления. Социалистический город стал видеться как центр пролетарского ядра населения, элемент государственного управления в структуре централизованной власти. Его организующими центрами стали здания административно-управленческие, силовых ведомств, учреждений культуры и просвещения, градообразующее предприятие.

Содержание проектных разработок генеральных планов и архитектурной среды соцгородов 1920–1930-х гг. выхолащивалось при их реализации и переработке под воздействием распоряжений ведомственного заказчика, изменялось подчас столь кардинальным образом, что утрачивало свой базовый смысл: среда обитания, сформированная на бумаге, в проекте, при практическом воплощении полно-

стью теряла свое качество, превращаясь в казарменно-барачную. Причина в том, что главный заказчик нового строительства индустриальных городов-новостроек – государство, которое было ориентировано на формирование мобилизационной экономики, нацелено на ускоренную индустриализацию страны, а поселения для рабочих – исполнителей данной программы рассматривало лишь как «тару для трудовых ресурсов». Это предопределило качество формирования среды обитания в строящихся новых индустриальных городах, которые служили экономическим интересам действующей власти.

Романтизированная идея города-сада, где население будет удалено от вредного воздействия промышленных предприятий, постепенно эволюционировала: от города-коммуны, жилкоммуны к жилому кварталу, затем к «городу-ансамблю». Соцгород теперь виделся как единое территориальное образование, состоящее из градообразующего предприятия и поселения работающих на нем людей, членов их семей, которые должны быть заняты в общественно-полезном труде – либо работать, либо учиться. Соорганизация людей в «трудо-бытовые коллективы» предполагалась административно и за счет организации жилища, планировки поселений, структуры расселения. Возобладал принцип искусственного прикрепления людей к месту работы (прописка, продкарточки, жилище из госфонда, медобслуживание по месту работы, обучение детей по месту проживания).

Первоначальная идея города-коммуны и трудо-бытовых коллективов модифицировалась. Предполагаемая установка на жилище в доме-коммуне с максимумом пространства для личного культурного досуга, остающегося после общественной жизни, эволюционировала в идею комбинации из: домов-коммун; зданий «покомнатно-посемейного» проживания; коттеджей иностранных специалистов, руководства, передовиков производства; бараков, общежитий. Взята ориентация на индивидуальное жилье, выделяемое государством согласно социальной дифференциации и заслугам перед властью при запрете на частное владение жильем. В конечном итоге в 1937 г. произошел отказ от идеи обобществления быта.

В конце 1930-х гг. город представлял в большинстве своем временный деревянный фонд, состоявший из бараков, деревянного неблагоустроенного самостроя, барачное жилье составляло 34,2% от всей жилой площади города. Осуществление плана строительства замедлялось по причине слабого финансового обеспечения новостроек и его неэффективного использования.

В итоге реальное строительство социалистического города Нижний Тагил не соответствовало первоначальным планам, удалось реализовать лишь малую часть проектируемых зданий. На основе статистических данных выявлена закономерность снижения темпов жилищного строительства: по Уральскому региону соцгород в начале 1930-х гг. занимал второе место [Вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле. (Проект Гипромеза). Ленинград: Изд-е государственного института по проектированию новых металлзаводов. 1927 // Из фонда Выставочного комплекса ОАО «НПК «Уралвагонзавод». С. 27–28], а уже во второй половине 1930-х гг. жилищное строительство Нижнего Тагила опустилось на третье место и составляло 561 304 м² по отношению к Свердловску с площадью 1 703 300 м² и Перми с площадью 609 700 м² [Свердловская область в цифрах... 1936: 200–201]. Тем не менее Нижний Тагил имел позитивные моменты в своем развитии, вместе со строительством градообразующих предприятий возникли новые районы города: Вагоностроителей, рудника им. III Интернационала, новые поселки – ТЭЦ, Красный бор, Валегин бор, Смычка, Красный Камень, Лебяжка. Появляются новые учреждения социально-культурного обеспечения горожан. Произошло преобразование «демидовского» Тагила в новый индустриальный центр.

1.2. Строительство градообразующих предприятий

Строительство Новотагильского металлургического завода

Идея сооружения в Нижнем Тагиле нового мощного металлургического завода была высказана еще летом 1918 года. В проекте Уральского областного правления национализированных заводов Урала – первой попытке решения Урало-Кузнецкой проблемы – предусматривалось сооружение крупного металлургического завода в Высокогорском районе (недалеко от Нижнего Тагила) мощностью 63–64 млн пудов чугуна в год. Одновременно намечалось строительство Северо-Сибирской железной магистрали по маршруту Кузнецкий бассейн – Томск – Нижний Тагил.

12 мая 1927 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О построении новых заводов металлопромышленности», в котором предусматривалось приступить к подготовительным работам

по сооружению металлургического завода в Нижнем Тагиле. VIII Уральская областная партийная конференция в резолюции от 21 ноября 1927 года в числе важнейших задач установила: «Добиваться полного ассигнования средств, необходимых для постройки запроектированных Магнитогорского и Тагильского заводов». На 3-м пленуме Уралобкома ВКП(б) 27 октября 1927 года было решено начать «развертывание рудного дела с таким расчетом, чтобы обеспечить дальнейшее ускорение темпа строительства металлургических заводов, в частности строительства Средне-Уральского металлургического завода (независимо от реконструкции Салдинского, Тагильского и Алапаевского)».

В постановлении ЦК ВКП(б) «О работе Уралмета» от 15 мая 1930 года ставились следующие задачи: 1) «сверх трех уже строящихся металлургических заводов (Магнитогорский, Кузнецкий и Запорожский) следующими новыми заводами в Союзе должны быть уральские заводы: Тагильский с приступом к строительству в 1931/1932 году...»; 2) «форсировать разведку месторождений (Бакал, Тагил – Кушва), которые должны явиться рудной базой для намеченных к сооружению Нижнетагильского и Бакальского заводов».

В конце мая 1930 года Всесоюзное объединение «Сталь» дало предписание Гипромезу начать проектирование Новотагильского металлургического комбината. Проектные работы осуществлялись Уральским и Ленинградским отделениями Гипромеза. XVI съезд ЦК ВКП(б) в своей резолюции от 13 июля 1930 года в числе задач первостепенной важности назвал «своевременный приступ к строительству Нижнетагильского и Бакальского заводов на Урале».

30 июля 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) потребовало от хозяйственных органов обеспечить пуск Нижнетагильского металлургического завода в 1930/31 году. Проектанты еще не успели закончить и утвердить свою разработку, как 1 сентября 1930 года появилось постановление № 385 Совета Народных Комиссаров СССР за подписью Председателя Совнаркома А. И. Рыкова, которое обязывало ВСНХ и Госплан СССР обеспечить начало работ по строительству нового металлургического завода в Нижнем Тагиле в 1930–1931 годах. Только в июле 1931 года, после того как строительные работы по Новотагильскому заводу велись уже полгода, был утвержден проект сооружения предприятия.

В ходе строительства Новотагильского завода проект неоднократно уточнялся и изменялся. По первоначальному варианту Ново-

тагильский завод должен был стать одним из крупнейших в мире, по объему производства в 2 раза мощнее Кузнецкого комбината. Однако в 1933 году после уточнения запасов рудной базы Высокогорского района стало ясно, что этот амбициозный проект нужно изменить. Проектная мощность завода была уменьшена почти вдвое.

Новый пересмотр проекта Новотагильского завода произошел в 1935 году. Очередное посещение города импульсивным Г. К. Оржоникидзе привело к решению Наркомтяжпрома о включении в состав предприятия бандажного и колесопрокатного станков. Для производства этой продукции требовалась особая сталь, что повлекло необходимость строительства специальных агрегатов для ее выпуска и новой коренной ломки проекта.

Поскольку проектанты находились в Свердловске и Ленинграде, многочисленные переделки проекта требовали длительных согласований. Лишь в марте 1938 года на Новотагильском заводе начала действовать проектная бригада Уралгипромеца, что резко улучшило взаимодействие строителей и разработчиков проектной документации.

Состояние строительных работ к концу 1931 года было следующим: сооружение Новотагильского металлургического завода было начато во втором квартале этого года. Велись подготовительные работы по освоению и планировке площадки, жилищному строительству, вспомогательным и подсобным предприятиям. Общая стоимость завода была первоначально запланирована в 475 млн рублей, за 1931 год освоено 15 млн рублей. Были также проведены изыскания по Тагильскому коксохимическому комбинату.

Зацепились, пришли в движение управленческие шестерни хозяйственного механизма. Вслед за постановлением Совнаркома о форсировании развития металлургической отрасли на Урале появился приказ № 11 от 1 ноября 1930 года по Всесоюзному объединению «Востоксталь», подписанный председателем правления И. В. Косиором. В приказе объявлялось об организации в составе объединения управления Тагилстрой для строительства Новотагильского металлургического завода.

Первым управляющим Тагилстроя стал Б. С. Трахер, проработавший в этой должности немногим более года. В январе 1931 года на площадку строительства тагильского металлургического гиганта (так называемую «Федорину гору», господствующую над таежным районом) пришли первые 23 строителя. До нас не дошли документы с их именами и фамилиями, однако известно, что все они – рабочие

старого металлургического завода. В этом заключена некая символика: так любящий старший брат опекает и пестует младшего, помогает ему встать на ноги. В морозной тишине застучали топоры, завизжали пилы. До первых башен доменных печей предстояла трудная дорога длиной без малого в десять лет.

Возведение Новотагильского завода началось с сооружения примитивного жилья и подсобных строительных производств: бетонного завода, лесопилки, щебеночного карьера. Первоначально работы выполнялись генеральными подрядчиками (Стройиндустрией, затем 3-м Госстройтрестом), но ввиду слабой их работы с четвертого квартала строительство перешло на хозяйственный способ и было включено в систему Союзстроя. В декабре 1931 года был создан Тагилкомбинаттяжстрой во главе с М. М. Царевским, которому было поручено возведение Новотагильского металлургического, Нижнетагильского коксохимического и Уральского вагоностроительного заводов.

Нехватка рабочей силы вела к широкому применению на тагильских строительных площадках принудительного труда, техническая отсталость – к господству в строительстве кирки и лопаты, носилок и грабарок. Кирпич для строящихся зданий доставляли не на подъемниках или кранах, а с помощью «козы» на спине. На подготовке котлованов для Новотагильского завода было занято 840 грабарей, 650 лошадей и только один экскаватор. Лишь во второй пятилетке на тагильские стройки стала поступать строительная техника (экскаваторы, трактора и другие механизмы), однако ручной труд продолжал преобладать.

Первые трудовые победы на строительстве будущего НТМК были одержаны только в 1934 году, когда в строй вошел первенец нового предприятия – шамотный цех огнеупорного производства. Только после личного вмешательства наркома тяжелого машиностроения Г. К. Оржоникидзе стройка в начале 1935 года получила мощное подкрепление деньгами, материалами и рабочей силой. Это позволило 3 августа 1937 года пустить бандажный стан, 17 июня 1940 года – 2 коксовые батареи, а через неделю, 25 июня – первую домну. 23 сентября и 8 октября 1940 года начали действовать первая и вторая мартеновские печи. Однако темпы строительства были значительно ниже расчетных. И хотя Новотагильский завод первоначально намеревались пустить в первой пятилетке, к началу Великой Отечественной войны его строительство не завершилось. Достаивать и выводить его

на проектную мощность пришлось уже в годы суровых испытаний. Первыми директорами Новотагильского завода были В. Г. Белов (1937–1938 годы) и В. М. Овчаренко (1938–1939 годы).

Возведение Уральского вагоностроительного завода

Потребности в сооружении крупного вагоностроительного завода на Урале возникли еще в начале XX века. Имеющиеся пятнадцать заводов Прибалтики, Центра, Петербургского района и Украины имели недостаточные мощности для обеспечения подвижным составом железных дорог Российской империи. Построенный в 1898–1899 годах Усть-Катавский вагоностроительный завод не мог удовлетворять все возрастающие потребности железнодорожного транспорта восточных районов России. Нехватка подвижного состава вела порой к достаточно экстравагантным решениям: известны факты изготовления в конце XIX века нескольких большегрузных товарных вагонов на заводах Нижнетагильского горного округа. В первые месяцы существования советской власти, весной 1918 года, была сделана попытка перевести на выпуск товарных вагонов Высокогорский снарядный завод.

Вновь к вопросу сооружения вагоностроительного завода на Среднем Урале вернулись в 1925 году. На третьем пленуме Уральского областного комитета Всесоюзного совета рабочих-металлистов, состоявшемся 28–29 августа 1925 года, обсуждался вопрос о сооружении на Урале новых металлургических и вагоностроительных заводов. Для его решения Уральский областной совнархоз организовал Уральское проектировочное бюро (вскоре преобразованное в Уральский филиал Гипромеза), куда вошли лучшие специалисты региона. Уже в 1926 году был выбран участок для строительства завода в Нижнем Тагиле, а в 1927 году в Ленинградском отделении Гипромеза был разработан первый проект вагоностроительного завода на Урале. Вскоре, в 1929 году, появился второй проект.

Однако вопрос о том, будет ли начато строительство, оставался открытым, поскольку в мае 1930 года Всесоюзное объединение тяжелого машиностроения приняло решение о сооружении нового вагонного завода на Украине, в городе Каменске (ныне – Днепродзержинск). Борьба между украинской и уральской партийно-хозяйственной элитой вокруг места строительства вагонного завода стала составной частью борьбы между двумя районами-конкурентами за львиную долю ассигнований первой пятилетки.

В августе 1930 года паровозно-вагонно-дизельное объединение окончательно решило вопрос в пользу Урала, где было более благоприятное сочетание природно-сырьевых и геополитических факторов. Из трех возможных мест (район станции Чусовой, вблизи сооружаемого Магнитогорского комбината у станции Полетаево и Нижний Тагил) было выбрано последнее. Именно в Тагиле просто и дешево решалась проблема снабжения будущего завода металлом, топливом и лесными материалами.

Проекты вагоногиганта продолжали разрабатываться Московским институтом Гипромаш в 1930–1935 годах. При этом широко применялся опыт фирм США, для чего в 1929 году особая комиссия под руководством заместителя наркома путей сообщения Д. Е. Сулимова (в недавнем прошлом одного из руководителей уральской промышленности) выезжала в эту страну. В работе над окончательным проектом Уралвагонзавода трудилось свыше 3 тысяч человек из более чем 40 организаций. Главным инженером проекта УВЗ был А. В. Иваньков, выпускник Чикагского технического колледжа, видный отечественный инженер. Ряд основных цехов Уралвагонзавода (колес Гриффина, сталелитейный цех крупного литья и др.) проектировался непосредственно в США проектным отделом Амторга. Привлечение передового опыта позволило не только значительно увеличить проектную мощность завода, но и сориентировать его на наиболее передовые виды продукции (большегрузные и специализированные саморазгружающиеся вагоны, сварку и т. д.).

Строительство Уралвагонзавода началось весной 1931 года. 8 мая была создана дирекция Вагонстроя во главе с инженером В. А. Вторыминым. В июне на строительной площадке появилась небольшая бригада Малкова. По состоянию на 25 июня 1931 года строительство Уралвагонзавода состояло из четырех инженеров, десяти техников и восьми рабочих. К августу Вагонстрой располагал вербовочным аппаратом, 137 лошадьми и 200 рабочими. Но после передачи всего хозяйства 3-му государственному стройтресту большая часть рабочих ушла, а все лошади пропали. Вагоностроителям пришлось все начинать сначала.

К началу ноября, когда уже было построено несколько барачков, соседствовавших с палатками и киргизскими юртами, открылись магазин и баня. В конце 1931 года строительство Вагонзавода было передано тресту Тагилкомбинатстрой, занимавшемуся сооружением Новотагильского металлургического завода и Тагильского коксохи-

мического комбината. Это решение оказалось не очень удачным, поскольку Тагилкомбинатстрой основное внимание уделял металлургическим объектам, используя для их сооружения и ресурсы, выделяемые Вагонзаводу. 20 июня 1932 года был создан самостоятельный трест Уралвагонстрой во главе с П. М. Столбовым. После его статьи «Пасынок Уралокузбасса» в газете «За индустриализацию» к стройке было привлечено внимание центрального руководства.

Совет труда и обороны включил Вагонзавод в число сверхударных строек, что привело к резкому улучшению финансирования и снабжения строительства. Наркомат путей сообщения выделил строительству 150 товарных и 12 пассажирских вагонов, 4 паровоза, 25 километров рельсов. Наркомат снабжения перевел 3 тысячи рабочих и инженеров строительства в особый список, на который были выделены дополнительные фонды. Сооружение вагоностроительного гиганта с 1933 года возглавил бывший начальник строительства коксового завода в Магнитогорске Л. М. Марьясин.

Основные объемы работ на строительстве Уралвагонзавода были произведены во второй пятилетке. Приходилось преодолевать не только недостаток финансирования, но и неподготовленность рабочей силы. Бытовая неустроенность, тяжелый физический труд вели к частой смене кадров. В разгар строительства за год через площадку строящегося завода проходило по 18–20 тысяч человек. 19 мая 1934 года вступило в эксплуатацию первое подразделение нового завода – цех литых чугунных колес (колес Гриффина). Осенью 1935 года начали действовать ТЭЦ УВЗ и цех мелкого стального литья. Основные работы по Уралвагонзаводу были завершены в 1936 году. 11 октября этого года с конвейера вагоноборочного корпуса сошли первые большегрузные полувагоны. Завод стал действующим.

Первым директором Уралвагонзавода в 1935 году был назначен тридцатичетырехлетний Г. З. Павлоцкий. Несмотря на относительную молодость, этот человек был опытным организатором производства: в 1925–1935 годах трудился на Харьковском паровозостроительном заводе, где прошел путь от нормировщика до технического директора, а в 1930–1931 годах изучал техническое дело в США. Роль Г. З. Павлоцкого в становлении предприятия очень велика, но уже в 1938 году он погиб в ходе репрессий.

Таблица 1

Проекты Уралвагонзавода

Годы разработки проекта	Исполнитель	Мощность завода (выпуск вагонов за год)	Изменения в технологии
1927	Ленинградское отделение Ги-промеза	5 000	Крытые большегрузные вагоны
1929	Ленинградское отделение Ги-промеза	12 000	Крытые большегрузные вагоны
1930–1931	Гипромаш	36 000, в т. ч.: 28 800 – крытых; 4 320 – изотермических; 2 880 – цистерн	Все вагоны клепаной конструкции
1934–1935	Гипромаш	57 600, в т. ч.: 28 800 – гондол; 14 400 – платформ; 14 400 – крытых	Все вагоны сварной конструкции

1.3. Модернизация города в конце 1940-х – 1990-е годы

Война существенно изменила значение Нижнего Тагила, превратив его в один из важнейших экономических центров Советского Союза. Это было признано и за границей. Уже в первом американском плане атомного нападения на СССР, разработанном в 1945 г., в числе 20 первостепенных целей фигурировал и наш город. Однако внешний вид города, его архитектурное пространство во многом оставались старыми.

В 1948 году был принят Генеральный план развития Нижнего Тагила, и началась капитальная реконструкция города. Этот план был разработан в московском институте «Горстройпроект» под руководством архитектора А. М. Мостакова. Расширялись территории большинства существующих промышленных предприятий, намечалось создание ряда новых заводов, в первую очередь производящих предметы потребления (швейной фабрики, пивоваренного завода,

мясокомбината). Застройка Дзержинского района намечалась в направлении Центра, в перспективе они должны были соединиться в единый жилой массив. Среди недостатков Генерального плана 1948 г. следует отметить слабое внимание к экологическим проблемам. Практически не учитывалось воздействие на жилые массивы вредных выбросов предприятий, не предусматривалось развитие общегородской хозфекальной и ливневой канализации.

Однако главным в плане было все же другое – превращение одноэтажного деревянного Тагила в благоустроенный крупноэтажный город. Чтобы привести облик города в соответствие с его новым статусом, в 1947–1948 гг. проводится конкурс на реконструкцию городского центра. Среди участников конкурса крупные отечественные архитекторы В. Гельфрейх, И. Соболев, М. Синявский и другие. Было принято предложение группы архитекторов во главе с Э. Розенбаумом (Горстройпроект) о размещении новой центральной площади города «на самом высоком участке ул. Ленина, в том месте, где она делает излом, переходя на Салдинский тракт». Выбор места оказался весьма удачен. Перемещение центра города диктовалось ростом его территории в восточном направлении. Новую площадь заложили у развилки двух старых улиц, одна из которых (бывший Салдинский тракт) связывала центр города с вокзалом, а другая была продолжением старого Черноисточинского тракта.

Строительство современного Тагила началось в 1944–45 гг. с квартала 33 по улице Ленина. Позднее начали сооружаться другие кварталы, придавшие улицам Ленина и Строителей современный вид. Характерной особенностью застройки тех лет была ее комплексность, внутри жилых массивов размещались спортивные площадки, детские сады и ясли, зеленые насаждения. Центральная часть города застраивалась по проектам, разработанным ленинградскими архитекторами Н. Коганом, Я. Свирским, Г. Тиме и другими. Стилизованные в духе «сталинского классицизма», эти дома украшены пилястрами, полуколоннами, гранеными башенками, соединены между собой прочными проездами. Большинство домов выстроено по индивидуальным проектам, однако «сходством композиционных приемов, увязкой горизонтальных членений, повторением фрагментов и деталей, общностью фактуры и цвета» достигается внешнее сходство между ними.

Широкомасштабное строительство многоэтажного каменного жилья развернулось в конце 40-х – начале 50-х гг. также на Вые,

Красном Камне, в Дзержинском районе. Проектирование новой застройки велось в основном московскими, ленинградскими и свердловскими архитекторами, однако постепенно свой вклад начали вносить и тагильчане. Так, застройка Выйского района велась по типовым проектам Нижнетагильского Горпроекта. Проект планировки Дзержинского района был разработан в московском Горстройпроекте (руководитель – архитектор Т. Н. Дружинина), однако часть домов сооружается по проектам местных специалистов. В частности, четыре шлакоблочных 36-квартирных дома, поликлиника и школа рабочей молодежи по улице Вагоностроителей возведены по проектам заводского архитектора Н. Н. Самойлова. Здания 1950-х гг. по улице Вагоностроителей создают единый оригинальный ансамбль в центре Вагонки. Некоторые из них признаны памятниками архитектуры местного значения.

Именно в 50-е гг. сооружается целый ряд зданий культурного назначения, придающих особый колорит современному Нижнему Тагилу. В 1952 г. по проекту талантливого свердловского архитектора В. В. Емельянова (известного благодаря строительству окружного Дома офицеров в Свердловске) возводится Дворец культуры металлургов. В 1955 г. завершается строительство здания Драматического театра (архитектор А. Тарасенко). Всем своим обликом здание театра напоминает античный храм. Его торжественная, преувеличенная монументальность, мощный восьмиколонный дорический портик, подпирающий широкий и нарочито тяжеловесный фронто́н, изобилующий пышным декором, зримо воплощают стиль сталинской эпохи, так называемый «сталинский ампир».

Украшенная цветниками Театральная площадь приобрела завершенность, когда в ноябре 1956 г. в центре ее был установлен памятник замечательным механикам, создателям первого русского паровоза Е. А. и М. Е. Черепановым (скульптор А. С. Кондратьев, архитектор А. В. Сотников).

Центром общественной и культурной жизни Вагонки стал Дворец культуры Уралвагонзавода, построенный по проекту московского архитектора О. М. Залесской. Строительство этого величественного здания началось летом 1951 г. и продолжалось до конца 1958 г. Для внутренней отделки применялся красный, розовый и белый уральский мрамор; пол, оконные рамы и двери выполнены из дуба, великолепные люстры украшают танцевальный и большой залы; мебель изготовлена лучшими мастерами Ужгорода из ценных

пород дерева. Над отделкой здания трудились художники и скульпторы Москвы, Ленинграда, Свердловска, строители треста № 88 и рабочие Уралвагонзавода.

Темпы прироста жилищного фонда в 50–60-е гг. в отличие от 30–40-х гг. существенно опережали рост населения города. Если за 1945–1963 гг. население города выросло на 77%, то жилой фонд увеличился более чем в 2,6 раза. Это привело к значительному увеличению обеспеченности жилой площадью на душу населения. В 1965 г., после почти сорокалетнего перерыва, был достигнут уровень обеспеченности 1926 г. (6,4 кв. м.), в последующие годы обеспеченность еще более возросла. Особенно значительными были темпы роста жилищного фонда Нижнего Тагила в 50-е гг., когда началось массовое применение сборного железобетона. В последующие десятилетия темпы прироста жилья в городе постепенно снижались, хотя по абсолютным показателям с каждым десятилетием ввод жилья неуклонно возрастал.

Однако сами по себе квадратные метры характеризуют только количество жилья, между тем необходимо учитывать и его качество. До начала 50-х гг. уровень благоустройства жилищного фонда города был весьма невелик. Город практически не имел стабильного водоснабжения и систем канализации. Значительный вклад в решение этих проблем внес Владимир Самойлович Ярошенко, возглавлявший в 50-е гг. Нижнетагильский горкомхоз. Ему удалось добиться выделения 20 млн рублей на строительство плотины Верхне-Выйского водохранилища, водопровода и новых канализационных систем. Благодаря этому в городе началось крупномасштабное развитие благоустройства жилого фонда.

В 1963–1965 гг. московский институт «Гипрогор» разрабатывает новый Генеральный план Нижнего Тагила, утвержденный правительством в 1967 году. По этому плану намечалось сооружение новых районов города, создание единой системы магистралей, включая объездные дороги вокруг города. Среди прочих объектов планировалось строительство «Северного» моста через Тагильский пруд, соединяющий Гальянку с Корабельным мысом, городского аэродрома с аэровокзалом. Многие из намеченного, к сожалению, осталось только на бумаге, но немало было воплощено в бетоне и камне.

Среди новостроек в 60–80-х гг. следует отметить в первую очередь огромный Гальяно-Горбуновский жилой массив, включающий в себя несколько крупных жилых районов. На Вагонке строятся

микрорайоны «Пихтовые горы», «Юность», «Алтайский». Расширяются Выя, Красный Камень и ряд других районов города.

В 60–80-е гг. появляются многие общественные и культурные здания, определяющие внешний облик современного Тагила. Среди них – кинотеатры «Россия» (1963), «Современник» (1971), здания театра кукол (1969), цирка (1975), гостиницы «Тагил» (1975), филиала УПИ-УГТУ (1979) и другие. В 1982 г. вступил в строй Дворец водного спорта, возводившийся по проекту киевских архитекторов из мастерской института «Спортпроект». К 50-летию Уралвагонзавода удалось завершить Дворец ледового спорта (авторы проекта И. А. Гунет, Е. П. Пахомов, В. М. Цветков, Е. В. Чурбанов, В. М. Уткина). На его строительстве работали мраморщики из Харькова, облицовщики из Донецка, штукатуры из Тихвина, маляры из Челябинска, над основанием ледового поля трудились специалисты из Новосибирска. Торжественное открытие этого объекта состоялось в 1987 году.

подавляющая часть жилищного фонда до начала 90-х гг. принадлежала государственным предприятиям и организациям, а также исполкому Нижнетагильского городского совета (так называемый общественный жилищный фонд). При этом в конце 80-х гг. в ведении городского совета находилось только 300 тыс. кв. м жилой площади, прочая же принадлежала предприятиям и организациям. Ведомственная разобщенность отрицательно сказывалась на содержании жилого фонда, затрудняла проведение единой политики в жилищном вопросе. В частной собственности тагильчан в 1955 г. находилось 264 тыс. кв. м жилья, а в 1985 г. – 534 тыс. кв. м жилья, что составляло соответственно 17,1% и 7,8% жилищного фонда города.

Конечно, рост жилого фонда города не означал, что жилищная проблема была решена. В 1990 г. на учете для улучшения жилищных условий состояло 39 тыс. человек (практически каждый одиннадцатый житель Нижнего Тагила). За общими цифрами жилищной обеспеченности скрывалась существенная неравномерность в распределении жилья. По данным переписи 1989 г., 83,3% тагильских семей проживали в отдельных квартирах, а еще 6,7% – в индивидуальном доме или его части. 7,3% жили в коммунальных квартирах (с соседями), а 2,7% – в общежитии. Среди проживающих в отдельных квартирах 34% семей имели уровень жилищной обеспеченности менее санитарной нормы – 9 кв. м. (в том числе среди семей, где супруги имели возраст моложе 30 лет, – свыше 66%). В отдельных трех- и четырехкомнатных квартирах проживало более 5 тыс. оди-

ноких граждан и семей из двух человек, в то же время 3 тыс. тагильских семей из четырех и более человек проживали в однокомнатных, а 15 тыс. – в двухкомнатных квартирах.

Резко изменяется благоустройство жилищного фонда города. В нашем распоряжении имеются только данные по общественному жилому фонду, но поскольку именно он в эти годы составлял от 8/10 до 9/10 от общих показателей, они достаточно представительны. В середине 50-х гг. только треть жилого фонда города была обеспечена основными удобствами, а в середине 80-х – уже около 9/10. К приведенным в таблице цифрам можно добавить, что в 1985 г. 81,8% общественного жилья города располагали ванными (или душем), 80,8% – лифтами и 2% – электроплитами. Изменились и характеристики жилого фонда. До начала 50-х гг. Нижний Тагил был преимущественно деревянным и одноэтажным, а теперь он каменный и многоэтажный. Уже в первое послевоенное десятилетие около 72% вновь построенных домов были многоэтажными. В последующие годы на долю многоэтажных домов приходилось свыше 9/10 всего строящегося жилья. Барачное и ветхое жилье постепенно сносилось. Только за 1959–1965 гг. снос барачного и ветхого жилья составил свыше 450 тыс. кв. м, а в первой половине 80-х гг. – 222 тыс. кв. м. Новая застройка принципиально изменила лицо города, сделала его совершенно иным. Конечно, на этом пути были и приобретения, и потери: значительно улучшив благоустройство и приобретя типично городские черты, Нижний Тагил в то же время во многом уподобился другим городам страны, типовая застройка сделала внешний вид многих городских кварталов весьма однообразным.

90-е гг. стали трудными для города. Из года в год на 20–25% снижается ввод жилых домов. В 1990 г. было построено 182,3 тыс. кв. м жилья, в 1992 г. – 129,4 тыс. кв. м, а в 1997 г. было введено всего 54,7 тыс. кв. м жилой площади (в том числе индивидуальными застройщиками – 5,9 тыс. кв. м). В 1998 г. было построено 22,8 тыс. кв. м жилья (в том числе 1,4 тыс. кв. м индивидуальными застройщиками). Таким образом, за 1991–1998 гг. ввод жилья по городу сократился в 8 раз. Финансирование промышленных объектов в крупных размерах продолжает только НТМК.

Однако даже в эти трудные годы продолжается накопление сил для нового рывка в области строительства. В 1996 г. институт «Уралгражданпроект» разработал новый Генеральный план развития Нижнего Тагила на перспективу до 2050 г. (руководители – ар-

хитекторы В. А. Путилов, Г. В. Мазаев и В. И. Солтыс). Этот документ предусматривает широкую реконструкцию уже существующего жилого фонда, вынос ряда промышленных и коммунальных предприятий за пределы санитарно-защитной зоны города. Вдоль магистралей пригорода намечена зона рассредоточенности застройки индивидуальными жилыми домами низкой этажности и повышенного комфорта. Жилой фонд увеличится более чем в 2 раза (с 8,1 до 17,5 млн кв. м), причем индивидуальные дома составят к 2050 г. более половины всего фонда. Почти в два раза вырастет улично-дорожная сеть, намечено строительство северного и восточного объездов города. Это позволит обеспечить движение возрастающих колонн индивидуальных машин по городским дорогам.

Таблица 2

Жилой фонд Нижнего Тагила

Показатель	1950	1960	1970	1980	1990	1999
Общая (полезная) площадь жилищного фонда (тыс. кв. м)	1 480	2 714	3 986	5 743	7 691	8 276
Обеспеченность населения жилой площадью (кв. м)	6,6	8,0	10,5	14,2	17,5	20,9
Прирост за десятилетие, %	51,2	83,4	46,9	44,1	33,9	7,6
Среднегодовой прирост за десятилетие, %	4,2	6,3	3,9	3,7	3,0	0,8

Составлено по: Народное хозяйство Свердловской области: стат. сборник. Свердловск, 1967. С. 95; Свердловская область в цифрах 1966–1970 гг. Свердловск, 1971. С. 121; Нижний Тагил – из прошлого в будущее: История развития, перспектива застройки. Архитектурный сборник. Нижний Тагил, 1999. С. 26.

Таблица 3

**Благоустройство общественного жилого фонда
Нижнего Тагила (в % ко всей площади)**

Вид благоустройства	1955	1970	1985
Водопровод	39,5	76,7	87,5
Канализация	36,4	76,7	86,6
Центральное отопление	39,2	82,0	90,0
Горячее водоснабжение	30,0	74,0	83,9
Газ	0	14,1	47,7

ГЛАВА 2. СОЦИУМ

2.1. Изменения в естественном движении населения г. Нижний Тагил в XX веке

В XX веке в естественном движении населения г. Н. Тагил произошли радикальные изменения, которые достаточно четко вписываются в теорию демографического перехода.

Согласно этой концепции в истории развития демографических процессов наблюдается одна и та же закономерность – постепенный переход от традиционного типа воспроизводства населения, характеризующегося высокими уровнями рождаемости и смертности, к современному типу воспроизводства. Основными признаками последнего являются: низкий уровень рождаемости и смертности, утверждение малодетного образа жизни населения и планирования семьи, формирование новой структуры причин смертности (доля массовых инфекционных заболеваний в структуре смертности снижается до минимума, а их место занимают инфекционные хронические болезни, несчастные случаи и травмы). Демографический переход происходил в несколько этапов, которые и будут рассмотрены нами в данном параграфе.

В конце XIX века в Нижне-Тагильском, Выйско-Никольском и Троицко-Александровском приходах, находившихся на территории Н. Тагила, тогда еще имевшего статус заводского поселка, преобладал традиционный тип воспроизводства населения. Общий коэффициент смертности в 1891–1895 гг. в среднем составлял 44‰. Очень высокой была и младенческая смертность – почти треть родившихся детей умирала, не дожив до года [Движение населения Пермской губернии с 1882... 1906: 62–63].

Такой уровень младенческой смертности, как в Нижне-Тагильском заводском поселке, для того времени не был чем-то исключительным, что подтверждается общероссийскими данными. Из каждых 100 родившихся в Европейской России в 1892 г. умерло в возрасте до 1 года 30,7, в 1893 г. – 25,2, в 1894 г. – 26,5, а в 1895 г. – 27,9 [Рашин 1956: 194].

Высокая младенческая смертность оказывала сильное влияние на рождаемость. Чтобы цепь человеческих поколений не прервалась, высокую смертность должна была уравновешивать высокая

рождаемость. По данным В. Ю. Крупянской, в семьях горнозаводского населения Нижнего Тагила в конце XIX в. рождалось до 15 детей, из которых выживали менее половины. Рабочая семья в Нижнем Тагиле была значительно многочисленнее, чем, например, в Петербурге (здесь в 1908 г. половина всех семей рабочих имела только одного или двух детей, и лишь пятая часть – трех и более). В 1895 г. в Нижнем Тагиле 58,3% семей имели от трех до пяти детей, 15,9% – шесть и более [Крупянская 1971: 49].

Коэффициент рождаемости в 1891–1895 гг. в Н. Тагиле в среднем составлял 46,6‰, что говорит о полном отсутствии какого-либо контроля над рождаемостью в семьях тагильчан в тот период [Движение населения Пермской губернии с 1882... 1906: 62–63].

Однако уже в следующем пятилетии в естественном движении жителей Нижнего Тагила наметились изменения, свидетельствующие о возникновении тенденции перехода к современному типу воспроизводства населения. Уровень смертности снизился, в 1896–1900 гг. ее коэффициент в среднем составлял уже 39,4‰, а уровень рождаемости не только не сократился, а даже повысился. В последнем пятилетии XIX в. он стабильно превышал отметку 50‰, то есть фактически колебался на грани физиологических возможностей женского организма [Движение населения Пермской губернии с 1882... 1906: 62–63].

Аналогичная ситуация наблюдалась и на Урале в целом. К началу XX в. его население оказалось на пороге первой фазы демографического перехода, связанной с радикальным снижением общего уровня смертности. По мнению авторов монографии «Население Урала. XX век», если бы не Октябрьская революция 1917 г. и годы гражданской войны, разрухи и голода, то процесс демографической транзитуции в своем классическом виде согласованного взаимосвязанного плавного снижения трендов смертности и рождаемости пошел бы именно с начала века. Однако в силу исторических причин демографическая революция началась на четверть века позже [Население Урала. XX век... 1996: 12].

В отношении Н. Тагила точно установить начальные хронологические рамки первой фазы демографического перехода в настоящий момент, к сожалению, не представляется возможным, так как данные по естественному движению населения заводского поселка за первое десятилетие XX века отсутствуют полностью, а за второе десятилетие очень фрагментарны. Тем не менее имеющиеся сведе-

ния говорят о том, что после 1915 г. и до начала 1920-х гг. общий коэффициент смертности тагильчан, по-видимому, был заметно ниже, чем в конце XIX в. Так, например, в 1916 г. коэффициент смертности равнялся 26%, а в 1919 г. – 22,9% [НТГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 185. Л. 1; Ермаков 2004: 58].

В начале 1920-х гг. на население Н. Тагила, к тому времени ставшего городом, обрушились голод и эпидемии тифа, холеры, дизентерии, что привело к значительному росту числа смертей среди тагильчан. Процесс снижения смертности был прерван. Если в 1918 г. в городе скончалось 904 человека, в 1919 г. – 993, то уже в 1921 г. – 1 446, а в 1922 г. – 2 793 человека. При этом родилось в 1922 г. только 685 человек, то есть в четыре раза меньше, чем умерло [НТГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 117. Л. 2, 10, 19, 25, 34, 43, 98, 118, 140, 148, 160, 173; НТГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 144. Л. 1].

Особенно много жизней унесла эпидемия тифа, начавшаяся в городе в 1921 году. Для борьбы с ней в Н. Тагиле первоначально был открыт один тифозный барак на 40 коек, но вскоре этого оказалось недостаточно, и в декабре 1921 г. во временный тифозный барак была преобразована 1-я Советская больница, рассчитанная на 90 коек. Наибольшее распространение эпидемия тифа получила в 1922 году, когда от данного заболевания скончалось 763 человека, что составило 27,3% от общего числа умерших [НТГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 144. Л. 2, 10, 19, 25, 34, 43, 98, 118, 140, 148, 160, 173].

С весны 1922 года к эпидемии тифа присоединились эпидемии дизентерии и холеры. Для борьбы с их распространением Уездным отделом здравоохранения была осуществлена очистка улиц, площадей, дворов и других мест. Проводилась дезинфекция казарм, школ, учреждений и частных квартир. Было открыто пять противохолерных пунктов, где производились противохолерные прививки, и один холерный барак на 70 кроватей, куда принимались заболевшие холерой на излечение [НТГИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 79. Л. 14–14 об.].

Благодаря принятым мерам и наступлению осенних холодов эпидемии к сентябрю-октябрю 1922 г. пошли на спад. Однако к тому времени от дизентерии скончался уже 201 тагильчанин (7,2% от общего числа умерших), а холера стала причиной 68 летальных случаев (включая 2 смертельных случая в ноябре 1922 г.). Всего же от таких инфекционных заболеваний, как тиф, дизентерия и холера, в Н. Тагиле в 1922 году умерло 1 032 человека, что составило 36,9%

от общего числа умерших [НТГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 144. Л. 2, 10, 19, 25, 34, 43, 98, 118, 140, 148, 160, 173].

Значительное число жизней тагильчан унес и голод, охвативший в 1921–1922 гг. обширную часть территории страны. По данным Нижнетагильского исполнительного комитета к весне 1922 года в Н. Тагиле голодало 14 083 взрослых и 5 678 детей, т. е. большая часть населения города [НТГИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 75. Л. 7]. С января по декабрь 1922 г. в городе умерло от голода 244 человека, что составило 8,7% от общего числа умерших.

Однако длительное недоедание грозило не только смертью от истощения, но и увеличивало подверженность организма различным заболеваниям, которые также нередко оканчивались летальным исходом. В значительной мере полуголодным существованием были вызваны болезни желудка, легочные заболевания и смертельные исходы от них. Наиболее высокой была смертность от таких легочных заболеваний, как бугорчатка легких и пневмония – в 1922 г. они унесли жизни 262 тагильчан [НТГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 144. Л. 2, 10, 19, 25, 34, 43, 98, 118, 140, 148, 160, 173].

Коэффициенты естественного движения населения Н. Тагила за 1921 и 1922 гг. из-за отсутствия необходимых сведений рассчитать пока не представляется возможным. Однако создать представление об их уровне позволяют данные по городскому населению Нижнетагильского уезда, в состав которого в то время входили два города – Н. Тагил и Алапаевск (см. приложение, табл. 1).

Из приведенных в таблице 1 данных видно, что уже в 1921 г. уровень смертности приблизился к показателям конца XIX в., а в первой половине 1922 г. ситуация ухудшилась еще больше и стала просто катастрофической. При беспрецедентно высокой смертности рождаемость резко понизилась, что привело к отрицательному естественному приросту городского населения Нижнетагильского уезда.

Столь же тяжелой демографическая ситуация была и в некоторых других городах страны, охваченных в 1921–1922 гг. голодом и эпидемиями. Так, например, Екатеринбург, в который хлынуло голодное крестьянское население, весной 1922 г. превратился в один из пунктов демографического бедствия: в декабре 1921 г. уездно-городской ЗАГС зарегистрировал 208 рождений и 615 смертей; в апреле 1922 г. в городе родилось 144 и умерло 1 037 человек [Нарский 2001: 127].

Со второй половины 1922 г. вал смертей в Н. Тагиле начинает снижаться. Если в первом полугодии в городе скончалось 1 600 человек, то уже во втором полугодии количество умерших сократилось до 1 193, а в первой половине 1923 г. – до 363 человек [НТГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 144. Л. 2, 10, 19, 25, 34, 43, 98, 118, 140, 148, 160, 173; НТГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 185. Л. 21–25].

В снижение смертности населения в то время основной вклад внесли два фактора. Первым из них стала новая экономическая политика, ликвидировавшая продовольственный дефицит, в результате чего прекратилась смертность тагильчан от голода. С января 1923 г. и до начала 1930-х гг. в городе не было зафиксировано ни одного случая голодной смерти. Вторым фактором явилась система бесплатного государственного здравоохранения, которая вела довольно успешную борьбу с такими опасными инфекционными заболеваниями, как тиф, холера и дизентерия (см. приложение, табл. 2). Особенно заметно сократилась смертность от холеры. После 1922 г. единственный случай смерти от нее был зафиксирован в городе только в 1926 г.

Признаки первой фазы демографического перехода четко проявились в Нижнем Тагиле в 1923–1926 гг. (см. приложение, табл. 3). В этот период произошло значительное снижение смертности в городе. Ее общий коэффициент в среднем равнялся 24,3‰, то есть, по сравнению с последним пятилетием XIX в., он сократился на 38,3%. Уровень же рождаемости после падения в начале 1920-х гг., вновь повысился. Уже в 1923 г. ее общий коэффициент в городе вырос до 34,6‰, а в 1924–1926 гг. он приблизился к показателям конца XIX в. Принято считать, что повышение рождаемости к середине 1920-х годов носило компенсаторный характер – оно как бы восполняло людские потери, понесенные страной в предшествующие годы [Население России в XX веке 2000, т. 1: 152].

Благодаря снижению смертности и повышению рождаемости естественный прирост населения Н. Тагила в 1923–1926 гг. характеризовался не просто положительными, а высокими показателями. В указанные годы его коэффициент в среднем равнялся 23,5‰. Только за 1926 г. население города выросло благодаря естественному приросту на 1 089 человек [Статистический справочник Тагильского округа... 1929: 48–49].

В ходе первой фазы демографического перехода ощутимо проявились изменения в семейно-брачном поведении тагильчан. Общий

коэффициент брачности населения в городе, по сравнению с концом XIX в., заметно повысился. Если в 1891–1895 гг. на 1 000 жителей ежегодно в среднем заключалось 9 браков, то в 1923–1926 гг. уже 16 [Движение населения Пермской губернии с 1882... 1906: 60–61; Уральский статистический ежегодник... 1923: 32; Уральское хозяйство в цифрах... 1926: 8; Статистический справочник Тагильского округа... 1929 18–19, 48–49; НТГИА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 52. Л. 1; НТГИА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 54. Л. 7; НТГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 185. Л. 21–31].

Росту брачности способствовало упрощение как процедуры вступления в брак, так и развода в связи с новым законодательством. Законодательные акты, принятые в РСФСР в 1917–1918 гг., устраняли все существовавшие ранее запреты – социальные, сословные, национальные, религиозные. Они признавали добровольность брачного союза, закрепляли равноправное положение супругов [Население России в XX веке 2000, т. 1: 168].

На протяжении 1920-х гг. в Н. Тагиле среди заключаемых браков стремительно сокращалась доля браков церковных. Если в 1917–1921 гг. церковные браки среди рабочих – местных уроженцев составляли 90%, в 1922–1924 гг. – только половину, а в последующее пятилетие их было уже менее 40% [Крупянская 1974: 191].

Главным образом столь быстрые изменения были вызваны политикой государства, направленной на секуляризацию брака. Уже декреты «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» и «О расторжении брака», изданные в декабре 1917 года, провозглашали изъятие всех дел о браке и разводе из ведения церковных органов и рассматривали как обязательную лишь гражданскую форму регистрации брака. В Семейном кодексе РСФСР 1918 г. провозглашалось, что «только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в отделе записей актов гражданского состояния, порождает права и обязанности супругов» [Демографическая модернизация России... 2006: 86–87].

Брачные союзы в 1920-х гг. утрачивают прежнюю стабильность. Общий коэффициент разводимости в Н. Тагиле в 1923–1926 гг. колебался от 1‰ до 2,1‰, что говорит о том, что разводы становятся довольно заметным явлением в жизни тагильчан. Во многом этому способствовали сокращение религиозного влияния с его четко отработанными нравственными критериями и упрощение бракоразводного процесса. Семейный кодекс 1918 года разрушил все социальные и нравственные запреты на развод. Он стал общедоступен, при-

чем брак мог расторгаться как по обоюдному согласию супругов, так и по заявлению одного из них, и происходило это немедленно [Демографическая модернизация России... 2006: 87].

Первый этап демографического перехода продолжался в Н. Тагиле до 1926 г. С 1927 г. население города вступило во вторую фазу демографической транзиции, характеризующуюся снижением уровня рождаемости и замедлением снижения уровня смертности по мере ее приближения к нулевой отметке (которой она никогда не сможет достичь). Соответственно на этом этапе сокращается и естественный прирост, постепенно приближаясь к нулевой отметке. Данные тенденции преобладали в естественном движении населения Н. Тагила в период с конца 1920-х и до начала 1960-х гг. (см. приложение, рис. 1).

Уже в 1927 г. общий коэффициент рождаемости снизился в городе до 43,7‰, то есть по сравнению с предшествующим годом он сократился на 18,8%. В последующие годы снижение рождаемости продолжилось – в 1928 г. ее общий коэффициент опустился до отметки в 41,3‰, а в 1929 г. – до 35,7‰ [Статистический справочник Тагильского округа... 1929: 18–19, 48–51; НТГИА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 54. Л. 18; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 54. Л. 18]. Подобное явление наблюдалось и в масштабах страны в целом. Если в 1927 г. в СССР общий коэффициент рождаемости равнялся 46,3‰, то в 1928 г. – уже 45,3, а в 1929 г. – 44,1 [Андреев 1993: 57].

Основной причиной снижения рождаемости стала «рационализация» воспроизводства населения, заключавшаяся в ограничении деторождения и оправданная снижением детской смертности. Если в 1896–1899 гг. в Н. Тагиле общий коэффициент младенческой смертности в среднем составлял 271,7‰, то в 1926–1929 гг. – уже 197,1‰, то есть он сократился на 27,5% [Статистический справочник Тагильского округа... 1929: 48–51; НТГИА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 54. Л. 18]. В результате высвобождалось огромное количество социальной энергии, расходовавшейся прежде на выхаживание, воспитание большого числа детей, многие из которых погибали, не возместив даже части этих расходов [Демографическая модернизация России... 2006: 149]. Снижение рождаемости позволяло ослабить давление бремени демографических обязательств, лежавших на каждом человеке, на каждой семье и на всем обществе, а в этом были заинтересованы как отдельные семьи, так и государство в целом.

Способствовали снижению рождаемости во второй половине 1920-х гг. и изменения в уровне брачности и разводимости тагильчан. Общий коэффициент брачности в 1927–1929 гг. в городе, по сравнению с предшествующим трехлетием, заметно снизился. Если в 1924–1926 гг. он в среднем составлял 15,4‰, то в 1927–1929 гг. – уже 13,7‰.

Еще более радикально изменились показатели разводимости, которые сделали значительный рывок вверх. Уже в 1927 г. ее общий коэффициент составил 5,2‰, увеличившись по сравнению с предшествующим годом на 147,6%. В 1929 г. разводимость повысилась еще больше – до 6,7‰ [Статистический справочник Тагильского округа... 1929: 18–19, 48–51; НТГИА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 54. Л. 18; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 54. Л. 18]. Столь стремительный рост главным образом был вызван принятием в 1926 г. нового Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР, который сильно упростил процедуру развода. Спорные разводы теперь оформлялись через ЗАГС (по Кодексу 1918 года – через суд), для регистрации развода достаточно было обращения одного из супругов, причем объяснения причин не требовалось, другой же получал уведомление о разводе по почте («открыточный развод») – отказы не предусматривались [Демографическая модернизация России... 2006: 87–88].

На рубеже второго и третьего десятилетий XX в. дополнительной причиной снижения рождаемости стало ухудшение условий жизни людей. В условиях начавшейся так называемой «сталинской модернизации», с переходом к форсированной индустриализации и сплошной коллективизации семьям с каждым годом все труднее было накормить, одеть и обуть детей.

В конце 1920-х гг. Н. Тагил, подобно всем городам страны, переходит на карточную систему. Горожане были прикреплены к строго определенным распределителям, где они отоваривались. Как правило, полностью государство отоваривало только хлебную пайку. Например, бурильщику Высокогорского железного рудника, снабжавшемуся по первому списку, полагался на месяц пуд муки. Прочие продукты (не говоря уже о промышленных товарах) люди порой не видели месяцами [Ермаков 2004: 69].

Усилившийся приток новых людей на стройки и предприятия города резко обострил в Н. Тагиле и жилищную проблему. Если в 1927 г. жилая площадь составляла 5,7 м² на человека, то к 1931 г. она сократилась до 3,8 м² [НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 16. Л. 33]. До-

биться расширения жилой площади после рождения ребенка было невозможно. В этих условиях малодетные и бездетные семьи получали значительное преимущество, поэтому многие потенциальные родители принимали решение отложить рождение ребенка до лучших времен.

Параллельно со снижением рождаемости в Н. Тагиле до конца 1920-х гг. происходило постепенное сокращение смертности. К 1927 г. ее общий коэффициент уменьшился до 22,3‰, к 1928 г. – до 21,6‰, а к 1929 г. – до 19,0‰ [Статистический справочник Тагильского округа... 1929: 18, 19, 48–51; НТГИА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 54. Л. 18; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 54. Л. 18].

Однако уже в начале 1930-х гг. плавный ход демографического перехода был нарушен. В 1932–1933 гг. Н. Тагил оказался во власти голода, охватившего значительную часть территории страны, что незамедлительно сказалось на показателях естественного движения населения. Общий коэффициент смертности в 1932 г. вырос по сравнению с 1929 г. на 66,3% и составил 31,6‰. Рождаемость за этот же период сократилась на 26,6% – до 26,2‰, а естественный прирост стал отрицательным (его общий коэффициент опустился до отметки –5,4‰) [Статистический справочник Тагильского округа... 1929: 18–19; Хозяйство Свердловской области... 1936: 201; НТГИА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 54. Л. 18; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 16. Л. 2, 33; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 35. Л. 15].

О том, какой вклад в повышение смертности внес именно голод, можно судить только по косвенным данным, так как в номенклатуре причин смерти за 1932 г. данная графа отсутствует (см. приложение, табл. 4). Скорее всего, многочисленные смерти от голода не выделялись в отдельную строку умышленно, для того чтобы скрыть не только масштабы, но и сам факт голода. Тем не менее можно предположить, что все скончавшиеся от данной причины или, по крайней мере, значительная их часть были помещены в графу умерших «От всех прочих причин», на долю которой приходилось более 30% смертельных случаев, зарегистрированных в городе в 1932 году [НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 54. Л. 15].

Одним из последствий резкого ухудшения продовольственного снабжения тагильчан стало увеличение смертности от болезней пищеварительных органов. Ее коэффициент достиг в 1932 г. отметки в 4,6‰, увеличившись по отношению к 1927 г. на 9,5%, к 1926 г. – на 84% и к 1928 г. – на 130%.

Другим следствием голода стало снижение сопротивляемости организма у тагильчан инфекционным заболеваниям, быстро распространявшимся в городе из-за значительной скученности населения, антисанитарии, отсутствия общегородского водопровода и канализации. Коэффициент смертности от этих заболеваний вырос до 8,5‰, что было на 41,7% больше, чем в 1926 г., и на 54,5% больше, чем в 1928 г. Особенно много жизней унесли эпидемии кори и тифа. В 1932 г. от них в городе скончалось 586 человек [НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 54. Л. 15].

Существенный вклад в повышение смертности в начале 1930-х гг. внесли и болезни органов дыхания. В это время основная часть строителей новых индустриальных объектов, возводившихся в городе, проживала даже зимой в палатках и плохо утепленных бараках. И днем и ночью людей выручали лишь шубы да валенки, у кого они были. Остальным же приходилось совсем худо. Они мерзли, болели, и до лета 1932 года дожили далеко не все, особенно старики и дети [Панюхин 2005: 8]. Только от таких болезней органов дыхания, как бронхит и пневмония, в Н. Тагиле скончалось 724 человека, что составило 18,8% от общего числа летальных случаев в городе за год.

Бедствие, связанное с голодом и эпидемиями, начавшееся в стране в 1932 г., в 1933 г. превратилось в полномасштабную демографическую катастрофу. Общий коэффициент смертности в СССР, по сравнению с 1932 г., увеличился более чем в два раза и достиг поистине апокалипсической отметки, составив почти 72‰ [Исупов 2000: 92].

Тяжелой была ситуация и непосредственно в Н. Тагиле. Отрывочные данные, имеющиеся за этот период, показывают, что весной и летом 1933 г. в городе было зарегистрировано значительно больше смертей, чем в конце года предшествующего. Так, если в ноябре 1932 г. в Н. Тагиле скончалось 153 человека, а в декабре – 208 человек, то в мае 1933 г. – уже 361 человек, а в августе – 308. До уровня декабря 1932 г. вал смертей в городе снизился только в сентябре 1933 г.

На фоне высокой смертности в Н. Тагиле наблюдалось практически ежемесячное сокращение количества рождений. Так, если в ноябре 1932 г. в городе родилось 217 детей, то в мае 1933 г. – 186, в сентябре – 167, а в ноябре появилось на свет уже только 123 ребенка. В этих условиях продолжилась естественная убыль населения.

Только за май 1933 г. она составила 175 человек [НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 35. Л. 16, 17, 57, 113, 114, 147].

Улучшение демографической ситуации в Н. Тагиле началось лишь с 1934 г. Несмотря на стремительно растущую численность населения города, смертельных случаев в нем в 1934 г. было зарегистрировано по сравнению с 1932 г. меньше на 12,7%, а в 1935 г. – на 40,4%. Вновь положительной величиной стал естественный прирост. В 1935 г. за счет него численность тагильчан увеличилась на 2 611 человек [ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 4 об.; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 35. Л. 15; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 33 а. Л. 23 об.].

Однако даже при наличии позитивных сдвигов в естественном движении населения города плавный ход демографического перехода до начала 1950-х гг. так и не был восстановлен. Флюктуация трендов рождаемости и смертности, начавшаяся в 1932 году, в 1936–1940 годах активно продолжилась. Особенно сильным колебаниям был подвержен тренд смертности (см. приложение, табл. 5).

В 1936 г. ее общий коэффициент по сравнению с 1932 г. снизился на 30,4%. В 1937 г. произошло повышение смертности по отношению к предшествующему году на 18,2%, но затем в течение двух лет – 1938 и 1939 – вновь наблюдалось ее снижение до уровня 1926–1928 гг. Новый резкий подъем показателя смертности произошел в 1940 г., когда ее общий коэффициент увеличился по сравнению с 1939 г. на 36,3% – до 28,9‰.

Объяснить столь серьезные изменения в уровне смертности, наблюдавшиеся в Н. Тагиле в 1936–1940 гг., позволяет рассмотрение структуры смертности по причинам (см. приложение, табл. 6). Из приведенных в таблице данных видно, что наиболее высокая смертность в городе, как и в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в., наблюдалась от трех основных групп причин: болезней органов дыхания, инфекционных болезней и болезней пищеварительных органов.

На первом месте по удельному весу среди причин смерти находились инфекционные болезни. Их удельный вес в 1936 г. составлял 37,6%, в 1937 г. – 36,1%, а в 1940 г. – 32,8%. Второе место стойко удерживали за собой заболевания органов дыхания. В 1936 г. на их долю пришлось 18,9% смертельных случаев, в 1937 г. – 20,3%, а в 1940 г. – 22,6% смертей, зарегистрированных в городе за год. Только от бронхита и пневмонии за 1936–1937 гг. в Н. Тагиле умерло 1 408 человек. На третьем месте по числу унесенных жизней находились болезни пищеварительных органов. В 1936 г. они стали

причиной 14,1% смертельных случаев, в 1937 г. – 14,5%, а в 1940 г. на их долю пришлось 17,7% от общего числа смертей [ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 99. Л. 3, 3 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 100. Л. 2, 2 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 773. Л. 86, 86 об.].

Изменения коэффициентов смертности от трех вышеназванных групп причин смерти оказывали наиболее существенное влияние на динамику общего коэффициента смертности населения города. Так, например, его повышение в 1937 г., по сравнению с 1936 г., главным образом было вызвано тем, что смертность от болезней органов дыхания выросла на 26,2%, от заболеваний пищеварительных органов – на 22,6% и от инфекционных болезней – на 13,4%. Более чем на 90% было связано с ростом смертности от этих причин и увеличение общего коэффициента смертности в 1940 г.

Сильное воздействие на уровень смертности в городе в 1936–1940 гг., как и в предшествующие годы, оказывала детская смертность – особенно младенческая (см. приложение, табл. 7). Из данных таблицы видно, что от 39,9% до 44% от общего числа умерших в эти годы тагильчан были детьми в возрасте до 1 года.

Аналогичная ситуация наблюдалась и на уровне Свердловской области в целом, где удельный вес детей в возрасте до 1 года среди умерших составлял в 1936 г. 41%, в 1937 г. – 41,8%, а в 1938 г. – 42,3% [ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 99. Л. 10; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 100. Л. 10; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 101. Л. 10].

Уровень младенческой смертности в Н. Тагиле во второй половине 1930-х гг., по сравнению со второй половиной 1920-х гг., заметно повысился. Ее общий коэффициент в 1936–1939 гг. в среднем уже составлял 243,9%, что было на 23,7% больше, чем в 1926–1929 гг. Еще более значительно младенческая смертность в городе выросла в 1940 г., увеличившись по отношению к предшествующему году сразу на 29,8%.

Среди причин смерти детей на первом году жизни в 1936 г. 24,9% составляли болезни пищеварительных органов, 23,2% – заболевания органов дыхания, 23,7% – врожденная слабость, преждевременное рождение и врожденные пороки развития. К 1940 г. ситуация несколько изменилась. Удельный вес таких причин смерти, как болезни пищеварительных органов и болезни органов дыхания, увеличился соответственно до 30% и 27,6%, а доля смертей, вызванных врожденной слабостью, преждевременным рождением и врожденными пороками развития, сократилась до 16,6% [ГАСО.

Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 99. Л. 3; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 100. Л. 2; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 773. Л. 86].

В 1936–1940 гг. в городе заметно менялся не только уровень смертности, но и уровень рождаемости. Снижение ее общих коэффициентов, наблюдавшееся в Нижнем Тагиле в конце 1920-х – начале 1930-х гг., сменилось во второй половине 1930-х гг. подъемом. Уже в 1936 г. уровень рождаемости поднялся до 36,5‰, превысив показатель 1929 г. на 2,2% [ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 99. Л. 10].

Рост рождаемости наблюдался с 1935 г. и в стране в целом. По мнению В. А. Исупова, он был связан с двумя основными факторами. Во-первых, с реализацией ранее отложенных рождений – своего рода компенсаторной волной, поднимающейся после всех крупных демографических катастроф. Во-вторых, с вступлением в репродуктивный возраст многочисленных поколений женщин, рожденных накануне Первой мировой войны [Исупов 2000: 103]. В Н. Тагиле в 1935–1936 гг. женщины, относившиеся к возрастной группе 20–24 лет, то есть родившиеся в первой половине второго десятилетия XX века, произвели на свет более 38% всех новорожденных [ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 2, 2 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 99. Л. 2, 2 об.].

В 1936 г. попытка дополнительно стимулировать рождаемость в СССР была предпринята руководством страны. 27 июля 1936 г. вышло постановление ЦИК и СНК «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» [Гаврилова 2001: 329]. Главным в постановлении был запрет абортов. За их производство устанавливалось уголовное наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет или штраф до 300 рублей, а также выносилось общественное порицание [Исупов 2000: 105].

Эффект от принятия этого постановления в полной мере проявился в 1937 г., когда общий коэффициент рождаемости в Н. Тагиле, по сравнению с предшествующим годом, увеличился сразу на 29,3% – до 47,2‰. Однако меры административного вмешательства в демографическое поведение людей действуют, как правило, ограниченный срок. Уже в 1938 г. рождаемость в городе по отношению

к предшествующему году снизилась на 11,2%, и в последующие годы этот процесс продолжился (см. приложение, табл. 5).

Подобный процесс, хотя и с определенной спецификой, наблюдался не только в Н. Тагиле, но и на уровне Уральского региона, а также в масштабах страны в целом (см. приложение, табл. 8). Анализ данных, приведенных в таблицах 5 и 8, показывает, что к 1940 г. общий коэффициент рождаемости в СССР, по сравнению с 1937 г., сократился на 9,5%, на Урале он уменьшился на 1,7% (по сравнению с 1938 г. – на 5,9%), а в Н. Тагиле – на 17,4%.

Такое снижение уровня рождаемости в конце 1930-х гг. стало реакцией населения на прямое вмешательство государства во внутрисемейное планирование, а также проявлением действия долгосрочной тенденции на снижение рождаемости, ориентации населения на среднететную семью, которую не смогли переломить никакие меры регулирования. Некоторое влияние на рождаемость в конце 1930-х – начале 1940-х гг. оказала мобилизация части мужского населения на советско-финляндскую войну [Гаврилова 2001: 213]. Немаловажную роль сыграл и массовый государственный террор, достигший своего пика в 1937–1938 гг. Он разрушил в стране сотни тысяч семей, а, кроме того, социальная напряженность и повышенная нервозность вообще отрицательно сказывались на репродуктивной функции [Исупов 2000: 134].

Траектория изменений общего коэффициента естественного прироста населения Н. Тагила в 1936–1940 гг. почти полностью повторяла конфигурацию тренда рождаемости. Достигнув к 1937 г. уровня десятилетней давности, естественный прирост в городе с 1938 г. стал сокращаться (см. приложение, табл. 5). Особенно резко его общий коэффициент снизился в последний предвоенный год, уменьшившись по отношению к 1939 г. сразу на 46,6%.

Дальнейшее развитие негативные тенденции в естественном движении населения, наметившиеся в Н. Тагиле в 1938–1940 гг., получили в годы Великой Отечественной войны (см. приложение, табл. 9).

Рождаемость в городе последовательно снижалась до 1945 г. В 1941 г. ее общий коэффициент уменьшился по отношению к 1940 году на 9,5%, в 1942 г. – на 58,7%, в 1943 г. – на 68,7%, а в 1944 г. – на 71,3%. Тенденция изменилась только в 1945 г., когда в сравнении с предшествующим годом рождаемость в городе выросла на 58,9%. Однако даже после этого повышения ее уровень остался

значительно ниже не только довоенного, но и зафиксированного в Н. Тагиле в 1941 г.

Подобная динамика рождаемости в годы войны была характерной как для Урала в целом, так и для Свердловской области в частности (см. приложение, табл. 10). Такое сходство трендов, наблюдавшихся на региональном, областном и городском уровнях, позволяет говорить об общности факторов, вызвавших данную динамику.

Одним из наиболее серьезных факторов стало широкое вовлечение в годы войны в общественное производство женщин репродуктивного возраста. Если в 1940 году удельный вес женщин в производственной сфере в целом по стране составлял 38,4%, доходя в промышленности до уровня 41%, то в 1945 году эти показатели достигли соответственно 55,3% и 50,9%. На Урале преимущественно женскими стали такие отрасли, как станкостроение, производство стройматериалов, резиновая, бумажная, лесная, легкая и пищевая отрасли промышленности. К концу войны доля женщин в уральской промышленности достигла 48,4% (в Свердловской области – 50,1%) [Во имя победы... 2005: 40].

Другим фактором, приведшим к снижению рождаемости в городе, стали изменения в возрастной структуре рожавших женщин (см. приложение, табл. 11).

За годы войны доля женщин, рожавших в возрасте до 30 лет, заметно сократилась. Если в 1940 г. таковых было 66,3%, то уже в первый год войны их удельный вес уменьшился до 65,5%, к 1943 г. – до 57,7%, а к 1945 г. – до 55%. Доля же женщин, рожавших в возрасте 30–39 лет, напротив, выросла. По сравнению с 1940 г., к 1945 году их удельный вес увеличился на 40,9%. Группа женщин в возрасте от 40 лет и старше была достаточно стабильной. Ее доля в 1941–1945 гг. колебалась незначительно (от 3,1% до 3,7%). Таким образом, в годы Великой Отечественной войны в г. Н. Тагил наблюдалось постарение рожавших женщин.

Еще одной из причин, повлиявших на снижение рождаемости, являлся рост числа аборт, которые, как и в предвоенные годы, были главным средством регуляции числа рождений. В городах Свердловской области в 1942 г. их количество к общей рождаемости составляло 22,3%, а в 1943 г. – 28,4% [Корнилов 1993: 61].

Не менее значимым фактором, негативно отразившимся на динамике рождаемости, явилась резкая деформация половозрастной структуры населения. Удельный вес мужчин брачного возраста в

составе населения города в годы Великой Отечественной войны существенно понизился, что привело к вынужденному бесплодию женщин. Так, если по переписи 1939 г. в Н. Тагиле на каждые 1 000 мужчин приходилось 1 082 женщины, то в 1948 г. – 1 178. Особенно резкие диспропорции сложились среди поколения 1920–1926 годов рождения. В этих группах населения на каждые 1 000 мужчин приходилось 1 428 женщин [Ермаков 2006: 110].

Существенное влияние на рождаемость, как известно, оказывают и брачно-семейные отношения. Великая Отечественная война не только прервала их у значительной части населения Н. Тагила, но и привела к уменьшению числа ежегодно заключаемых браков (см. приложение, табл. 12). В 1942 и 1943 годах их число в городе сократилось по сравнению с 1940 годом в 1,8 раза, а коэффициент брачности упал в 3,1–3,2 раза. Главным образом такое снижение может быть объяснено массовым призывом мужчин в армию. Только за 1941 г. и первую половину 1942 г. из города в армию было направлено 49,5 тыс. чел., а за вторую половину 1942, 1943, 1944 и первую половину 1945 г. – еще 30,2 тыс. человек [Ермаков 2006: 96]. Кроме того, на уровне брачности, несомненно, сказалось ухудшение экономических и бытовых условий жизни тагильчан.

Понизился в годы войны в Н. Тагиле и общий коэффициент разводимости. По сравнению с 1940 г., в 1941 г. он снизился на 12,5%, а в 1942 г. на 50% – до 0,4‰. На этом уровне коэффициент разводимости стабилизировался до 1945 г.

В 1944 г. в динамику брачности и разводимости вмешался мощный фактор законодательства. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О браке и семье» (8 июля 1944 г.) предусматривал существенные изменения в законах о браке, разводе и семье. Указ требовал обязательной регистрации брака. С этого времени фактические брачные отношения не создавали никаких супружеских прав и обязанностей, отменялась алиментная ответственность отцов по отношению к детям, рожденным вне зарегистрированного брака. В свидетельстве о рождении фамилия отца записывалась только в случае брака с матерью этого ребенка. Развод мог производиться лишь в народном суде после примирительного разбирательства, причем вопрос решала вышестоящая судебная инстанция. Этими жесткими изменениями в законодательстве власти стремились укрепить устои семьи, создать у населения более серьезное отношение к браку и разводу [Корнилов 1993: 52–53].

С 1944 г. в Н. Тагиле начался рост как числа заключенных браков, так и коэффициента брачности. Особенно значительным он был во втором полугодии 1945 г., когда началась демобилизация солдат советской армии. Уровень разводимости в 1945 г., напротив, снизился до рекордно низкого уровня – 0,02‰. Эти изменения в брачно-семейных отношениях создали более благоприятную ситуацию для воспроизводства населения и способствовали повышению рождаемости в городе. Однако к тому времени общий ущерб от падения рождаемости, по расчетам В. В. Кругликова, уже составил в Н. Тагиле (за 1942–1944 гг.) 11 722 ребенка [Кругликов 2007: 75].

Серьезно осложняла демографическую ситуацию в Н. Тагиле в годы Великой Отечественной войны высокая смертность тагильчан. Данные таблицы 9 показывают, что ее показатель в 1941–1945 гг. изменялся скачкообразно. Пик смертности пришелся на 1942 г., когда от различных причин в городе скончалось 8 502 тагильчанина. Минимальный уровень был зарегистрирован в 1945 г. – 1 993 умерших [ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 775. Л. 67; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 778. Л. 64].

Значительное воздействие на динамику общей смертности в городе оказывала смертность младенческая (см. приложение, табл. 13). Особенно сильным это влияние было в первые годы войны, когда удельный вес детей, умерших в возрасте до 1 года, среди других возрастных групп был наибольшим. Максимального уровня младенческая смертность достигла в 1942 г., увеличившись по сравнению с предшествующим годом на 29,8%. В последующие годы ее показатель значительно снизился – он опустился даже ниже уровня, зафиксированного в городе во второй половине 1920-х годов. По мнению Г. Е. Корнилова, столь необычное для периода войны явление может быть объяснено влиянием трех основных факторов: во-первых, резким снижением рождаемости; во-вторых, широким внедрением в медицинскую практику сульфаниламидных препаратов; в-третьих, большой организационной работой органов здравоохранения [Корнилов 1993: 71].

Структура причин смерти в 1941–1942 гг. в значительной степени оставалась в Н. Тагиле такой же, как и в предшествующие годы. Наибольшее число жизней уносили инфекционные болезни, заболевания органов дыхания и болезни пищеварительных органов (см. приложение, табл. 14). Сохранение высокой смертности от этих причин было связано с тяжелыми условиями существования тагиль-

чан и массовым притоком в город эвакуированных. В пути эвакуированные сталкивались с острым недостатком питьевой воды, продуктов питания, медикаментов. Санитарное состояние пассажирских эшелонов, вокзалов, железнодорожных станций, пристаней ухудшалось. В грязных вагонах, а очень часто в теплушках и даже на открытых платформах люди проводили по нескольку недель. Противоземлемические мероприятия были организованы далеко не во всех пунктах скопления пассажиров. Пристанционные бани, дезинфекционные и дезинсекционные установки бездействовали. Завшивленность была массовой [Исупов 2000: 151].

Все это привело к тому, что эвакуированные стали основным источником инфекций, к тому же их приток в город увеличивал скученность населения. Так, для прибывавших в Дзержинский район г. Н. Тагил местная городская власть утвердила распорядок расселения и санитарную норму в 3 м² на человека. В четырехкомнатных квартирах под уплотнение изымались две комнаты, в трехкомнатных – одна. В брусковые и частные дома подселялась одна семья [Панюхин 2005: 36]. Столь стесненные жилищные условия способствовали быстрому распространению инфекционных заболеваний. Смертность от тифа к 1942 г., по сравнению с 1940 годом, выросла в Н. Тагиле в три раза, от туберкулеза – на 23,1%, от дизентерии – на 10%.

Негативно отражались на состоянии здоровья тагильчан и уровне их смертности острая нехватка продовольствия, дефицит белков и витаминов в рационе, снижение калорийности питания. По данным медицинского обследования, проведенного на Уралвагонзаводе в конце 1941 г., дистрофия поразила почти 80% его работников. Люди пухли от голода. Появились сонливость и медлительность в движениях. Для борьбы с голодом на заводе был создан цех, в котором изготавливались дрожжи и котлеты с добавлением древесных опилок [Панюхин 2005: 36–37].

В таких условиях огромный ущерб населению города наносила смертность от дистрофии, авитаминоза и истощения. Только за I-е полугодие 1943 г. они унесли жизни 1 254 тагильчан [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 402. Л. 56]. В 1944 г. от дистрофии скончалось 2 549 человек, что составило 38% от общего числа умерших в городе за год. Радикальное сокращение смертности от данной причины произошло только в 1945 году, когда ее коэффициент снизился по сравнению с предшествующим годом на 94,4%.

После 1942 г. в структуре причин смерти произошел сдвиг в пользу эндогенных факторов, хотя преобладание экзогенных причин продолжало сохраняться на протяжении всего периода Великой Отечественной войны. Удельный вес умерших от болезней пищеварительных органов снизился в Н. Тагиле с 12,6% в 1942 г. до 5,2% в 1945 г., от заболеваний органов дыхания за тот же период уменьшился с 26,8% до 16,7%. Улучшение профилактической и лечебной работы в городе, а также уменьшение потока эвакуированных способствовали снижению смертности тагильчан от инфекционных заболеваний. Особенно значительно к 1945 г., по сравнению с первым годом войны, она снизилась от таких болезней, как корь (на 98,3%), дизентерия (на 95,7%), скарлатина (на 85%) и грипп (на 80%). В два раза сократилась смертность от тифа, коклюша и дифтерии. В то же время увеличилась доля смертей, приходящихся на причины эндогенного характера. Если в 1942 г. в Н. Тагиле удельный вес умерших от болезней сердца и системы кровообращения составлял 8,4%, от злокачественных новообразований – 1,9%, а от старческой дряхлости – 1,3%, то к 1945 г. он соответственно увеличился до 12,1%, 4,3% и 1,7% [ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 775. Л. 74, 74 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 778. Л. 52, 52 об., 53, 53 об.].

Перераспределение экзогенных и эндогенных причин в пользу последних происходило после 1942 г. во многих тыловых районах страны. Так, по данным Г. Е. Корнилова, на Урале в целом за 1942–1945 гг. удельный вес умерших от инфекционных и паразитарных болезней уменьшился с 27,4% до 16,5%, от болезней органов дыхания – с 20,6% до 9,8%. В Сибири за 1942–1945 гг. смертность от тифа понизилась почти в 7 раз, от кори – в 17, от дизентерии в 25, от токсической диспепсии – в 8 раз, от туберкулеза – на 46% [Население России в XX веке 2001, т. 2: 97–98].

Снижение рождаемости в годы войны наряду с высокой смертностью обусловили значительную естественную убыль населения Н. Тагила. На протяжении 1942–1944 гг. в городе наблюдался отрицательный естественный прирост (см. приложение, табл. 9). Особенно значительной естественная убыль населения была в 1944 г., когда она составила 4 тыс. человек. Всего же за годы Великой Отечественной войны численность населения города сократилась за счет превышения рождаемости над смертностью на 6 685 человек [ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 774. Л. 62 об.; ГАСО. Ф. р-1813.

Оп. 1. Д. 775. Л. 67; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 776. Л. 47 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 778. Л. 64, 67 об.].

В первые послевоенные годы в СССР наблюдался эффект компенсации человеческих потерь. В основе компенсаторной волны лежала реализация вынужденно отложенных в военные годы рождений, что, в свою очередь, было связано с улучшением ситуации на брачном рынке. Демобилизация привела к массовому образованию новых семей. В 1946 г. в российских городах на 1 000 населения вступило в брак 19,7, в 1947 г. – 14,8, 1948 г. – 15,5, 1949 г. – 16,6 [Население России в XX веке 2001, т. 2: 226].

Заметно вырос уровень брачности и в Н. Тагиле. В 1946 г. ее общий коэффициент увеличился до 18,8‰, превысив показатель 1945 г. на 89,9%. Еще более значительно брачность повысилась к 1949 г. – до 20,2‰. При этом число разводов после окончания войны было сведено к минимуму – в 1946 г. их было зафиксировано в городе только 16, а коэффициент разводимости составил 0,07‰ [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 629. Л. 85; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 687. Л. 63; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 779. Л. 2; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 1138. Л. 70; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 54. Л. 28; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 62. Л. 41; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 1168. Л. 78; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 1169. Л. 148].

Быстрое увеличение числа брачных пар способствовало повышению рождаемости. В РСФСР в 1946 г. ее общий коэффициент равнялся 24,4‰, в 1947 г. – 26,0‰, а в 1949 г. – уже 30,5‰ [Население России в XX веке 2001, т. 2: 344]. Та же динамика была характерна и для Н. Тагила. Компенсаторные явления ярко проявились здесь в 1946 и 1949 гг., когда рождаемость составила 28,2‰ и 44,3‰ соответственно [ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 779. Л. 2; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 1138. Л. 70; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 54. Л. 28; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 62. Л. 41; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 1168. Л. 78; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 1169. Л. 148; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 629. Л. 85; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 687. Л. 63].

Рост числа новорожденных во второй половине 1940-х гг. происходил в Н. Тагиле главным образом за счет увеличения количества первых детей. Если в 1945 г. их родилось только 1 370, то в 1946 г. – уже 2 768, в 1947 г. – 3 216, а в 1949 г. – 4 215 [ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 778. Л. 19 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 779. Л. 44 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 1138. Л. 40 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 1168. Л. 83 об.]. Стабильно увеличивался до 1948 г. и удельный

вес первенцев среди общего числа младенцев, рождавшихся в эти годы (см. приложение, табл. 15).

Доля вторых детей, сократившись к 1947 г. по сравнению с 1945 г. на 21,7%, с 1948 г. начала расти и в 1949 г. превысила показатель последнего года войны на 14,2%. Удельный вес третьих детей и далее последовательно сокращался на всем протяжении второй половины 1940-х гг. К 1949 г. он снизился по отношению к 1945 г. на 32,4%, что позволяет говорить о процессе формирования у тагильчан ориентации на малодетность в семьях.

Окончание войны внесло коррективы и в возрастную структуру рождаемости в Н. Тагиле (см. приложение, табл. 16). На протяжении 1946–1949 гг. наблюдался рост доли женщин, рожавших в возрасте до 30 лет, главным образом за счет возрастной группы от 20 до 29 лет, удельный вес которой к 1949 г. превысил уровень не только 1941–1945 гг., но и 1940 года. Доля женщин в возрасте до 20 лет была достаточно стабильной. Ее удельный вес, повысившись к 1946 г. по сравнению с последними годами войны на 36–50%, так и не достиг уровня показателей 1940–1942 гг. Группа женщин в возрасте более 30 лет за вторую половину 40-х гг. заметно сократилась. В 1949 г. их доля среди рожавших составляла 32%, т. е. по отношению к 1945 г. она снизилась на 28,4%.

Смертность, после резкого падения в 1945 г., в первые послевоенные годы вновь повысилась. На Урале ее общий коэффициент вырос к 1946 г. по сравнению с последним годом войны на 20% (до 12,6‰), а к 1949 г. – на 34,3% (до 14,1‰) [Алексеев 1993: 11]. Смертность тагильчан увеличилась к 1946 г., по сравнению с 1945 г., на 2,4% (до 8,7‰), а к 1949 г. – на 44,7% (до 12,3‰) [ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 779. Л. 2; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 1138. Л. 70; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 54. Л. 28; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 62. Л. 41; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 1168. Л. 78; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 1169. Л. 148; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 629. Л. 85; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 687. Л. 63]. Для выявления причин роста смертности обратимся к материалам таблиц 14 и 17.

Сравнение приведенных данных показывает, что в 1946 г. общий коэффициент смертности повысился главным образом из-за роста смертности от трех причин. Первой из них являлись болезни пищеварительных органов, которые унесли на 60% больше жизней, чем в 1945 г. Второй причиной были убийства и самоубийства – их число выросло по сравнению с последним годом войны более чем в

два раза [ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 778. Л. 52, 52 об., 53, 53 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 779. Л. 62, 62 об., 63, 63 об.]. Третья причина – врожденная слабость, преждевременное рождение, болезни новорожденных и врожденные пороки развития, смертность от которых выросла в 3 раза. В 1949 г. основными причинами роста общей смертности стали болезни органов дыхания, инфекционные заболевания, а также болезни сердца и системы кровообращения.

В возрастной структуре умерших преобладали дети. Больше всего смертей во второй половине 1940-х гг. пришлось на возрастную группу от 0 до 4 лет включительно. Ее удельный вес в Н. Тагиле в 1946 г. составил 32,7%, в 1948 г. – 48,9%, а в 1949 г. – 50,8%. Особенно много детей умирало в возрасте до 1 года. На их долю в 1946 г. пришлось 24,7% смертельных случаев, в 1947 г. – 35,8%, в 1948 г. – 24,6%, в 1949 г. – 37,7%.

Коэффициент младенческой, как и общей, смертности по сравнению с 1945 г. повысился, однако оставался ниже уровня не только 1941–1942 гг., но и предвоенных лет. В 1946 г. в Н. Тагиле он равнялся 87,1‰, в 1947 г. – 169,1‰, в 1948 г. – 111,2‰, а в 1949 г. – 121,8‰ [ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 778. Л. 65 об., 70 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 779. Л. 2, 5 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 1138. Л. 70, 73 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 1167. Л. 74; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 1168. Л. 78]. В основе данного явления лежали факторы экзогенного происхождения, прежде всего инфекционные и желудочно-кишечные заболевания, а также болезни органов дыхания, вызванные новым ухудшением условий существования жителей области. В 1947 г. в Н. Тагиле число младенцев, умерших от болезней органов дыхания, по сравнению с 1945 г., выросло в 5,7 раза, от инфекционных и паразитарных заболеваний – в 7 раз, а от болезней пищеварительных органов – в 10 раз, что, видимо, было следствием голода, разразившегося в стране в 1946–1947 годах [ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 778. Л. 52, 52 об., 53, 53 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 1138. Л. 32, 32 об., 33, 33 об.].

Послевоенное повышение смертности ослабило действие компенсаторной волны рождаемости 1946–1949 гг., но не привело к естественной убыли населения города. В 1946 г. за счет естественного прироста численность тагильчан выросла на 4 713 человек, в 1947 г. – на 3 826, в 1948 г. – на 2 884, а в 1949 г. – на 6 925 человек. Коэффициент естественного прироста в Н. Тагиле в 1946 г. составил 19,5‰, а в 1949 г. он увеличился до 32‰ [ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1.

Д. 779. Л. 2; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 1138. Л. 70; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 1167. Л. 74; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 1168. Л. 78]. В последующие годы этот показатель начал снижаться, что было связано с возобновлением после длительного перерыва процесса демографического перехода (см. приложение, табл. 18).

Данные таблицы 18 показывают, что в Н. Тагиле начиная с 1950 г. происходило последовательное снижение рождаемости. За десять лет она сократилась с 37,2‰ до 22‰, т. е. более чем на 40%.

Наблюдалось подобное снижение и на областном, а также республиканском уровнях. В период с 1950 по 1960 гг. общий коэффициент рождаемости городского населения Свердловской области уменьшился на 30,9% (с 31,7‰ до 21,9‰), а в городах РСФСР – на 15% (с 27,3‰ до 23,2‰) [Естественное движение населения... 1984: 14; Население России в XX веке 2001, т. 2: 240].

По мнению ряда отечественных демографов, сокращению рождаемости способствовало прежде всего то, что в 1950-е годы в завершающую стадию вступил переход от старых прокреационных отношений к новым. Основные черты новых прокреационных отношений следующие: рождение ребенка рассматривается как результат индивидуального решения, свободно принимаемого каждой женщиной или супружеской парой, а не как автоматическое следствие полового акта; при принятии решения о рождении или отказе от рождения ребенка женщина или супружеская пара исходят из учета конкретных обстоятельств своей жизни, своих потребностей, своей системы ценностей, а не из готовых предписаний и норм, жестко регламентирующих их поведение; общество признает суверенитет супругов в вопросе о рождении детей; внутрисемейное планирование деторождения становится неотъемлемой чертой образа жизни, тогда как прежде оно сурово осуждалось [Население СССР за 70 лет 1988: 99–100].

Косвенным показателем того, что процесс рождаемости постепенно становился все более контролируемым, являлось продолжающееся сокращение доли женщин, рожавших в возрастном диапазоне от 30 лет и старше (см. приложение, табл. 19).

Если в 1950 г. их удельный вес составлял 30,7%, то к 1959 г. он сократился до 26,2%. Наблюдалось особенно резкое снижение доли возрастной группы от 40 лет и старше, которая за 50-е гг. сократилась почти в 3 раза. Удельный вес рожениц в возрасте моложе

20 лет, напротив, увеличился к концу десятилетия, по сравнению с 1950 г., на 18,4%. Наибольшее число рождений, как и в 1940-х гг., приходилось на женщин в возрасте от 20 до 29 лет, доля которых среди рожавших в 1950-е гг. также выросла. Все это позволяет сделать вывод о том, что женщины, родив ребенка в молодом возрасте, в дальнейшем уклонялись от деторождения.

Едва ли не основным методом контроля рождаемости в те годы оставался аборт. О его распространенности в начале 1950-х гг. говорят следующие данные. В 1950 г. в Свердловской области было зарегистрировано 18 847 аборт, в 1951 г. – 22 822 аборта, в 1953 г. – 29 094 [ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 18. Л. 4а]. Однако еще более широкое применение в качестве инструмента регулирования деторождения он получил после указа «Об отмене запрещения аборт», принятого Президиумом Верховного Совета СССР 23 ноября 1955 года. Если в 1952 г. на каждую тысячу родов в Свердловской области приходилось 325 аборт, а в 1953 г. – 331, то в 1955 г. их количество выросло до 2 102 [ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 30. Л. 3а; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 64. Л. 1]. В Н. Тагиле только за четвертый квартал 1957 г. в лечебных учреждениях было произведено 2 062 аборт, при том что родилось в городе за аналогичный период только 1 949 младенцев [ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 84. Л. 95; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 108. Л. 267].

Не последнюю роль в снижении рождаемости в 1950-х гг. сыграли и изменения, произошедшие в уровнях брачности и разводимости тагильчан. По сравнению со второй половиной 1940-х гг. общий коэффициент брачности в городе заметно понизился (см. приложение, табл. 20).

Снижение происходило на протяжении всего десятилетия, хотя и не всегда последовательно. Так, например, после падения уровня брачности в 1952 г. последовал его резкий подъем в 1953 г. Тем не менее сравнение данных по пятилетиям показывает, что если в 1950–1954 гг. общий коэффициент брачности в среднем равнялся 15,1%, то в 1955–1959 гг. – уже 14,5%.

В 1950-е гг. снижение брачности наблюдалось у большей части городского населения России. Если в 1950 г. на 1 000 населения было заключено браков в российских городах – 14,8, то в 1955 г. – 13,8. Обуславливалось это прежде всего послевоенной диспропорцией полов, которая за 15 лет не была преодолена. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. в РСФСР, на 1 000 женщин

приходилось 814 мужчин [Население России в XX веке 2001, т. 2: 225–226].

Не намного лучше ситуация была и непосредственно в Н. Тагиле. В 1959 г. в городе на 1 000 женщин приходилось 844 мужчины. Особенно значительный перевес женщин наблюдался в возрастных группах старше 54 лет – на 1 000 женщин в возрасте 55–59 лет приходилось 495 мужчин; 60–69 лет – 429; 70 лет и старше – 301 [НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 204. Л. 153, 155, 156]. Диспропорция полов в этих возрастах была связана с высоким уровнем смертности мужчин как в армии, так и в тылу. Существенное влияние также оказали потери мужского населения этих возрастных групп в годы Первой мировой и гражданской войн [Население России в XX веке 2001, т. 2: 225].

Сильно пострадали и возрастные группы, где мужчины в 1941 г. находились в призывных возрастах – на 1 000 женщин в 1959 г. в возрасте 35–39 лет было 667 мужчин; 40–44 года – 670 мужчин; 45–49 лет – 705; 50–54 года – 650. В наиболее активных брачных возрастах (от 20 до 35 лет) также наблюдался численный перевес женщин. Однако он был менее значительным – на 1 000 женщин в возрасте 20–24 года приходилось 977 мужчин; 25–29 лет – 965 мужчин; 30–34 года – 846 [НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 204. Л. 154–155]. Численное превалирование женщин в этих возрастах являлось следствием высокой смертности в годы Великой Отечественной войны детей и подростков, причем особенно мальчиков.

В отличие от уровня брачности уровень разводимости в городе на протяжении всего десятилетия поступательно повышался. К 1958 г. ее общий коэффициент увеличился по отношению к 1950 г. в 5,5 раза, что свидетельствовало о возобновлении процесса дестабилизации брака. Негативным проявлением данного процесса было и увеличение доли расторгаемых браков с длительными сроками совместной жизни. Если в 1948 г. удельный вес расторгнутых браков длительностью свыше 4-х лет составлял 39,5%, то в 1952 г. – уже 47,7%, в 1954 г. – 58,5%, а в 1959 г. – 61,3% [ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 1167. Л. 131, 131 об., 138, 138 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 10. Л. 193, 193 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 18. Л. 187, 187 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 44. Л. 180, 180 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 83. Л. 97, 97 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 84. Л. 104, 104 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 94. Л. 106, 106 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 125. Л. 94, 94 об.]. Снижение

уровня брачности и уменьшение устойчивости заключаемых браков, несомненно, отрицательно влияли на рождаемость в городе.

Перемены, происходившие в 1950-х гг. в прокреационном поведении тагильчан, способствовали не только сокращению рождаемости, но и уменьшению числа детей в их семьях. По сведениям, полученным в ходе посемейного обследования, проведенного в Н. Тагиле в 1956–1958 гг. и охватившего 318 семей коренных тагильчан, в городе непрерывно возрастал процент семей с 1–2 детьми (см. приложение, табл. 21). Если до Великой Отечественной войны доля таких семей составляла 58,4%, а в 1941–1945 гг. – 83,3%, то уже в 1950-х гг. их удельный вес увеличился до 94%. Причем среди семей, образовавшихся в 1951–1957 гг., семьи с одним ребенком уже стали превалировать над семьями с двумя детьми. Это позволяет говорить о том, что в 1950-е годы переход к малодетности близился к своему завершению.

Аналогичное заключение позволяет сделать и рассмотрение материалов таблицы 22 (см. приложение. табл. 22). Содержащиеся в ней сведения показывают, что удельный вес новорожденных, рождавшихся третьими и далее, сокращался практически на протяжении всего десятилетия.

В то же время доля вторых детей за 1950-е гг. выросла на 17,9%, а первенцев – на 21,2%. Важно отметить, что удельный вес последних в 1958–1959 гг. уже составлял более 50% от общего числа младенцев, родившихся в эти годы.

Еще более высокими темпами, чем рождаемость, в 1950-е гг. снижалась смертность. Только за 1950–1955 гг. ее общий коэффициент уменьшился в российских городах с 10,4‰ до 7,5‰ [Население России в XX веке 2001, т. 2: 233]. На Урале на 1 000 жителей умерло в 1951 г. 11,6, 1953 – 9,1, 1955 г. – 8,1, 1957 г. – 7,6, 1960 г. – 7,3 [Население Урала. XX век... 1996: 8–9]. В Н. Тагиле за период с 1950 по 1960 гг. смертность снизилась на 56,6% (до 5,3‰) [Свердловская область в цифрах за 1971–1975 гг. 1976: 7].

По мнению отечественных исследователей, данная тенденция была связана прежде всего с улучшением в мирные годы количества и качества питания, жилищно-бытовых условий, медицинского обслуживания населения, введением новых лекарственных препаратов [Население России в XX веке 2001, т. 2: 233]. Применимость такой точки зрения для Н. Тагила подтверждается изменениями, произо-

шедшими в 1950-е гг. в структуре смертности тагильчан по причинам (см. приложение, табл. 23).

Из материалов таблицы 23 видно, что особенно сильно в городе снизилась смертность от причин, связанных с воздействием на людей внешней, природной и социальной среды – заболеваний, вызванных трудом и жизнью в ненормальных условиях. За период с 1950 по 1959 гг. она снизилась от болезней пищеварительных органов в 3 раза, заболеваний органов дыхания – в 5,7 раза, а от инфекционных болезней – более чем в 8 раз.

Однако на фоне снижения смертности от некоторых экзогенных причин наблюдалось ее увеличение от ряда эндогенных факторов (см. приложение, табл. 23). Так, например, смертность от злокачественных новообразований выросла за период с 1950 по 1959 гг. на 28,6%, а от болезней нервной системы и органов чувств – на 60%. Одновременно наблюдалось и увеличение удельного веса данных заболеваний в структуре причин смерти (см. приложение, табл. 24).

К 1959 г. доля смертей, вызванных болезнями нервной системы и органов чувств, а также злокачественными новообразованиями, увеличилась по сравнению с 1949 г. почти в три раза, и по удельному весу среди причин смерти эти заболевания оказались, соответственно, на третьем и втором местах. Первое место с 1954 г. закрепилось за болезнями сердца и системы кровообращения, доля которых за десятилетие выросла на 47%. Общий удельный вес инфекционных заболеваний и болезней органов дыхания, которые ранее занимали ведущие позиции в структуре причин смерти, наоборот, снизился. Если в 1949 г. он равнялся 52,1%, то уже в 1953 г. – 40,6%, в 1956 г. – 24,7%, а в 1959 г. – 21,8%. Заметно снизилась в 1950-е гг. и доля смертей, приходившихся на болезни пищеварительных органов. Все эти изменения, даже несмотря на некоторое увеличение удельного веса таких причин смерти, как убийства, самоубийства, травмы и отравления, привели к тому, что в 1959 г. доля смертей, приходившихся на эндогенные факторы, превысила долю смертей, вызванных экзогенными причинами, что свидетельствовало о завершении в г. Н. Тагил второго этапа эпидемиологического перехода.

Успешная борьба с болезнями пищеварительных органов, инфекционными заболеваниями, а также болезнями органов дыхания способствовала снижению и детской смертности (см. приложение, табл. 25).

За период с 1950 по 1960 гг. младенческая смертность в Свердловской области сократилась на 65,4%, а в Н. Тагиле – на 77,5%. Благодаря ее сокращению уменьшилась в составе умерших и доля детей в возрасте до 1 года. Если в 1950 г. младенцы составляли 43,2% от общего числа умерших в городе за год, то уже в 1952 г. их удельный вес сократился до 32,9%, в 1955 г. – до 24,8%, а в 1960 г. – до 13,1% [ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 1169. Л. 179, 179 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 18. Л. 160, 160 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 56. Л. 143, 143 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 125. Л. 92].

На Урале снижение смертности продолжалось до середины 1960-х гг. В Н. Тагиле минимальный ее уровень за весь XX век был зафиксирован уже в 1960 г., после чего началось его постепенное повышение, которое сопровождалось снижением рождаемости. Все это говорит о том, что вторая фаза демографического перехода, в ходе которой смертность в городе сократилась более чем в 4 раза, а рождаемость почти в два раза, завершилась. С 1961 г. население Н. Тагила вступило в третью фазу демографической трансформации.

Для третьей фазы демографического перехода характерны повышение коэффициента смертности, одновременное замедление снижения рождаемости и сокращение естественного прироста. К концу третьей фазы общий коэффициент рождаемости приближается к уровню простого воспроизводства (его границей считается показатель, равный 16‰), а коэффициент смертности остается ниже этого уровня. Данные изменения в естественном движении населения наблюдались в г. Н. Тагил в период с 1961 по 1987 гг. (см. приложение, рис. 2).

За этот отрезок времени рождаемость в городе сократилась с 20,9‰ до 16,6‰, т. е. на 20,6%. Причем главным образом это снижение пришлось на 1960-е гг., после чего рождаемость в значительной степени стабилизировалась.

Необходимо отметить, что уровень рассматриваемого показателя изменялся в Н. Тагиле в соответствии с общими тенденциями, характерными в этот период как для Свердловской области, так и всего Урала (см. приложение, табл. 26).

Анализ приведенных в таблице данных показывает, что за 26 лет по области рождаемость уменьшилась на 20,7%, а по региону – на 21,3% и наиболее высокие темпы ее снижения также наблюдались в 1960-х гг.

Основной, постоянной причиной снижения рождаемости в 1961–1987 гг., как и на предшествующем этапе демографической транзиции, было внутрисемейное регулирование численности семьи. По мнению Г. Н. Вагиной, оно было вызвано главным образом вовлечением женщин в общественное производство и связанными с ним более высокими материальными и культурными потребностями, стремлением получить образование и т. д. [Вагина 1968: 26].

Однако на эту причину накладывалось влияние целого ряда факторов, которые замедляли или ускоряли снижение рождаемости. Так, например, в 1960-е и 1970-е гг. ее динамика находилась под значительным влиянием возрастного состава населения. Вступление в начале 1960-х годов в репродуктивный период малочисленного поколения, рожденного в 1942–1945 гг., привело к снижению рассматриваемого показателя. К 1965 г. его уровень в Н. Тагиле опустился до 14,9‰, к 1966 г. – до 14,4‰, а к 1968 г. – до 13,3‰ [Народное хозяйство Свердловской области... 1967: 36; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 255-а. Л. 3 об.; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 277-а. Л. 12 об.; Преснякова 1968: 140]. Положение несколько улучшилось только к рубежу 1960–1970-х гг., когда брачного возраста достигло поколение конца 1940-х – начала 1950-х годов рождения (время послевоенного всплеска рождаемости).

В демографическом развитии СССР обычно выделяется 1970 г., когда впервые с 1960 г. родилось детей больше, чем в предыдущем году. Для Уральского региона «переломным» явился 1969 г [Русина 1991: 10]. В Н. Тагиле в указанном году, по сравнению с предшествующим годом, количество рождений увеличилось на 6,4%, а рождаемость выросла на 6,8% [НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 255-а. Л. 3 об.; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 277-а. Л. 12 об.; Численность и состав населения Свердловской области... 1990: 21].

Во второй половине 1960-х гг. на рождаемость, несомненно, отрицательно повлияло резкое повышение уровня разводимости. В Свердловской области он увеличился с 1,9‰ в 1960 г. до 3,6‰ в 1966 г. [Свердловская область в цифрах за 1971–1975 гг. 1976: 8]. Непосредственно в Н. Тагиле общий коэффициент разводимости вырос к 1966 г. до 4,6‰, в то время как в 1961 г. он составлял только 2,1‰ [ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 299. Л. 11об.; Народное хозяйство Свердловской области... 1967: 36; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 140-а. Л. 15; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 255-а. Л. 3 об.; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 277-а. Л. 12 об.]. Одним из факторов, приведших к

такому увеличению, стало упрощение процедуры развода в 1965 г. В Указе, принятом Президиумом Верховного Совета СССР 10 декабря 1965 г., сокращалось судебное рассмотрение дел от двух инстанций до одной. Одновременно отменялась публикация в газете объявления о расторжении брака [Сборник законов и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938–1967) 1968, т. 2: 317].

В начале 1980-х гг. на динамике рождаемости сказались меры демографической политики. 22 января 1981 г. ЦК КПСС и Советом Министров СССР было принято постановление (№ 235) «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». Одной из этих мер была частичная оплата отпуска по уходу за ребенком до одного года для работающих матерей с общим трудовым стажем не менее одного года, а также для женщин, обучающихся с отрывом от производства. Кроме того, работающим женщинам было разрешено брать дополнительный неоплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им полутора лет [Охрана материнства и детства в СССР 1986: 20–28].

Хотя данные меры демографической политики вводились поэтапно (в течение 1981–1983 гг.), но уже с 1982 г. началось заметное повышение абсолютных чисел родившихся. Если в 1980 г. в Свердловской области родилось 72,2 тыс. младенцев, а в 1981 г. – 72,3 тыс., то в 1982 и 1983 гг. уже соответственно 73,5 тыс. и 80,7 тыс. детей [Свердловская область в цифрах. 1981–1985 гг. 1987: 7]. В Н. Тагиле в 1980 г. родилось 6 409 младенцев, в 1981 г. – 6 380, в 1982 г. – 6 669, а в 1983 г. – 7 068. Общий коэффициент рождаемости за 1980–1983 годы вырос в городе с 15,9‰ до 17,1‰, т. е. на 7,5% [НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 343. Л. 50, 50 об.; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 369. Л. 63, 63 об.; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 388. Л. 2, 93; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 409. Л. 31, 31 об.; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 424. Л. 16; Свердловская область за 50 лет... 1984: 24]. Это увеличение не было вызвано повышением числа браков, наоборот, оно в расчете на 1 000 населения даже уменьшилось – с 10,6‰ в 1980 г. до 10,1‰ в 1983 г., что было связано с достижением в 80-х гг. XX века 18-летнего возраста все меньших по численности поколений женщин, родившихся в 1960-х гг. [НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 343. Л. 52, 52 об.; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 388. Л. 93; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 409. Л. 33, 33 об.; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 424. Л. 16; Свердловская область за 50 лет... 1984: 24].

Таким образом, упомянутые меры демографической политики начали проводиться в неблагоприятных условиях – на фоне сокращения молодых детородных контингентов, на которые в основном они были рассчитаны [Детность семьи: вчера, сегодня, завтра 1986: 63]. Тем не менее определенный положительный эффект от них сохранялся почти до конца 1980-х гг. Рождаемость в Свердловской области в 1984–1987 гг. стабилизировалась на уровне 1974–1979 гг., ее общий коэффициент колебался в диапазоне от 16,4‰ до 17,0‰, а в Н. Тагиле – от 15,7‰ до 16,7 ‰ [НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 424. Л. 16; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 446. Л. 14, 29, 29 об.; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 461. Л. 24, 24 об.; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 483. Л. 24, 24 об.; Свердловская область в цифрах. 1981–1985 гг. 1987: 6, 8; Свердловская область в цифрах. 1986–1990 гг. 1991: 18]. Однако уже в конце 1980-х гг. эти же меры государственной политики по стимулированию рождаемости дали прямо противоположный результат.

В отличие от рождаемости у смертности в 1960–1980-х гг. преобладающей тенденцией был рост, а не снижение. Так, на 1 000 населения в российских городах было умерших в 1961 г. – 6,7, в 1970 г. – 7,9, в 1980 г. – 10,0 [Население России в XX веке 2005, т. 3: 30]. Та же тенденция наблюдалась и в Уральском регионе (см. приложение, табл. 27). За 1961–1987 гг. смертность на Урале выросла на 37%, в Свердловской области – на 52,2%, а в Н. Тагиле – на 87%.

Одним из немногих исключений в данной динамике стал 1986 г., когда смертность по сравнению с предшествующим годом не только не выросла, но даже заметно сократилась. Чаще всего это связывают с антиалкогольной кампанией, начатой М. С. Горбачевым. Однако, помимо этого, видимо, сыграли свою роль либерализация различных сторон жизни общества, энтузиазм людей, поверивших в перестройку, и т. д. [Гаврилова 2001: 235].

Рост уровня смертности населения Н. Тагила в 1960–1980-х гг. был обусловлен действием как внутренних, так и внешних факторов. К последним можно отнести понижавшееся год от года качество медицинского обслуживания, а также прежде всего традиционно острую для Н. Тагила экологическую проблему, которая была порождена огромной промышленной нагрузкой на сравнительно небольшую территорию города и низким техническим уровнем горно-металлургических производств.

Внутренние факторы были все еще связаны с последствиями Второй мировой войны: оставшиеся в живых в тяжелейшее военное

время имели подорванное здоровье, дети, рожденные в тот период, также имели проблемы со здоровьем, особенно это относилось к мужской половине населения, более восприимчивой к внешней среде [Гаврилова 2001: 238]. Кроме того, необходимо учитывать увеличение доли старших возрастных групп в возрастном составе населения города. Удельный вес тагильчан в возрасте от 60 лет и старше в 1959–1989 гг. постоянно возрастал – за 30 лет он увеличился почти в три раза, что говорит о развитии в Н. Тагиле процесса постарения населения, который способствовал росту смертности его жителей.

Значительное влияние на общий коэффициент смертности в 1960–1980-х гг. по-прежнему оказывала младенческая смертность, уровень которой, несмотря на некоторое его понижение, оставался высоким. В Свердловской области в 1965 г. на 1 000 родившихся умерло детей в возрасте до 1 года – 28,4, в 1970 г. – 22,2, в 1975 г. – 23,2, в 1980 г. – 23,5, а в 1985 г. – 20,7 [Естественное движение населения в 2003 году... 2004: 6]. В Н. Тагиле коэффициент младенческой смертности в 1961 г. равнялся 28,2‰, в 1967 г. – 23,9‰, в 1970 г. – 19,4‰, в 1980 г. – 21,7‰, а в 1987 г. – 18‰ [ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 147. Л. 11 об.; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 299. Л. 11 об.; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 277-а. Л. 12 об.; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 343. Л. 34, 51, 51 об.; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 461. Л. 24, 24 об.; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 483. Л. 24, 24 об., 25, 25 об.].

Естественный прирост населения города из-за снижения рождаемости и повышения смертности в 1960–1980-х гг. проявлял тенденцию к понижению своего показателя (см. приложение, табл. 28). По сравнению с 1961 г., его общий коэффициент в Н. Тагиле сократился к 1965 г. на 40%, к 1975 г. – на 51%, а к 1987 г. – на 58,1%.

С 1988 г. в городе рождаемость опустилась ниже уровня простого воспроизводства – началась четвертая (постпереходная) фаза демографического перехода. Хотя в классическом виде она характеризуется стабилизацией рождаемости и смертности на низком уровне, близком или равном друг другу, тем не менее в реальности зачастую наблюдаются дальнейшее снижение рождаемости и рост коэффициента смертности, что приводит к отрицательному естественному приросту, т. е. депопуляции. Именно такое развертывание событий мы и наблюдаем в г. Н. Тагил после 1987 г. (см. рис. 2). Максимально сблизившись в 1990 г., показатели рождаемости и смертности не стабилизировались на достигнутом уровне, а про-

должили движение согласно тенденции предшествующих лет, что привело к отрицательному естественному приросту в городе.

Наиболее интенсивно в 1988–2002 гг. как в Н. Тагиле, в Свердловской области, так и в России в целом менялся коэффициент смертности (см. приложение, табл. 29). За этот период он увеличился в городах России на 59,2%, в городах Свердловской области – на 62,8%, в Н. Тагиле – на 71,2%.

Особенно настораживающими темпами смертность увеличивалась в 1993–1994 гг. К 1993 г., по сравнению с 1992 г., она выросла в городах России на 20%, к 1994 году – на 30,4%. В городах Свердловской области ее уровень увеличился по отношению к аналогичному году соответственно на 19,4% и на 32,3%, а непосредственно в Н. Тагиле – на 22,2% и на 45,2%.

Такой рост смертности, происходивший как в городе, так и в стране в начале 1990-х гг., многие специалисты считают следствием социально-экономического кризиса в России, приведшего к «...крушению системы здравоохранения, ухудшению окружающей среды, алкоголизации населения и психосоциальному стрессу» [Гаврилова 2001: 243]. Однако это объяснение не является исчерпывающим (см. приложение, рис. 3).

Анализ кривой числа умерших на рисунке 3 показывает, что столь резкого увеличения количества смертей в Н. Тагиле не было уже много лет. Число смертей в 1993 г. было больше, чем в 1992 г., на 21,3%, а в 1994 г. – на 41,8%. Только после 1994 г. вал смертей стал сокращаться, а кривая – возвращаться к своей обычной траектории. Нельзя, однако, не видеть, что эта траектория была нарушена несколько ранее, до резкого роста числа смертей. Рост начался не от обычного, постепенно повышавшегося по мере роста населения уровня, а после того, как кривая числа смертей в 1980-х гг. опускалась вниз.

Данная ситуация была зеркальным отражением ситуации, сложившейся в эти же годы в стране в целом. По мнению ряда отечественных авторов, восходящая и нисходящая волны колебания числа смертей были связаны между собой и взаимно компенсировали друг друга, т. е. небывалый в мирное время подъем смертности в первой половине 1990-х годов был в том числе следствием компенсаторного эффекта, вызванного сдвигом «календаря» смертей [Демографическая модернизация России... 2006: 297].

Кроме вышеуказанных причин повышению уровня общей смертности в 1988–2002 гг. способствовали и другие факторы. Одним из них было продолжающееся старение населения города. Сравнение половозрастной структуры населения г. Н. Тагил в 1989 и 2002 гг. показывает значительное снижение доли лиц моложе трудоспособного возраста. По данным переписи 2002 г., она по отношению к 1989 г. уменьшилась на 31,9% – до 16%. Удельный вес горожан в трудоспособном возрасте, напротив, вырос с 58,7% до 63,5%. Увеличилась и доля лиц старше трудоспособного возраста – с 17,8% до 20,5% [Половозрастной состав населения Свердловской области... 2004: 3].

Вторым фактором стало обострение феномена сверхсмертности. На Урале в 1990-х гг. уровень смертности от всех причин у мужчин превышал таковой у женщин: в возрастной группе 20–40 лет – в 4 раза, 40–60 лет – в 3 раза, 60–70 лет – в 2 раза [Нифантова 2000: 22]. В Н. Тагиле также больше умирало мужчин, чем женщин. В 1998 г. их было среди умерших 54,5%, в 1999 г. – 55,1%, в 2000 г. – 56,1%, в 2001 г. – 55,1% [НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 858. Л. 29]. Смертность мужчин превышала смертность женщин во всех возрастных группах, за исключением лиц пенсионного возраста (см. приложение, табл. 30).

Преобладание же умерших женщин над мужчинами в возрастной группе старше трудоспособного объясняется только тем, что в этой группе горожан соотношение мужчин и женщин составляло один к трем.

Особенно тревожной была ситуация со смертностью мужчин трудоспособного возраста. В 2001 г. в Н. Тагиле треть всех умерших находилась в трудоспособном возрасте, из них 80% – мужчины. Именно в этом возрасте больше всего погибало тагильчан от травм, несчастных случаев и отравлений. Около половины смертей у мужчин трудоспособного возраста пришлось на самоубийства, убийства и алкогольные отравления [Попова 2003: 2].

Изучение общей смертности по причинам показало, что основными причинами смерти на Урале в 1990-х гг. были (по убывающей, на 100 000 населения): сердечно-сосудистые заболевания – 680–750 случаев; несчастные случаи, отравления и травмы – 200–260 случаев; новообразования – 180–190 случаев; болезни органов дыхания – 75–85 случаев; болезни органов пищеварения – 34–40 случаев; инфекционные и паразитарные болезни – 17–20 случаев [Нифантова

2000: 22]. Подобная структура ведущих причин смерти наблюдалась и в г. Н. Тагил (см. приложение, табл. 31).

Данные таблицы 31 показывают, что более 80% смертей в 1998–2002 гг. в городе пришлось всего на три класса причин смерти – это болезни системы кровообращения, злокачественные новообразования, несчастные случаи, отравления и травмы. Удельный вес последних вырос по сравнению с 1959 г. более чем на половину, и в структуре причин смерти они переместились с пятого на второе место. Первое место сохранили за собой заболевания системы кровообращения, причем доля смертей, ежегодно вызываемых ими, за 40 лет увеличилась в три раза. Удельный вес злокачественных новообразований по сравнению с концом 1950-х гг. даже немного снизился, и в структуре причин смерти они передвинулись со второго на третье место. Таким образом, следует заметить, что в Н. Тагиле сформировалась комбинированная, сочетающая худшие черты традиционной и современной патологии структура причин смерти, в которой высокая смертность от болезней системы кровообращения и новообразований соседствовала с не менее высокой смертностью от травм, отравлений, а также от болезней органов дыхания.

На фоне повышающейся общей смертности несколько более оптимистично к концу XX – началу XXI вв. выглядели тенденции младенческой смертности. Если в 1990 г. в Свердловской области на 1 000 родившихся умерло детей в возрасте до 1 года 16,1, а в 1995 г. – 17,5, то в 2000 г. – уже 15,0, в 2001 г. – 12,6, а в 2002 г. – 11,6 [Естественное движение населения в 2003 году 2004: 7]. В Н. Тагиле в этот период уровень младенческой смертности был выше областного, но и здесь к началу XXI века обозначились признаки ее снижения. Если в 1999 г. ее коэффициент равнялся 18,4‰, то в 2000 г. – 17,2‰, а в 2001 г. – 13,5‰ [Попова 2003: 2].

Хотя растущий уровень общей смертности был серьезной предпосылкой для наступления депопуляции, тем не менее первопричиной демографического кризиса стал не он, а резкое снижение рождаемости в конце 1980-х – начале 1990-х гг. (см. приложение, табл. 32). Сохранение рождаемости в городе даже на уровне 1987 г. позволило бы, по крайней мере, до 1994 г. избегать естественной убыли населения.

За 1988–1999 гг. рождаемость у городского населения в России снизилась на 48,4%, в Свердловской области – на 48%, в Н. Тагиле – на 47,6%. Большая часть этого снижения пришлось на начало 1990-х гг.

Уже к 1993 г., по отношению к 1990 г., общий коэффициент рождаемости в городах России уменьшился на 32,3%, в Свердловской области – на 30,5%, в Н. Тагиле – на 30%.

Наиболее подробно, на наш взгляд, причины данного явления были рассмотрены О. Д. Захаровой. Она выделила следующие детерминанты снижения уровней рождаемости: 1) последствия тайминга – сдвигов в календаре рождений (в середине 1980-х гг. под влиянием демографической политики произошла концентрация рождений: те женщины, которые планировали рождение ребенка в конце 80-х – начале 90-х гг., уже сделали это в первой половине 1980-х гг.); 2) изменения в структуре и числовых характеристиках женских репродуктивных контингентов (в начале 90-х гг. в возраст максимальной интенсивности деторождения вступили малочисленные поколения женщин, родившихся во второй половине 1960-х и в начале 1970-х гг.); 3) социально-экономический кризис [Исупов 2000: 84]. Влияние этих детерминант на рождаемость, по ее мнению, было неравноценным. Если первые две из них напрямую привели к ее спаду, то кризис его только усугубил [Захарова 1993: 93].

Способствовала сокращению рождаемости в рассматриваемый период и широкая практика прерывания беременности. На Урале в 1990-х гг. абсолютное число абортотворения хотя и имело тенденцию к сокращению, однако по-прежнему более чем вдвое превышало число родов. Для сравнения: в развитых странах Европы это соотношение было в десятки раз меньше [Нифантова 2000: 19].

Кроме того, ситуацию с воспроизводством населения в 1990-е гг. ухудшали и негативные явления в брачно-семейных отношениях (см. приложение, табл. 33). За 1990–1998 гг. общий коэффициент брачности в Н. Тагиле уменьшился на 42,7% – до отметки в 5,1‰, после чего начался обратный процесс, который привел к увеличению рассматриваемого показателя к 2001 г. до 7,6‰. Коэффициент разводимости за исключением 1992–1994 гг., а также 2001 г. оставался на уровне 1970–1980-х гг. Тем не менее из-за сокращения количества бракосочетаний изменилось соотношение браков и разводов в сторону резкого увеличения последних. Если в 1990 г. в расчете на 100 браков приходилось 47,6 разводов, то в 1995 г. – 68,6, а в 2001 г. – 96,4.

В результате всего вышеперечисленного коэффициент рождаемости в городе в 1990-х гг. ни разу даже не приблизился к уровню, необходимому для простого воспроизводства населения. Если при

существующем показателе смертности для простого воспроизводства необходимо, чтобы на 1 000 женщин приходилось за всю их жизнь 2 160–2 180 детей, то в Н. Тагиле суммарный коэффициент рождаемости составлял в 1986 г. 2 032, в 1989 г. он снизился до 1 750, а в 1992 г. – до 1 188. То есть без учета смертности в городе воспроизводилось только 58% населения [Попова 2003: 2].

Количество рождавшихся детей сокращалось в городе в последнем десятилетии XX века практически ежегодно. Если в 1990 г. в Н. Тагиле появилось на свет 4 827 младенцев, то в 1995 г. – 3 311, а в 1999 г. – лишь 3 004. Слабые намеки на улучшение ситуации появились только в 2000 г., когда рождаемость повысилась и абсолютно, и относительно. Тем не менее даже в 2002 г. она уступала смертности почти в два раза, что предопределило значительную естественную убыль населения.

За 1990–1994 гг. отрицательный естественный прирост в городе увеличился с –0,1 до –10,3‰ (в 103 раза). Это было значительно больше общероссийских и общеобластных показателей, что свидетельствовало о чрезвычайной остроте депопуляционных процессов в Н. Тагиле. С середины 1990-х гг. естественная убыль населения начала сокращаться, и к 1998 г., по сравнению с 1994 г., ее общий коэффициент уменьшился на 28,2% (до 7,4‰). В последующие годы волнообразные колебания уровня естественного прироста продолжались, но его отрицательный характер оставался неизменным. Только за 2001–2002 гг. количество тагильчан из-за естественной убыли сократилось на 6,1 тыс. человек.

Подводя итог, отметим следующее. Несмотря на то, что многие этапы демографического перехода в Н. Тагиле в течение XX в. были успешно пройдены, тем не менее нельзя говорить о его завершении. Главным образом это связано с незавершенностью модернизации смертности, о чем свидетельствуют такие признаки, как: высокий уровень общего коэффициента смертности (с 1994 по 2002 гг. он не опускался ниже 15,1‰), значительный удельный вес среди умерших лиц трудоспособного возраста, а также сохранение элементов традиционной структуры причин смерти, в частности сравнительно высокой смертности от болезней органов дыхания. Очевидно, что для изменения сложившейся негативной ситуации в городе и завершения демографического перехода потребуется приложить значительные усилия как государственным структурам, так и самим тагильчанам.

Приложение

Таблица 1

**Естественное движение городского населения
Нижнетагильского уезда в 1921 и первой половине 1922 гг., ‰***

Год	Коэффициенты естественного движения		
	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1921	35,6	32,9	2,7
Первая половина 1922	17,8	86,8	-69

* Рассчитано по: Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 год. Екатеринбург, 1923. С. 35, 38, 41.

Таблица 2

**Количество умерших в г. Н. Тагил от острозаразных болезней
в 1922–1926 гг.***

Заболевание	Число умерших от данного заболевания и их удельный вес (в %) от общего количества летальных случаев за год				
	1922	1923	1924	1925	1926
Дизентерия	201 (7,2%)	17 (2,6%)	1 (0,1%)	100 (12,5%)	26 (3,3%)
Тиф и паратиф	763 (27,3%)	57 (8,7%)	7 (1%)	2 (0,25%)	4 (0,5%)
Холера	68 (2,4%)	–	–	–	1 (0,1%)

* Составлено и рассчитано по: НТГИА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 51. Л. 11, 42 об.; Д. 136. Л. 88, 88 об.; Ф. 323. Оп. 1. Д. 144. Л. 2, 10, 19, 25, 34, 43, 98, 118, 140, 148, 160, 173; Д. 186. Л. 61, 86, 107, 117, 140, 158, 172, 196, 229, 242 об., 257, 286.

Таблица 3

**Динамика общих коэффициентов естественного движения
населения г. Н. Тагил в 1923–1926 гг., ‰***

Год	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1923	34,6	24,3	10,3
1924	52,7	24,0	28,7
1925	50,0	26,0	24,0
1926	53,8	22,8	31,0

* Рассчитано по: Уральский статистический ежегодник на 1923 г. ... С. 32; Уральское хозяйство в цифрах 1926 г... С. 8; Статистический справочник Тагильского округа, Уральской области... С. 18–19, 48–49; НТГИА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 52. Л. 1; Д. 54. Л. 7; Ф. 323. Оп. 1. Д. 185. Л. 21–31.

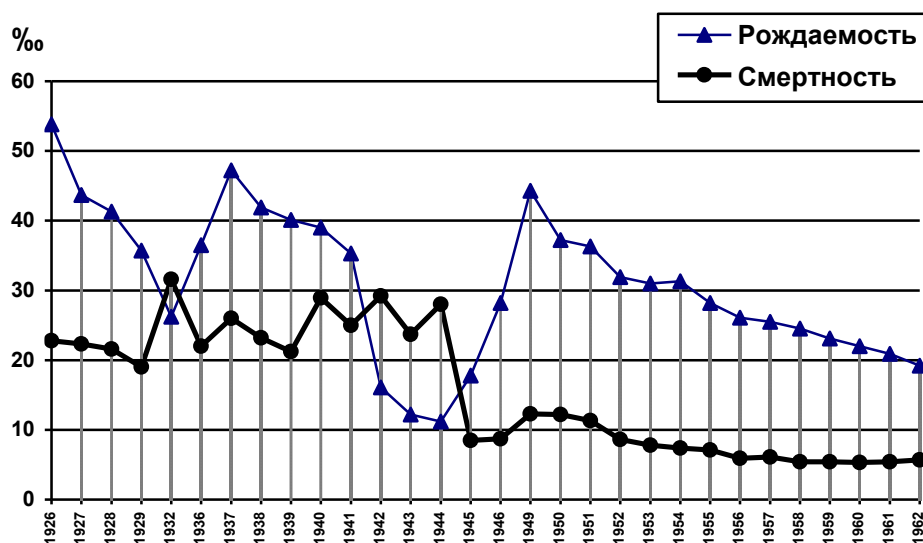

Рис. 1. Динамика общих коэффициентов рождаемости и смертности по г. Н. Тагил за 1926-1962 гг.*

*

Подсчитано и составлено по: Статистический справочник Тагильского округа, Уральской области... С. 48–51; Хозяйство Свердловской области. 1935–1936... С. 201; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. М., 1991. С. 65; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года. Уральский регион. Екатеринбург, 2002. С. 288; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 48; НТГИА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 54. Л. 18; Ф. 128. Оп. 1. Д. 35. Л. 15; Д. 51. Л. 34; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 99. Л. 10; Д. 100. Л. 1; Д. 101. Л. 9; Д. 779. Л. 2; Д. 1168. Л. 78; Д. 1169. Л. 148; Оп. 11. Д. 10. Л. 91; Д. 18. Л. 153; Д. 30. Л. 33; Д. 44. Л. 141; Д. 56. Л. 108; Д. 83. Л. 56; Д. 84. Л. 58 об.; Д. 94. Л. 31 об.; Д. 125. Л. 15 об.; Д. 147. Л. 11 об.; Д. 299. Л. 11 об.; Д. 332. Л. 29 об.; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 702. Л. 26.

Таблица 4

Смертность по основным классам причин смерти в г. Н. Тагил
в 1926, 1927, 1928 и 1932 гг., ‰*

Причины смерти	На 1 тыс. чел. населения города			
	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1932 г.
1. Инфекционные болезни	6,0	5,8	5,5	8,5
<i>В том числе</i>				
тиф (все формы)	0,1	0,5	0,3	1,4
оспа	0,2	0,03		0,1
корь	0,2	0,3	0,8	3,4
скарлатина	0,9	1	0,7	0,2
коклюш	0,03	0,07	0,5	0,2
дифтерия	0,03	0,05	0,05	0,5
грипп, инфлюэнца	0,4	0,3	0,2	0,6
дизентерия	0,7	0,4	0,3	0,5
туберкулез	2,5	2,6	2,0	1,5
прочие	0,94	0,55	0,65	0,1
2. Болезни пищеварительных органов	2,5		2,0	4,6
<i>В том числе</i>		4,2		
энтерит, колит, диарея	1,3	2,3	1,5	4,6
прочие	1,2	1,9	0,5	–
3. Болезни органов дыхания	3,3	2,0	3,7	5,9
<i>В том числе</i>				
бронхит, пневмония	3,2	1,8	3,2	5,9
прочие	0,1	0,2	0,5	–
4. Травмы	Нет св.	Нет св.	Нет св.	0,6
5. Злокачественные новообразования	0,5	0,6	0,7	0,3
6. Болезни сердца и системы кровообращения	1,9	2,1	0,9	1,8
7. От всех прочих причин	8,6	7,6	8,8	9,9
Общий коэффициент смертности	22,8	22,3	21,6	31,6

* Составлено и подсчитано по: НТГИА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 79. Л. 103; Д. 136. Л. 88; Д. 182. Л. 44; Ф. 128. Оп. 1. Д. 35. Л. 15.

Таблица 5

Динамика общих коэффициентов естественного движения населения г. Н. Тагил в 1936–1940 гг., ‰*

Год	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1936**	36,5	22,0	14,5
1937	47,2	26,0	21,2
1938**	41,9	23,2	18,7
1939	40,1	21,2	18,9
1940	39,0	28,9	10,1

* Подсчитано и составлено по: Хозяйство Свердловской области... С. 201; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги... С. 65; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года. Уральский регион... С. 288; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 99. Л. 10; Д. 100. Л. 1; Д. 101. Л. 9; Д. 773. Л. 78; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 48; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 51. Л. 34.

** Для исчисления общих коэффициентов естественного движения населения за 1936 и 1938 гг. часть данных (численность населения города на 1 января 1936 и 1938 гг.) была получена с помощью демографического баланса.

Таблица 6

Смертность по основным классам причин смерти в г. Н. Тагил в 1936, 1937 и 1940 гг., ‰*

Причины смерти	На 1 тыс. чел. населения города		
	1936 г.	1937 г.	1940 г.
1. Инфекционные болезни	8,2	9,3	9,5
<i>В том числе</i>			
тиф (все формы)	0,1	0,1	0,1
корь	2,6	3,0	3,4
скарлатина	0,6	0,5	0,2
коклюш	0,2	0,9	0,2
дифтерия	0,2	0,2	0,3
грипп, инфлюэнца	0,3	0,4	0,5
дизентерия	0,9	0,6	1,0
туберкулез	2,3	3,0	2,6
прочие	1,0	0,6	1,2
2. Болезни пищеварительных органов	3,1	3,8	5,2
<i>В том числе</i>			
энтерит, колит, диарея, диспепсия	2,8	3,3	4,6
прочие	0,3	0,5	0,6
3. Болезни органов дыхания	4,2	5,3	6,5

<i>В том числе</i>			
бронхит, пневмония	3,9	5,1	6,3
прочие	0,3	0,2	0,2
4. Врожденная слабость, преждевременное рождение, болезни новорожденных (до 3-х мес.) и врожденные пороки развития	2,1	2,1	1,9
5. Травмы	1,0	0,9	0,9
6. Злокачественные новообразования	0,4	0,6	0,7
7. Болезни сердца и системы кровообращения	0,9	1,1	1,8
8. Старческая дряхлость	0,5	0,6	0,4
9. От всех прочих причин	1,6	2,3	2,0
Общий коэффициент смертности	22,0	26,0	28,9

* Рассчитано и составлено по: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 99. Л. 3, 3 об.; Д. 100. Л. 2, 2 об.; Д. 773. Л. 86, 86 об.

Таблица 7

Младенческая смертность в г. Н. Тагил в 1936–1940 гг.*

Показатель	Год				
	1936	1937	1938	1939	1940
Удельный вес умерших в возрасте до 1 года от общего числа смертей (%)	41,2	43,9	42,0	44,0	39,9
Коэффициент младенческой смертности (‰)	262,4	259,6	226,1	227,6	295,4

* Составлено и рассчитано по: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 99. Л. 10; Д. 100. Л. 10; Д. 101. Л. 9. Д. 773. Л. 78; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 51. Л. 34.

Таблица 8

Рождаемость населения СССР, Урала в 1937–1940 гг., ‰*

Общий коэффициент рождаемости	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.
СССР	39,9	39,0	40,0	36,1
Урал	40,3	42,1	41,8	39,6

* Составлено по: Население Советского Союза: 1922–1991 / Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харьков. М., 1993. С. 57; Население Урала. XX век... С. 8.

Таблица 9

Динамика общих коэффициентов естественного движения населения г. Н. Тагил в 1941–1945 гг., ‰*

Год	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1941	35,3	25,0	10,3
1942	16,1	29,2	-13,1
1943	12,2	23,7	-11,5
1944	11,2	28,0	-16,8
1945	17,8	8,5	9,3

* Подсчитано и составлено по: Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е – нач. 50-х гг. Нижний Тагил, 1996. Ч. 2. С. 8; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 48; Д. 484. Л. 37; Д. 629. Л. 85; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 702. Л. 26; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 774. Л. 62 об.; Д. 775. Л. 67; Д. 776. Л. 47 об.; Д. 778. Л. 67 об.; Д. 778. Л. 64.

Таблица 10

Рождаемость населения Урала, Свердловской области в 1941–1945 гг., ‰*

Общий коэффициент рождаемости	1941	1943	1944	1945
Урал	34,0	11,6	10,4	14,6
Свердловская область	35,1	10,9	9,5	13,9

* Составлено по: Корнилов Г. Е. Уральское село и война... С. 46.

Таблица 11

Возрастной состав рожавших женщин в г. Н. Тагил в 1940–1945 гг., ‰*

Возраст, лет	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Моложе 20 лет	4,3	4,0	3,5	2,7	2,2	2,0
20–29 лет	62,0	61,5	60,3	55,0	54,2	53,0
30–39 лет	29,1	29,9	31,8	38,1	39,9	41,0
40 лет и старше	3,5	3,1	3,2	3,6	3,1	3,7
Не известен	1,1	1,5	1,2	0,6	0,6	0,3

* Составлено по: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 773. Л. 8; Д. 774. Л. 11; Д. 775. Л. 63; Д. 776. Л. 18; Д. 777. Л. 12; Д. 778. Л. 19.

Таблица 12

Браки и разводы в г. Н. Тагил в 1940–1945 гг.*

Год	Количество браков	Коэффициент брачности (%)	Количество разводов	Коэффициент разводимости (%)
1940	1 326	8,1	130	0,8
1941	1 873	8,8	146	0,7
1942	733	2,5	125	0,4
1943	742	2,6	123	0,4
1944	1 111	4,7	101	0,4
1945	2 329	9,9	4	0,02

* Составлено и подсчитано по тем же материалам, что и табл. 9.

Таблица 13

Младенческая смертность в г. Н. Тагил в 1941–1945 гг.*

Показатель	Год				
	1941	1942	1943	1944	1945
Удельный вес умерших в возрасте до 1 года от общего числа смертей (%)	32,0	20,4	6,9	7,1	10,2
Коэффициент младенческой смертности (‰)	237,7	308,5	120,3	160,2	55,4

* Составлено и рассчитано по: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 773. Л. 78; Д. 774. Л. 62 об.; Д. 775. Л. 67; Д. 776. Л. 47 об.; Д. 778. Л. 64, 67 об.

Таблица 14

Смертность по основным классам причин смерти в г. Н. Тагил в 1941–1945 гг.*

Причины смерти	На 1 тыс. чел. населения города				
	1941	1942	1943	1944	1945
1. Инфекционные болезни	7,3	6,8	4,2	4,5	2,2
<i>В том числе</i>					
тиф (все формы)	0,2	0,3	0,1	0,1	0,1
корь	2,3	0,6	0,03	0,004	0,04
скарлатина	0,2	0,1	0,01	0,017	0,03
коклюш	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1
дифтерия	0,2	0,3	0,1	0,1	0,1
грипп	0,2	0,1	0,1	0,2	0,04
дизентерия	0,7	1,1	0,4	0,4	0,03
туберкулез	2,4	3,2	2,9	3,1	1,5
прочие	0,9	0,9	0,46	0,479	0,26
2. Болезни пищеварительных органов	3,2	3,7	1,3	1,0	0,4

3. Болезни органов дыхания	5,9	7,8	4,4	4,7	1,4
4. Болезни нервной системы и органов чувств	0,5	0,6	0,5	0,5	0,4
5. Болезни сердца и системы кровообращения	1,6	2,5	2,5	2,5	1,0
6. Злокачественные новообразования	0,5	0,5	0,4	0,2	0,4
7. Врожденная слабость, преждевременное рождение, болезни новорожденных и врожденные пороки развития	1,4	0,6	0,2	0,2	0,1
8. Самоубийство, убийство	0,3	0,2	0,3	0,3	0,1
9. Травмы и отравления	0,9	1,2	1,3	1,3	0,8
10. Старческая дряхлость	0,2	0,4	0,3	0,5	0,1
11. Дистрофия	нет св.	нет св.	нет св.	10,7	0,6
12. От всех прочих причин	3,2	4,9	8,3	1,6	1,0

* Составлено и подсчитано по: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 774. Л. 68, 68 об.; Д. 775. Л. 74, 74 об.; Д. 776. Л. 51, 51 об.; Д. 777. Л. 67, 67 об., 68, 68 об.; Д. 778. Л. 52, 52 об., 53, 53 об.

Таблица 15

**Сведения о родившихся по порядку рождения
в г. Н. Тагил в 1945–1948 гг., %***

Какой по счету ребенок	1945	1946	1947	1948	1949
Первый	32,7	40,7	45,0	44,8	43,9
Второй	22,6	19,2	17,7	23,7	25,8
Третий и далее	44,7	40,1	31,5	31,3	30,2
Не указано	–	–	5,8	0,2	0,1

* Подсчитано по: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 778. Л. 19 об.; Д. 779. Л. 44 об.; Д. 1138. Л. 40 об.; Д. 1167. Л. 86 об.; Д. 1168. Л. 83 об.

Таблица 16

**Возрастной состав рожавших женщин в г. Н. Тагил
в 1946–1949 гг., %***

Возраст, лет	1946	1947	1948	1949
Моложе 20 лет	3,0	3,1	2,9	3,0
20–29	51,5	57,1	62,9	64,9
30–39	41,2	35,0	29,3	28,2
40 лет и старше	4,3	4,6	4,0	3,8
Не известен	–	0,2	0,9	0,1

* Составлено по: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 779. Л. 44, 44 об.; Д. 1138. Л. 40, 40 об.; Д. 1167. Л. 86, 86 об.; Д. 1168. Л. 83, 83 об.

Таблица 17

**Смертность по основным классам причин смерти в г. Н. Тагил
в 1946 и 1949 гг., ‰***

Причины смерти	На 1 тыс. чел. населения города	
	1946	1949
1. Инфекционные болезни	2,3	3,4
2. Болезни пищеварительных органов	0,7	0,9
3. Болезни органов дыхания	1,4	3,0
4. Болезни нервной системы и органов чувств	0,5	0,6
5. Болезни сердца и системы кровообращения	1,0	1,4
6. Злокачественные новообразования	0,4	0,7
7. Врожденная слабость, преждевременное рождение, болезни новорожденных и врожденные пороки развития	0,3	0,5
8. Самоубийство, убийство	0,3	0,2
9. Травмы и отравления	0,9	0,8
10. Старческая дряхлость	0,1	0,1
11. От всех прочих причин	0,8	0,7

* Составлено и подсчитано по: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 779. Л. 62, 62 об., 63, 63 об.; Д. 1168. Л. 137, 137 об., 138, 138 об.

Таблица 18

**Динамика общих коэффициентов естественного движения
населения г. Н. Тагил в 1950–1960 гг., ‰***

Год	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1950	37,2	12,2	25,0
1951	36,3	11,3	25,0
1952	31,9	8,6	23,3
1953	31,0	7,8	23,2
1954	31,3	7,4	23,9
1955	28,2	7,1	21,1
1956	26,1	5,9	20,2
1957	25,5	6,1	19,4
1958	24,5	5,4	19,1
1959	23,1	5,4	17,7
1960	22,0	5,3	16,7

* Подсчитано и составлено по: Народное хозяйство Свердловской области и города Свердловска. Статистический сборник. Свердловск, 1956. С. 13; Народное хозяйство Свердловской области. Статистический

сборник. Свердловск, 1962. С. 16; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 1169. Л. 148; Оп. 11. Д. 10. Л. 91; Д. 18. Л. 153; Д. 30. Л. 33; Д. 44. Л. 74, 141; Д. 56. Л. 108; Д. 62. Л. 3, 41, 28; Д. 83. Л. 56; Д. 84. Л. 58 об.; Д. 94. Л. 31 об.; Д. 104. Л. 2; Д. 125. Л. 15 об.; Д. 147. Л. 11 об.; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 140-а. Л. 15.

Таблица 19

**Возрастной состав рожавших женщин в г. Н. Тагил
в 50-х гг. XX в., %***

Год	Возраст, лет				Не известен
	Моложе 20 лет	20–29 лет	30–39 лет	40 лет и старше	
1950	3,8	65,5	26,7	4,0	–
1951	2,8	69,1	24,1	4,0	–
1952	2,3	69,8	23,9	3,9	0,1
1953	2,3	68,4	25,3	3,9	0,1
1954	3,1	69,2	24,0	3,6	0,1
1955	3,0	67,3	26,8	2,9	–
1956	3,6	67,9	25,7	2,8	–
1957	4,1	66,6	27,4	1,9	–
1958	4,4	67,1	26,6	1,8	0,1
1959	4,5	69,3	24,8	1,4	–

* Составлено по: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 1169. Л. 194, 194 об.; Оп. 11. Д. 10. Л. 172, 172 об.; Д. 18. Л. 170, 170 об.; Д. 30. Л. 115, 115 об.; Д. 44. Л. 181, 181 об.; Д. 56. Л. 186, Д. 83. Л. 92; Д. 84. Л. 97; Д. 94. Л. 42; Д. 125. Л. 83.

Таблица 20

Брачность и разводимость в г. Н. Тагил в 50-х гг. XX в., в ‰*

Показатели	Год									
	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959
Брачность	16,8	16,0	13,3	15,1	14,3	13,9	14,1	15,1	15,7	13,8
Разводимость	0,4	0,6	0,7	0,9	1,1	1,2	1,4	1,7	2,2	2,2

* Подсчитано по тем же материалам, что и табл. 18.

Таблица 21

Распределение семей тагильчан по числу детей, %*

Годы вступления в брак	Число детей					
	1	2	3	4	5	6 и более
1936–1940	29,2	29,2	25,0	12,5	–	4,1
1941–1945	11,1	72,2	5,6	11,1	–	–
1946–1950	27,3	54,5	18,2	–	–	–
1951–1957	74,0	20,0	6,0	–	–	–

* Составлено по: Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила... С. 159.

Таблица 22

Сведения о родившихся по порядку рождения в г. Н. Тагил в 50-х гг. XX в., %*

Какой по счету ребенок	Год									
	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959
Первый	43,0	40,9	41,5	38,1	42,3	42,0	46,2	47,1	50,3	52,1
Второй	26,8	29,7	28,8	30,5	30,5	30,3	30,9	30,9	30,2	31,6
Третий и далее	30,2	29,4	29,6	31,3	27,1	27,7	22,9	22,0	19,4	16,3
Не указано	–	–	0,1	0,1	0,1	–	–	–	0,1	–

* Подсчитано по: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 1169. Л. 194, 194 об.; Оп. 11. Д. 10. Л. 172, 172 об.; Д. 18. Л. 170, 170 об.; Д. 30. Л. 115, 115 об.; Д. 44. Л. 181, 181 об.; Д. 56. Л. 186; Д. 83. Л. 93; Д. 84. Л. 97; Д. 94. Л. 42; Д. 125. Л. 83.

Таблица 23

Смертность по основным классам причин смерти в г. Н. Тагил в 1950-х гг.*

Причины смерти	На 1 тыс. чел. населения города				
	1950	1952	1954	1956	1959
1. Инфекционные болезни	3,3	1,9	1,3	0,5	0,4
2. Болезни пищеварительных органов	0,6	0,2	0,2	0,2	0,2
3. Болезни органов дыхания	4,0	2,2	1,5	0,9	0,7
4. Болезни нервной системы и органов чувств	0,5	0,4	0,2	0,6	0,8
5. Болезни сердца и системы кровообращения	1,3	1,5	1,7	1,0	0,9

6. Злокачественные новообразования	0,7	0,8	0,8	0,8	0,9
7. Врожденная слабость, преждевременное рождение, болезни новорожденных и врожденные пороки развития	0,4	0,3	0,3	0,3	0,2
8. Самоубийство, убийство	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3
9. Травмы и отравления	0,7	0,6	0,8	0,6	0,5
10. От всех прочих причин	0,5	0,4	0,3	0,7	0,5

* Составлено и подсчитано по: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 1169. Л. 210, 210 об., 211, 211 об.; Оп. 11. Д. 18. Л. 184, 184 об., 185, 185 об.; Д. 44. Л. 177, 177 об., 178, 178 об.; Д. 83. Л. 98, 98 об., 99, 99 об.; Д. 125. Л. 99, 99 об., 100, 100 об.

Таблица 24

**Структура причин смерти населения г. Н. Тагил
в 1949–1959 гг., %***

Причины смерти	Удельный вес					
	1949	1950	1952	1954	1956	1959
1. Инфекционные болезни	27,9	26,8	21,7	16,9	8,9	7,9
2. Болезни пищеварительных органов	7,4	4,7	2,0	3,0	2,6	3,1
3. Болезни органов дыхания	24,2	32,9	26,1	19,5	15,8	13,9
4. Болезни нервной системы и органов чувств	4,9	3,8	4,4	3,3	10,7	14,0
5. Болезни сердца и системы кровообращения	11,5	10,8	17,2	22,5	17,2	16,9
6. Болезни крови и кровеносных органов	0,3	0,2	0,7	0,8	1,4	1,4
7. Ревматические заболевания	0,3	0,3	0,4	1,0	4,8	2,9
8. Злокачественные новообразования	5,8	5,8	9,4	11,0	14,3	16,6
9. Болезни новорожденных и врожденные пороки развития	2,3	2,5	3,0	3,8	4,0	4,0
10. Врожденная слабость и преждевременное рождение	1,6	0,5	0,2	0,6	0,2	0,3
11. Самоубийство, убийство	2,1	2,0	3,2	4,0	4,3	5,1
12. Травмы и отравления	6,2	5,6	7,3	10,3	10,8	10,0
13. Старческая дряхлость	0,6	0,5	–	0,2	–	–
14. От всех прочих причин	4,9	3,6	4,4	3,1	5,0	3,9

* Составлено и подсчитано по: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 1167. Л. 133, 133 об.; Д. 1168. Л. 137, 137 об.; Д. 1169. Л. 210, 210 об., 211,

211 об.; Оп. 11. Д. 10. Л. 189, 189 об.; Д. 18. Л. 184, 184 об., 185, 185 об.; Д. 30. Л. 122, 122 об.; Д. 44. Л. 177, 177 об., 178, 178 об.; Д. 56. Л. 189, 189 об.; Д. 83. Л. 98, 98 об., 99, 99 об.; Д. 94. Л. 90; Д. 125. Л. 99, 99 об., 100, 100 об.

Таблица 25

Младенческая смертность в Свердловской области и г. Н. Тагил в 1950–1960 гг., ‰*

Коэффициент младенческой смертности	Год									
	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1957	1959	1960	
Свердловская область	113,7	118,9	91,9	77,2	75,3	68,5	53,4	40,3	39,4	
г. Н. Тагил	138,8	123,8	86,0	70,4	60,3	60,7	42,6	35,7	31,3	

* Составлено и подсчитано по: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 1168. Л. 78, 82; Д. 1169. Л. 148, 151 об.; Оп. 11. Д. 10, 94 об.; Д. 18. Л. 153, 156 об.; Д. 30. Л. 33, 37; Д. 44. Л. 141, 145; Д. 56. Л. 108, 112; Д. 84. Л. 58 об., 63; Д. 125. Л. 15 об., 19; Д. 147. Л. 11 об., 15 об.

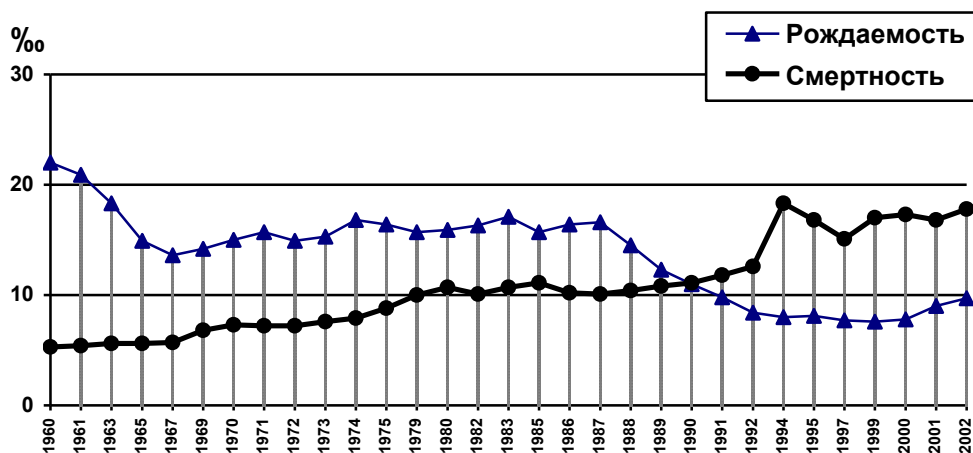

Рис. 2. Динамика общих коэффициентов рождаемости и смертности по г. Н. Тагил за 1960-2002 гг.*

* Подсчитано и составлено по: Народное хозяйство Свердловской области. Статистический сборник к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции... С. 36; Свердловская область в цифрах за 1971–1975 годы... С. 4; Свердловская область в цифрах. 1981–1985 гг. ... С. 6; Свердловская область за 50 лет. Цифры и факты... С. 24; Свердлов-

ская область в цифрах. 1986–1990 годы... С. 15; Численность и состав населения Свердловской области по Итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г. ... С. 21; Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1990. С. 21; Преснякова В. Д. Указ. соч. С. 140; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11. Д. 147. Л. 11 об.; Д. 299. Л. 11 об.; Д. 332. Л. 29 об.; Д. 367. Л. 13; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 140-а. Л. 15; Д. 255-а. Л. 3 об.; Д. 277-а. Л. 12 об.; Д. 2776. Л. 10; Д. 283. Л. 226; Д. 343. Л. 34, 50, 50 об., 65; Д. 388. Л. 93, 107, 107 об., 108, 108 об.; Д. 409. Л. 31, 31 об., 32, 32 об.; Д. 424. Л. 16; Д. 446. Л. 29, 29 об., 30, 30 об.; Д. 508. Л. 31, 31 об., 33, 33 об.; Д. 530. Л. 23, 23 об., 24, 24 об.; Д. 566. Л. 85; Д. 708. Л. 48; Д. 765. Л. 54; Д. 835. Л. 67; Д. 858. Л. 28, 145; Д. 859. Л. 56.

Таблица 26

**Рождаемость населения Свердловской области и Урала
в 1960–80 гг., ‰***

Общий коэффициент рождаемости	Год						
	1961	1965	1970	1975	1980	1985	1987
Свердловская область	21,3	14,8	14,5	16,8	16,1	16,4	16,9
Урал	23,5	16,2	15,3	17,0	16,8	17,7	18,5

* Составлено по: Свердловская область в цифрах за 1971–1975 годы... С. 7; Свердловская область в цифрах. 1986–1990 годы... С. 18; Население Урала. XX век... С. 8–9.

Таблица 27

**Смертность населения Урала, Свердловской области
и г. Н. Тагил в 1961–1987 гг., ‰***

Год	Общий коэффициент смертности		
	Урал	Свердловская область	г. Н. Тагил**
1961	7,3	6,9	5,4
1963	7,1	6,9	5,6
1965	7,2	6,9	5,6
1967	7,6	7,3	5,7
1970	8,5	8,4	7,3
1971	8,5	8,3	7,2
1973	9,0	8,9	7,6
1975	9,7	9,8	8,8
1979	10,5	11,0	10,0

НИЖНИЙ ТАГИЛ В XX ВЕКЕ: ГОРОД, СОЦИУМ, СРЕДА

1981	10,7	11,0	10,3
1983	10,7	11,0	10,7
1985	11,0	11,5	11,1
1986	9,8	10,4	10,2
1987	10,0	10,5	10,1

* Составлено по: Население Урала. XX век... С. 8–9; Свердловская область в цифрах за 1971–1975 годы... С. 7; Свердловская область в цифрах. 1981–1985 годы... С. 8; Свердловская область в цифрах. 1986–1990 годы... С. 18.

** Подсчитано по тем же материалам, что и рис. 2.

Таблица 28

Естественный прирост в г. Н. Тагил в 1960–1980 гг. *

Показатель	Год						
	1961	1965	1970	1975	1980	1985	1987
Естественный прирост (чел.)	5 523	3 455	2 892	3 000	2 100	1 954	2 804
Коэффициент естественного прироста (‰)	15,5	9,3	7,7	7,6	5,2	4,6	6,5

* Составлено и рассчитано по тем же материалам, что и рис. 2.

Таблица 29

**Смертность городского населения России,
Свердловской области и Н. Тагила в 1988–2002 гг., ‰***

Год	Общий коэффициент смертности		
	Россия	Свердловская область	г. Н. Тагил**
1988	9,8	10,2	10,4
1989	10,0	10,5	10,8
1990	10,4	10,9	11,1
1991	10,6	11,2	11,8
1992	11,5	12,4	12,6
1993	13,8	14,8	15,4
1994	15,0	16,4	18,3
1995	14,4	15,3	16,8
1996	13,4	14,4	16,0
1997	12,9	13,7	15,1
1998	12,9	13,6	15,3
1999	14,0	15,0	17,0
2000	14,7	16,1	17,3
2001	15,1	15,7	16,8
2002	15,6	16,6	17,8

* Составлено по: Демографический ежегодник СССР. 1990... С. 155–156; Демографический ежегодник России. 2002. М., 2003. С. 55; Естественное движение населения 2003 года. Свердловская область... С. 7; Население СССР. 1988: Статистический ежегодник / Госкомстат СССР. М., 1989. С. 58; Российский статистический ежегодник. М., 2003. С. 119.

** Подсчитано по тем же материалам, что и рис. 2.

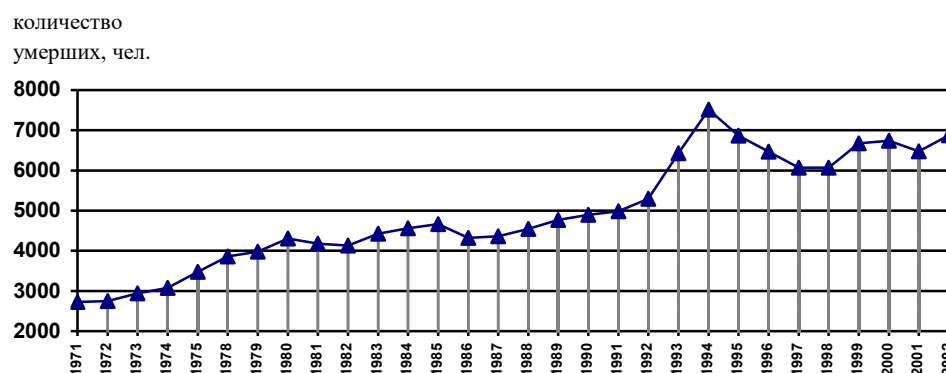

Рис. 3. Число умерших в г. Н. Тагил, 1971-2002 гг.*

* Составлено по: НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 277-а. Л. 12 об.; Д. 343. Л. 34, 51, 51 об., 65; Д. 369. Л. 64, 64 об.; Д. 388. Л. 2; Д. 409. Л. 32, 32 об.;

Д. 446. Л. 14, 30, 30 об.; Д. 461. Л. 25, 25 об.; Д. 483. Л. 25, 25 об.; Д. 508. Л. 33, 33 об.; Д. 530. Л. 24, 24 об.; Д. 566. Л. 85; Д. 708. Л. 48; Д. 765. Л. 54; Д. 835. Л. 67; Д. 858. Л. 56.

Таблица 30

Умерло мужчин на 100 женщин в г. Н. Тагил в 1999–2001 гг. *

Годы	Возраст			
	До года	1–14 лет	Трудоспособный	Старше трудоспособного
1999	154,5	212,5	418,6	75,7
2000	116,7	115,4	460,9	76,8
2001	104,5	188,9	395,4	77,4

* Попова В. Указ. соч. С. 2.

Таблица 31

Структура причин смерти населения г. Н. Тагил в 1998–2002 гг., %*

Причины смерти	Удельный вес				
	1998	1999	2000	2001	2002
1. Болезни системы кровообращения	55,4	56,4	56,2	56,2	55,4
2. Несчастные случаи, травмы и отравления	16,0	15,4	15,8	15,6	16,0
3. Злокачественные новообразования	14,4	13,5	12,9	13,4	12,5
4. Болезни органов дыхания	3,7	4,0	4,5	4,2	4,9
5. От всех прочих причин	10,5	10,7	10,6	10,6	11,2

* Составлено по данным Нижнетагильского филиала ФГУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии по Свердловской области».

Таблица 32

**Рождаемость городского населения России,
Свердловской области и Н. Тагила в 1988–2002 гг., ‰***

Год	Общий коэффициент рождаемости		
	Россия	Свердловская область	г. Н. Тагил
1988	15,3	15,0	14,5
1989	14,0	13,3	12,3
1990	12,7	11,8	11,0
1991	11,2	10,3	9,8
1992	9,8	9,1	8,4
1993	8,6	8,2	7,7
1994	8,9	8,8	8,0
1995	8,6	8,4	8,1
1996	8,3	8,1	7,7
1997	8,1	8,0	7,7
1998	8,3	8,3	7,9
1999	7,9	7,8	7,6
2000	8,4	8,2	7,8
2001	8,8	8,9	9,0
2002	9,5	9,8	9,7

* Составлено по тем же материалам, что и табл. 29.

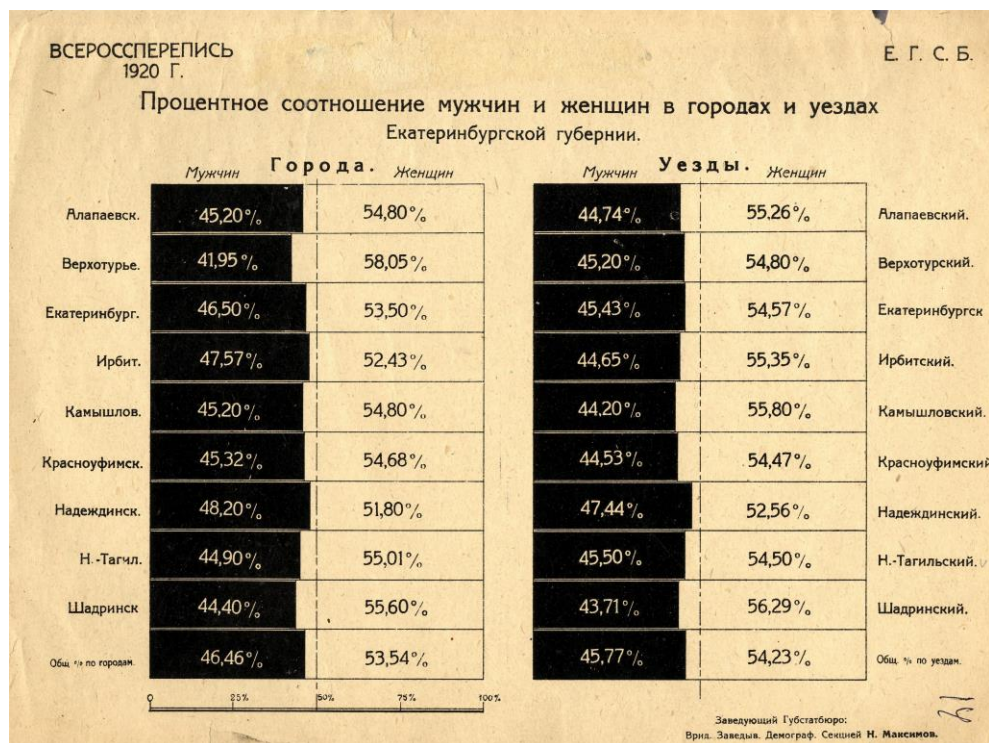
Таблица 33

Брачность и разводимость в г. Н. Тагил в 1990–2001 гг., ‰*

Год	Брачность	Разводимость	Кол-во разводов на 100 браков
1990	8,9	4,2	47,6
1991	8,1	4,5	55,5
1992	7,2	5,3	73,9
1993	7,4	5,1	69,1
1994	7,5	5,4	71,7
1995	7,0	4,8	68,6
1996	5,4	4,0	74,0
1997	5,8	4,2	72,6
1998	5,1	4,1	79,7
1999	6,0	4,2	69,5
2000	6,3	4,7	75,4
2001	7,6	7,3	96,4

* Попова В. Указ. соч. С. 2.

НИЖНИЙ ТАГИЛ В XX ВЕКЕ: ГОРОД, СОЦИУМ, СРЕДА

Процентное соотношение мужчин и женщин
в городах и уездах Екатеринбургской губернии. 1920 год
(НТГИА. Ф. 323.Оп. 1. Д. 22. Л. 14)

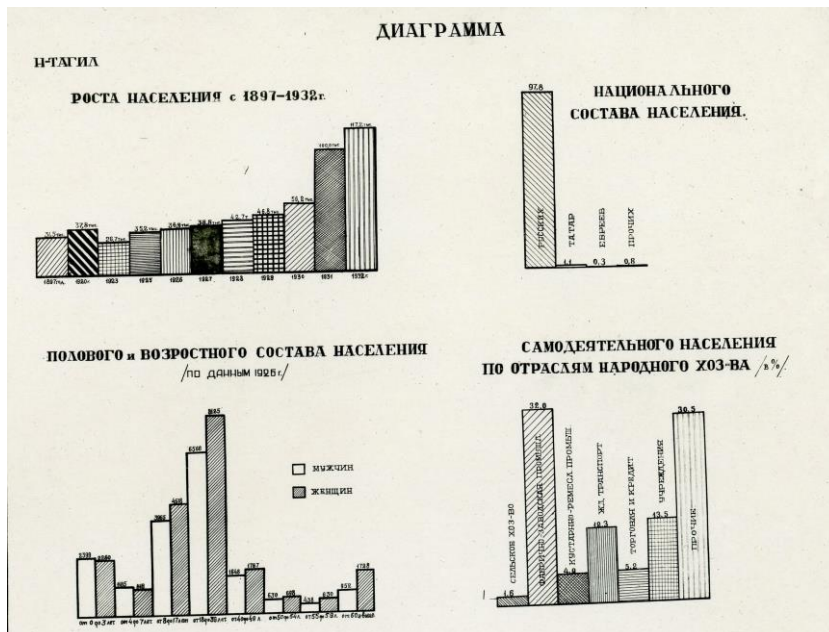
Сведения
о рождаемости и смертности по городу Нижнему
1922 году

Наименование города	Муж.	Рождаемость		Смерт- нос.	Смертность				Смерт- нос.	Примечания
		м.	ж.		м.	ж.	м.	ж.		
Н. Тагил.	Август	45	44	86	67	57	8	16	125	
	Сентябрь	38	32	70	61	67	23	11	159	
	Октябрь	24	23	47	39	39	16	7	157	
	Ноябрь	17	13	30	17	20	31	21	309	
	Декабрь	32	23	55	25	100	60	42	57	
	Итого	83	27	66	217	224	50	58	584	
	Итого	43	27	70	100	164	65	54	442	
	Январь	32	36	68	129	118	21	25	206	
	Февраль	27	36	63	60	40	28	21	168	
	Март	24	30	54	37	28	20	21	166	
	Апрель	21	23	44	23	45	24	24	116	
	Май	19	19	38	26	36	23	11	106	
	Итого:	362	333	695	1221	1122	389	305	3137	

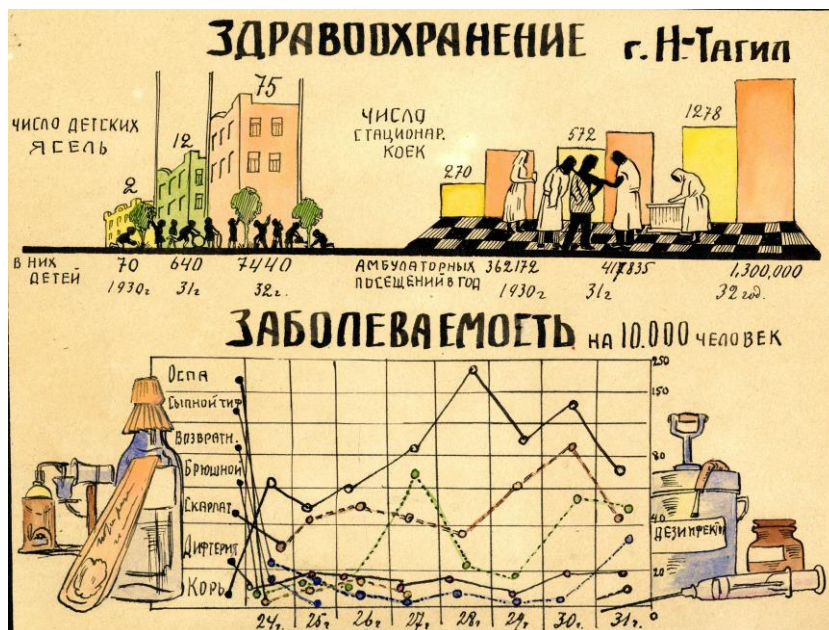
Завед. отделом З.А.С. Селицкий
Начальник бюро мед. С.В.Селицкий

Сведения о рождаемости и смертности по г. Нижний Тагил.
1922 год (НТГИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 117. Л. 2)

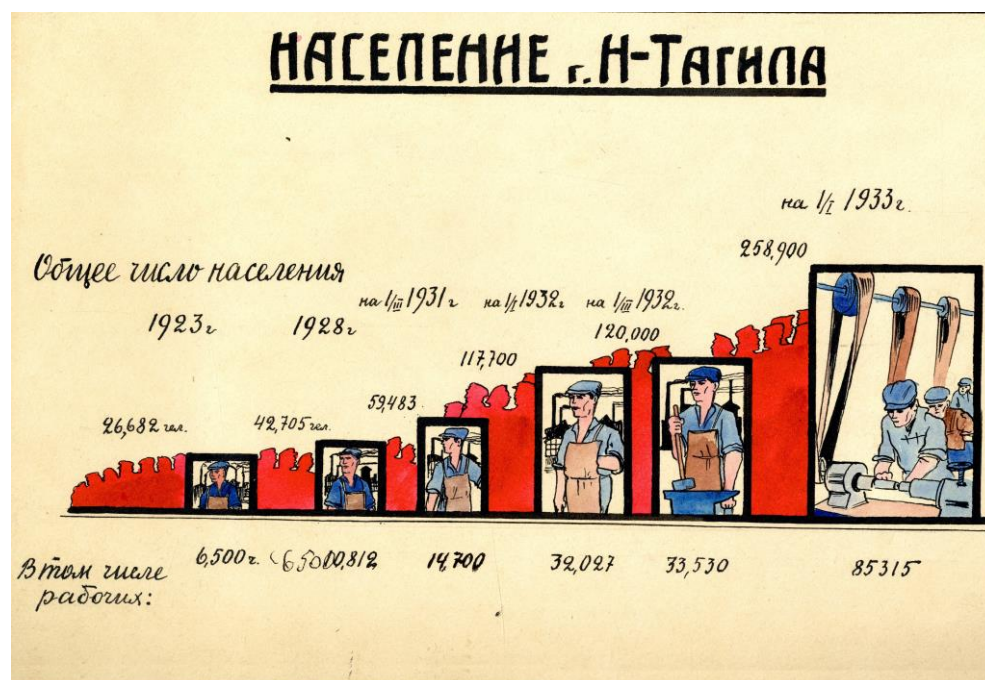
НИЖНИЙ ТАГИЛ В XX ВЕКЕ: ГОРОД, СОЦИУМ, СРЕДА

Статистические сведения о численности и составе населения. 1932 год (НТГИА. Ф. 70. Оп. 5. Д. 4. Л. 142)

Статистические сведения по здравоохранению. 1932 год (НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 16. Л. 1)

Статистические сведения о численности населения. 1933 год
(НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 16. Л. 2)

2.2. Общественные организации и благотворительная деятельность в Нижнем Тагиле в годы Первой мировой войны

Наиболее ярко стремление помочь ближнему проявляется в годы природных катаклизмов и военных бедствий. Яркими примерами милосердия и самопожертвования изобилуют события мировых войн, в которых наша страна принимала активное участие. Первая мировая война занимает важное место как в мировой, так и в отечественной истории. Во-первых, это событие, оказавшись прологом революции, стало рубежным в развитии нашей государственности; во-вторых, потому, что жертвы России в этой войне колоссальны, и, наконец, потому, что это последний период дореволюционной благотворительности.

Данная тема, применительно к уральскому региону рассматривалась в том числе в рамках таких направлений, как: помощь больным и раненым воинам [Баженова 2009а: 152], помощь семьям при-

званных на войну [Семячкова 2008: 504; Баженова 2009б: 132], мобилизация людских и материальных ресурсов в указанный период [Машкова 2004; Казаковцев 2007; Поршнева 2006: 315], деятельность русской православной церкви [Нечаев 1998: 300], благотворительная деятельность общественных организаций [Поршнева, Мальцева 2002: 114; Дерюшева 2007: 130], а также повседневная и общественная жизнь Урала в указанный период, изучаемая в том числе известным уральским исследователем благотворительности Е. Ю. Казаковой-Апкаримовой [Казакова-Апкаримова 2010: 113; Казакова-Апкаримова 2001: 121]. Исследователи отмечают, что Первая мировая война отразилась на формах благотворительности, произошло расширение спектра видов деятельности и основного числа благотворительных заведений в уральском регионе. Тенденцией указанного периода стало также массовое появление новых благотворительных организаций, основной целью которых становилась помощь армии, беженцам, семьям призванных и др.

Война принесла немалые бедствия и трудности, особенно тем, кто лишился близких, крова и надежд. Вызов военному молоху и насилию был сделан российским обществом в форме повсеместного милосердия и благотворительной деятельности. Начавшаяся война изменила жизнь уральских городов и заводских поселков: началась мобилизация, проходили патриотические манифестации. Патриотическое воодушевление пробуждало общественную самодеятельность. Повсюду на Урале развернулась работа по созданию лазаретов для больных и раненых воинов, проводились сборы пожертвований на нужды армии, при благотворительных учреждениях создавались специальные комиссии, основной целью которых стали военные нужды, массово создавались новые благотворительные учреждения.

Начавшаяся война отразилась и на общественной жизни Нижнего Тагила – самого крупного населенного пункта Верхотурского уезда Пермской губернии, который представлял собой тогда заводской поселок, насчитывавший около 60 тысяч жителей. Местная общественность живо откликнулась на нужды войны. Здесь, как и в других населенных пунктах Пермской губернии, организовывались патриотические манифестации, проходили молебны. Патриотические настроения пробуждали стремления людей к проявлению благотворения. Молебны сопровождалась сбором пожертвований на нужды армии.

Повсеместно в Пермской губернии возникали благотворительные организации, вызванные нуждами военного времени. Такая ор-

ганизация была создана и в Нижнем Тагиле. Уже 3 августа 1914 г. здесь был образован «Комитет по оказанию помощи семьям запасных воинов, призванных на войну» [Уральская жизнь. 1915. 14 марта. № 59: 3]. Комитет выдавал денежные пособия семьям мобилизованных воинов: 2 рубля – на взрослого человека, 1 рубль 50 копеек – на детей от 5 до 10 лет и 1 рубль – на детей до 5 лет. За 7 месяцев своей деятельности Комитет выдал пособий на сумму 10 тысяч рублей [Там же]. Новая благотворительная организация существовала на пожертвования местного общества. Средства в Комитет поступали от различных обществ и учреждений (клубов, заводских контор, кинематографа, благотворительного общества и проч.), от кружечных сборов, проводившихся во время молебнов, устройства спектаклей, сборов пожертвований и от частных лиц. Значимую долю дохода вновь образованного благотворительного комитета составляли также поступления от благотворительных лотерей, проводившихся в пользу солдатских семей. Одна из таких лотерей была проведена комитетом 21 сентября 1914 г. Как отмечалось в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях», «несмотря на частые и разнообразные сборы пожертвований на военные нужды эта лотерея прошла с большим успехом» [Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1914. 19 окт. № 42: 927]. Доход от лотереи составил 2 тысячи рублей. В сентябре месяце Комитет организовал три детских благотворительных лотереи, последняя из которых, проводившаяся 23 сентября, пополнила средства Комитета на 700 рублей [Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1914. № 12 окт. № 41: 904]. Кроме того, для пополнения средств с 15 февраля 1915 г. Комитет организовал народные чтения с платой за вход, составлявшей от 5-ти до 30-ти копеек. Деятельность комитета вызвала живое участие местного населения. Газета «Уральская жизнь» писала, что в Комитете работают все слои заводского населения: интеллигенция, купечество, духовенство, учащие и простые мастеровые [Уральская жизнь. 1915. 14 марта. № 59: 3].

Как и в других населенных пунктах Пермской губернии, в Нижнем Тагиле была развернута деятельность по организации лазаретов для больных и раненых воинов. Это важное дело в губернии было возложено на созданный в связи с военным временем Всероссийский Земский Союз. В Верхотурском уезде был организован Уездный Комитет этой организации. Уездный Комитет решил оборудовать лазареты в первую очередь именно в Нижнем Тагиле «как

пункте, лежащем вблизи линии железной дороги, и как крупном центре, имеющем для этой цели обширные и свободные здания» [Приложения к журналам... 1915: 20]. Для организации лазаретов комитет привлек 60 человек из числа местной общественности, принимавших активное участие в оборудовании и содержании лазаретов. В целях усиления эффективности работы все желающие оказывать помощь были разделены на комиссии: строительную, хозяйственную, бельевую, медицинскую, эвакуационную и комиссию по сбору пожертвований. Вновь организованные комиссии работали бесплатно под общим руководством Уездного Комитета. Лазареты, действовавшие под эгидой Всероссийского Земского Союза, в Нижнем Тагиле были открыты в: Авроринском приюте, Железнодорожном училище, Казенном винном складе, Учебно-показательных мастерских и Выйском училище. В этих лазаретах к 1 ноября было оборудовано 400 коек, готовых к прибытию раненых [Там же].

Свой лазарет, оборудованный на 40 кроватей, в Нижнем Тагиле открыл и Красный Крест. В годы войны филиалы этой организации на Среднем Урале, помимо Нижнего Тагила, были открыты в Перми, Кунгуре, Екатеринбургe. В конце сентября 1914 г. в Нижнетагильском заводе Красный Крест организовал однодневный кружечный сбор, средства с которого (1 тысяча 432 рубля) по большей части поступили на оборудование лазарета [Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1914. № 12 окт. № 41: 903]. По инициативе священника С. Хлынова одну кровать в этом лазарете решило содержать на свои средства местное духовенство. Духовенство ежемесячно производило сбор пожертвований: по 1 рублю – со священника, 50 копеек – с диакона и по 25 копеек – с псаломщика [Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1914. 19 окт. № 42: 927]. Как отмечалось в периодической печати, взносы эти были добровольные и не зависели от епархиальных сборов на военные нужды.

Помимо указанных, в Нижнем Тагиле были открыты лазареты, оборудование и содержание которых полностью взяла на себя местная общественность. К 1 ноября 1914 г. такие лазареты были открыты в Земской и Заводской больницах, а в последующем – лазарет при богадельне Свято-Троицкой церкви [Пермские губернские ведомости. 1915. 25 сент. № 257: 3; Семячкова 2008: 21]. Последний, оборудованный на 14 кроватей, был создан по инициативе священника В. Кони́на. Помещение, состоящее из четырех комнат с кухней, было отдано под лазарет церковно-приходским попечитель-

ством бесплатно, не взималась плата и за отопление. Все 14 кроватей в лазарете были оборудованы на средства местного населения. Так, оборудование сразу 2-х кроватей взяли на себя в том числе Никита Александрович Перевозов, Лукьян Паморилович Голованов, Ларион Евстигнеевич Лебедев и Петр Яковлевич Кокушкин «с семейством» [8. С. 85]. По одной кровати оборудовали Акулина Порфирьевна Капустина, Мария Степановна Лящева, Мария Александровна Пахтеева, служащие П. Я. Кокушкина. Содержание кроватей в лазарете также осуществлялось на пожертвования местного общества. В период с 28 сентября 1914 г. по 1 января 1915 г. на содержание лазарета поступили средства от попечителей лазарета – 203 рубля 39 копеек и от других жителей: деньгами – 22 рубля 85 копеек, поступали пожертвованиями съестными припасами: мукой, чаем, сахаром, крупой, пирогами и проч. и другими предметами, в частности, книгами [Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1915. 8 марта. № 10: 86]. Всего в Нижнетагильском заводе было организовано 9 лазаретов. 5 лазаретов организованы Всероссийским Земским союзом, 1 лазарет – местным отделом Красного Креста и 3 лазарета полностью содержались на средства местного общества, при этом и в других лазаретах отдельные кровати содержались за счет частных лиц.

Первые раненые в Нижний Тагил (334 человека) прибыли 27 ноября 1914 г. С вокзала их развезли по подготовленным лазаретам, а с утра «от жителей города стали поступать многочисленные пожертвования, в основном съестными припасами» [Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1914. 21 дек. № 51: 1130].

Местное население заботилось не только об обеспечении раненых воинов бельем и съестными припасами: на Новый год в двух самых больших лазаретах – в Выйском и в лазарете при Авроринском приюте – был отслужен молебен при участии хора певчих местного Скорбящего женского монастыря. В Екатеринбургских епархиальных ведомостях отмечалось «очень отзывчивое отношение монастырского хора к удовлетворению религиозных нужд раненых пением в лазаретах всенощных и молебнов» [Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916. 31 янв. № 5: 94].

Наряду с открытием и содержанием лазаретов местное население организовывало отправку подарков на фронт. Активными участниками этого благородного дела стали учителя церковных школ. «Екатеринбургские епархиальные ведомости» писали: «Почти все учащие с самого начала откликнулись на предложение <...>

принять участие своими личными трудами в приходских и волостных комитетах и попечительных советах. Многие изъявили желание делать процентные отчисления из своего скудного жалованья, делали единовременные пожертвования на тот или иной предмет, участвовали своим трудом и руководством в шитье белья для воинов, в изготовлении тех или иных подарков, устраивали сборы деньгами, материалом и проч.» [Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916. 17 янв. № 3: 51]. Общая сумма, собранная церковными школами Верхотурского уезда на подарки воинам и на оказание помощи детям воинов, составила 2 тысячи 153 рубля 68 копеек. В Нижнем Тагиле особую активность в этом деле проявили Входа-Иерусалимская школа, отправившая подарков на 40 рублей, и Свято-Троицкая школа, изготовившая 100 кошельков на сумму около 35 рублей. Подарки состояли из мыла, табака, бумаги и других предметов.

Внесли посильный вклад в дело помощи армии, больным и раненым воинам ученицы женской гимназии. На занятиях рукоделием под руководством своей учительницы они изготавливали постельное белье для лазаретов, а после окончания этой работы занялись приготовлением подарков для воинов. С сентября по декабрь 1914 г. ученицы гимназии связали 196 теплых вещей: рукавицы, чулки, шарфы, жилеты и изготовили 3 тысячи 646 предметов белья: простынь, ситцевых платков, наволочек и проч. Все подарки через различные комитеты отправлялись на фронт. Для благотворительной лотереи, проводившейся в Нижнем Тагиле в сентябре 1914 г., ученицы пожертвовали 700 вещей: детских игрушек, книг, рукодельных работ, сладостей и все, что могло стать подарком к Рождеству для солдатских детей, на сумму 500 рублей [Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1914. 28 дек. № 52: 1145]. Помимо этого, ученицы занимались сбором вещевых пожертвований среди местного населения.

Отсутствие значительной части мужского населения поставило перед женщинами страны задачу более активного участия в сельских работах. Поэтому с началом войны приняла широкие масштабы работа по организации яслей, наиболее активно развернувшаяся летом 1915 г. в Пермской губернии. В Нижнетагильском заводе инициативу в этом важном деле взял на себя «Временный Комитет Всероссийского Попечительства об охране материнства и младенчества», учрежденный Входа-Иерусалимским приходским попечительным советом [Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916. 27 нояб. № 48: 254]. Летом 1915 г. в Нижнем Тагиле при существенной под-

держке губернского земства было открыто двое яслей [Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916. 6 марта. № 10: 94]. Одними из самых активных участников в деле организации яслей являлись жены священнослужителей, служащих, учительницы церковно-приходских и начальных школ, представительницы других слоев общества. Средства на содержание яслей поступали от частных лиц, волостных и приходских попечительств, земства и Всероссийского Попечительства об охране материнства и младенчества. В 1915 г. ясли в Нижнетагильском заводе действовали с 1 июля по 20 августа. Туда принимали детей от 6 месяцев до 7 лет. Всего летом 1915 г. в яслях содержалось 22 мальчика и 25 девочек. Как и повсюду в губернии, первоначальное негативное отношение к яслям женщин постепенно менялось: «Матери первое время к новому учреждению относились довольно скептически, а по закрытии яслей сожалели о кратком их существовании». Нижнетагильский комитет Всероссийского Попечительства об охране материнства и младенчества, анализируя работу яслей, выявил, что большая часть женщин, помещавших детей в ясли, работали на заводе или у частных лиц, а значит, нуждались в яслях и в остальное время года. Это было принято к сведению, и уже 17 октября состоялось открытие нового приюта-яслей, куда было решено принимать «круглых сирот и детей бедных солдаток в возрасте от 2 до 8 лет обоего пола» [Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916. 27 нояб. № 48: 254].

Значительную роль в деле помощи армии и семьям призванных воинов сыграли уральские женщины. В городах создавались многочисленные «дамские кружки», многие из которых становились средоточием благотворительности. В декабре 1915 г. Выско-Николаевским попечительным советом был организован сбор пожертвований деньгами и вещами на рождественские подарки воинам. С этой целью был создан специальный дамский кружок. 19 декабря попечительный совет отправил 2 ящика рождественских подарков воинам весом 7 пудов 19 фунтов. В число подарков вошли 56 мешков-комплектов стоимостью 2 рубля 50 копеек каждый. В комплект входили: шейный образок, теплые носки или суконные портянки, вязаные варежки, чай, сахар, мыло, свеча, табак, папиросы, спички, карандаш, бумага, художественные открытки, иголки с нитками и проч. [Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916. 31 янв. № 5: 94]. «Екатеринбургские епархиальные ведомости» отмечали, что «особенно деятельное участие в сборе, щедрыми личными пожертво-

ваниями и широким привлечением к сбору других жертвователей приняла г-жа З. П. Кокушкина, попечительница местной церковно-приходской школы. С большим участием отнеслись к организации сбора и все члены дамского кружка, которым приходской попечительный совет выразил глубокую благодарность за отзывчивость на призыв к дружной приходской работе на нужды братьев-героев».

Таким образом, благотворительность в Нижнем Тагиле в годы Первой мировой войны была представлена разнообразными формами: проводились лотереи, кружечные сборы, сборы вещевых пожертвований, производились изготовление и отправка белья и одежды на фронт, организовывались ясли, выдавались пособия семьям призванных воинов. Благотворительная помощь в Нижнетагильском заводе по большей части осуществлялась по трем направлениям: помощь больным и раненым воинам, призванным воинам и семьям мобилизованных. Основным направлением благотворительной помощи стала организация лазаретов для больных и раненых воинов. Ключевую роль в этом деле сыграл Всероссийский Земский Союз помощи больным и раненым воинам, контролировавший и координирующий эту деятельность.

Общественность Нижнего Тагила принимала самое активное участие в деле помощи армии, больным и раненым воинам, семьям призванных воинов. В это дело включились все слои населения: духовенство, интеллигенция, учащиеся и учителя учебных заведений, женское население, чиновники и крестьянство. Женская благотворительность, принявшая широкие масштабы на Урале в годы Первой мировой войны, становится достаточно распространенным явлением и в Нижнем Тагиле. В тот период в женском благотворительном движении на Урале обозначилась определенная тенденция: появление отдельных ярких представителей. В Нижнем Тагиле одной из таких представительниц стала попечительница местной церковно-приходской школы З. П. Кокушкина. Значимый вклад в дело благотворительности в Нижнем Тагиле внесла Русская Православная церковь. Представители духовенства личным примером вдохновляли прихожан к благотворительности, неоднократно выступая в качестве жертвователей и инициаторов различных благотворительных сборов денежных и вещевых пожертвований.

Семья тагильских купцов Головановых. В годы войны на пожертвования Головановых в лазарете при Свято-Троицкой церкви содержалось две кровати. МБУК. Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал». НВ-22427.3

Зинаида Петровна Кокушкина (в девичестве Голованова). Являлась попечительницей церковно-приходской школы. В годы войны содержала одну койку в лазарете при Свято-Троицкой церкви, одна из самых активных участниц «дамского кружка», занимавшегося сбором пожертвований на рождественские подарки воинам. МБУК Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал». НВ-22427.7

Ученицы 7 класса Павло-Анатольевской женской гимназии Нижнего Тагила. В годы Первой мировой войны принимали участие в благотворительных сборах на нужды призванных воинов и в пользу солдатских детей. Священник Василий Конин (четвертый слева в третьем ряду) – организатор благотворительных сборов, инициатор создания в Нижнем Тагиле в годы Первой мировой войны патроната для выздоравливающих воинов при богадельне Свято-Троицкой церкви. МБУК. Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал». ФТМ-8908.2а

Земское училище на Вые. В годы войны в Земском училище был размещен лазарет Всероссийского общества Красного Креста. МБУК Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал». ДОФ-4978

2.3. Социальный портрет низового депутатского корпуса Нижнего Тагила на рубеже 1920–1930-х гг.

Трансформация механизма взаимодействия властных структур и населения, вызванная социально-экономическими преобразованиями рубежа 1920–1930-х гг., привела к изменению социального, демографического, профессионального состава центральных и местных органов управления. Руководством страны ставилась задача создания «новых людей власти» – «пролетарских выдвиженцев», которые бы обеспечивали социальную базу поддержки политического курса, формировали лояльное общественное мнение в отношении политики государства. Управленческим инструментом реализации на местах принятых центральной властью решений были городские и сельские советы рабочих и крестьянских депутатов, которые являлись в советской политической иерархии коммуникативным звеном между избирателями (народом) и правящей номенклатурой.

Порядок выборов в Совет определялся ст. 34–52 Инструкции ВЦИК «О выборах в Городские Советы» и ст. 59, 68, 69 Конституции РСФСР «О нормах представительства в Советы и лицах, имеющих избирательное право и лишенных такового», в соответствии с которыми Советы образовывались в населенных пунктах из расчета один депутат на каждые 100 избирателей [НТГИА. Ф. Р-70. Оп. 2. Д. 66. Л. 32 об.].

Первый городской Совет был образован в Нижнем Тагиле в 1919 г. [НТГИА. Ф. Р-70. Оп. 2. Д. 86. Л. 192]. Далее формирование Совета происходило на основании ежегодных перевыборов. Исключением являлся период с 1927 по 1928 гг., когда Совет работал в прежнем составе в течение двух лет.

Одним из наиболее эффективных приемов исследования социального портрета депутатского корпуса Советов является создание базы данных (далее – БД) на основе массовых унифицированных документов – личных карточек, с последующим применением количественных методов обработки информации.

Для решения поставленной исследовательской задачи нами была выбрана источник-ориентированная модель базы данных, при использовании которой в отличие от проблемно-ориентированных и

методо-ориентированных моделей в меньшей степени подвергается модификации структура источника-документа. В основу созданной нами БД «Депутаты» были положены личные карточки депутатов городского совета Нижнего Тагила за 1928–1932 гг., относящиеся к группе ограниченно-массовых анкет, являющихся общими только для определенных подсоциумов исследуемого социума. Оптимальный вариант структуры БД определялся исходя из структуры личной карточки, которая была полностью воспроизведена в таблицах БД.

Бланки личной карточки были едины по своей форме и заполнялись по четкому формуляру: 1 – наименование административно-территориальной единицы, 2 – паспортная часть из 12 формулярных категорий (фамилия, имя, возраст, пол, этническая принадлежность, образование, партийность, социальное происхождение, отношение к военной службе в Красной армии, принадлежность к ударникам коммунистического труда, выбор предполагаемой секции для работы, адрес), 3 – подпись и дата заполнения.

Содержание информационных граф, представленных в анкетах, переносилось в информационные поля с учетом принципа агрегирования. Интерпретация полученных данных производилась с помощью методов описательной статистики (группировки, табличного и графического представления, определения средних величин), корреляционного анализа парных зависимостей, которые позволили проанализировать демографические, политические, социально-экономические составляющие социального портрета депутатского Нижнего Тагила, выявить взаимосвязь между показателями и особенности институциональных фильтров (партийно-профессиональных, половозрастных), определить наличие контроля в системе социального представительства через факторы, влиявшие на формирование состава низового депутатского корпуса.

Первые 7 информационных полей, расположенные в последовательности с соответствующим макетом кодировок, характеризуют социально-демографический портрет депутатов. Согласно инструкции о выборах 1926 года, социальное положение, включавшее происхождение и род занятий, являлось одним из первичных признаков, определяющих облик депутата [НТГИА. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1041. Л. 13]. Изменение социальной структуры региона существенно повлияло на распределение депутатского корпуса Нижнего Тагила. Превалирование среди депутатов представителей от рабочих (66% в 1929 г. и 60% в 1931 г.) [ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 417. Л. 92], незна-

чительный процент служащих и крестьянства закономерно объясняются производственной спецификой региона, реализуемой программой форсированной индустриализации с перераспределением рабочей силы из деревни в город, высокой социально-профессиональной мобильностью населения, установкой партийного руководства на избрание в депутаты «рабочих от станка».

Второй по значимости социальной категорий, представленной в городском Совете, являлись служащие. Но если общесоюзный показатель доли служащих в горсоветах составил 26,6%, то в Нижнем Тагиле он равнялся 15,35% от общего числа депутатов (результаты обработки базы данных «Депутаты», составленной по материалам НТГИА. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 114, 188, 189, 226, 227). Уменьшение в индустриальных городах доли служащих в составе городских Советов депутатов объяснялось реализацией директивы партийного руководства о необходимости сокращения числа служащих в горсоветах и «максимального ограничения на ближайшие 2 года приема в партию нерабочих элементов».

В отличие от рабочих, крестьянство, третья группа депутатов, в которую мы включили категории населения, занимавшиеся в качестве основной хозяйственной деятельности сельскохозяйственным трудом, было менее однородной группой и составляло всего 2,3% от общего числа избранных.

Поскольку в общепринятой классификации предусмотрены три основные социальные категории, то депутатов, идентифицирующих себя как «домохозяин» либо «домохозяйка», «учащийся», «красноармеец», мы отнесли в категорию «прочие», удельный вес которой составил 12,1%.

Региональная политика советского государства оказала существенное влияние на демографический облик депутатского корпуса Нижнего Тагила.

Важным фактором, определявшим преобладание в составе городского Совета мужчин (65,5%), являлись производственная специфика региона, гендерность в разделении труда, характерная для развития советского общества на рубеже 1920-х – 1930-х гг. Занятость в промышленном производстве, как и самостоятельный крестьянский труд, были по преимуществу мужскими видами занятий, поэтому доля женщин среди представителей этих социальных категорий была гораздо ниже, особенно по сравнению с общесоюзными показателями. Несколько выше был процент женщин-

депутатов в категории «служащие» (19,9% среди всех депутатов среди женщин и 42,4% соответственно).

Стремление властей включить женское население в активное политическое пространство, привлечь к решению производственных задач существенно корректировалось сохранением традиционных представлений об ограниченности роли женщины в общественной жизни. Если в общесоюзном масштабе число женщин составило 27% от общего числа депутатов (для сравнения в 1927 г. – 21,1%), то в индустриальных городах гендерный ценз изменялся в сторону увеличения доли женщин. Так, согласно материалам о ходе избирательной кампании 1929 г. по Уральской области соотношение мужчин и женщин среди депутатов равнялось 69,7% к 30,3% (79,6% к 20,4% по итогам перевыборной кампании 1927 г.) [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 417. Л. 92].

При этом анализ информационных сводок ГПУ позволяет изменить акценты в определении причин меньшей политической активности женщин по сравнению с мужским населением. Сохранение традиционного представления об участии в Советах, зачастую олицетворявшихся с сельскими сходами, как типично мужском занятии было присуще скорее не женскому сознанию, а являлось традиционалистской точкой зрения мужчин, силовыми приемами ограничивающими свободу женщин. Сами тагильчанки на совещаниях женского профактива среди причин незначительного участия представительниц женского населения в работе Советов называли свою малограмотность, нежелание работать, «отсталость от мужчин в развитии» [НТГИА. Ф. Р-70. Оп. 2. Д. 86. Л. 10]. В целом в данный период начинает складываться определенный тип политически активных женщин, признающих для себя значимой необходимость решения государственных задач параллельно с личными вопросами. Молодые незамужние женщины, вышедшие из-под гиперопеки отцов и пока свободные от влияния мужей, составляли основную часть депутатов.

Рассматривая категорию «Возрастной состав», для упорядоченности и точности анализа необходимо определить шаг возрастного интервала. Поскольку нами рассматривалась специфическая социальная группа, не имеющая строго зафиксированного демографического показателя, при определении возрастного интервала был применен метод Г. А. Стерджесса, в котором оптимальная величина в группировочном признаке рассчитывается по формуле:

$k = (x_{\max} - x_{\min}) / (1 + 3 \cdot 21 \lg n)$, где x_{\max} – наибольшее значение признака, x_{\min} – наименьшее значение признака, n – количество единиц наблюдения. В результате применения расчетной формулы, при варьировании возраста депутатов от 19 до 61 года, нами была определена оптимальная величина шага в 7 лет.

Большинство депутатов было сосредоточено в возрастном интервале 26–32 года. Молодежь находилась в возрасте, наиболее благоприятном для проявления жизненной и общественной активности, одной из форм которой являлась работа в органах местного самоуправления. Это положение было следствием целенаправленной социальной политики руководства страны, так называемой «линией на внедрение молодняка в кадры». В 1920–1930-е гг. партийным руководством была дана установка на формирование нового типа сознательности – сознательности пролетарского выдвиженца, имеющего потенциальные возможности продвижения вверх. Люди среднего и старшего поколения, как правило, отличались меньшей мобильностью. Достигнув благодаря большому производственному стажу и высокой квалификации определенного статуса и стабильной заработной платы, такие люди в основной массе не стремились к изменению своего положения посредством проявления активности и продвижения по общественной лестнице.

При анализе возрастной структуры депутатов Совета прослеживается прямая взаимообусловленность категорий «возраст» и «партийность» и «партийность» и «социальное положение». Анализ БД показывает, что существует устойчивая тенденция: чем старше возраст, тем больший процент беспартийных депутатов. Молодое поколение, в основной массе лояльнее относясь к новой власти, воспринимало вступление в партию как обязательный атрибут активной гражданской позиции. Более подверженные влиянию государственной идеологии, разделяя и поддерживая ее, они активно добивались партийного билета, считая его или залогом дальнейшего продвижения и стабильности, или документом, отражающим их идейные убеждения. Представители старшего поколения, вступившие в партию до революции или в годы гражданской войны, в основном руководствовались идейными соображениями. Именно они составляли большинство партийных депутатов. Другая часть людей, чей возраст превышал 35 лет, пережившая неоднократно изменения жизненных устоев, настроенно относилась к установившейся

власти и не торопилась вступать в ряды партии, занимая выжидательную позицию.

Категория «партийность» в иерархии социально значимых качеств депутата городского Совета занимает одно из важнейших мест. Так, в 1929 г. из 215 депутатов 37,2% были беспартийным. Меньший процент беспартийных депутатов (31,9%) отмечался среди рабочих, доля которых была выше в промышленных городах, поскольку для них как квазипривилегированной группы существовали льготные условия вступления в партию. Членами ВЛКСМ являлись 3,3% от общего количества депутатов тагильского совета.

Применительно к депутатскому корпусу городского Совета Нижнего Тагила анализ материалов БД «Депутаты» показывает, что не существовало прямой зависимости между партийностью и уровнем образования членов Совета. Если среди партийцев было больше людей с низшим и средним образованием (58,8% и 57,2% соответственно), то среди беспартийных преобладали депутаты со средним профессиональным образованием (54,3%). Члены ВЛКСМ в основном (85,7%) имели среднее образование.

Прямая зависимость существует между категориями «партийность» и «пол». Если 66% мужчин, в основном занятых на производстве и относящихся к «организованной» группе избирателей, были партийными, то 59,4% женщин-депутатов оставались беспартийными. Одной из причин такого дисбаланса, наряду с действиями факторов традиционного характера, является принадлежность большинства представительниц женского населения к «неорганизованной» группе избирателей, для которых не существовало льготных условий вступления в партию.

Существенной характеристикой социального портрета депутата городского Совета являлся уровень образования. Особо остро стоял вопрос о грамотности депутатов. В силу многонационального состава Советов грамотность (умение читать и писать) засчитывалась на любом национальном языке. Из 215 депутатов, указавших уровень своего образования, лишь 0,9% были неграмотными. Обращает на себя внимание факт принадлежности всей совокупности неграмотных к рабочему классу, что подтверждает более низкий, по сравнению с другими категориями, уровень предъявляемых к рабочим требований для соответствия статусу депутата. По мнению избирательных комиссий, недостаток образования компенсировался политической сознательностью рабочих. Превалирующее число де-

путатов (76,7%) имели начальное образование. Из них 154 человека определяли свой образовательный уровень на основании обучения в начальных, народных и сельских школах, 11 человек (5,1%) считали себя малограмотными, то есть научившимися лишь читать (в основном самостоятельно). Хотя большинство депутатов было занято в промышленной сфере, среднее профессиональное образование получили только 35 человек. Высшее образование имели 7 человек, 5 депутатов имели либо незаконченное высшее образование, либо обучались на рабфаке.

Следующая группа параметров относится к вторичным признакам социального облика депутата и включает в себя: самоидентификацию членов Совета как ударников коммунистического труда, выбор секции для работы, количество раз избраний в Совет, прохождение воинской службы.

Стремление квалифицировать себя как ударников коммунистического труда, имея производственный стаж от 1 года до 3 лет, характеризует 63% членов Совета, по преимуществу рабочих (80,2%). При анализе данной черты прослеживается тенденция: чем меньше возраст, а следовательно, стаж, тем большее количество рабочих считали себя ударниками.

Большинство депутатов, считавших себя ударниками коммунистического труда, первый раз избирались в городской Совет. Данная тенденция прослеживается и на материалах других городов Урала, где в первый раз избирались в Совет в 1929 г. 76,8% депутатов [ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 417. Л. 92]. Нежелание депутатов вновь переизбираться в члены Совета объяснялось неблагоприятными условиями работы депутатского корпуса, среди которых нежелание руководства предприятий отпускать депутатов на заседания Совета, низкий уровень реализации принятых решений, доминирование партийных резолюций над решениями Совета, плотный график заседаний, «спускание сверху» повесток заседаний.

Выбор секции для работы в городском Совете отражает наиболее существенные проблемы жизнедеятельности города и проживания в нем человека. С начала 1920-х гг. по-прежнему оставалось актуальным решение вопросов снабжения города, распределения продовольственных и промышленных товаров, проблем здравоохранения и образования, коммунально-бытового обслуживания, административно-правового и административно-хозяйственного управления. Значимость этих вопросов подтверждает проблематика прений

и предложений на заседаниях секций, где перечисленным темам отводилось приоритетное внимание.

На выбор секции существенно влияла и половая принадлежность депутата. Из общего числа женщин-депутатов 29% предпочитали работать в секции здравоохранения, что составляло 66,6% всех желающих осуществлять работу в рамках этой проблематики. Для сравнения в секции образования изъявили желание работать 16% женщин, в кооперативной – 20,2%. Предпочтения мужчин-депутатов имели иную направленность. Изъявили желание работать в кооперативной секции 13,7%, в коммунально-бытовой – 11,6%, промышленности, здравоохранении, образовании – по 6,8%, финансово-налоговой и административно-хозяйственной – по 5,5% депутатов.

На основании обработки массовых унифицированных документов – личных карточек депутатов, с привлечением источников, отражающих результаты деятельности местных Советов, а также материалов периодической печати, можно представить социальный облик той части населения, которая рассматривала работу в городском Совете как форму активного сотрудничества с властью.

Основу низового депутатского корпуса Н. Тагила на рубеже 1920–1930-х гг. составляли рабочие как квазипривилегированная группа, которая рассматривалась в качестве авангарда строителей социализма. Социальной базой данной категории были представители молодого поколения, с начальным уровнем образования, преимущественно занятые на производстве и утратившие связь с крестьянским хозяйством. В большинстве своем они избирались первый раз, причем как по собственной инициативе, так и при выдвижении их рабочими коллективами. В силу особенностей этнического состава Нижнего Тагила 95,5% из них были русские, хотя выдвиженцы от национальных меньшинств при избрании в Совет активно поддерживались местной властью. Членство в партии было не обязательным условием для работы в городском Совете, но поскольку большинство депутатов Совета составляли рабочие, имеющие льготы при вступлении в ряды Коммунистической партии, то «партийность» депутата постепенно становилась распространенной характеристикой социального облика члена Совета.

Данные представители депутатского корпуса воспринимали новые должности как возможность попасть в число «управляющих государством», что являлось, по их мнению, выражением социальной справедливости и достижением революционной законности.

Власть, активно поддерживая это представление, рассчитывала на содействие и благонадежность «новых управленцев», у которых отсутствовали сомнения в правильности реализуемого курса.

2.4. Спецконтингент в истории города

В развитии законодательных основ советского государства с 1917 по начало 1950-х гг. прослеживаются вполне определенные закономерности. Революция и гражданская война наложили свой яркий отпечаток на законодательную политику партии и государства. Идеология революционной борьбы и вытекающая отсюда логика «революционной законности» стали основой всех законодательных актов. Законоположения, созданные в защиту «революционной законности», базировались на таких ключевых понятиях, как враги народа и революции; террор; концлагеря; наказание по велению революционной совести; «презумпция виновности» каждого обвиняемого до суда; наказание покушения на деяние как самого деяния; наказание за недонесение; достаточность признания обвиняемого для его осуждения; обратная сила принимаемых законов (распространение их действия на период, предшествующий принятию); уголовная ответственность за политические и идеологические убеждения. Использование этих понятий в практике законодательной и исполнительной власти полностью нарушало выверенные мировым опытом способы регулирования взаимоотношений общества и государства.

Уголовные кодексы 1922, 1926 гг., будучи главными источниками законов, были основаны на нарушении правовых норм. «Враг народа» был превращен из идеологического противника в уголовного и всегда рассматривался как особо опасный преступник. Политические деяния расценивались как уголовные преступления.

В истории советского репрессивного законодательства есть свои закономерности и этапы. Несмотря на относительно мирный период развития внутренней жизни государства в 1922–1928 гг., именно в этот временной промежуток формируется законодательная база борьбы с «врагами народа». Во всех статьях и законах о контрреволюционных преступниках им определяются суровые меры репрессий, превосходящие по жесткости наказания за уголовные деяния. Таким образом, уже в период нэпа подготовлены репрессивные законы, использованные в 1930–1940-х гг. В это же время создаются

и многочисленные органы внесудебного преследования. В годы «Великого перелома» и репрессий 1930-х гг. карательные законы ужесточаются за счет многочисленных подзаконных актов и опробуются в массовых масштабах. Конституция 1936 г. формально сделала шаг от «революционной законности» к «социалистической демократии», но жестокая правовая практика подменила собой основной закон, а начавшаяся война отодвинула на дальний план разговоры о демократии. В начале 30-х гг. в сельском хозяйстве, в 1939–1940-х гг. в промышленности утвердилось репрессивное трудовое законодательство. Сложилась система казарменной экономики, основанная на принудительном труде. С одной стороны, заключенные и спецпереселенцы становятся серьезной хозяйственной силой, использование которой планируется в масштабах страны. С другой стороны, гражданское производство становится все более похожим на лагерь, а вольнонаемные рабочие – на заключенных. Срыв производственных планов в 1940-е гг. рассматривался как «контрреволюционное деяние», его виновники наказывались НКВД. Дела о «контрреволюционных высказываниях» еще с 1938 г. рассматривались в военных трибуналах. Война и Победа принесли лишь эпизодические послабления в репрессиях, вызванные неуверенностью «властей предрежащих». После того, как испуг миновал, кнут снова обрушился на плечи народа. В конце 40 – начале 50-х гг. репрессии достигают нового апогея – лагеря и спецпоселения переполнились так, как не было даже в 1937–1938 гг. Принцип «презумпции виновности» был перенесен с отдельных врагов и классов общества на целые народы, военный плен и угон в фашистскую неволю объявлены государственной изменой, появились каторга и вечная ссылка.

Характерным термином советской эпохи становится понятие «спецконтингент». В него входят: политические узники концентрационных лагерей 1919–1922 гг., лишенные избирательных прав, раскулаченные спецпереселенцы, осужденные за контрреволюционные преступления, жертвы многочисленных подзаконных актов, депортированные и принудительно мобилизованные для работы в промышленности, попавшие в плен и осужденные за измену родине в годы войны и многие другие категории противников и жертв советского репрессивного законодательства.

В апреле 1918 г. В. И. Ленин сформулировал идею ограничения избирательных прав: «Избирателями являются трудящиеся и

эксплуатируемые массы, буржуазия исключается» [Ленин URL]. В Конституции РСФСР, принятой 10.07.1918 г., впервые определялись категории граждан (ст. 65), которые не могли избирать или быть избранными. Ленин в «Проекте Программы РКП (б)» 1919 г. разъяснил и обосновал данный процесс, соотнеся его только с эксплуататорами, пытающимися сохранить капиталистические отношения. В статье 7 Конституции 1918 г. декларировалось, что «эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти», а в статье 65 перечислялись категории лишенцев: «... а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором». Более того, Конституция в статье 23 безбрежно расширяла возможности практики лишения избирательного права: «...руководствуясь интересами рабочего класса в целом, РСФСР лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции» [Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. 20 июля. № 51. Отдел первый: С. 600, 602, 607].

В УК РСФСР 1922 г. (статья 40) разъяснялось, в чем может заключаться поражение прав: «в лишении на срок не выше 5 лет активного и пассивного избирательного права; активного и пассивного избирательного права в профессиональные и другие организации; права занимать ответственную должность, а равно быть заседателем в народном суде, защитником на суде, поручителем и опекуном» [Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР... 1953: 121].

В период с 1922 по 1931 гг. неизменным атрибутом советской жизни была ежегодная избирательная кампания. С созданием СССР и принятием Конституции 1924 г. численность лишенцев значительно увеличилась.

В начале 1920-х гг. избирательные комиссии начинают составлять ежегодные «Списки лиц, не имеющих права избирать и быть избранными...» и тиражировать их для ознакомления населения избирательных округов. В пределах Тагильского округа первый такой список был составлен в октябре 1924 г. и включил в себя 156 человек (жителей Н. Тагила).

По списку 1927 г. в Н. Тагиле лишили права голоса 530 чел., по Уралобласти – 67 644 (в 1926 г. – 21 255 чел.) [НТГИА. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1826. Л. 19; НТГИА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 430. Л. 238]. Применительно к Уралу наибольшее число «лишенцев» дали зауральские округа (Троицкий, Челябинский, Курганский, Ишимский) и наименьшее – горнозаводские промышленные округа. Процент устранения от выборов в расчете на 1 тыс. чел. в городах Урала выглядел так: Н. Тагил – 2,7%, Златоуст – 4,2%, Свердловск – 6,4%, Челябинск – 6,4%, Тюмень – 8%, Курган – 9,8%, Тобольск – 10,8%, Пермь – 11,1%, Ирбит – 12,4%, Троицк – 15% [НТГИА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 430. Л. 256]. По отдельным группам лишенцы распределялись следующим образом: а) члены семей, находящихся на иждивении лишенных избирательных прав, – 34,9% к общему числу всех лишенцев; б) частные торговцы и торговые посредники – 19,9%; лица, прибегавшие и прибегающие к наемному труду в целях извлечения прибыли, – 23,6%; г) служители религиозных культов – 10,1%; д) лица, подпадающие под действие пунктов «к» и «л» инструкции ВЦИК о перевыборах, – 9,8%; е) осужденные по суду – 6,2%; остальные группы – от 3,7 до 2,4% [НТГИА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 430. Л. 238 об.].

При проведении перевыборов Тагильского горсовета в 1928/29 гг. количество лиц, лишенных избирательных прав, по сравнению с 1926/27 гг. увеличилось на 69,4%. Во время самой перевыборной кампании дополнительно выявили и лишили избирательных прав 81 человека [НТГИА. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1826. Л. 19, 22].

В 1929 г. процесс лишения избирательных прав тесно вплетается в систему репрессивных мер, связанных с коллективизацией и ликвидацией крестьянства как экономически самостоятельного класса. В постановлении СНК СССР от 21.05.1929 г. лица, лишенные избирательных прав за систематическое применение наемного труда в сельском хозяйстве или на предприятии, в промысле, официально назывались кулаками. В Н. Тагиле горизбирком в 1929 г.

составил 5 списков лишенцев, в каждом из которых насчитывалось примерно по 200 человек.

Лишенцы, помимо устранения от выборов, не имели права быть членами профсоюзов и занимать должности в органах власти. Не быть членом профсоюза означало: не иметь работы, доступа к покупке продуктов по заборным книжкам кооперативов, обслуживанию в предприятиях общественного питания. Кроме того, советская власть продолжала политику ограничения гражданских прав принятием новых законов и постановлений. Законодательство Российской республики угрожало верующим и церкви, карая принудительными работами, ликвидацией и конфискацией имущества те религиозные и церковные организации, которые рискнули присвоить себе права «юридических лиц» [Сборник документов по истории уголовного законодательства... 1953: 131]. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 13.10.1929 г. в перечень поражения гражданских прав были внесены дополнения: «право носить почетное звание» и «родительские права» [Там же: 245]. В 1930 г. этот кадастр пополнился положением о лишении «права на пенсии, выдаваемые в порядке социального страхования и государственного обеспечения, и на пособие по безработице, выдаваемое в порядке социального страхования» [Там же: 245]. Стоит ли говорить о том, что даже это отнюдь не гуманное законодательство повсеместно нарушалось в сторону ужесточения мер против любого проявления инакомыслия.

Лишенцев, используемых в качестве дешевой рабочей силы на промышленных объектах Нижнего Тагила, привозили сюда в эшелонах. Среди них были: раскулаченные, мобилизованные в трудовую армию (тыловое ополчение), вербованные под угрозой раскулачивания ОГПУ-НКВД, административно-ссылные и др. По материалам областного архива, в Свердловской области насчитывалось около 30 000 лишенных избирательных прав, в Н. Тагиле – 1 821 чел. (список по городу 1936 г.) [НТГИА. Ф. Р-70. Оп. 1]. Однако это не полные данные. Основная масса вновь образующегося населения города была представлена жителями сел и деревень Уралобласти. В целом же география происхождения лишенцев весьма обширна.

Согласно Инструкции ВЦИК от 20.10.1930 года дело ведения списков лишенцев передается в административные отделы исполкомов, которые обязывают завести личное дело на каждого лишенного избирательных прав. К пополнению списков активно прикладывают руки опергруппы полномочного представительства ОГПУ

по Уралу. НКВД РСФСР и Административное управление Уральского областного исполнительного комитета в циркуляре № 47 напоминали: «Административные отделы должны помнить, что лишение избирательных прав – это политическая смерть гражданина со всеми вытекающими отсюда последствиями...» [НТГИА. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1823. Без Л.].

С 1932 г. в материалах горсовета Н. Тагила появляются списки призывников, «отведенных от допуска» в ряды РККА по классовым и моральным признакам Тагильской городской комиссией содействия призыву (в одном списке 112 чел., в другом – 514 чел.). Комиссией был разработан типовой документ – «Запрос о социально-политической характеристике допризывника», который не подлежал разглашению и использовался все 30-е гг. Особенно многочисленны запросы военных организаций и справки о социальном происхождении допризывников в материалах горсовета 1936 г.

Новым этапом в ухудшении положения лишенцев стал 1933 г., когда были введены паспорта и обязательная прописка в городах. В больших городах лишенцев не прописывали ни при каких условиях, исключения бывали очень редки. В Н. Тагиле проблема решалась несколько проще – многие тысячи лишенцев проживали в спецпоселках с запретом перемещаться за их территорию.

Лишенцев не только регистрировали, на них составляли черные досье и периодически переселяли с места на место. Так, в 1933 г. по Н. Тагилу был составлен «Список антисоветского контрреволюционного элемента подлежащих выселению» (так в подлиннике – В. К.) на 247 человек. Все эти люди были лишены избирательных прав по разным основаниям и в разные годы, высланы в ссылку или бежали от нее и теперь вновь объявлялись «врагами революции», выгонялись из города. Интересен адрес некоторых из выселяемых в Н. Тагиле – барак № 15 (болото) [НТГИА. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1847. Л. 3 об.; НТГИА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1221]. Казалось бы – куда уж дальше?

В течение всего периода существования практики лишения избирательных прав в Н. Тагиле наиболее массовым отрядом лишенцев были торговцы, предприниматели и члены их семей; второй по численности группой являлись, до начала коллективизации, служители религиозного культа; третьей – лишенные избирательного права по суду (как по чисто уголовным, так и по политическим мотивам).

вам); далее шли полиция, жандармерия, стражники и белые офицеры, члены следственных комиссий и другие.

В 1930-е годы приоритеты политики поражения в правах заметно изменились. На видное место по количеству лишенцев выдвинулись категории кулаков и спецпереселенцы – более 37%; кустарей, ремесленников и старателей – 6%. Внутри каждой группы лишенцев также заметна определенная динамика – доля торговцев и предпринимателей постепенно снижается (с 83% в 1924 г. до 42% в 1929–1936 гг.). То же самое происходит со священнослужителями и лишенцами по суду, а вот «подлинных бывших» – полицейских, жандармов и белых офицеров выявляют все более скрупулезно: процент первых поднимается от 1924 к 1928 гг. с 0,6% до 4,6%, в 1930-е гг. поддерживается на уровне 2%; вторых – поднимается от 0% до 5,6% в 1930-е гг.

Исходя из данных официальных таблиц Нижнетагильского горизбиркома, в период с 1928 по 1936 гг. права были отняты у 2 310 чел., возвращены – 407 чел. В Н. Тагиле, по нашим расчетам, за период с 1924 по 1936 гг. были лишены избирательных прав чуть более 2 300 чел. (что согласуется с цифрами горизбиркома), в районе – более 700 чел., в округе к концу 20-х гг. – около 6 000 чел. Но есть во всех этих расчетах весьма значительный пробел, связанный с численностью раскулаченных спецпереселенцев в городе, районе и округе. Судя по материалам фонда Н.-Тагильской городской инспектуры государственной статистики, спецпереселенцы в городе стали оформляться в статистических сведениях на общих основаниях по линии ЗАГСов только с 01.08.1935 г. Следовательно, до того их и не включали в число лишенцев. Поэтому число лишенцев по Н. Тагилу может быть увеличено в десятки раз. Эта проблема, возможно, будет решена только после появления более-менее точной цифры численности спецпереселенцев в Н. Тагиле.

Как известно, Конституция 1936 г. формально упразднила рассматриваемый нами репрессивный акт по отношению ко всем гражданам, вне зависимости от их социально-классового происхождения [История советской конституции... 1957: 769]. На деле же это было иллюзией, мифом, как и вся официальная законодательно-правовая система того времени. Возникшие за годы советской власти основные идеологические, политические, экономические и социальные структуры государства и общества не позволяли воплотить «правильные слова» Конституции в жизнь. Практика лишения избира-

тельных прав, как и другие виды репрессий, нанесла удар по экономически активному слою населения, приведя к его маргинализации. Пострадал последний оплот российской семьи – семьи духовенства и интеллигенции. В результате остались люди сломленные, покорные новой власти. Произошли нравственный надлом общества, смена ценностных установок. В процессе развития «лишенческого процесса» отработывалась фискальная система – система налогов и доносов. Избирательные комиссии и административные отделы исполкомов приняли активное участие в выявлении «бывших», «социально-чуждых», «эксплуататоров», накопив практический опыт к моменту репрессий 1930-х г. Органы ОГПУ-НКВД, горизбиркомы, рабкоры и иные инстанции образовали непроницаемую сеть отлова людей.

В результате такой длительной подготовки скрыться от возмездия врагам советской власти было просто некуда. «Бывшие», нашедшие для себя «экономические ниши» – места дворников, билетеров, работников железной дороги и т. п., – все время были на учете, и поэтому их легко отлавливали в 1937, 1938, 1941 и в другие годы. Им было суждено до конца жизни находиться под подозрением и контролем.

Другой и одной из наиболее крупных категорией спецконтингента явились раскулаченные крестьяне-спецпереселенцы. Урал стал одним из главных районов спецсылки, перед которой ставилась специфическая задача – колонизация Северного Урала и Тобольского Севера. В 1930–1931 гг. по СССР было отправлено на спецпоселение 381 026 семей общей численностью 1 803 392 чел. На Урал фактически выселили 128 233 семьи (по плану – 123 547 семей с числом 571 355 чел.) [Земсков 1991а: 3; Свидетельства истории... 194: 72; История России 1917–1940... 1996: 262]. Спецпереселенцы на Урале размещались преимущественно в северных районах области. Их основная масса была закреплена за леспромхозами, другая значительная часть – за промышленными организациями и третья, меньшая, направлена на сельхозколонизацию [Плотников 1994: 70]. Таким образом, решались проблемы массовой заготовки древесины, разработки рудных и иных богатств Урала и ускоренного строительства целого ряда промышленных центров в наиболее безопасном в военном отношении и богатом сырьем регионе СССР.

Из постановлений вырисовывается общая картина расселения кулаков по округам: Тагильский округ – 10 000 семей, Ирбитский – 1 000, Коми-Пермяцкий – 3 000, Верхнекамский – 10 000, Тоболь-

ский – 6 000. На север Уральской области шли переполненные железнодорожные вагоны, по рекам плыли баржи, дороги были забиты толпами людей, лишенных гражданских прав и своего крова. Выселение сопровождалось произволом, насилием над бесправным крестьянством. Во многих местах директива об оставлении части вещей у выселяемых не выполнялась – изымалось все, вплоть до деревянных ложек. Были случаи отправки в кулацкую ссылку женщин накануне и вскоре после родов [НТГИА. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 57. Л. 16, 17]. Никакие доводы человеческого разума не могут оправдать того, что за сотни, тысячи километров в ссылку отправлялись кормящие матери с грудными младенцами на руках, дети, старики, инвалиды. Согласно информационному докладу Уральской областной прокуратуры от 2 апреля 1930 г., среди выселенных насчитывалось до 75% нетрудоспособных, много стариков в возрасте 80–85 лет, которые не могли идти и оказались брошенными на произвол судьбы. Среди конвоируемых на север суровой зимой 1930 г. дети составляли 40% [Базаров 1991: 221].

О масштабах депортации крестьянства на Урале свидетельствует ряд документов, характеризующих деятельность органов ОГПУ по приему ссыльных. Так, согласно сообщению начальника окружного отдела ОГПУ председателю Тагильского окрисполкома А. Кабакову, в одних только северных районах Тагильского округа на 10.03.1930 г. принято на вселение 10 эшелонов кулаков с Северного Кавказа и Курганского округа. К этому моменту расселили около 4 000 семейств (более 20 000 чел.); кроме того, пришло распоряжение о принятии двух эшелонов сверх нормы (7 800 чел.): в одном – 350 семейств, во втором – 260 [НТГИА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1221. Л. 80]. К 12 марта на станции Надеждинск были приняты и отправлены в места расселения 15 эшелонов – 25 405 человек (в том числе 7 820 мужчин, 7 431 женщина и детей – 10 154). Из этого числа 13 эшелонов пришли с Северного Кавказа и два были уральскими. На станции Верхотурье и Лобва прибыло шесть эшелонов: 2 – издалека и 4 – уральских. Средний состав выселяемой семьи оказался равным 4,8 чел., т. е. значительно меньше, чем было в полных семьях до начала коллективизации. Это объясняется делением крестьянских семей в 1925–1929 гг. и изъятием из кулацких семей взрослых мужчин, арестованных органами ОГПУ до выселения и отправленных в лагерь, тюрьмы и на лесозаготовки. По данным на 20 апреля 1930 г., на территории севера тагильского края находи-

лось 54 537 выселенцев (в Надеждинском районе – 31 795, Гаринском – 10 164, Сосьвинском – 4 360, Ивдельском – 5 102, Кытлымском – 3 116) [НТГИА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1177. Л. 123].

Согласно поголовной переписи февраля 1931 г. «по всем районам ссылки Уральской области», проведенной Областным комендантским отделом, численный состав ее был таков: «всего семей – 31 851; всего спецпереселенцев – 13 4421 чел.; из них взрослых – 85 930; детей до 16 лет – 48 491». Спецпереселенцы оказались размещены в 31 районе области, в основном это были северные районы [Свидетельства истории...1994: 17, 18]. Преимущественное выселение в северные районы, как уже говорилось, объяснялось целями колонизации малообжитых земель и привело к численному преобладанию спецпереселенцев над местным населением. Только в районы Гаринского, Пельмского, Никито-Ивдельского, Сухогорского ЛПХ Тагильского округа направили 3 000 семей (более 15 000 чел.), а в Надеждинском районе ссыльные составляли 50% населения.

По данным отдела спецпоселений НКВД, к 01.01.1932 г. на Урале числилось 484 380 раскулаченных [Земсков 1991а: 3–5]. Спецпереселенцы на Урале были расселены в 69 районах и трех округах: Коми-Пермяцком, Остячко-Вогульском и Ямальском с концентрацией примерно в 650 спецпоселках [Славко 1995: 33–34]. Преимущественное расселение раскулаченных на Севере оставалось главной особенностью спецссылки – колонизации. В пределах Тагильского округа на апрель 1932 г. численность спецпереселенцев по отношению к коренному населению составляла в Ивдельском – 150%, Надеждинском – 75%, Нижне-Туринском – 52%, Верхотурье – 34%, Тагиле – 11% [Раскулаченные спецпереселенцы... 1993: 211]. В ведении леспромхозов Уральской области находилось 274 200 чел., треста Уралуголь – 47 700 чел., Магнитостроя – 40 000 чел., Востокоруды – 26 800, Уралстройматериала – 16 100, Востокостали – 16 000, Союзрыбы – 15 200, Уралторфа – 8 500, Уралстройиндустрии – 7 500 [Плотников 1994: 70].

В течение 1932 г. на Урал прибыло еще 35 533 выселенных, убыло гораздо больше – 154 374 чел., поэтому на 01.01.1933 г. состояло на учете по Уралу 365 539 чел. [Земсков 1991а: 3–5].

Кампания массовых выселений продолжалась до конца 1933 г. На этот год была установлена уже пониженная квота выселений – 12 000 крестьянских семей по стране, из них 1 000 семей по Уралу [ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 181. Л. 149 об.]. По данным В. Н. Земс-

кова, в течение 1933 г. на Урал было выселено с учетом внутреннего переселения 61 777 чел., убыло – 127 000 чел. К 01.01.1934 г. на учете состояло 300 313 чел. [Земсков 1991а: 3–5].

Судя по косвенным данным, «в начале 1934 г. на промышленных предприятиях Урала спецпереселенцы составляли от 40% до 80%, а в лесной – от 50% до 90 % кадрового потенциала» [Раскулаченные спецпереселенцы... 1993: 22]. Возвращаясь к Н. Тагилу, можно отметить, что в конце 1935 г. в городе насчитывалось уже десять спецпоселков с населением 8 832 чел., в конце 1936 г. в них проживало 15 468 чел. [НТГИА. Ф. Р-70. Оп. 3. Д. 88. Л. 1; НТГИА. Ф. Р-70. Оп. 3. Д. 116. Л. 1 об.]. Поселки для спецпереселенцев строились в разных местах Тагила, в разное время. В результате анализа материалов ряда архивов, сбора устных сведений и современного анкетирования жителей Н. Тагила удалось восстановить картину возникновения спецпоселков. Спецпоселение на Тагилстрое (2-я площадка) создано в 1931 г. и стало самым крупным. В этом же году строятся Переселенческий поселок Уральской области на Высокогорском железном руднике и поселок на руднике III Интернационала, в 1932 г. – спецпоселки при Кирпичном заводе и в Евстюнихе, в 1933 г. – спецпоселки на Лебяжинском руднике, Коксохимстрое. В 1934 г. были введены в строй новый поселок (спецгородок) для переселенцев, работавших на Вагонстрое, спецпоселение в Балакино и дом старчества для спецпереселенцев в Шайтанке. В 1935 г. только в районе строительства Уралвагонзавода существовало пять спецпоселков: два на второй площадке УВС, 1 поселок Вагонстрой (3-я площадка), 1 поселок на ТЭЦ и спецгородок на Пихтовых горах. В отчетах горздрава за 1935 г. упоминается Белогорский трудпоселок прииска им. Кирова, в 1941 г. возникает спецпоселок в Лае. Трудно сказать точно, сколько раскулаченных на самом деле прошло через Тагил, известно только, что это десятки тысяч людей. По распоряжению ОГПУ от августа 1931 г. «спецпереселенцев из числа нетрудоспособных стариков, имеющих родственников, которые их содержат», на учет не принимали. А тех, у кого родственников не было, отправляли в инвалидные дома, обрекая на скорую смерть. В Тагиле появилось множество беспризорников в возрасте от 4 до 11 лет. Это были дети умерших ссыльных крестьян, в детдом их брали только с 11 лет [НТГИА. Ф. Р-70. Оп. 3. Д. 20. Л. 68, 76].

Спецпереселенцы, наряду с заключенными и трудмобилизованными, были заняты на строительстве Уральского вагоностроительного, Тагильского металлургического заводов, работали на железных рудниках и угольных копях региона. Многие из них бежали из спецпоселений и трудились как вольнонаемные, растворяясь в массе гражданского населения. Численность их в Н. Тагиле, по официальным данным, колебалась в пределах 15 000 чел., фактически же – гораздо больше. По материалам переписей 1926 и 1937 гг., население Н. Тагила за это время выросло на 379,3% [Всесоюзная перепись населения... 1991: 44, 45]. Интересные данные о численности спецпереселенцев приводятся в воспоминаниях руководителя Уралвагонстроя Л. М. Марьясина «Записки хозяйственника». Он пишет, что в 1933–1934 гг. на УВС трудилось около 6 000 спецпереселенцев, 4 000 заключенных, 2 000 тылополченцев, 2 000 коммунистов и комсомольцев специального набора и 250 «перебежчиков» (иностранцев граждан, перешедших границу СССР в поисках работы). Таким образом, общая численность работающих на УВС составляла 14 250 чел., из них подневольных – 10 000 чел. [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 22664. С. 359–452].

Сведения о численности «бывших кулаков» на Урале, в Свердловской области и Н. Тагиле во второй половине 30-х годов весьма скудны. Известно, что к июлю 1938 г. в 243 спецпоселках Свердловской области проживало 171 899 чел., из них было занято в тяжелой промышленности 43 645 чел., в лесной – 14 609 чел. В Н. Тагиле находилось 6 776 спецпоселенцев, из них 2 809 трудилось на Уралвагонстрое, 1 727 – на Уралвагонзаводе и 2 240 – на Тагилстрое [Земсков 1991а: 15].

К 01.01.1940 г. в Свердловской области осталось 105 677 спецпереселенцев. К началу Великой Отечественной войны в области было 146 спецпоселков с числом проживающих в них 89 868 чел. В Нижнетагильском районе насчитывалось 12 565 бывших кулаков, в пределах региона – большая часть числящихся по области [Земсков 1992: 8–9].

Специфика Нижнетагильского региона – преобладание промышленного населения, подсобный характер сельского хозяйства, суровые климатические условия, большие запасы полезных ископаемых и леса – обусловили особенности спецпереселения в его пределах. Большая часть территории Нижнетагильского округа соответствовала географическому понятию «Северный Урал» – центру

политики колонизации. В пределах самого округа раскулачили всего несколько сот хозяйств, зато вселили неизмеримо больше. По данным на 20.04.1930 г., в нем размещено 54 537 спецпереселенцев, на 30.10.1931 г. – 78 122 и на 10.02.1932 г. – 198 920 чел. Согласно статистическим данным 1926 г., площадь Нижнетагильского округа составляла 6,3%, а численность населения – 5,7% от соответствующих показателей Уральской области. Число выселенных в Нижнетагильский регион кулаков в 1932 г. достигло 34% от численности спецпереселенцев всей Уральской области. Население региона с 1926 по 1937 гг. возросло за счет раскулаченных в 1,9 раза [Кириллов 1996: 117, 121, 126, 127, 142, 143].

Таким образом, Нижнетагильский регион и его центр стали местом наибольшей концентрации спецссылки в масштабах страны, где проявлялись все ее закономерности и многие особенности.

Вплоть до 1935 г. смертность в Уральской спецссылке превышала рождаемость: в 1932 г. родилось 6 540 чел., умерло 32 645 чел., в 1933 г. родилось в спецссылке 3 894 чел., умерло 51 010 чел. Из более чем 130 000 раскулаченных, переданных лесным трестам, за 3,5 г. умерло 31 240 чел [Земсков 1991а: 3–5; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 22. Л. 48]. Только по «Западолестресту» убыль «ссылки» к 1934 г. составила 56%. При обследовании пяти районов Урала (Коми-Пермяцкий округ, Ныроб, Нижняя Вишера и др.) выявили более 2 000 семей (5 000 чел.), «не имеющих в своем составе ни одного трудоспособного». Из них 800 чел. опухли от истощения, примерно столько же насчитывалось стариков, не способных ни к какой работе в силу своей дряхлости. Кроме того, в поселках оказалось 2 850 беспризорных детей [ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 22. Л. 49].

Анализируя условия жизни и труда спецпереселенцев, лишний раз убеждаешься в том, насколько неэффективна социалистическая организация труда. Партия и государство, поставив задачи перехода к коллективному хозяйству в деревне и обеспечения рабочей силой индустриальных строек, решили их преступно-авантюристическими средствами. Огромная трудовая армия раскулаченных, не обеспеченная надлежащими условиями быта и труда, буквально «растаяла» в уральской тайге. Хотя ни в одном партийном документе не говорилось прямо о физическом уничтожении крестьян, фактически состоялось массовое истребление людей, погибавших от холода, голода, морально-психологического стресса и физического насилия комендантского актива спецпоселков. Принудительная система ор-

ганизации труда давала очень низкую производительность, и поэтому начиная с середины 30-х гг. государство проявляет «заботу» о спецпереселенцах, приближая условия их труда к условиям труда вольнонаемных рабочих. Сельское хозяйство в результате этого эксперимента было развалено и кое-как выправилось к концу 30-х гг. Тем не менее ценой огромных человеческих жертв индустриализация на Урале была обеспечена дешевой рабочей силой и привела к значительным социально-экономическим изменениям в Нижнетагильском регионе.

После принятия 24.05.1934 г. постановления ЦИК СССР «О порядке восстановления в гражданских правах бывших кулаков» расширилась практика восстановления избирательных и иных прав спецпереселенцев. Промышленность Урала получила тысячи квалифицированных рабочих из числа спецпереселенцев, которые работали не хуже, а иногда и лучше, чем вольнонаемные. Но, как уже говорилось ранее, социалистическое государство «отечески» держало руку на горле раскулаченных, и после формального возвращения им избирательных прав Конституцией 1936 г. действовали запреты на выдачу паспортов и трудовых книжек, ограничивались передвижение и смена работы. Всегда было вероятно возвращение практики репрессий, что и произошло в 1937 г., когда только в пределах Свердловской и Челябинской областей Урала было решено репрессировать 16 000 «бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Пролетарская диктатура, чаще ударяя кнутом и иногда одаривая пряником, сумела искалечить сотни тысяч крестьян, превратив их в покорных рабов. Значительная часть из детей спецпереселенцев поверила в мифы социализма и двинулась по пути зла в тупик «развитого социализма». Другим же пришлось скрыть свои истинные чувства и затаить их на долгие времена, подчиняясь силе и общему ослеплению.

В 1920–1930-е гг. нашего века Урал от Воркуты до Орска был местом дислокации многочисленных лагерных систем и их подразделений. Однако в современных границах Свердловской области к началу 30-х гг. лагерных систем (лагерей особого назначения 1920–1929 гг., исправительно-трудовых лагерей, создававшихся в стране с 1929 г.) не существовало.

По данным отдела мест заключения области на 01.01.1936 г., в ее пределах находилось 6 исправительно-трудовых колоний (ИТК), 7 тюрем – 5 следственных, 1 смешанная и 1 тюрьма для срочно-

осужденных, областная больница, в 72 районах – бюро исправительных работ, 34 райкомендатуры и 1 этапно-пересыльный пункт. Общая численность заключенных (без БИРов) составляла 20 207 чел. [ГАРФ. Ф. Р.-9414. Оп. 1 доп. Д. 475. Л. 2].

Первая крупная лагерная система в пределах Тагильского края – Ивдельлаг – начинает формироваться по приказу НКВД от 16.08.1937 г. Основные задачи, поставленные перед этим лагерем, заключались в лесозаготовках и строительстве железнодорожной ветки пос. Сама – г. Ивдель. Среднесписочный состав лагеря на 01.01.1938 г. составлял 13 500 чел., а 01.02.1939 г. – 20 939 чел. В ведение Ивдельлага был передан лесной массив площадью 1 301 тыс. га. Производственная база лагеря составила 10 009 700 куб. м. леса. Подсобное хозяйство лагеря занимало посевную площадь в 650 га, что превышало всю посевную площадь Ивдельского района. Лагерем велось строительство гидролизных заводов в Лобве и Першино, лесопильного завода, а в конце 1940 г. начато строительство Богословского алюминиевого завода [ГАРФ. Ф. Р.-9414. Оп. 1 доп. Д. 559. Л. 1; ГАРФ. Ф. Р.-9414. Оп. 1 доп. Д. 749. Л. 53 об.; ГАРФ. Ф. Р.-9414. Оп. 1. Д. 853. Л. 43; ГАРФ. Оп. 1 доп. Д. 1140. Л. 7].

По приказу НКВД от 05.02.1938 г. начинает создаваться еще одна мощная лагерная система на территории Нижнетагильского региона – Севураллаг. Этот лагерь расположился на территории 12 районов: Гаринского, Таборинского, Верхне-Тавдинского, Туринского, Верхотурского, Исовского, Слободо-Туринского, Нижне-Салдинского и Нижне-Тавдинского (Омской области), Ново-Лялинского и Ивдельского (общая площадь – 110 тыс. кв. км). Управление его последовательно перемещалось из г. Туринска в г. Ирбит, а затем в п. Сосьва. Этот лагерь создавался взамен не справлявшегося с планом треста «Севураллес», и последний ликвидировался. Все предприятия треста, вольнонаемные кадры и материальные ценности передавались Севураллагу. Трест на 01.01.1938 г. имел в своем составе 5 леспромхозов, 8 мехлеспунктов, 3 узкоколейных железных дороги, 2 рейдовые конторы, 2 лесобиржи, 3 отдела снабжения и 4 химлесхоза, а также строились Верхо-Турская и Тавдинская железные дороги узкой колеи. Общая площадь лесов, переданных в эксплуатацию лагеря, составляла 5 417 883 га [ГАРФ. Ф. Р.-9414. Оп. 1. Д. 853. Л. 109–109 об.; ГАРФ. Оп. 1. Д. 1074. Л. 5, 6, 13, 26].

Производственная деятельность лагеря заключалась в обеспечении сырьем заводов, расположенных в бассейне рек Туры и Тавды, а также топливом и стройматериалами (стойка, строй, подтоварник, шпала) различных предприятий. Кроме того, лагерь являлся поставщиком рабочей силы Богословских угольных копей. По заданию правительства лагерь в 1939 г. построил целлюлозный завод в г. Туринске, в начале 40-х гг. – гидролизный завод около ст. Тавда. Объем лесозаготовок лагеря в 1940 г. составил 2 250 тыс. фестметров. К 01.02.1939 г. в Севураллаге числилось 27 042 заключенных [ГАРФ. Ф. Р.-9414. Оп. 1. Д. 853. Л. 17; ГАРФ. Оп. 1 доп. Д. 1140. Л. 7]. Ивдельлаг и Севураллаг стали государствами в государстве, располагая гигантскими площадями с огромными запасами леса и полезных ископаемых, используя труд около 50 000 заключенных. Они имели в своем распоряжении не только конный и машинный парки, но и самолеты, катера, пароходы, паровозы и мотовозы. В их рамках было создано около 100 лагерных подразделений, десятки из которых впоследствии превратились в самостоятельные лагеря. На основе Севураллага и Ивдельлага оформились Богословлаг, Тавдинлаг, Лобвинлаг, Востураллаг и другие лагеря.

Согласно спецпереписи НКВД, включенной в общие итоги Всесоюзной переписи населения 1939 г., контингенты УНКВД Свердловской области насчитывали 199 568 чел., т. е. 8% от численности всего населения [РГАЭ. Ф. Р.-1562. Оп. 329. Л. 157, 158]. Число входящих в спецконтингент трудпоселенцев, состоящих на учете спецкомендатур области, в 1939 г. составляло около 103 000 чел. [РГАЭ. Ф. Р.-1562. Оп. 329. Л. 158; Земсков 1991а: 8].

В начале 1941 г. в области все еще состояло на учете около 98 000 трудпоселенцев, 2/3 из которых проживали на территории бывшего Нижнетагильского округа [Земсков 1992: 8]. По состоянию на 01.01.1941 г. в области насчитывалось 7 контрагентских и 4 промышленных ИТК с общим числом заключенных 11 859 чел. В Ивдельлаге в этот момент содержалось 22 255 заключенных, Севураллаге – 27 327 чел. [ГАРФ. Ф. Р.-9414. Оп. 1 доп. Д. 1162. Л. 41, 124; ГАРФ. Ф. Р.-9414. Оп. 1 доп. Д. 2784. Л. 1, 3]. Таким образом, всего в заключении (не считая тюрем и бюро исправительных работ) в масштабах области находилось 61 441 чел. (3% от численности по СССР). Подавляющая часть узников – 53 039 чел. – располагалась в пределах Нижнетагильского региона (РГАЭ. Ф. Р.-1562. Оп. 329. Д. 189. Л. 22, 33. В 1939 г. в регионе проживало около

900 000 чел. Общее число заключенных и спецпереселенцев в нем составляло 113 000 чел., т. е. 12,5% от всего населения). Этот регион Урала в довоенный период стал местом повышенной концентрации репрессированных по различным основаниям и уголовных преступников.

С началом Великой Отечественной войны система подневольного труда в СССР еще более расширилась и укрепилась. Тенденция замены работы гражданских главков и трестов на деятельность управлений ГУЛАГа, в достаточной мере проявившаяся в 30-х гг., стала еще более очевидной. В годы войны в пределах Свердловской области действовало 7 лагерных систем: Ивдельлаг, Севураллаг, Тагиллаг, Богословлаг, Лобвинлаг, Востураллаг и Тавдинлаг. Первые пять из них располагались на территории Нижнетагильского региона. Объектом нашего внимания является одна из них – Тагиллаг.

Постановлением СНК СССР от 27.12.1941 г. и приказом наркома внутренних дел Л. П. Берии от 27.01.1942 г. (это официальная дата образования Тагиллага) вся ответственность за выполнение строительной программы 1942 г. и обеспечение Тагилстроя необходимыми ресурсами возлагалась на коллектив Волгостроя. Это была крупнейшая строительная организация Главгидростроя НКВД, имевшая богатый опыт строительства гидротехнических сооружений на Беломорканале, канале Москва – Волга. Именно тресту Волгострой предстояло стать костяком строительства НТМЗ и лагеря НКВД, осуществить в срочном порядке переброску техники и оборудования с Рыбинского и Угличского гидроузлов на Шексне и Волге, со строительства полевых оборонительных сооружений Наркомата обороны, провести тщательный отбор полноценной «рабочей силы» среди узников Волголага НКВД. Как свидетельствуют архивные документы, первые эшелоны с волгостроевцами стали прибывать на строительные площадки уже в начале февраля 1942 г. в разгар самой лютой военной зимы на Урале. По данным на 10 февраля, в штате строительства НТМЗ числилось 13 500 человек и из них 5 250 были заключенными. Большую часть поступивших составляли больные, ослабленные, инвалиды, раздетые и разутые люди: среди них значилось 1 100 больных, 250 раздетых, 300 инвалидов [НТГИА. Ф. Р.-229. Оп. 1. Д. 342. Л. 16, 65].

Кроме заключенных ИТК № 4 и узников Волголага, в Н. Тагиле трудились репрессированные советские немцы. Уже осенью 1941 г. из немцев – военнослужащих Красной армии, отозванных с

фронта на Урал, – был сформирован строительный батальон для работы на УВЗ. 10.11.1941 г. Государственный Комитет Оборона издал постановление о мобилизации немцев в строительные отряды и о создании 25 рабочих колонн для важнейших строек страны. 17.02.1942 г. «немецкий эшелон» остановился на грузовых путях станции Смычка, неподалеку от Н. Тагила. К 15.03.1942 г. немцев насчитывалось 3 607 чел., к 1 августа – 3 853 чел. [ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1 доп. Д. 306. Л. 8, 10]. В районе Н. Тагила зимой – весной 1942 г. создали два спецотряда из советских немцев: № 18-74 в самом городе и № 18-75 в Каменке (20 км от Н. Тагила).

Немцы выполняли основную работу на ряде подсобных предприятий (кирпичный завод, щебеночный и песчаный карьеры), на лесоповале в Каменке, Винновке, Серебрянке, на авторемонтном заводе, заготовке фуража и сельхозпродуктов, ряде монтажных работ. Большинство советских немцев было занято на общих работах, но многие трудились конструкторами, инженерами-монтажниками, руководителями строительных работ, работали в управлении Тагилстроя, в лабораториях. Последнее объясняется тем, что в Н. Тагил попало много ученых, высококвалифицированных специалистов. Среди них: О. Н. Бадер – археолог, кандидат исторических наук, впоследствии доктор наук, основатель пермской археологической школы; П. Э. Рикерт – немец-антифашист, бежавший от Гитлера еще в 1934 г., химик-минералог, кандидат наук; Б. В. Раушенбах – кандидат математических наук, впоследствии академик; кандидат наук, физик А. Г. Стромберг; известные медики – хирург Т. А. Грасмик, рентгенолог – Г. Я. Гейнрихсдорф, врачи В. Э. Рунг, В. Р. Зоммер и другие. Не случайно в эти годы возникла «малая академия» в ИТЛ, где своими знаниями делились выдающиеся ученые.

Приступив к организации лагеря практически на голом месте, руководство Тагиллага руками узников в кратчайшие сроки создало крупное лагерное хозяйство. По состоянию на 15.05.1943 г. Нижнетагильский ИТЛ НКВД состоял из 18 лагерных подразделений. Тагиллаг включал в себя около 26 участков, расположенных как на строительной площадке НТМЗ, так и за ее пределами в радиусе от 30 до 200 километров. Для размещения заключенных предназначалось 103 барака и 57 землянок, где по гулаговской норме 1,5 кв. м. на человека находилось 37 000 узников. Тагиллаг имел 27 специализированных стационаров на 3 тыс. коек, 11 амбулаторий, 21 баню-прачечную с дезокамерами и целый ряд других коммунально-

бытовых служб. Система лагерей обладала сложной административной структурой [НТГИА. Ф. Р-229.].

Начиная с 1944 г. в структуре Тагилстроя НКВД произошли серьезные изменения. Сократилась численность заключенных – с 25 752 чел. в 1944 г. до 13 610 на 01.01.1946 г. Основной причиной этого являлось массовое освобождение по истечении срока и в связи с амнистией 1945 г. В то же время увеличивается использование таких контингентов, как военнопленные и окруженцы. Судя по отчету бухгалтерии Тагиллага за 1945 г., на начало года соотношение различных категорий работающих было следующим: вольнонаемных – 24,2% (многие из них – бывшие заключенные или насильно мобилизованные в рабочие колонны); «мобилизованные» немцы – 12,6%; заключенные – 45,5%; военнопленные – 17%; окруженцы (советские воины, побывавшие в плену) – 0,7%. В конце года соотношение изменилось: вольнонаемных – 18,2%, немцев – 12,8%, заключенных – 35,2%, военнопленных – 33%, окруженцев – 0,8% [НТГИА. Ф. Р.-229. Оп. 1. Д. 408. Л. 6]. Летом 1943 г. в Тагиле организуется спецлагерь № 153 (на месте 5-го лаграйона) для военнопленных, а в начале 1945 г. – спецлагерь № 245 для военнопленных и интернированных. Эти лагеря состояли из десятка лаготделений, в которых содержалось, по данным на начало 1946 г., 7 573 чел. [НТГИА. Ф. Р.-229. Оп. 1. Д. 408. Л. 13].

В соответствии с постановлением СНК СССР от 19.01.1946 г. и совместным приказом Народных комиссаров внутренних дел Союза ССР и по строительству предприятий тяжелой индустрии, черной металлургии и цветной металлургии от 23.02.1946 г. произошло разделение на трест Тагилстрой Наркомтяжстроя и Тагиллаг ГУЛАГа НКВД [НТГИА. Ф. Р.-229. Оп. 1. Д. 446. Л. 3–5].

На 01.01.1946 г. в составе Тагилстроя НКВД имелось 5 строительных районов, 15 подсобных и вспомогательных предприятий, два лесозаготовительных района, 3 транспортных отдела. За четыре года работы Тагилстроем было освоено 596,5 млн рублей капиталовложений и, помимо основных промышленных объектов, введено в эксплуатацию 49 тыс. кв. м. жилой площади с заделом в 31 тыс. кв. м. При разделе было подчеркнуто, что основными рабочими кадрами Тагилстроя являлись «лагконтингенты НКВД СССР» [НТГИА. Ф. Р.-229. Оп. 1. Д. 446. Л. 5–7]. Однако и после завершения раздела основной рабочей силой на стройках города оставались заключен-

ные. Судя по отчету треста за 1946 г., его основной промышленно-производственный персонал комплектовался за счет лагерей МВД.

По состоянию на 20.02.1946 г. в Тагиллаге насчитывалось 27 335 заключенных (21% от числа заключенных в области). В это время в ИТК и ИТЛ Свердловской области (без учета советских немцев) содержалось 129 289 узников (7,6% от их числа в СССР) [ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 80. Л. 3, 6, 7]. По состоянию на 01.12.1946 г. работавших в Тагилстрое насчитывалось 17 693 чел., в том числе 6 933 заключенных, 4 604 военнопленных, 154 человека – спецконтингент МВД и 6 002 вольнонаемных. Последняя категория в основном состояла из бойцов бывших отрядов советских немцев и спецпереселенцев [НТГИА. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 438. Л. 29, 30]. В одном из приказов треста от 07.02.1948 г. по-прежнему делалась ставка на труд заключенных и говорилось: «...обеспечить через МВД выход рабочих спецконтингента на работы треста в 1 квартале 1948 г. – 12 тыс. чел., во втором – 18 тыс.» [НТГИА. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 449. Л. 112, 112 об.]. Нужно отметить, что в Н. Тагиле к этому времени было очень мало людей, свободных от лагерного клейма, особенно это касалось работников треста.

С 07.06.1947 г. по 29.04.1953 г., кроме упомянутых нами, в области существовала система Ураллага с центром в Свердловске, объединяющая 7 лаготделений в Исе, Невьянске, Салде, Верхней Сысерти, Красноуральске, Березовском. Основной сферой производственной деятельности являлась добыча золота. Численность узников достигала 2 000 чел. На 01.01.1947 г. ОИТЛК (Отдел ИТЛ и колоний) УМВД Свердловской области [ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1154. Л. 2–4, 93 об.; ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 542. Раздел 1. Л. 1, 2] (Управление ИТЛ и колоний Свердловской области было организовано 05.12.1941 г. приказом МВД СССР. На 1953 г. лимит наполнения был установлен в 31 890 чел.) имел в своем составе три промышленных колонии (Свердловск, Нижняя Тура, Камышлов-Аксариха) с количеством 5 186 заключенных, 18 контрагентских подразделений численностью 46 346 заключенных (Тагиллаг, Богословлаг, Свердловское лаготделение, Тавдинское лаготделение № 2, Севере-Уральский ОЛП, Ирбитский ОЛП, Лобвинский ОЛП, Нижнетуринский лагерь № 4, Первоуральский № 6, Ревдинский № 7, Дегтярская ИТК № 8, Каменск-Уральская ИТК № 12, Сухоложская ИТК № 15, Красноуральская № 18, Талицкая № 19, Кировоградская № 20, Исовская № 5, Камышловская). Кроме того, в ОИТЛК входили-

ли областная больница и пересыльная тюрьма в Свердловске, Верхотурская трудколони́я, Туринский детприемник [ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1276. Т. 2. Л. 66–75].

Использовались заключенные и на строительстве объектов атомной промышленности. По воспоминаниям очевидцев, в 1946 г. была образована зона ИТЛ-100 для строительства Уральского электрохимического комбината (завода по промышленной переработке урана) в Верх-Нейвинске. В 1948 г., кроме 12 000 солдат, город строили и 40 000 заключенных (в основном советские военнопленные, репатриированные из Германии и попавшие в лагеря за «измену родине»).

Возвращаясь к Тагиллагу, следует оценить численность его контингентов в масштабах Свердловской области. В январе 1941 г. общее число заключенных в ИТК и ИТЛ области составляло 3% (61 441 чел.) от их численности по СССР (1 929 729 чел.), в декабре эта цифра возросла до 8%, а в конце 1942 г. – 9% [ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1 доп. Д. 2784. Л. 1, 3; Земсков 1991б: 17, 18]. В декабре 1942 г. в Свердловской области насчитывалось около 169 000 заключенных, из них 34 000 советских немцев. В ИТЛ и ИТК Нижнетагильского региона число узников составляло около 131 000 чел., из них 29 000 немцев. Таким образом, этот регион являлся местом повышенной концентрации (77,5%) заключенных в Свердловской области. В свою очередь, Тагиллаг являлся самым крупным лагерным образованием области и региона. В декабре 1942 г. в нем было сосредоточено 29% от численности заключенных и мобилизованных немцев по области. Значительно отставал от него второй по численности лагерь в области – Богословлаг, насчитывавший 27 477 чел. [ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1 доп. Д. 2784; ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 386. Л. 3, 5, 7, 22].

За 1941–1948 гг. через лагеря Тагиллага прошло около 106 000 узников, за 1941–1945 гг. – 6 511 советских немцев, за 1941–1944 гг. – 16 500 трудмобилизованных спецпереселенцев, окруженцев и репатриированных, около 11 000 военнопленных. Если суммировать все эти данные вместе, получается более 140 000 чел. [НТГИА. Ф. Р-229].

Без сомнения, многие достижения в работе тыла периода Великой Отечественной войны основаны на использовании принудительного труда. Однако с окончанием войны и спадом патриотического подъема среди узников Тагиллага производительность труда резко снизилась, и потребовалось расширение сферы вольнонаемного труда.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. массовая репрессивная система зашла в тупик, обрекая своих подданных на лагеря и вечные подозрения в нелояльности. Пытаясь повлиять на производительность труда путем найма свободных людей, государство имело источником пополнения кадров океан несвободы. Демографический и социально-психологический облик Н. Тагила и Урала начала 1950-х гг. определялся основными характеристиками его населения, в значительной мере состоявшего из репрессированных.

Общей закономерностью для ГУЛАГа была более высокая смертность в лагерях лесной промышленности, чем в лагерях Главпромстроя (ГУЛПС). Однако в 1941–1942 гг., в момент образования и в первые годы функционирования Богословлага и Тагиллага, процент смертности в них оказался выше. Причем в Богословлаге эта негативная тенденция проявлялась гораздо дольше. Наибольшее число узников, умерших в годы войны, приходится на Тагиллаг, так как он стал в 40-е годы самым крупным лагерным образованием Свердловской области. В 1942–1945 гг. в Тагиллаге умерло около 20 000 чел. Эта трагедия была вызвана спешным этапированием огромной массы заключенных в город, уже перегруженный эвакуированными, на совершенно неподготовленное место, с суровыми природными условиями Урала. В Н. Тагиле в 1942 – начале 1943 гг. царили голод и болезни. В 1942 г. смертность среди гражданского населения в городе и районе превысила рождаемость: родилось 5 303 чел., а умерло 9 024 чел. В 1943 г. в Н. Тагильском районе умерло 6 639 чел., в 1944 г. – 9 623, родилось только 2 914 чел. [НТГИА. Ф. Р-31. Оп. 1. Д. 358. Л. 2; НТГИА. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 59. Л. 16, 25].

В 1944–1945 гг. в Тагиллаге был наведен относительный порядок в жилищных условиях, продовольственном снабжении и санитарном обслуживании заключенных. Смертность в Тагиллаге снизилась с 3 до 0,3%. Отличался Тагиллаг и высокой производительностью труда заключенных. В 1944 г. выход заключенных на основные виды работ в среднем по ГУЛАГу составлял 83,5% (в 1943 г. – 78%), выработка на 1 человеко-день достигла 21 руб. (1940 г. – 9 руб. 50 коп.). В Тагиллаге в 1944 г. обеспеченность рабочей силой составила 91,2%, норма выработки в день на человека – 43 руб. 46 коп., а чистая прибыль – 12 822 руб. на человека [НТГИА. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 394. Л. 6, 32; НТГИА. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 401. Л. 5 об., 6; НТГИА. Ф. Р.-229. Оп. 1. Д. 446. Л. 6]. Тагилстрой-Тагиллаг НКВД

благодаря стараниям М. М. Царевского (главы Тагиллага в 1943–1946 гг.) стал мощной и достаточно четко работающей структурой. ГУЛАГ и часть его – Тагиллаг – в глазах многих были образцом ведения хозяйства по-социалистически, но эта перспектива была ложной и глубоко антигуманной.

По приказу МВД СССР от 29.04.1953 г. были одновременно закрыты Тагиллаг, Богословлаг и Ураллаг. Накануне закрытия в Тагиллаге содержалось 17 875 заключенных (на 01.03.1953 г.), из них 3 187 осужденных за контрреволюционные преступления и 4 711 женщин. В конце 1953 г. некогда всеильный Тагиллаг превращается в «почтовый ящик» УЩ-349/5. Правда, достаточно скоро на месте многих лагпунктов возникли новые места заключения.

В состав Управления лагерей и колоний Свердловской области (УИТЛК) 10.08.1953 г. были приняты с последующей полной и частичной ликвидацией: Уральский ИТЛ (7 лаготделений), Баженовский ИТЛ (3 лаготделения), ИТЛ-100 (4 лаготделения), Отдел детских колоний (2 детских колонии и 2 приемника-распределителя). Подлежали ликвидации Тагильский и Богословский ИТЛ, входившие непосредственно в состав УИТЛК, а также 5 самостоятельных лагерных отделений УИТЛК, Уральский и Баженовский ИТЛ ликвидировались полностью. 20 августа началась ликвидация ИТЛ-100, закрыта Детская трудовая воспитательная колония в Нижней Туре.

На 01.01.1954 г. в составе УИТЛК были следующие подразделения: Асбестовское ЛО № 1, Свердловское ЛО № 2, Краснотурьинское № 3, Н. Тагильское № 5 и № 6, Северо-Уральское № 7, Бисертское № 8, Аксарихинское № 8, Свердловское № 12, Нижне-Салдинская ИТК № 13, Верхотурская ДТК, Пересыльная тюрьма, Межобластная спецбольница. Всего в них содержалось около 20 000 заключенных [ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1 доп. Д. 226. Разд. 3. Л. 2 об. – 60].

Скрытая реабилитация не уничтожила всех «островов» ГУЛАГа в широком понимании этого явления. Социализм не мог обойтись без своего печально известного «архипелага» и его коренного населения – спецконтингента.

Эскизный проект застройки Уралвагонстроя. 1934 год
(НТГИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 86. Л. 6)

Проект застройки центрального района г. Нижний Тагил. 1934 г.

Эскизный проект застройки центрального района города
Нижний Тагил. 1934 год (НТГИА. Ф. 70. Оп. 5. Д. 2. Л. 137а)

Площадь перед зданием Горсовета. Памятник В. И. Ленину.
1930-е годы (НТГИА. К-1. Оп. 1 НЧ. Д. 37)

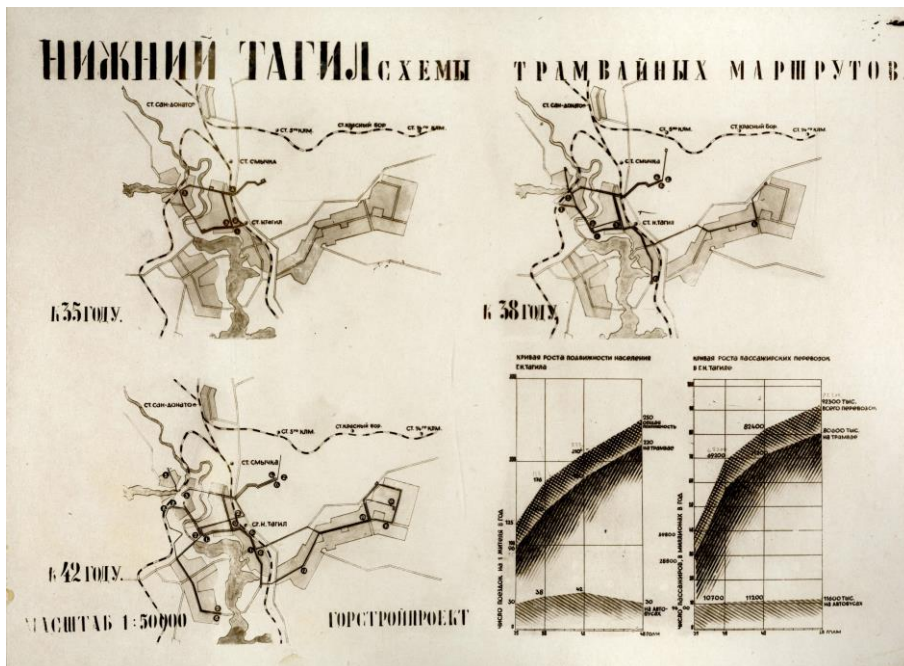
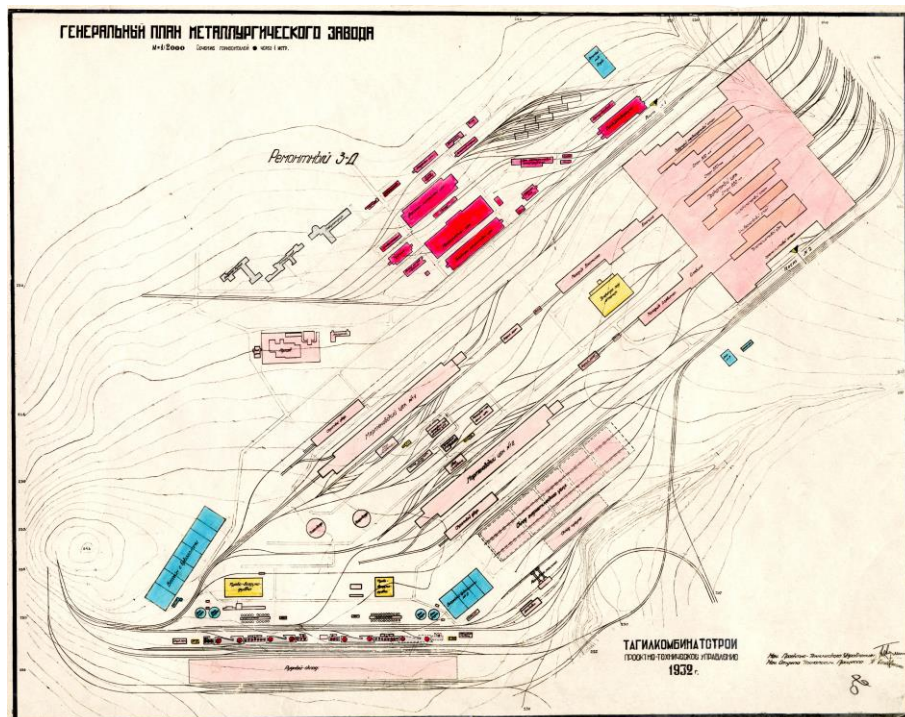

Схема трамвайных маршрутов. 1934 год
(НТГИА. Ф. 731. Оп. 5 ФА. Д. 1. Л. 28. ф. 53)

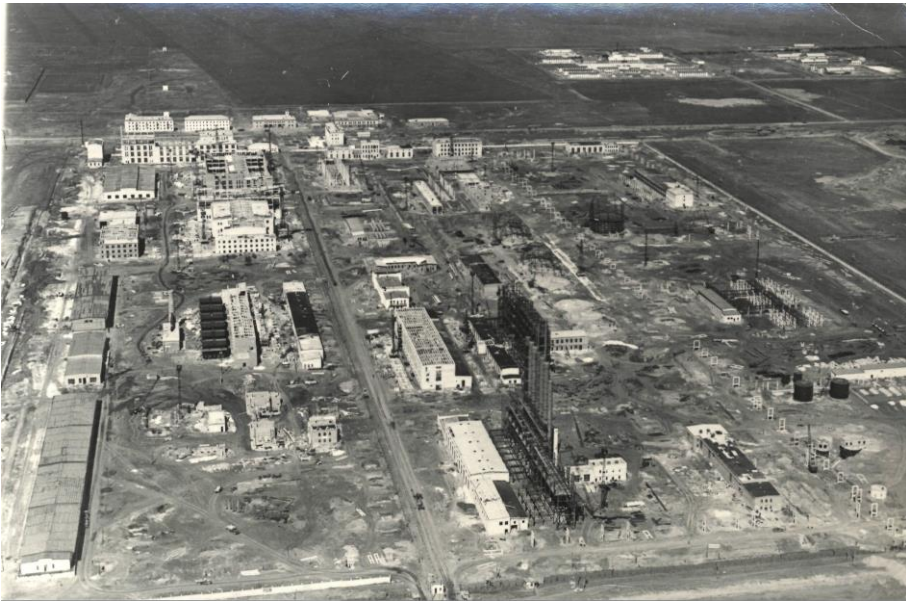

Генеральный план Металлургического завода. 1932 год
 (НТГИА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 101. Л. 20)

План Нижнетагильского металлургического завода. 1932 год
 (НТГИА. Ф. 70. Оп. 5. Д. 4. Л. 53)

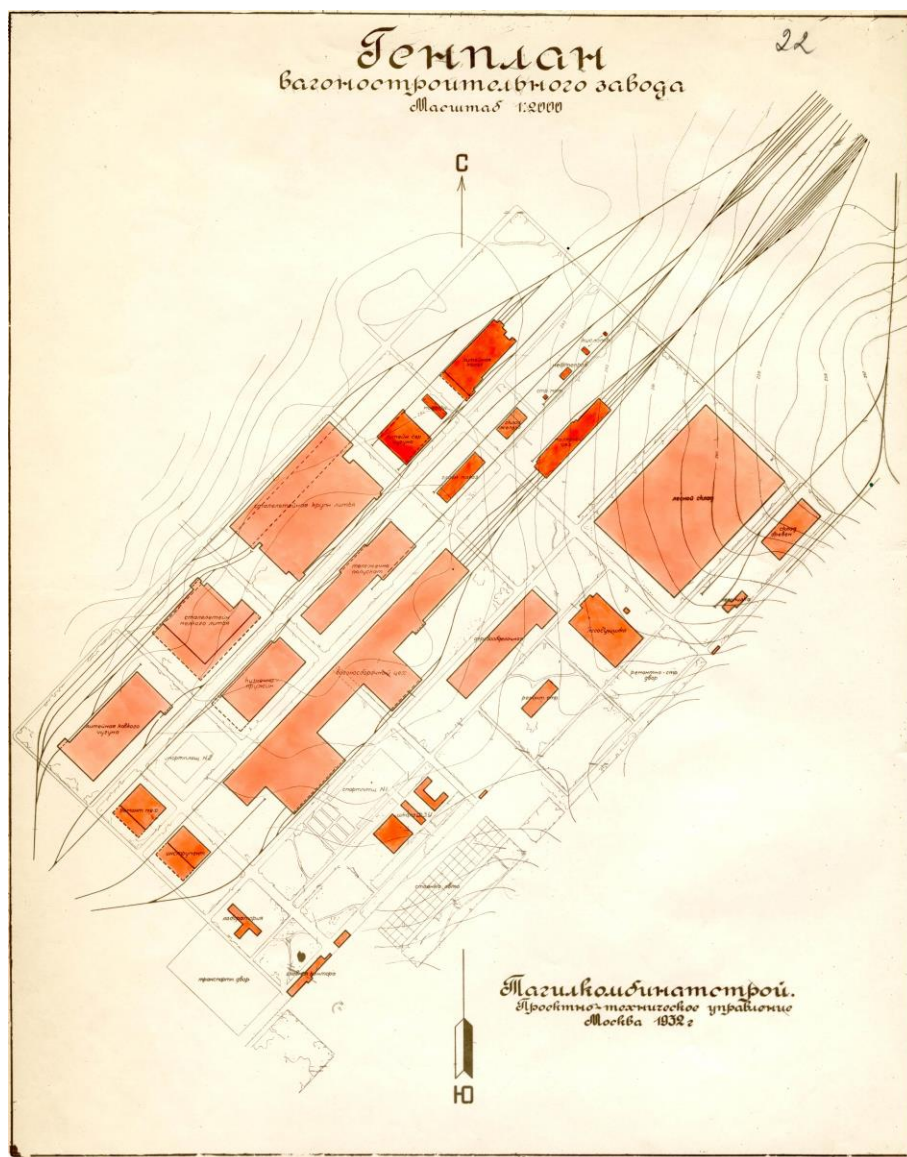
НИЖНИЙ ТАГИЛ В XX ВЕКЕ: ГОРОД, СОЦИУМ, СРЕДА

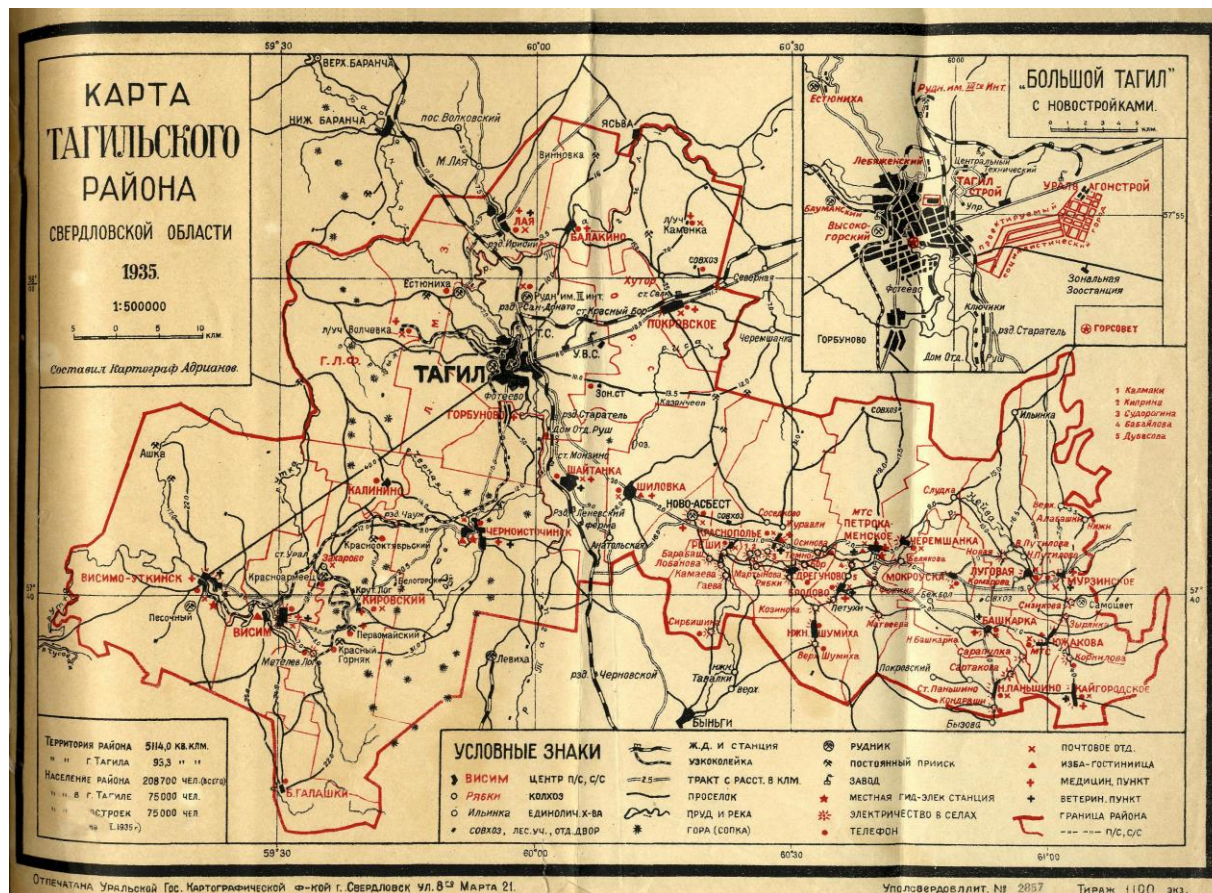
Панорама строительства Нижнетагильского металлургического завода, вид с самолета. 1934 год (НТГИА. К-1. Оп. 1П. Д. 314)

Строительство Ново-Тагильского металлургического завода.
1935 год (НТГИА. К1. Оп. 1 ФА. Д. 59. Л. 7. ф. 49)

Генеральный план Вагоностроительного завода. 1932 год
(НТГИА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 101. Л. 22)

Карта Нижнетагильского района Свердловской области. 1935 год (НТГИА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 74. Л. 112)

Здание учительского института по улице Ленина. 1940 год
(НТГИА. К-1. Оп. 1П. Д. 317)

Улица Ленина. 1949 год (НТГИА. К-1. Оп. 1П. Д. 1360)

Кинотеатр «Искра» и трамвайное кольцо по улице Ленина.
1950-е годы (НТГИА. К-1. Оп. 1 НЧ. Д. 83)

Памятник механикам Ефиму и Мирону Черепановым
на Театральной площади. 1959 год (НТГИА. К-1. Оп. 1 Н1. Д. 2472)

Панорама центральной части г. Нижний Тагил. 1962 год
(НТГИА. К-1. Оп. 1 Н1. Д. 2548а)

Железнодорожный вокзал. Март 1966 года
(НТГИА. К-1. Оп. 1 ФА. Д. 43. Л. 5. ф. 119)

НИЖНИЙ ТАГИЛ В XX ВЕКЕ: ГОРОД, СОЦИУМ, СРЕДА

Вид на проспект Ленина. [1970-е] годы
(НТГИА. К-1. Оп. 1 ФА. Д. 117. Л. 14. ф. 25)

Вид на здания Нижнетагильского медицинского училища.
1970 год (НТГИА. Ф. 731. Оп. 3. Д. 70)

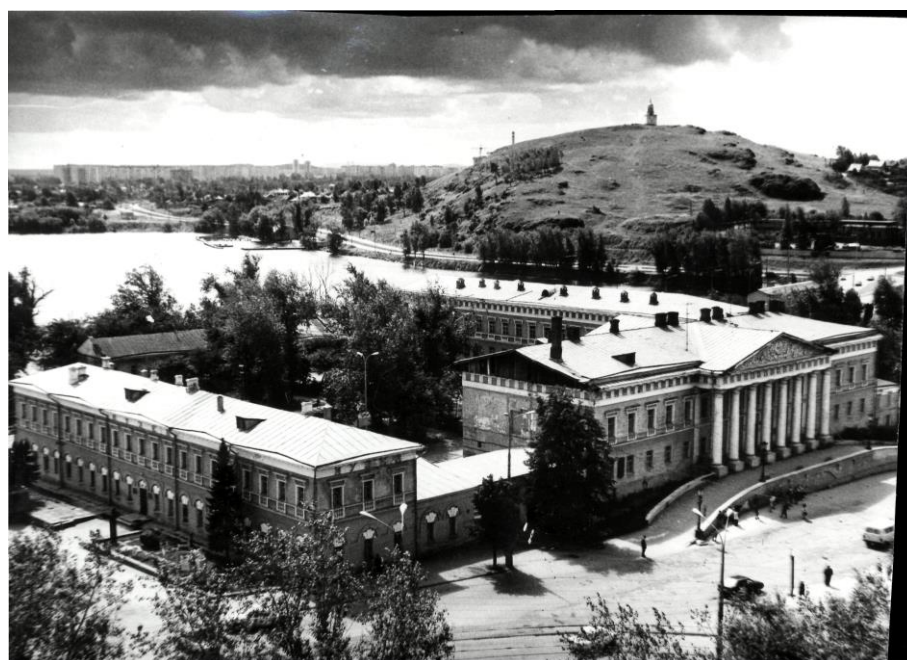
Машиностроительный техникум. 1971 год
(НТГИА. К-1. Оп. 1 ФА. Д. 117. Л. 30. ф. 63)

Цветомузыкальный фонтан на набережной Тагильского пруда. 1979 год
(НТГИА. Ф. 731. Оп. 5 ФА. Д. 4. Л. 19)

Привокзальная площадь и здание гостиницы Тагил. 1993 год
(НТГИА. К-1. Оп. 1П. Д. 463)

Общий вид на здания бывшего заводууправления Демидовых.
1994 год (НТГИА. К-1. Оп. 1П. Д. 475)

2.5. Движение «Мемориал» и становление гражданского общества в г. Нижний Тагил

Общественно-политическая обстановка в СССР в конце 1980-х гг. привела к образованию общественных организаций, которые, опираясь на предлагавшуюся в стране «гласность», желали узнать правду о невинно пострадавших от политических репрессий и выступали «за» реставрацию исторической памяти. Одной из первых общественных организаций, заинтересовавшейся темой политических репрессий в СССР, стало Международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал», образовавшееся в 1986–1987 гг. в Москве. С 1988–1989 гг. по всей стране появляются региональные отделения «Мемориала». Не стал исключением и Нижний Тагил.

Первой ступенью к его созданию было общество «Молодые историки». В него вошли преподаватели и студенты Нижнетагильского государственного педагогического института, работники городского архива и краеведческого музея. «Молодыми историками» была создана программа «Реабилитация». Руководитель программы В. М. Кириллов дал согласие на объединение с инициативной группой по реабилитации жертв политических репрессий при музее НТМК. Руководителем этой инициативной группы стал А. Б. Волошин. Таким образом, 23 марта 1989 года можно определить как дату создания общества «Мемориал» в Нижнем Тагиле [Кириллов 1999: 7].

23 сентября 1993 года, на общем собрании «Мемориала» был утвержден его Устав как историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общественного объединения. Главным администратором общества избрали Б. Д. Броцмана, в Правление ввели наиболее активных членов «Мемориала»: Л. И. Ганину, М. В. Золотухина, Ф. А. Родина, Г. К. Семешкину, Е. И. Бруеву, А. А. Нейферт. «Мемориал» получил новое помещение, стало более организованным его финансовое обеспечение и активизировалась благотворительная деятельность. Большим успехом «Мемориала» стали выход в свет «Книги памяти тагильчан – жертв репрессий» (1994 г.) и проведение выставки графической серии М. В. Дистергефта «В те годы» в музее изобразительных искусств Нижнего Тагила (1995 г.).

Несмотря на то, что с момента своего возникновения «Мемориал» в Нижнем Тагиле перенес несколько кризисных ситуаций, ко второй половине 1990-х гг. данная общественная организация проделала внушительную работу по развитию активной гражданской позиции среди населения города, внедрению принципов демократии. Так, «Мемориал» активно принимал участие в реабилитации тагильчан – жертв политических репрессий; занимался изданием Книг памяти, а также информационного бюллетеня «Права человека». Кроме этого, проводилась работа по созданию базы данных по тагильчанам – жертвам репрессий и оформление на основе исследований проблемной научно-исследовательской лаборатории в Нижнетагильском педагогическом институте (ныне филиал РГППУ в Нижнем Тагиле) [Кириллов 1999: 260].

Безусловно, интересно рассмотреть и развитие отдельных направлений деятельности Нижнетагильского «Мемориала»: историко-просветительского и правозащитного. Так, первоначально «Мемориал» имел официальное название историко-просветительского общества, в составе которого с 1989 года действовала историко-поисковая группа, занимающаяся изучением тоталитаризма и его воздействия на Нижний Тагил. В программе общества за 1992 год были указаны следующие задачи историко-поисковой группы.

Во-первых, организовать информационно-исследовательский и просветительский городской центр «Мемориала», выявить факты репрессий, имевших место при строительстве Уральского вагоностроительного и Ново-Тагильского металлургического заводов и на других предприятиях.

Во-вторых, мемориальцы планировали создать постоянно действующие разделы и специальные экспозиции в городском музее и зданиях заводов, школ; собирать материалы, связанные с фактами и обстоятельствами репрессий; проводить археологические, исторические и социологические исследования.

В-третьих, предполагались публикация документов и материалов, проведение лекций, диспутов, кинопоказов, выставок, организация конференций, семинаров по итогам работы [О работе историко-поисковой группы общества «Мемориал» (по итогам к маю 1992 г.) // Архив Лаборатории исторической информатики СГИ НТГСПА].

В состав историко-поисковой группы первоначально вошли 10 человек, в числе которых: В. М. Кириллов, Т. К. Гуськова,

А. В. Ермаков – преподаватели НТГПИ; Э. П. Дистергефт – из репрессированных советских немцев; И. В. Злобина – директор Нижнетагильского филиала ГАСО (Государственного архива Свердловской области); В. В. Чевардин – председатель Нижнетагильского «Мемориала»; Д. Кирилов – тогда студент исторического факультета НТГПИ.

За три года (1989–1992) историко-поисковая группа «Мемориала» добилась определенных успехов. Например, был собран материал о более чем 2 тысячах граждан г. Нижний Тагил, подвергшихся репрессиям в период 1917–1980-х гг.; проведена общегородская выставка, посвященная репрессированным тагильчанам; положено начало рукописному варианту «Книги памяти»; в помощь учителям-историкам разрабатывалась лекция «Тагильчане – жертвы репрессий»; было осуществлено около двух десятков публикаций в городских газетах; состоялось несколько выступлений по областному и городскому радио и телевидению.

Мы можем увидеть «эволюцию» задач Нижнетагильского «Мемориала» исходя из «Программ» общества. Так, задачи, поставленные «Мемориалом» в 1997 году, были более глубокими, по сравнению с I половиной 1990-х гг.: подготовка к изданию второго тома «Книги памяти тагильчан – жертв репрессий»; осуществление научного руководства программой «Архипелаг ГУЛАГ» – исследовательского проекта «Мемориалов» Нижнего Тагила и Рязани; проведение региональной конференции «История репрессий на Урале»; продолжение сбора материала о репрессиях; поддержка контактов с обществами «Мемориал» в Рязани, Москве, Перми, Санкт-Петербурге, Петрозаводске [Программа-минимум Нижнетагильского общества «Мемориал» за 1997 год // Архив Лаборатории исторической информатики СГИ НТГСПА]. Стоит сказать, что все эти мероприятия «Мемориалом» успешно осуществлялись.

Помимо историко-просветительской работы, Нижнетагильский «Мемориал» включился и в правозащитную деятельность. Официально Правозащитный центр был учрежден в 1993 году. Однако фактически он начал работу по защите прав человека в конце 1980-х гг. Его создатель и руководитель – М. В. Золотухин, – вступив в 1989 году в члены международной правозащитной организации «Транснациональная радикальная партия», в 1990-м году – в Amnesty International, в 1993 году – в Международное общество прав человека, – стал добиваться освобождения еще имевшихся то-

гда в СССР политических заключенных. В 1990-м году М. В. Золотухин как активист общественного движения был избран депутатом городского совета, где стал членом комиссии по законности и правам человека и вел прием граждан по фактам нарушений их прав.

В 1995 году правозащитный центр «Мемориала» вошел в состав Нижнетагильского правозащитного центра. Нижнетагильский правозащитный центр проводил прием населения, координировал деятельность представителей общественных организаций демократической ориентации, связанных с защитой прав человека; выпускался правозащитный бюллетень «Права человека на Урале»; была создана собственная радиовещательная станция «Радио – свободное мнение» [Золотухин 1999: 261].

И Нижнетагильский правозащитный центр, и правозащитный центр «Мемориал» были местом, куда приходили местные жители с жалобами о нарушениях их прав, где общественные организации демократической направленности проводили свои встречи, заседания и конференции, получали консультации по различным юридическим вопросам.

Конечно, помимо «Мемориала», в Нижнем Тагиле существовали и другие общественные организации, которые занимались отстаиванием прав каких-либо отдельных слоев населения. Однако именно «Мемориал», работая в столь разноплановых направлениях (и историко-просветительском, и правозащитном, и благотворительном), смог внести вклад в становление гражданского общества в Нижнем Тагиле, посеяв «семена» нравственности, морали и уважения к людям, невинно пострадавшим от политических репрессий.

Приложение

Документы о деятельности Нижнетагильского общества «Мемориал» в первой половине 1990-х гг. в области защиты прав жертв политических репрессий

№ 1

Письмо Нижнетагильского историко-просветительского и благотворительного объединения «Мемориал» в Комиссию по реабилитации при Президенте РФ о проблемах репрессированных граждан в г. Нижний Тагил, октябрь 1993 года (НТГИА. Ф. 569. Оп. 1. Д. 46. Л. 4)

18 октября 1991 года Президент РФ Б. Н. Ельцин подписал Закон «О реабилитации жертв политических репрессий». Его целью является «реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории РСФСР с 25 октября/25 ноября 1917 года.

С лета 1992 года, об этом законе узнали широкие слои репрессированных, и Нижнетагильское общество «Мемориал» в соответствии с Уставом общества начало оказывать помощь лицам, обращавшимся за советом о том, как им добиться реализации прав, предоставленных Законом.

Нам ясны некоторые особенности Закона, не способствующие осуществлению цели реабилитации.

Ст. 6 предписывает обращаться с заявлениями о реабилитации в ОВД и прокуратуру. Такой порядок, когда реабилитация репрессированных возлагается на структуры, которые сами в широчайших масштабах осуществляли незаконные репрессии миллионов людей, является совершенно некорректным. Реабилитацией занимаются не просто те или иные структуры, но, именно те люди, которые осуществляли репрессии.

В 1992 году, мы столкнулись с фактом, что люди, арестованные в 1938 году, просидевшие год под следствием и освобожденные за отсутствием состава преступления, органами социального обеспечения не признаются жертвами политических репрессий. Мы обратились к прокурору с просьбой о вмешательстве и получили такое разъяснение: этих людей не судили, они не были репрессированы, они не могут быть реабилитированы – соцстрах прав. Впоследствии, справедливость была восстановлена, но по реакции прокурора можно понять, чего от него приходится ждать репрессированным.

Немец Маурер А. И., 1923 г. р., в 1941 году был выселен из г. Вольска, и в 1943 году направлен на работу в г. Карпинск в трест Богословуголь. Заболев, он несколько дней не выходил на работу, и решением Особого совещания при НКВД СССР от 28.04.1945 г. подвергнут лишению свободы по ст. 59-6 на 5 лет. Основанием для приговора послужил протокол допроса Маурера, находящегося в лагере, как спецпереселенец. Ни для кого не секрет, как следователи сочиняли такие протоколы и как заставляли подписывать их допрашиваемых.

Однако, в прокуратуре Свердловской области сделали вид, что поверили этой лжи, и в 1993 году Информационный центр УВД

Свердловской области сообщил нам, что оснований для отмены приговора нет.

Из всего сказанного, следует, что к работе по реабилитации репрессированных должны привлекаться жертвы репрессий – скажем, областная комиссия по реабилитации должна включать примерно 2-х бывших репрессированных и одного юриста. Такой состав обеспечил бы объективный и квалифицированный подход к реабилитации каждого, кто обратился бы в комиссию.

№ 2

Обращение Нижнетагильского общества «Мемориал» к Председателю Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий А. Н. Яковлеву // Журнал «Права человека сегодня». 1995. № 2 (НТГИА. Ф. 569. Оп. 1. Д. 56. Л. 56)

В соответствии со ст. 1, 2 Закона «О реабилитации», граждане – дети раскулаченных родителей (которые на момент раскулачивания проживали совместно с родителями и вместе с ними были репрессированы) – они являются жертвами политических репрессий и подлежат реабилитации. К ним были применены меры принуждения. Имущество было конфисковано, а сами люди были выброшены на улицу без средств существования. Были подвергнуты геноциду, как социально опасные элементы, считались врагами народа.

В настоящее время, они неработающие пенсионеры, больные и нуждающиеся в помощи, однако, им не выплачивается прибавка к пенсии, согласно ст. 110 Закона о государственных пенсиях РСФСР, так как они не реабилитированы.

Нижнетагильское общество «Мемориал» просит Вас оказать содействие в ускорении принятия поправки к Закону по реабилитации граждан – детей раскулаченных родителей, репрессированных с родителями, а также, детей всех репрессированных родителей, независимо от их возраста.

2.6. Экологическое движение в Нижнем Тагиле: от митингов к природоохранным программам

Поводом к массовому экологическому протесту в городе стал досрочный пуск 9-й коксовой батареи 1986–1987 годов, что привело к резкой загазованности Тагила. Это обстоятельство переполнило чашу терпения тагильской общественности. Образованный группой экологов клуб «Очищение» стал организатором массовых митингов экологического протеста.

На многотысячном митинге 5 июня 1988 года доведенные до отчаяния тагильчане приняли обращение в Верховный совет СССР, оставшееся без ответа. В декабре 1989 года члены клуба «Очищение» обратились с требованиями к новому составу Верховного Совета СССР признать Нижний Тагил зоной экологического бедствия, а производства, неспособные соблюдать технологические параметры, экологически опасными. До 1 января 1991 года они должны быть закрыты без ущерба для работающих на них тагильчан.

«Действия министерства черной металлургии... не оставляют нам надежд на возможное решение наших проблем даже к 2005 году, а убогие варианты территориального хозрасчета, предлагаемые местными органами власти, в очередной раз убеждают в их бессилии», – отмечалось в обращении клуба.

Были выдвинуты требования и к городским властям. От них добивались, в частности, выделения экологически опасных производств, неспособных соблюдать технологические требования, и закрытия их до 1 января 1991 года. Мартеновское, доменное и старые батареи коксохимпроизводства НТМК, как не отвечающие современным технологическим требованиям, предлагалось подвергнуть экологической экспертизе и по ее итогам решить их судьбу. В случае отказа властей удовлетворить эти требования клуб «Очищение» угрожал призвать тагильчан к общегородской забастовке.

Тогда же благодаря усилиям общественности был предотвращен целый ряд возможных экологических катастроф. Так, Высокогорское рудоуправление во второй половине 80-х годов не только продолжало интенсивно заполнять черемшанское шламохранилище, но и разработало проект складирования в нем отходов флотореагентов, попадание которых в воду (даже в микроскопических дозах)

делает ее абсолютно непригодной для питья. Учитывая, что шламохранилище расположено всего в одном километре от питьевого Верхневыйского водохранилища и отделено от последнего плотинной, главный санитарный врач города Н. П. Сапугольцев и заместитель председателя горисполкома Н. И. Данилов подняли тревогу.

Целый год длилось противостояние горисполкома и Высокогорского рудоуправления (а также стоящего за спиной министерства черной металлургии, утвердившего проект). В конце концов здравый смысл победил и от этого варианта отказались. А весной 1987 года произошел перелив через плотину шламохранилища, и часть сточных вод из него просочилась в Верхневыйский пруд. Катастрофы не произошло только потому, что там не было отходов флотореагентов.

После смены местного руководства и избрания мэром города Н. Н. Диденко были усилены мероприятия природоохранного характера, которые несколько снизили остроту экологической ситуации. Уже к середине 1990 года были закрыты коксовые батареи № 1, 2, 3, 4, первая очередь производства формалита и старое производство КС-35 в объединении «Уралхимпласт», доменный цех № 1 завода имени Куйбышева.

В 90-е годы городские власти вели длительную дискуссию с правительственными органами с целью разработки специальной программы экологического оздоровления Нижнего Тагила. 6 мая 1995 года премьер-министр В. С. Черномырдин подписал постановление правительства о придании Нижнему Тагилу статуса зоны чрезвычайной экологической ситуации.

Согласно этому постановлению федеральные власти должны были взять на себя обязательства частичного финансирования природоохранных мероприятий в городе. Эти обязательства центральной власти оказались невыполненными, и все средства на экологические мероприятия приходилось изыскивать на месте. Значительную роль в финансировании природоохранных программ играл городской экологический фонд, учрежденный еще в 1991 году. Он пополнялся за счет средств предприятий, загрязняющих окружающую среду, и добровольных взносов граждан.

В 2000-е в городе действовал уже целый ряд общественных экологических организаций, вносящих посильный вклад в охрану окружающей среды (табл. 1), и реализовывалось 15 экологических программ (табл. 2). Однако наиболее весомый вклад в природо-

охранные мероприятия вносили администрация Нижнего Тагила и руководство промышленных предприятий города.

5 февраля 1993 года была принята первая целевая комплексная программа по оздоровлению окружающей среды и населения Нижнего Тагила на период до 2000 года. Программа утверждалась на разных уровнях – сначала главой администрации Н. Н. Диденко, затем – председателем правительства Свердловской области В. Г. Трушниковым и, наконец, министром охраны окружающей среды и природных ресурсов В. И. Даниловым-Данильяном. В 1995 году она была принята правительством РФ как Федеральная программа по оздоровлению окружающей среды и населения Нижнего Тагила до 2000 года. В программе выделены четыре крупные группы специальных мероприятий: по организационно-правовому управлению программой, по улучшению окружающей среды, по реабилитации и оздоровлению населения и социально-экологические. За каждый блок назначен ответственный представитель от городской администрации или городской Думы.

Активная деятельность городской администрации и тагильской общественности по экологическому преобразованию города побудила американских экологов на контакты с Нижним Тагилом. Совместными усилиями был составлен проект мероприятий по охране окружающей среды в Нижнем Тагиле, рассчитанный на 1994–1998 годы. В мае 1998 г. в Нижнем Тагиле на заседании Координационного совета состоялось подведение итогов четырехлетней деятельности Российско-американского проекта по оздоровлению окружающей среды г. Н. Тагил. Было решено продолжать сотрудничество через Фонд проекта и проект РОЛЛ («Распространение опытов и результатов»).

Проект финансировался Агентством США по международному развитию, администрацией Нижнего Тагила и управлялся Агентством США по защите окружающей среды и администрацией города посредством управленческой помощи, оказываемой Институтом устойчивых сообществ и Центром охраны окружающей среды «Тагилэкопром».

Результатом деятельности, финансируемой из Фонда проекта, явилось следующее:

- Высокогорским горно-обогатительным комбинатом был сделан выбор оптимального метода рекультивации 95 га пылящей поверхности.

- Уралвагонзаводом совместно с УГТУ-УПИ реализовано 2 проекта. В рамках первого введены в эксплуатацию 2 высокоскоростных самоочищающихся фильтра на ТЭЦ УВЗ. По второму проекту приобретено 25 установок для окрашивания грузовых полувагонов. Новая экологически безопасная технология нанесения лакокрасочного покрытия внедрена на ГПО «Уралвагонзавод».

- Нижнетагильским медико-инструментальным заводом установлены 45 фильтров коллективного пользования в 6 медицинских учреждениях города.

- Горнозаводским окружным комитетом по охране окружающей среды создана система управления качеством окружающей среды на базе программных продуктов фирмы «Интеграл». Результаты работ используются при нормировании выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и для принятия управленческих решений по улучшению качества атмосферного воздуха города.

- Аллерго-пульмонологическим отделением городской детской больницы № 2 приобретено и безвозмездно передано нуждающимся детям медицинское оборудование для профилактики бронхиальной астмы.

- На Коксохимпроизводстве ОАО НТМК продолжается работа по строительству установки по производству сорбента, применение которого позволит повысить эффективность действующих установок очистки выбросов и стоков. Серьезную помощь получило водопроводно-канализационное хозяйство. Американскими специалистами на черноисточинском гидроузле было поставлено оборудование и проведен монтаж системы дезинфекции воды.

С декабря 1997 года на базе ЦЭОИ (центра экологического обучения и информации) начал работу Уральский региональный центр российско-американского Проекта «Распространение опыта и результатов» (РОЛЛ). Проект РОЛЛ реализовывался в рамках Соглашения о сотрудничестве между Институтом устойчивых сообществ и Агентством США по международному развитию. РОЛЛ поддерживал внедрение современных методов, подходов и распространение позитивного опыта в области охраны окружающей среды. Благодаря Проекту РОЛЛ многие российские специалисты получили новые финансовые возможности для решения экологических проблем. В рамках этого проекта по американским экологическим программам прошли обучение более 500 тагильчан (в том числе 30 со стажировкой в США), были определены приоритетные источни-

ки загрязнения окружающей среды, подготовлены программы непрерывного экологического образования для детских дошкольных учреждений, средней школы, средних специальных и высших учебных заведений города, проведен конкурс экологических грантов.

По Проекту РОЛЛ для распространения на территории РФ от г. Н. Тагил было заявлено 3 проекта:

1. Внедрение никелеулавливающего оборудования на Нытвенском учебно-производственном предприятии.

2. Экологическое образование подрастающего поколения на базе детских библиотек.

3. Приобретение медицинского оборудования для детей, страдающих астмой.

Только за 4 года, с 1995 по 1998 гг., в экологию города за счет всех источников было вложено 1 867 млн руб. и 432 тыс. долларов.

Таблица 1

**Природоохранные органы и общественные организации
Нижего Тагила**

Название организации	Руководитель	Адрес и телефон организации
Отдел по экологии и природопользованию администрации города	А. В. Савина	Ул. Пархоменко, 1а. 41-21-38
Экофонд «Твой город»	А. С. Пермяков	Пр-т Ленина, 64. 25-47-20
ОО «Очищение»	В. А. Бакланов	Ул. Фрунзе, 15
Ассоциация «Зеленое движение»	С. П. Хребтиков	Ул. Фрунзе, 15. 24-59-29
Центр охраны окружающей среды «Тагилэкопром»	С. К. Пунтус	Ул. Октябрьской революции, 6б. 22-22-57
ОО «Чистый дом»	И. М. Старикова	Ул. Фрунзе, 15. 25-05-00
Детское экологическое объединение «Зеленая волна»	А. Н. Чепелев	Ул. Пархоменко, 18. 22-39-96
Ассоциация учителей-экологов	Н. В. Манзина	Ул. Победы, 35. 22-12-82

Таблица 2

**Из Перечня экологических программ, выполнявшихся
на территории Свердловской области в 1998 году**

№ п/п	Наименование программы	Государственный заказчик	Ответственный за выполнение
1	Программа основных направлений охраны окружающей среды и природных ресурсов Свердловской области на 1996–99 годы	Правительство области	Предприятия и организации области
3	Федеральная целевая программа «Оздоровление окружающей среды и населения г. Н. Тагил». Постановление Правительства РФ от 06.05.95 г. № 452	Администрация г. Н. Тагил	Предприятия и организации области
6	Федеральная целевая программа «Отходы». Постановление Правительства РФ от 13.09.95 г. № 1098	Правительство области	Предприятия и организации области
7	Федеральная программа «Переработка техногенных образований Свердловской области». Постановление Правительства РФ от 24.07.96 г. № 743	Правительство области, Госкомэкология РФ	Предприятия и организации области
8	Областная целевая программа «Переработка техногенных образований Свердловской области». Постановление Правительства области от 05.09.96 г. № 743	Правительство области, Госкомэкология РФ	Предприятия и организации области
9	Программа экологического образования в Свердловской области (1996–98 гг.). Постановление Правительства области от 03.04.96 г. № 263-п	Министерство образования Свердловской области	Учреждения образования, экологические организации, СМИ
10	Областная целевая программа «Радон». Постановление Правительства области от 22.02.96 г. № 122-п	Правительство области	ОблЦГСЭН, Госкомэкология Свердловской области
11	Комплекс первоочередных мероприятий по оздоровлению экологической обстановки и населения в Уральском регионе и Тюмен-	Правительство РФ	Предприятия и организации области

	ской области на 1997–2000 годы. Постановление Правительства РФ от 16.11.96 г. № 1369		
13	Областная целевая программа «Сохранение ресурсов копытных животных и регулирование численности волка в Свердловской области». Постановление Правительства области от 22.01.98 г. № 61-п	Правительство области	Управление охотничьего хозяйства
14	Областная целевая программа «Развитие сети особо охраняемых природных территорий Свердловской области до 2010 года». Постановление Правительства области от 18.03.98 г. № 252-п	Правительство области	Предприятия и организации области
15	Областная целевая программа «Леса Свердловской области на 1998–2000 годы». Постановление Правительства области от 24.08.98 г. № 878-п	Правительство области	Предприятия и организации области

[Из 15 экологических программ, выполнявшихся на территории области в 1998 г., приведены программы, имеющие отношение к Нижнему Тагилу и прилегающим территориям].

2.7. Эволюция православной религиозности тагильчан в советский период истории

XX столетие в истории нашей страны стало временем глубокой трансформации самих основ российской культуры. Далеко не последнее место в ее ходе занимали перемены, связанные с изменением места религии в обществе и прежде всего секуляризационные процессы. Так или иначе, они затронули весь российский социум, однако конкретные особенности их протекания были специфичными для отдельных регионов страны. Свои характерные черты отличали их ход в г. Нижний Тагил.

Большая часть особенностей, характеризовавших эволюцию православной религиозности тагильчан и развертывание секуляризации в их среде, была связана с особенностями состава населения

города, отличавшегося значительной в нем долей профессиональных потомственных рабочих. В религиоведении и социологии религии традиционно высказывалось мнение, что принадлежность человека к слою промышленного пролетариата увеличивает вероятность его разрыва с миром традиционной религиозности. Нужно, однако, иметь в виду, что патриархальный образ жизни, который был присущ потомственным рабочим ряда уральских городов, включая Нижний Тагил, существенно замедлял размывание в их сознании компонентов традиционного мировоззрения. В этой связи можно согласиться с известным уральским историком М. А. Фельдманом, который отмечал: «В мировоззрении рабочих в значительной мере сохранились присущие им консервативно-патриархальные представления, актуализировались традиционалистские парадигмы сознания и менталитета, что способствовало сохранению прежнего культурного уровня рабочих» [Фельдман 2003: 20]. В какой-то мере религиозно-бытовой консерватизм укреплялся и в силу влияния старообрядцев на территории нынешней Свердловской области.

Этот консервативный потенциал местного православного населения проявлялся в культурной истории Тагильского края, особенно в ее собственно религиозной компоненте. Так, именно этот консерватизм позволил Нижнему Тагилу в первой половине 1920-х гг. превратиться в центр сопротивления обновленческому расколу в РПЦ на Среднем Урале. В обстановке захвата обновленцами руководства епархии нижнетагильскому духовенству в декабре 1922 г. удалось провести выборы епископа. Наибольшее количество голосов в их ходе получил местный благочинный священник Леонид Черепанов, рукоположенный в епископы в январе 1923 г. Нижнетагильский епископ немедленно стал тем центром, вокруг которого объединились все православные силы Среднего и Западного Урала. Следовательно ГПУ описал его успех в следующих словах: «Около епископа Льва сгруппировались десятки приходов. Все недовольные обновленческим течением в церкви примкнули к Тагилу... Слава епископа Льва как старорежимного архиерея, врага всяких новшеств растет, ширится и укрепляется. Идти за таким епископом для темной массы является делом неотложной необходимости, чем-то вроде христианского подвига» [ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18284. Л. 173–174]. Помимо церквей севера Екатеринбургской епархии, к Нижнему Тагилу потянулись православные храмы Оханска, Осы, Екатеринбург и Шадринска. В мае 1923 г. состоялся съезд духовенства и

мирян Осы и Оханска, на котором был решено присоединиться к Тагилу. Аналогичные постановления вынесли приходские собрания в Шадринске. Завязали связи с новым епархиальным управлением и ряд храмов Екатеринбургa. Клир и прихожане ряда церквей, не принявших власть обновленческого епископа Никанора Пономарева (из белого духовенства), обратились к епископу Тагильскому с намерением войти в состав православной епархии. К числу таких храмов относились церкви Крестовая, Лузинская, Рязановская и Спасская [ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1551. Л. 174]. Эта внушительная «тихоновская» реакция на Среднем Урале была прервана лишь вмешательством органов ГПУ, осуществивших арест и высылку нижнетагильского епископа.

Другим важным симптомом относительного религиозного консерватизма тагильчан явились весьма скромные успехи в Нижнетагильском округе Уральской области, основано в 1925 г. К исходу 1927 г. только в Нижнетагильском и Верхнекамском округах не существовало окружных советов СБ / СВБ [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 566. Л. 12]. В период 1928–1929 гг. округ демонстрировал крайне слабые показатели динамики развития атеистического движения. Например, в марте 1929 г. на его территории находилось лишь 14 ячеек СВБ, которые насчитывали только три сотни членов [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 418. Л. 8]. Если мы примем во внимание то обстоятельство, что начиная с 1932 г. наблюдается кризис СВБ в масштабах всей страны, то станет понятным вывод о почти полном отсутствии активной атеистической работы в Нижнем Тагиле и его окрестностях вплоть до второй половины 1930-х гг.

Устойчивые бытовые традиции, неудачи в развитии антирелигиозного движения, а также известная слабость институтов светской культуры приводили к тому, что в самом городе и его окрестностях вплоть до самого начала Великой Отечественной войны наблюдались проявления религиозной активности населения. Так, в 1938 г. секретарь Нижнетагильского горисполкома Яковлев следующим образом докладывал о посещении Казанской церкви: «Посещаемость этой церкви очень большая. Я был в 1938 г. и в конце 1939 г., оба раза в обоих приходах с трудом можно пройти (народу как сельдей в бочке)» [НТГИА. Ф. р-70. Оп. 2. Д. 135. Л. 244]. Значительно более впечатляет отзыв о религиозных настроениях жителей села Николо-Павловское, принадлежащий известному антирелигиознику Б. П. Кандидову. По его словам, село являлось подлинным

оплотом архаичных представлений: «У попов денег хоть отбавляй. В прошлом году по распоряжению из Нижнего Тагила церковь хотели передать обновленческому попу, однако из этого ничего не вышло, так как церковники собрали большую толпу из 200 человек и обновленческого попа на руках вынесли из церкви. Председателю сельсовета угрожали физической расправой, вопрос о закрытии церкви ставить бесполезно» [ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1551. Л. 20].

Однако неверно было бы представлять довоенный Нижний Тагил только в качестве своеобразного острова православной религиозности. Не так быстро, как это было в более крупных городах, но его население также испытывало воздействие со стороны тех политических, социальных и культурных факторов, которые продвигали вперед секуляризацию. К их числу относились и рост конкуренции религиозным институтам со стороны светского общества, и социальный конформизм, и «перехват» сознания граждан квазирелигиозной коммунистической идеологией.

В результате уже в 1920-е гг. наблюдается вымывание из числа прихожан людей молодых возрастов. Более того, молодежь в условиях характерного для 1920-х гг. падения общественной нравственности становится для нижнетагильских общин источником проблем. Так, готовясь к встрече престольного праздника в 1925 г., Вхото-Иерусалимская община г. Нижнего Тагила просила выделить для охраны порядка работников милиции, поскольку «среди верующих появляется элемент, по преимуществу из молодежи, старающийся своим неблагопристойным поведением нарушить общественный порядок» [НТГИА. Ф. р-211. Оп. 1. Д. 75. Л. 56]. Хотя религия и связанные с ней вопросы еще в определенной мере интересуют молодых тагильчан, показатели институциональной религиозности становятся более чем скромными: обследование нижнетагильских школьников, проведенное в 1930 г., показало, что лишь 6% детей посещают церковь и 9% исполняют религиозные обряды [НТГИА. Ф. р-26. Оп. 1. Д. 305. Л. 14 об.].

Наблюдалось и снижение числа связанных с церковью мужчин. Из списков прихожан Выйско-Никольской церкви за 1927 г. отчетливо видно решительное преобладание среди сознательных верующих женщин пожилого возраста. В числе 201 человека, включенного в список прихожан, 143 являлись женщинами-домохозяйками, проживавшими в своих домах, в основном пожилыми: 66% их них имели возраст 50 и более лет, что по меркам того времени было старостью

[НТГИА. Ф. р-211. Оп. 1. Д. 45. Л. 147–160 об.]. Другими словами, то впечатление относительно высокого уровня православной религиозности, которое формировалось у некоторых наблюдателей при знакомстве с жизнью Нижнего Тагила, отражало не устойчивую черту мировоззрения тагильчан, а преходящий его аспект, неизбежно разрушавшийся под натиском модернизации.

Неудивительно, что массовое закрытие храмов города, пришедшее на 1930-е гг., встретило в общем и целом крайне слабое сопротивление со стороны горожан. Городским общинам не удалось организовать ни действительно масштабный сбор подписей за сохранение православных приходов, ни тем более уличное сопротивление закрытию, хотя ряд других уральских населенных пунктов дали его примеры.

Послевоенный период истории города продолжил ту тенденцию, которая была сформирована первой половиной столетия. Институциональная религиозность неуклонно сдавала свои позиции, хотя и не без борьбы с наступавшими атеизмом и индифферентностью. С одной стороны, посещаемость единственного действовавшего в городе православного храма – Казанской церкви – в первое послевоенное время характеризовалась сравнительно высокими абсолютными цифрами. Максимум послевоенной посещаемости приходится на середину 1950-х гг.: в 1955 г. в церковь пришли 3,5 тысячи тагильчан [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1144. Л. 41–42; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1262. Л. 9]. При этом нужно иметь в виду, что 2 тысячи человек полностью заполняют не только сам Казанский храм, но и ограду вокруг него. Однако половозрастной состав посетителей свидетельствовал об оттеснении православия на периферию общественной жизни. В один из воскресных дней 1955 г. он выглядел следующим образом: «примерно 70–75% ... пожилые женщины, около 15–18% пожилые мужчины и старики и около 12–15% молодежь от 15 до 25 лет, при этом из молодежи больше девочки и девушки» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1262. Л. 9].

Другим заслуживающим внимания обстоятельством было резкое падение показателей практикующей религиозности на протяжении 1960-х гг. Менее чем за одно десятилетие число посетителей Казанской церкви в дни крупных религиозных праздников сократилось в несколько раз. Если еще в начале 1960-х гг. такие церковные службы привлекали до 2,5 тысяч человек, то уже на рубеже 1960-х – 1970-х гг. на Рождество и Пасху в церкви и около собиралось не бо-

лее 400–600 человек [НТГИА. Ф. р-70. Оп. 2. Д. 872. Л. 397; НТГИА. Ф. р-70. Оп. 2. Д. 1004. Л. 289]. В обычные же воскресные и тем более в будние дни, начиная с этого времени, в храме собиралось настолько мало прихожан, что не ощущалось никакой тесноты [НТГИА. Ф. р-70. Оп. 2. Д. 1004. Л. 149 об.]. Численную скудость православной общины Нижнего Тагила в период «застоя» хорошо иллюстрирует то обстоятельство, что, когда в 1976 г. духовенство стало собирать подписи под «Стокгольмским воззванием» в защиту мира, удалось собрать подписи только 250 человек [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1002. Л. 25].

Существенно сократились масштабы требоисполнительства. Если на рубеже 1950-х – 1960-х гг. в Казанской церкви ежегодно крестилось до 2 тысяч детей, то спустя десятилетие число крещений сократилось в три раза – до менее чем 700 детей. Процент крещаемости сократился с 25,4% в 1957 г. до 13,3% в 1966 г. [НТГИА. Ф. р-70. Оп. 2. Д. 872. Л. 364].

Существенное уменьшение объемов практикующей православной религиозности со стороны тагильчан объясняется рядом факторов. Хрущевское руководство, пытаясь в короткие сроки решить «проблему религии» в СССР, резко интенсифицировало антирелигиозную пропаганду. В 1962 г. был введен новый порядок регистрации треб, согласно которому для крещения ребенка требовались личное присутствие обоих родителей и предъявление ими паспортов и сведений о месте работы. Всячески стимулировалось распространение «новой обрядности», которая должна была вытеснить церковные требы – торжественной формы регистрации браков и обряда «наречения имени» для новорожденных. Торжественная регистрация брака по своей форме существенно не изменилась вплоть до наших дней, а обряд наречения имени бесследно исчез. В Нижнем Тагиле форма обряда, существовавшая с 1967 г., выглядела следующим образом: во Дворце культуры на день проведения обряда оборудовалась «комната для малышей, красиво, со вкусом обставленная», стены которой украшались плакатами с торжественными пожеланиями детям и наставлениями молодым родителям. В комнате устанавливались кровати для детей. Основным элементом обряда служили поздравления и пожелания со стороны родственников, друзей и знакомых, народных депутатов и представителей трудовых коллективов. Предусматривалась беседа родителей с детским врачом, который, помимо прочего, информировал родителей о возмож-

ном «вреде здоровью», который может нанести церковное крещение ребенка [НТГИА. Ф. р-70. Оп. 2. Д. 872. Л. 369; НТГИА. Ф. р-70. Оп. 2. Д. 1004. Л. 185–186].

Всего в городе в 1964 г. было торжественно зарегистрировано 10% браков, в 1965 – 56%, в 1966 – 64%. Через обряд наречения имени проходила четвертая часть новорожденных [НТГИА. Ф. р-70. Оп. 2 Д. 917. Л. 3]. Ко второй половине 1970-х гг. все первичные браки регистрировались в торжественной обстановке, а процент детей, проходивших через обряд наречения имени, был доведен до 70% [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1403. Л. 50; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1409. Л. 12].

Однако, по всей видимости, существенно более значимым явлением в процессе снижения религиозности было быстрое развертывание модернизации сознания широких масс населения, определяемое многими факторами, включая вытеснение из жизни социума традиционных укладов и рост светской инфраструктуры в культурной области. Так или иначе, история эволюции православной религиозности тагильчан на протяжении советского периода продемонстрировала подверженность духовных аспектов жизни горожан общим закономерностям модернизации советского общества.

2.8. Познающие свой край: краеведы и краеведческое движение в Нижнем Тагиле в последней четверти XX века

Краеведческое движение в различных регионах России, в том числе в Нижнем Тагиле, имеет давнюю историю. На протяжении XX века краеведением в городе занимались как государственные ресурсно-информационные учреждения, так и учебные заведения и общественные объединения. Структура этих учреждений и организаций, направления их деятельности не были неизменными, в разные периоды краеведческая общественность города аккумулировалась вокруг различных центров. В начале 1920-х гг. роль центра краеведения играло Тагильское общество изучения местного края (ТОИМК), учрежденное 15 декабря 1923 г. Позже работу по изучению местного края стал координировать Краеведческий музей, возобновивший деятельность в 1924 г. Появление высшего учебного

заведения в городе в 1939 г. – Нижнетагильского учительского института (НТИУ) – стимулировало и консолидировало краеведческий поиск в преподавательской и студенческой среде. Миссия руководства и координирования массовым краеведческим движением в районах города была возложена на созданный 12 сентября 1961 г. при Горисполкоме Совет Краеведения. В краеведческом движении активно участвовали образовательные учреждения города, архивы, музеи [Рыжкова 2023: 21–37]. Нижнетагильское отделение ВООПИиК, учрежденное 23 декабря 1965 г., возглавило работу по учету, изучению, пропаганде и охране памятников истории и культуры [Черненко 2008].

Демократические преобразования в обществе в эпоху перестройки стимулировали интерес к краеведению. Во многих городах стали возникать общественные краеведческие объединения, клубы. В Нижнем Тагиле в это время разворачивается активную краеведческую деятельность клуб «Тагильский краевед», о котором и пойдет речь в этом параграфе.

Клуб начал работу в апреле 1986 г. Он был организован на базе краеведческой библиотеки, структурного подразделения Нижнетагильского музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала [Рыжкова, 2023: 34]. Клуб объединил всех, кому была небезразлична история родного края: краеведов-любителей, научных сотрудников музея, профессиональных историков. Основателями клуба были Т. В. Дьячков, И. А. Орлов, Л. В. и И. Г. Белавины, И. Т. Коверда, С. Я. Черных, Е. Н. Епанчинцева. Возглавила клуб Т. М. Сырова, позже – Р. Т. Культикова, Э. А. Овечкина. С 2003 г. председателем клуба стала В. А. Дацкевич, главный библиограф краеведческой библиотеки [Рыжкова 2010].

И. А. Орлов

Э. Н. Овечкина

В. А. Дацкевич

Состав клуба – величина постоянно варьирующаяся. Анализ рукописного издания клуба позволяет предположить, что к его деятельности было причастно не менее 137 человек. Именно такое количество авторов было выявлено в результате сплошного просмотра 19 выпусков альманаха «Тагильский краевед», вышедших с 1988 по 2005 (годы выхода первого и последнего выпуска альманаха за интересующий нас период).

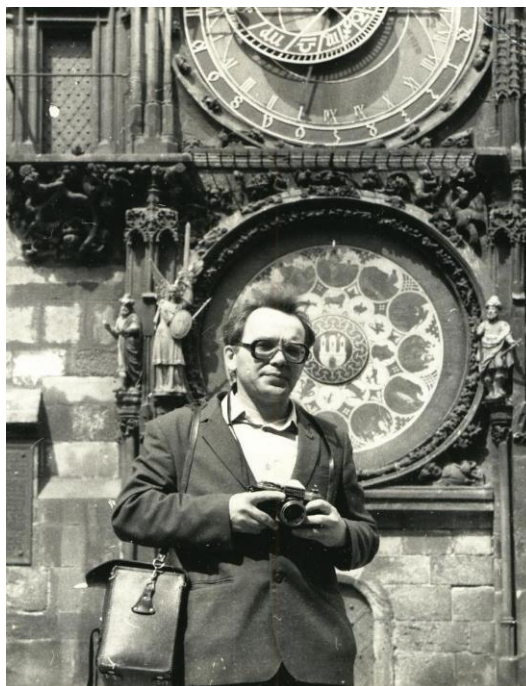
Автором совместно с Е. А. Черненко (Кизиловой) была принята попытка составления социально-творческого портрета авторов альманаха, членов клуба. Для этого были выбраны следующие параметры: пол, место рождения, образование, профессиональный статус, тематические и жанровые предпочтения их публикаций, основные направления и интенсивность их краеведческой и общественной работы, хобби, читательские интересы. На каждого автора альманаха была заведена анкета, в которую заносилась интересующая нас информация, сгруппированная в различные блоки. Выборка анкет, заполненных по большинству параметров, составила 75 человек, их анализ позволил выявить некоторые черты социально-творческого портрета членов клуба.

Как правило, это уроженец Уральского региона (Свердловской области), имеющий высшее образование (гуманитарное или техни-

ческое), занятый в промышленной сфере. Большинство участников краеведческого клуба не ограничивались только посещениями заседаний клуба и публикацией материалов в альманахе «Тагильский краевед», но принимали и принимают активное участие в культурной жизни города, области и региона.

Можно говорить о разноуровневом членстве в клубе. Одни на протяжении многих лет регулярно посещали заседания клуба, готовили материалы для альманаха «Тагильский краевед». Таких в разные годы рассматриваемого периода насчитывалось от 10 до 30 человек. Это организационное ядро клуба. Другие (например, преподаватели НТГПИ-НТГСПА, научные сотрудники музея-заповедника и пр.) участвовали в заседаниях клуба избирательно, с учетом тематики заседания. Третьи приходили в клуб для решения определенной исследовательской проблемы. Некоторые даже после смены места жительства сохраняли тесную связь с клубом. Так, один из старейших краеведов М. П. Рыжова, переехав в Челябинск, не переставала считать себя тагильчанкой, постоянно созванивалась с участниками клуба, живо интересовалась делами клуба, просила своих тагильских коллег выполнить то или иное поручение, связанное с краеведческим поиском.

История прихода, мотивы, побудившие заняться краеведением, у каждого индивидуальны. В одном из интервью на вопрос «А как Вы связали судьбу с клубом краеведов?» И. Т. Коверда, давний участник клуба, ответил так: «Я пришел туда в 1989 году, когда были уже подготовлены три рукописных журнала “Тагильский краевед”. Как можно было отказаться, когда там работали такие замечательные люди, как И. А. Орлов, инициатор проекта Т. М. Сырова, Е. Н. Епанчинцева и др. Предложил вести рубрику “Осталось только на фотоснимках”» [Рыжкова 2010]. В. В. Кашин увлекся краеведческим поиском, когда задумал аннотировать фотографии из альбома, собранного кем-то из его коллег и долгое время лежавшего на рабочем столе. В результате кропотливой работы в краеведческой библиотеке, различных архивах появилось солидное монографическое издание об органах государственной безопасности города Нижний Тагил [Кашин 2008]. С 2006 г. В. В. Кашин – постоянный читатель краеведческой библиотеки, городского исторического архива и активный участник клуба.

И. Т. Коверда

Для некоторых членов клуба краеведение стало семейным увлечением. Это семейные пары Рыжовых, Белавиных, представители династии Хлопотовых.

В своей деятельности клуб руководствовался уставом Уральского общества краеведов. Главным для краеведов стало изучение различных аспектов истории родного края и распространение краеведческого знания среди местного населения, прежде всего молодежи. Для осуществления указанных целей клуб использовал разные формы: а) доклады краеведческой тематики; б) публичные чтения, диспуты, презентации краеведческих изданий и т. д.; в) сбор коллекций и материалов, поездки и экскурсии; г) выставки; д) пополнение фонда краеведческой библиотеки; е) выпуск краеведческих изданий.

Заседания клуба проходили, как правило, 1–2 раза в месяц. Заседания условно можно разделить на теоретические (на них обсуждались результаты краеведческого поиска членов клуба) и практические (как правило, это были посещения выставок в музеях Нижнего Тагила и за его пределами).

На лекции Н. А. Мезенина «В. Е. Грум-Гржимайло. К 125-летию со дня рождения», 14.02.1989 г.

Краеведы на предновогоднем вечере, 27.12.1990 г.

Основными направлениями краеведческого поиска членов клуба были следующие: история заселения края, династия Демидовых, история уральской металлургии, история заводской техники, история развития культуры и образования в Нижнем Тагиле, книжная культура тагильчан XIX – начала XX вв., библиотечное дело в Нижнем Тагиле, Нижний Тагил в годы Великой Отечественной войны, история тагильских фамилий, биографии известных людей города, внесших существенный вклад в развитие экономики, науки и культуры родного края, уральская природа.

Результаты своей поисковой деятельности участники клуба презентовали не только на клубных встречах, но и на краеведческих конференциях различного уровня, в научных и научно-популярных изданиях, городских и областных СМИ. Клуб создал свой печатный орган – альманах «Тагильский краевед». В 1988 г. вышел первый выпуск альманаха [Рыжкова, Черненко 2008]. Обращаясь к читателям, редколлегия писала: «Перед Вами первый номер журнала “Тагильский краевед”, посвященный Дню города-88. Это орган городского краеведческого клуба, работающего с апреля 1986 г.

И клуб, и журнал стремится к объединению краеведческих сил и привлечению новичков, к пропаганде знаний о родном крае. Журнал (пусть пока рукописный) – еще одна возможность для краеведов Тагила поделиться своими знаниями, рассказать свои наблюдения и предложения о краеведческой работе в городе.

Журнал будет рассказывать о наиболее опытных краеведах, вести хронику краеведческой жизни, отмечать памятные события истории Нижнего Тагила, знакомить с литературным творчеством членов клуба и читателей.

Он будет помещать материалы, как правило, оригинальные, ранее не публиковавшиеся. В этом номере сделано исключение для одного из материалов, что оговорено в послесловии от редакции.

“Тагильский краевед” имеет своего печатного предшественника, выходявшего в 20-е годы под названием “Материалы по изучению Тагильского округа” в количестве 700–1 000 экземпляров. Наш журнал пишется на машинке и переплетается вручную, поэтому тираж во много раз меньше, и выходить он пока будет не чаще раза в квартал. Поэтому массовая подписка до лучших времен откладывается, а журнал можно читать только в краеведческой библиотеке и филиале Госархива.

Журнал – дело новое, он создается людьми в этом деле неопытными, просчеты и ошибки неизбежны. Просим Вас, товарищ, быть читателем дружелюбным, но строгим и взыскательным. Свои впечатления, пожелания и замечания записать на последних чистых листах, специально вставленных для этой цели. Приглашаем и Вас стать не только читателем, но и автором журнала» [Тагильский краевед. Выпуск 1... 1988: 3].

Инициатором идеи этого выпуска стала известный тагильский краевед Мая Петровна Рыжова. Первый состав редколлегии включал: редактора (Т. М. Сырова), организатора работы авторов

(М. П. Рыжова), фотографа (Б. А. Шилов), ответственного за художественное оформление и печатание материалов (Е. Н. Епанчинцева). С 9-го номера в работу редколлегии активно включилась Э. Н. Овечкина, на тот момент директор краеведческой библиотеки и организатор работы клуба, и известный в городе фотограф И. Т. Коверда. С 17-го номера, вышедшего после восьмилетнего перерыва, редколлегию возглавила В. А. Дацкевич, главный библиограф краеведческой библиотеки, избранная председателем клуба краеведов в 2003 г. В состав обновленной редколлегии вошли И. Г. и Л. В. Белавины, Р. А. Безроднова, Е. Н. Епанчинцева, Н. В. Клевцова, А. А. Ячменев.

Выходили сборники с разной периодичностью: в 1988 и 1991 гг. – по два выпуска, в 1989, 1990 гг. – по четыре, в 1992, 1993, 1995 и 1997 гг. – по одному, в 2005 г. – три выпуска. По объему выпуски тоже были неравнозначными. Первые восемь не превышали 100 страниц, девятый-тринадцатый, пятнадцатый и семнадцатый – 200 страниц. Четырнадцатый и девятнадцатый выпуски – самые солидные (более 200 страниц).

Альманах «Тагильский краевед», выпуски 1–8

Альманах «Тагильский краевед», выпуски 9–13

Всего в 19 выпусках представлено 366 материалов. Они сгруппированы в 51 рубрику. Наполняемость рубрик различна. В тридцати из них содержится по одному материалу, в остальных рубриках – от двух до девяти материалов. Выделяется восемь основных рубрик: «Исследования. Поиск и находки», «За архивной строкой», «Воспоминания», «Осталось только на фотоснимках», «Документ без комментария», «Знаменательные даты в истории Тагила», «Литературная страничка», «Коротко об авторах». Три выпуска альманаха – тематические. Выпуск 12 (ноябрь 1991 г.) был посвящен памяти С. Я. Черных, одного из активных членов краеведческого клуба, выпуск 15 (1995 г.) – 50-летию Великой победы, выпуск 16 – 275-летию Нижнего Тагила [Рыжкова, Черненко 2009а: 253].

Материалы альманаха тематически можно объединить в девять блоков (разделов): Гражданская война, Великая Отечественная война, Культура, Образование, Социальная сфера, Здравоохранение, Экономика, Природа, Персоналии. Наибольшее количество материалов относятся к четвертому и девятому разделам (37,7% и 33,6% от общего количества соответственно).

Материалы из раздела «Культура» затрагивают различные аспекты культурного строительства в городе: культурно-массовая работа в годы Великой Отечественной войны (о концертах в госпиталях города, о деятельности РПЦ и т. п.); деятельность конкретных

учреждений культуры в различные исторические периоды (заводского театра, краеведческой библиотеки, первых кинотеатров и т. д.); памятники и архитектурные ансамбли (о памятниках Н. Н. Демидову, А. Н. Карамзину, Александру II, которые к настоящему времени не сохранились; о памятниках храмового зодчества: Выйско-Никольской церкви, Выходо-Иерусалимском соборе и т. д.); культура повседневности тагильчан (детские и игры рабочей молодежи, начало радиовещания в городе и т. п.).

Жанровый анализ материалов альманаха свидетельствует о том, что наиболее предпочтительным для авторов является жанр статьи (51,4% от общего количества материалов). Значительно реже встречаются мемуары (23,8%), очерки (10,9%), поэзия и проза (2,5%). Внимания исследователей, несомненно, заслуживает публикация документов (3,3%). К числу наиболее интересных можно отнести: Постановление о преобразовании Нижнетагильского завода в город, О проведении в Нижнем Тагиле 17 августа 1919 г. праздника, посвященного освобождению от колчаковщины, о состоянии детской трудовой коммуны, об улучшении бытового обслуживания работников администрации, Указ Президента Верховного Совета СССР и Постановление Совнаркома СССР о госпиталях, о карточной системе; Решение об утверждении празднования Дня города.

Авторами 19 выпусков альманаха были 135 человек, в том числе 86 человек – единожды, 19 человек – дважды, шесть человек – трижды, восемь человек – четырежды. 16 человек, составляющие костяк краеведческого клуба, являлись авторами пяти и более материалов. Это И. А. Орлов – 17 публикаций, Е. Н. Епанчинцева – 9, В. А. Шилов – 8, М. П. Рыжова – 6 публикаций. Журнал имеет свой фирменный знак, эмблему. Эскиз первой эмблемы выполнила Е. Н. Епанчинцева при участии Л. И. Божко, эскиз второй – художник Л. Перевалов. В июле 1992 г. тиражом 10 000 экз. вышло в свет первое и пока единственное типографское издание альманаха «Тагильский краевед», приуроченное ко Дню города. В него были включены наиболее яркие, интересные и значимые публикации из 13 предыдущих номеров [Альманах «Тагильский краевед» 1992]. В 2010 г. вышел последний на сегодняшний день 20-й выпуск сборника. Благодаря деятельности активистов клуба созданы их электронные версии.

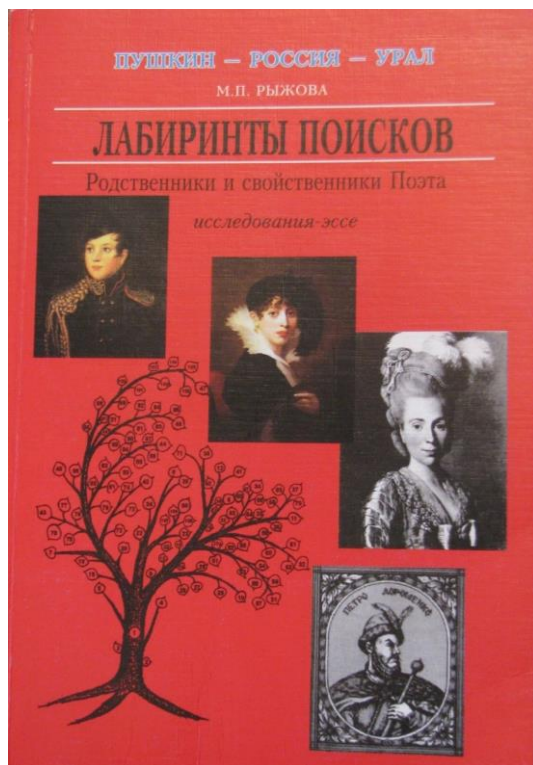
Работа над 20-м выпуском альманаха
«Тагильский краевед», 7.02.2008 г.

Ряд краеведов – авторы монографических научно-популярных, художественных изданий [например, Орлов 2011; Пудовкин 2014, 2015; Хлопотов 2000 и др.]. Некоторые из них за свое творчество были удостоены престижных наград. Так, С. В. Ганьжа в 2001 г. стал лауреатом премии им. О. Е. Клера за книгу «Тагильская летопись XVI–XIX вв.». В 2009 г. М. П. Рыжова получила Новую Пушкинскую премию «За достоинство и верность русской литературе» за книгу «Лабиринты поисков: родственники и свойственники Пушкина», в которую вошли публикации разных лет, связанные с именем великого русского поэта [Рыжова 2009].

Члены клуба участвовали и в общегородских краеведческих изданиях. Например, в книгу «Тагильские фамилии» [Тагильские фамилии... 2004] материалы представили: С. В. Ганьжа, Е. Н. Епанчинцева, Е. Н. Клевцова, Е. В. Костюченко, М. П. Курочкина, Н. И. Хлопотова, Ю. В. Шарипов, Г. И. Чайко.

Персональная издательская деятельность членов клуба активизировалась в 2000-е гг. Этому способствовали расширение рынка издательских услуг, ослабление цензуры, снижение требований к редактированию изданий в некоторых издательствах. По сведениям В. А. Дацкевич, с 2000 по 2006 гг. краеведы опубликовали более 30 монографических работ. Качество изданий как по содержанию, так и по полиграфическому исполнению различно. К числу активно пишущих и издающих книги, в том числе при финансовой поддерж-

ке различных институций, относятся С. И. Пудовкин, А. Л. Пичугин [Пичугин 2004; Пудовкин 2006 и др.].

Обложка книги М. П. Рыжовой «Лабиринты поисков»

В 2009 г. было проведено исследование с целью выявления читательских интересов и предпочтений членов клуба краеведов [Рыжкова, Черненко 2009б]. В исследовании приняли участие 16 человек: 5 мужчин (31%) и 11 женщин (69%). Возраст самого пожилого из опрошенных краеведов – 82 года, самого молодого – 35 лет. Средний возраст составил 61 год. Все принявшие участие в исследовании краеведы являются жителями города Нижний Тагил. Это наиболее активные, регулярно посещающие заседания члены клуба.

На вопрос «Как часто и для чего Вы читаете книги?» были получены следующие результаты. 100% опрошенных читают книги для саморазвития, но с разной частотой. Каждый день читают 56% (9 чел.), 1–2 раза в неделю – 25% (4 чел.), реже 1 раза в неделю – 18% (3 чел.). Участники клуба обращаются к чтению и для работы (94% – 15 чел.), но также с разной частотой. Каждый день читают

40% (6 чел.), 1–2 раза в неделю – 40% (6 чел.), реже 1 раза в неделю – 20% (3 чел.). Девять респондентов (56%) читают книги для развлечения каждый день, четыре (44%) – 1–2 раза в неделю.

По данным проведенного исследования, 12% (2 чел.) краеведов тратят на чтение меньше часа, 82% (13 чел.) – более 1 часа, 6% (1 чел.) – около 2 часов.

Все опрошенные отнесли себя к людям, любящим книги и читающим их с удовольствием. Респонденты читают художественную литературу разных жанров. Жанровые предпочтения распределились следующим образом. Исторические произведения любят читать 87% (14 чел.) опрошенных, современную литературу – 25% (4 чел.), жизнеописания – 25% (4 чел.), детективы – 19% (3 чел.), фантастику – 12% (2 чел.), женские романы – 6% (1 чел.), другое – 12% (2 чел.).

В ходе исследования опрошенным предлагалось назвать предпочитаемые литературные формы. Повести предпочитают читать 69% (11 чел.) опрошенных, рассказы – 56% (9 чел.), стихи – 25% (4 чел.).

Источниками получения книг для краеведов служат в основном домашние (81%, 13 чел.) и муниципальные (50%, 8 чел.) библиотеки. 13% (2 чел.) респондентов берут книги у друзей, родственников, 6% (1 чел.) пользуются ведомственными библиотеками по месту работы, 25% (4 чел.) – другими библиотеками. Все – пользователи краеведческой библиотеки.

Ответы на вопрос «В каком виде Вы, как правило, получаете текстовую информацию?» свидетельствуют о том, что главным источником информации для чтения являются собственно книги, брошюры, журналы (100%, 16 чел.). 19% (3 чел.) опрошенных пользуются ксерокопиями статей, фрагментов книг, 13% (2 чел.) – текстами в электронном виде.

Интересны сведения о личных библиотеках краеведов. До 100 книг в своей домашней библиотеке имели 2 чел. (12%), до 500 книг – 8 чел. (50%), до 1 000 книг – 4 чел. (25%), свыше 1 000 книг – 2 чел. (12%).

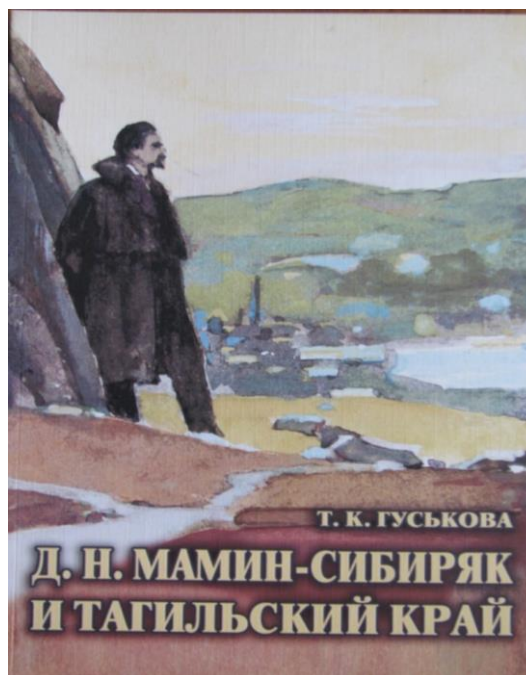
Проведенное исследование показало, что большинство участников клуба «Тагильский краевед» позиционируют себя как люди, любящие книги и читающие их с удовольствием; для большей части опрошенных краеведов чтение является источником саморазвития, для многих из них это каждодневное занятие, позволяющее реализовывать познавательную активность; все опрошенные имеют домаш-

ние библиотеки, в которых преобладает художественная литература, прежде всего классика; большинство опрошенных краеведов – это не только читающие, но и пишущие люди, 9 опрошенных были авторами статей и материалов в рукописном журнале «Тагильский краевед», 5 – авторами научных и научно-популярных монографий.

Краеведы принимали активное участие в организации новых музеев. Организатором музея истории треста «Тагилстрой» был К. Ф. Ляпцев, создателем музея трудовой и боевой славы горняков Высокогорского железного рудника – И. А. Орлов. Одним из основателей завода-музея им. Куйбышева под открытым небом является С. И. Хлопотов. Уже полвека живет музей Д. Н. Мамина-Сибиряка, инициированный висимчанином Ю. П. Петровым, позже ставшим профессором НТГСПА. В 1976 г. этот музей влился в состав Нижнетагильского краеведческого музея, его новую экспозицию разработали Т. К. Гуськова и Ю. П. Петров, а оформил М. Дистергефт [Музей живет полвека... 2009]. Т. К. Гуськова была научным консультантом музея «История образования в городе Нижний Тагил» школы № 1 им. Н. К. Крупской [Мамонова, Базарова 2015: 371]. Любви, внимания и знаний Т. К. Гуськовой хватало на всех. До последних дней она, доктор исторических наук, почетный гражданин г. Нижний Тагил, была активным участником клуба. Она стала поистине неутомимым популяризатором творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка, регулярно выступала с заметками о знаменитом уральском писателе на страницах городской прессы [Гуськова 2009], подготовила научно-популярное издание [Гуськова 2003], инициировала Маминские чтения в пединституте, где проработала не один десяток лет. Т. К. Гуськова – авторитетный ученый. Ее монографии о заводском хозяйстве Демидовых [Гуськова 1996, 2007] признаны фундаментальными в научном сообществе.

Многие краеведы клуба – заядлые коллекционеры. Нередко их коллекции являлись основой для организации выставок различного уровня. Тагильчанам и гостям города, несомненно, запомнилась фотовыставка И. Т. Коверды «Тагильчане XX века (первая половина)», устроенная в Нижнетагильском музее изобразительных искусств. Эпиграфом к ней краевед выбрал слова Н. В. Гоголя: «Клянусь, человек стоит того, чтобы его рассматривали с большим любопытством, нежели фабрику или развалину». На выставке экспонировалось 500 фотографий, собранных Иваном Трофимовичем в 11 государственных и ведомственных архивах, а также у 62 частных лиц и

тщательно отреставрированных. Из-за большого интереса зрителей выставку пришлось экспонировать повторно. Автор проекта был удостоен губернаторской премии [Агеносов 2001]. Заслуживает внимания и то, что Коверда сумел организовать и провести четыре персональных фотовыставки в США.

Обложка книги Т. К. Гуськовой
«Д. Н. Мамин-Сибиряк и Тагильский край»

Некоторые участники клуба инициировали городские конкурсы. Так, по инициативе Юрия Исупова, поклонника творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка, собравшего уникальные коллекции изданий «Аленушкиных сказок» и фигурок уточек, с 2005 г. ежегодно проводится городской конкурс детского творчества «Серая шейка». В 2009 г. участниками конкурса стали 300 юных тагильчан и читателей пригорода, предоставивших на суд жюри 588 произведений [Погодина 2009].

Краеведы – активные популяризаторы краеведческих знаний. Регулярно читали лекции по истории родного края в библиотеках и образовательных учреждениях города: Л. В. и И. Г. Белавины, Т. В. Дьячков, Л. И. Зверев, И. Т. Коверда, А. Ф. Кожевников, Е. В. Костюченко, Н. А. Мезенин и др. Чаще с лекциями члены клуба выступали в 1980–1990-е гг., когда они были более молодыми,

энергичными. Некоторые к тому же являлись членами лекторской группы общества «Знание», что организационно способствовало их просветительской деятельности.

Со временем актуализировался социальный аспект в деятельности клуба. Для большинства краеведов преклонного возраста, стоявших у истоков клуба, посещение клуба стало незаменимой формой досуга. Неслучайно особой популярностью у них пользовались различные посиделки с чаепитием, задушевными воспоминаниями, чтением стихотворений. Большую роль в создании домашней атмосферы на встречах клуба, безусловно, сыграли Э. А. Овечкина и В. А. Дацкевич, являвшиеся в разные годы и сотрудниками краеведческой библиотеки, и председателями клуба. Традиции задушевных посиделок сохраняются и сейчас.

Таким образом, создание клуба «Тагильский краевед» совпало с процессом активизации и организационного оформления любительского, индивидуального краеведения, начавшегося в стране, в том числе на Урале, в 1980-е гг. Работа клуба в рассматриваемый период осуществлялась по нескольким направлениям с разной степенью интенсивности и результативности. Например, лекторская работа среди населения особенно активной была в конце 1980–1990-е гг. Клуб внес свою лепту в формирование новой краеведческой тематики, связанной с теми сторонами жизни, о которых ранее умалчивалось: дореволюционные предприниматели, религиозность населения, репрессии и т. д. Инициированный клубом альманах «Тагильский краевед» можно классифицировать как самодеятельную печать, результат культуротворчества прежде всего наиболее активных участников клуба. Значительная часть материалов альманаха посвящена различным аспектам развития истории и культуры города. В связи с этим альманах можно использовать в краеведческом образовании (в преподавании таких дисциплин, как: «История Урала», «Историческое краеведение», «Культурология»).

ГЛАВА 3. СРЕДА

3.1. Городская среда и материально-бытовое положение тагильчан в 1917 – начале 1941 гг.

Период с 1917 до начала Великой Отечественной войны – один из самых драматичных в истории Нижнего Тагила. За неполные четверть века тагильчане прошли через потрясения революции 1917 г. и гражданской войны, зигзаги нэпа, испытания первых пятилеток. Это был этап, когда историческое время спрессовалось, вместив в короткий промежуток столько трагических и драматических событий, на которые в более спокойные эпохи потребовались бы целые века.

В это время изменился статус Нижнего Тагила, заводской поселок стал городом. Согласно утвердившейся в уральской литературе точке зрения Нижний Тагил был преобразован в город только в 1919 году. При этом ссылаются на постановление Екатеринбургского губернского военно-революционного комитета от 20 августа 1919 г. [Нижний Тагил... 1964: 277; Нижний Тагил... 1977: 150–151; Крупянская 1974: 13]. Однако существуют и другие свидетельства о том, что статус города был получен Нижнетагильским заводом до 1919 г. Во вводной статье энциклопедии «Города России» упоминается распоряжение Временного правительства, согласно которому Нижний Тагил вместе с Черемхово, Орехово-Зуево, Кимрами и рядом других населенных пунктов получил статус города еще в 1917 году [Города России... 1994: 8]. Еще одна точка зрения на этот вопрос содержится в монографии челябинского историка И. В. Нарского. Упомянув, что в январе 1918 года была образована новая Екатеринбургская губерния, историк далее замечает: «В конце 1917 – начале 1918 г. только что пришедшие к власти уральские большевики энергично принялись за переименование и повышение статуса населенных пунктов, сделав таким образом символическую заявку на будущее переустройство мира. Так в Вятской губернии Воткинский и Ижевский заводы были переименованы в города Воткинск и Ижевск, что позднее было признано и Комучем, а слобода Кукарка была переименована в город с семью волостями и программным названием Советск. В уездные центры новой Екатеринбургской губернии превратились бывшие горнозаводские поселки –

Алапаевский, Каменский, Надеждинский, Нижне-Тагильский» [Нарский 2001: 48] (некоторые сомнения вызывает упоминание Алапаевского завода. Алапаевск получил статус города еще в 1781 году. В начале XX века имел статус заштатного города). К сожалению, И. В. Нарский не указывает источник этой информации. Судя по контексту, придание Нижнему Тагилу статуса города произошло в конце 1917 – начале 1918 гг.

Белая администрация Нижнего Тагила официально именовала его Нижнетагильским заводом (т. е. заводским поселком). Однако в текстах приказов и распоряжений белых комендантов наряду с упоминаниями Нижнетагильского завода встречается определение Нижнего Тагила как города. Так, объявление о мобилизации, датированное 26 октября 1918 года, сделано от имени коменданта города и района Нижнего Тагила. В приказе «коменданта Нижне-Тагильского завода и его окрестностей» от 2 декабря 1918 года содержатся примечательные оговорки: «Все граждане, имеющие седла должны сдать таковые в Управление коменданта города», «обыски и аресты в городе...» [НТГИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 4. Л. 12, 133]. В официальных областных справочниках советского периода годом признания Нижнего Тагила городом также указан 1917 [Свердловская область... 1987: 4]. Вопрос этот требует дополнительного исследования.

Период 1917 – конца 30-х гг. – это время резких колебаний численности населения Нижнего Тагила. Первая общероссийская перепись 1897 г. зафиксировала наличие в Нижнем Тагиле 31 449 чел. Согласно данным земской статистики, население заводского поселка в 1907 г. составляло 33 939 чел., а в 1909 выросло до 34 709 чел. К началу Первой мировой войны численность населения города практически не изменилась [Рождественская 1945: 226; Россия... 1914, т. 5: 405].

В годы Первой мировой войны темпы роста городского населения Урала выросли. Если в 1897–1913 гг. городское население Пермской губернии росло в среднем на 5,1% в год, то в 1913–1916 – уже на 6,1% (рассчитано по данным: [Нарский 2001: 125, 141]). Увеличивалось и население Нижнего Тагила. В 1916 г. в нем проживало 44,0 тыс., а в 1917 г. – 47,0 тыс. жителей [Труды государственной комиссии... 1964: 139; Нижний Тагил – из прошлого в будущее... 1999: 26] (близкие данные приводит в своих воспоминаниях и известный тагильский краевед И. А. Орлов. По его утверждениям население Нижнего Тагила перед событиями 1917 года насчи-

тивало более 45 тыс. чел. См.: [Орлов 1994: 85.]). Причиной быстрого роста населения стал приток беженцев из центральных районов России. Среди них были выходцы из Польши и Галиции [НТГИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 1. Л. 160, 205] (уже к лету 1917 года в Нижнем Тагиле проживала довольно многочисленная польская диаспора, которой не было до 1914 года. См. [Великая Октябрьская социалистическая революция... 1987: 410]).

После начала гражданской войны вынужденная миграция продолжалась. В Тагиле оседало немало беженцев из Центральной России, спасающихся от преследований большевиков. Так, в одном из типичных объявлений, данных Нижнетагильской волостной управой сообщалось, что 34 рабочих-беженца из Ижевского завода «ищут себе нанятия». Перечислялись их имена и фамилии, указывались специальности [НТГИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 1. Л. 127]. В марте 1919 года число жителей Нижнего Тагила приближалось к 50 тыс. человек. Этот процесс, который И. В. Нарский метко окрестил «вынужденной урбанизацией», хорошо просматривается на данных о численности населения различных частей поселка (табл. 1). Основная масса прибывающего населения концентрировалась в центральных частях города, где имелись крупные дома. Окраинные Гальянка и Ключи, в которых проживала преимущественно бедная часть населения и отсутствовали многоквартирные строения, росли гораздо медленнее.

Таблица 1

**Изменение численности населения Нижнего Тагила
по районам за 1907–1919 гг.***

Волости (части)	1907	1919	1919 в % к 1907
Нижне-Тагильская (1-я)	10 436	16 729	160,3
Выйско-Никольская (2-я и 5-я)	12 383	19 153	154,7
Троицко-Александровская (3-я и 4-я)	11 120	13 219	118,9
Итого по Нижнему Тагилу	33 939	49 101	144,7

* Нижний Тагил. Свердловск, 1945. С. 226; НТГИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 13. Л. 302. Вместе с окрестными деревнями Горбуново и Фатеево население Нижнего Тагила в марте 1919 года составляло 50 592 чел.

Уход белой армии из Нижнего Тагила в июле 1919 года привел к значительному сокращению численности населения. В марте 1920 года в городе оставалось 40,9 тыс. жителей (83,5%), а в августе

1920 года первая советская перепись населения зафиксировала наличие в Нижнем Тагиле всего 37 799 чел. Если в 1909 г. в Нижнем Тагиле на каждые 100 женщин приходилось 90 мужчин, то в 1920 году на 100 женщин оставался всего 81 мужчина. Особенно удручающим было соотношение полов в возрасте 20–29 лет, на которые пришлась основная тяжесть военных потерь. В Нижнем Тагиле на каждые 100 женщин соответствующего возраста насчитывалось всего 63 мужчины [Статистический сборник Екатеринбургской губернии... 1923: 20, 32; НТГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 об. – 2].

Окончательный удар по населению города нанес ужасный голод 1921–1922 годов. По данным всесоюзной городской переписи 1923 г., в Нижнем Тагиле оставалось всего 26 682 жителя. Со второй половины 1922 года, после хорошего урожая и по мере развертывания преимуществ новой экономической политики и улучшения условий жизни людей, численность населения вновь стала увеличиваться. По переписи 1926 года численность населения города 1920 года была восстановлена и составила 38 820 человек. Среди городов Уральской области Нижний Тагил в 1926 г. занимал пятое место, уступая лишь Свердловску, Перми, Челябинску и Златоусту [Статистический справочник Тагильского округа... 1929: 18–19].

Тридцатые годы стали периодом стремительного роста населения города. В январе 1929 г. население Нижнего Тагила равнялось 42 705, в июне 1930 г. – 54 100. С первых месяцев 1931 г., когда началось строительство Новотагильского и Уральского вагоностроительного заводов, численность населения начинает быстро увеличиваться. На 1 января 1931 г. в городе проживало – 59 483 чел., на 16 апреля – 61 300, на 1 июня – 85 900 и на 1 января 1932 г. – 117 700 человек [НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 35. Л. 82; Уральское хозяйство в цифрах... 1933: 286–287, 295; Статистический справочник Тагильского округа... 1929: 18–19, 26–27].

По статистическим сводкам ЦУНХУ, на 1 января 1933 года в городе проживало 126 тыс. человек, на 1 января 1935 г. – 150 тыс. Всесоюзная перепись 1937 г. показала наличие в городе 147 136 чел. (некоторое сокращение численности населения можно объяснить уменьшением объемов строительных работ и снижением размеров коллективов строителей). Последняя в 30-е гг. перепись населения страны, проведенная в 1939 г., зафиксировала проживание в нашем городе 159 867 чел. [Свердловская область в цифрах... 1936: 155; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года... 2002: 327].

Годы предвоенных пятилеток были периодом самого быстрого увеличения численности населения Нижнего Тагила за всю его историю. Эта стремительность становится особенно наглядной при сопоставлении темпов прироста населения Нижнего Тагила. В 1850–1914 гг. среднегодовой темп прироста населения города составлял всего 0,79%, в 1914–1920 вырос до 1,10% (хотя за этими цифрами скрывался резкий рост в 1914–1919 гг. и последующее резкое сокращение численности населения). В 1920–1926 гг. среднегодовой прирост составил 0,38%. Зато с конца 20-х гг. темпы прироста совершили стремительный скачок: 1926–1929 – 4,88%; 1929–1932 – 40,21%; 1932–1937 – 4,57% и 1937–1939 – 4,25%. В целом за 1926–1939 гг. среднегодовой прирост составил 12,5%. Это был наивысший показатель за всю историю Нижнего Тагила.

Вековая тенденция крайне замедленного увеличения численности тагильчан, действовавшая с 20-х гг. XIX века, была сломана. Если отвлечься от утомительных цифр, то произошедшее можно охарактеризовать так: за век со второй четверти XIX до начала второй четверти XX веков к существовавшему Тагилу прибавился еще один, а за три предвоенных пятилетия к уже имеющемуся городу добавилось еще три!

Причина этой метаморфозы – начало строительства гигантов тагильской индустрии – металлургического, коксохимического, огнеупорного и вагоностроительного заводов. Население Урала было достаточно редким, найти рабочие руки на месте или привлечь их на новое место какими-то ощутимыми материальными благами из более населенных районов власть не могла. Власть пошла по давно опробованному русской историей пути применения принудительного труда (вспомним времена Петра I). С начала 30-х гг. это были раскулаченные-спецпоселенцы, а затем и все растущее число заключенных колоний ГУЛАГА. Многие крестьяне самостоятельно приезжали в Нижний Тагил, стремясь спастись в городе от ужасов «социалистического преобразования деревни», затеряться от безжалостных властей на его многочисленных строительных площадках. В спецпоселках Уралвагонстроя (строительной организации, возводившей УВЗ) число раскулаченных возросло с января 1933 по март 1935 гг. с 3,5 до 10 тыс. чел., составив весной 1935 г. треть населения Вагонки. Общее же число спецпоселенцев и заключенных колоний и тюрем в городе, по данным В. М. Кириллова, колебалось в 1932–1940 гг. от 10 до 21 тыс. чел. И в отдельные годы (например, в

1934 г.) доходило до 14% населения [Дзержинский район: годы и люди 2003: 16; Кириллов 1996, ч. II: 233–235]. Иными словами, примерно каждый десятый тагильчанин в годы первых пятилеток попал в наш город не по своей воле. Такие перепады в численности населения существенно влияли на быт тагильчан.

Таблица 2

Численность населения Нижнего Тагила (чел.)*

Год	Численность населения	Год	Численность населения
1897	31 449	1926	38 820
1907	33 939	1928	42 705
1909	34 709	1929	46 788
1913	34 700	1931	59 483
1916	44 000	1932	117 700
1919	49 101	1933	126 000
1920	37 799	1937	147 136
1923	26 682	1939	159 869

* Составлено по данным: Анимица Е. Г. Города Среднего Урала. Свердловск, 1983. С. 104; Крупянская В. Ю., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917–1970). М., 1974. С. 21; Нижний Тагил. Свердловск, 1945. С. 222, 226, 231–232; Нижний Тагил. Изд. 3-е. Свердловск, 1971. С. 23, 190; Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг. Свердловск, 1933. С. 286–287, 295; НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 26. Л. 79; Свердловская область в цифрах. Краткий стат. справочник. Свердловск, 1936. С. 155; Статистический справочник Тагильского округа Уральской области. Нижний Тагил, 1929. С. 18–19, 26–27.

Какими были жилищно-бытовые условия жителей Нижнего Тагила в это непростое время? По данным переписи 1920 года, в Нижнем Тагиле насчитывалось 7,5 тысяч жилых домов и 6,2 тысячи нежилых построек. Из них 12,7 тысячи составляли одноэтажные строения, 992 – двухэтажные и 14 – в три и более этажей. Военные действия, прокатившиеся через Нижний Тагил, не нанесли особого ущерба городу. Было уничтожено всего 17 строений.

В городе преобладали деревянные строения. Из 7 791 городских квартир 92,6% располагались в деревянных домах и только 5,1% – в каменных (прочие – в домах из смешанных материалов). 29 квартир было расположено в подвальном этаже, 33 – в полуподвале, 6 960 квартир – на первом этаже, 665 – на втором, 100 – на первом и втором этажах одновременно и 4 – на третьем этаже. На каждую квартиру в среднем приходилось 1,4 комнаты. Населен-

ность жилого фонда была следующей: на одну квартиру приходилось 4,7 жителя (по городам Екатеринбургской губернии – 4,9), на одну комнату – 3,4 (по губернии – 3,1). 66% всех квартир Тагила имели кухню. Благоустройство жилого фонда было минимальным. 39,5% квартир имели электрическое освещение, остальные обходились керосиновыми лампами, свечами и лучинами. 4,9% квартир имели ватерклозет, 59,4% – отхожее место простого устройства. Ни водопровода, ни канализации в городе не было. 99 владений в городе имели колодцы с питьевой водой, прочие 6 090 владений пользовались общественными колодцами и брали воду из прудов и речек. Из коммунальных предприятий специальное обследование зафиксировало три пожарных части, ассенизационный обоз, лесопилку и похоронное бюро. В этом отношении Нижний Тагил значительно уступал другим городам Екатеринбургской губернии [Статистический сборник Екатеринбургской губернии... 1923: 36].

Жилищные условия тагильчан в годы нэпа можно назвать относительно благоприятными, особенно если их сравнивать с периодом форсированной индустриализации конца 20–30-х гг. Обеспеченность жилой площадью в Нижнем Тагиле была весьма высокой, ни один крупный город или завод Урала не мог сравниться в этом плане с ним. На жилищную ситуацию в городе в 20-е гг. влиял целый ряд факторов. Во-первых, в Нижнем Тагиле, подобно другим городам и поселкам страны, происходило перераспределение жилого фонда. Добротные дома, принадлежавшие местным предпринимателям, крупным служащим, духовенству, в течение 20-х гг. были муниципализированы и использованы частично под учреждения, а частично – под жилье для рабочих. Во-вторых, военные действия в период гражданской войны, голод 1921–1922 гг. и другие социальные катаклизмы привели к сокращению жилого фонда. В 1923 г. по сравнению с 1920 г. число квартир в городе уменьшилось на 7%, с 7 791 до 7 277. В 1923 г. 1 303 квартиры (18%) пустовали. Сократилось число жилых домов, причем лишь небольшая часть из них была разрушена, а большинство перешло в разряд нежилых построек [Уральский статистический ежегодник... 1925: 135]. К середине 20-х гг. по мере нормализации социально-экономической ситуации и восстановления численности населения жилищный фонд был вновь плотно заселен.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., 75% рабочих и членов их семей Нижнего Тагила проживали в собственных

домах (по Уральской области этот показатель равнялся 59,7%). Средний размер жилой площади, приходящейся на одного человека, составил в Нижнем Тагиле в 1926 г. около 6,4 кв. м, в том числе в семьях рабочих 5,8 кв. м (по Уральской области последний показатель равнялся всего 4,7 кв. м). Хотя по сравнению с другими городами Урала положение Нижнего Тагила было наиболее благоприятным, следует учесть, что и в нашем городе отставание от санитарных норм было велико. Предельно допустимая санитарно-гигиеническая норма жилищной обеспеченности в 20-е гг. составляла 8 кв. м на человека. В Нижнем Тагиле в 1926 г. такую обеспеченность имели всего 18,9% рабочих города и членов их семей (по Уральской области – 12,7%), 43,6% располагали от 4 до 8 кв. м на человека (по Уральской области – 37,4%), прочие 37,3% – до 4 кв. м (по области – 49,9%) [Гаврилов 1990].

Число новых зданий, построенных в городе в 20-е гг., было относительно невелико. В 1926–1927 годах у горы Лисьей был воздвигнут трехэтажный набивной шлакоцементный дом. Это был, пожалуй, первый многоквартирный дом Нижнего Тагила. Позднее появились четырехэтажное шлакоблочное здание школы ФЗО (позднее – здание индустриального техникума трудовых резервов), четырехэтажный дом на Вые, городской банк, гостиница. В 1928 году вошел в эксплуатацию первый в городе Дом культуры железнодорожников и стадион.

Первое десятилетие советского Тагила, посвященное в основном восстановлению и реконструкции существующих предприятий, не внесло заметных изменений в облик самого города. Те же «три конца» – кержацкие ключи, где жили рудокопы и углежоги; Выя, где с давних пор обосновались туляки-металлурги, завезенные первыми Демидовыми; да Гальянка, заселенная потомками бывших черниговских крепостных, занятых на золотоплатиновых приисках. В центре, в четвертой части города, – булыжная мостовая, узкие деревянные тротуары и несколько двухэтажных зданий бывших купеческих особняков. В основном же в городе преобладали грязные немощеные ухабистые улицы, обрамленные покосившимися от времени, вросшими в землю и закопченными деревянными избами [Нижний Тагил... 1964: 179].

Революция 1917 года и гражданская война отрицательно сказались на быте населения России в целом и Нижнего Тагила в частности. Постоянным спутником тагильчанина вплоть до начала

20-х гг. была галопирующая инфляция, которая значительно обесценивала заработную плату. Стандартный месячный потребительский набор из 24 предметов (используемый статистиками 20-х гг. для расчета стоимости жизни) включал в себя следующие продукты (в фунтах): мука ржаная – 40, мука пшеничная – 20, крупа – 7,5; картофель – 40, капуста – 9, свекла – 4,5; лук – 1, мясо (говядина) – 7,5; коровье масло – 1, масло растительное – 1, рыба (сельдь) – 1,8; сахар-рафинад – 2, соль – 2, молоко – 12 бутылок и яйца – 6 штук. Кроме того, в него входили 2 аршина ситца, 6 фунтов керосина, 3 коробки спичек и некоторые другие промышленные товары. Стоимость такого набора в Нижнем Тагиле в 1913–1914 годах (средне-месячная) составила 6 руб. 35 коп., в сентябре 1916 г. – 18 руб. 50 коп., в феврале 1917 г. – 29 руб. 30 коп., в мае 1918 г. – 115 руб. и в августе 1919 г. – свыше 340 руб. В июне 1921 г. стоимость бюджетного потребительского набора достигла астрономической суммы в 543 тыс. руб., а в декабре 1922 г. – 138 млн. руб. [Статистический сборник Екатеринбургской губернии... 1923]. Данные за 1918–1922 гг. относятся к Тагилу под властью красных.

Ситуация в Тагиле под властью белых была аналогичной. Цены на рынке в конце 1918 – первой половине 1919 годов также постоянно росли. Так, в декабре 1918 года пуд пшеничной муки стоил 25 рублей, в феврале 1919 года – 68–70 рублей, весной 1919 года – уже 130 рублей. Между тем месячный заработок рабочего на приисках составлял зимой 1919 года около 450 рублей, учителя тагильских школ осенью 1918 года имели оклад 400 рублей. Пианистка А. И. Шорина из кинотеатра «Иллюзия» получила за ноябрь 1918 года 347 рублей, кассирша С. Ф. Дунаева – 173 рубля, контролерши Калинина, Караваева, Лезова и Борисова – от 25 до 120 рублей (в зависимости от проработанных дней, исходя из месячного оклада 150 рублей). Оклад механика в этом кинотеатре составил 400 руб., скрипача – 300, афишера – 200 и полумойки-истопницы – 150. В январе 1919 года оклад зрителя заводского театра В. А. Цыкина составил 400 рублей, сторожа А. Ф. Усова – 250 рублей. Следует учитывать, что безработица в белом Тагиле имела широчайшее распространение и твердый заработок имели далеко не все [Ермаков 2002: 73].

Уже в 1917 году в городе начались трудности с обеспечением продовольствием и промышленными товарами. Летом 1917 г., как вспоминал позднее рабочий И. Г. Баранов, «выписки жалования за-

тягивались. Промтовары неизвестно куда девались. Продовольственные управы работали никуда не годно». В конце 1917 года, по воспоминаниям другого тагильчанина И. М. Пылаева: «С продовольствием дело шло все хуже и хуже... В декабре создалось тяжелое положение: ни денег, ни хлеба и ни овса» [Были горы Высокой... 1935: 178, 181].

В январе 1918 года новый большевистский Совет послал в Шадринск уполномоченных для закупки хлеба для населения. Однако продовольственные агенты во главе с рабочим Звонаревым не выполнили задание, растратив народные деньги. Над городом нависла угроза голода. 16 января 1918 года возмущенные тагильчане собрались на главной площади Нижнего Тагила перед памятником Свободы (переделанным из памятника Александру II), требуя выдачи им виновных. Митинг продолжался с обеда до ночи. Председатель Совета Д. Н. Добрынин, выступая перед толпой, заявил, что не допустит самосуда, и незадачливые продагенты будут наказаны «законным порядком». Среди митингующих возникли слухи о намерении большевиков укрыть своих ставленников от ответственности. Часть толпы двинулась к зданию Совета. Раздавались требования к большевикам, расписавшимся в собственной беспомощности, отдать власть другим. Красногвардейцы, охранявшие Совет, начали стрелять залпами в воздух. Но несколько пуль попали в толпу. Пролилась кровь. Эти первые плоды большевистского правления оказались столь горькими, что ночью, не выдержав угрызений совести, Д. Н. Добрынин застрелился. Из Екатеринбурга в помощь тагильским большевикам был прислан вооруженный до зубов отряд матросов во главе с П. Д. Хохряковым. Несколько недель эти «агитаторы» вместе с местными вооруженными большевиками «убеждали» тагильчан в правильности новой власти [Были горы Высокой... 1935: 184–185; Плотников 1990: 96–97].

Постепенно власти удалось наладить хлебозаготовки. Сначала хлеб поставлялся из Шадринского уезда. С мая 1918 года, когда чехословацкое восстание привело к захвату белыми Зауралья, хлеб для Тагила стали заготовливать в Прикамье. За лето и начало осени 1918 года там было заготовлено для Тагила 50 тыс. пудов муки.

С начала октября 1918 г. по середину июля 1919 г. Нижний Тагил находился под контролем белогвардейской администрации. Несмотря на смену власти, продовольственный вопрос по-прежнему оставался острым. Лишь часть офицеров и солдат белой армии пи-

тались относительно неплохо. Так, например, штабу гарнизона города в октябре 1918 года была положена следующая норма (в расчете на 1 человека, по хлебу дневная, по остальным продуктам – месячная): хлеба – 634 г, муки – 2 кг, мяса – 9,5 кг, крупы (гороха, риса, проса) – 1,9 кг, картофеля – 2,6 кг, овощей (капусты и лука) – 4,1 кг. Кроме того, на каждого солдата и офицера штаба полагалось в месяц около 2,4 кг сахара, более 1,2 кг масла, более 1 кг соли, по 68 г чая и кофе, по 400 г мыла и табака. В то же время многие фронтовые части испытывали острую нехватку теплой одежды и продовольствия.

Гораздо хуже было положение с продовольствием у простых обывателей. Семьям солдат, мобилизованных в белую армию, полагалось продовольственное пособие. Но в связи с редким поступлением средств на эти цели от правительственных структур Нижнетагильская волостная земская управа либо задерживала выдачу пособий, либо вообще их не выдавала. В одном из донесений тагильского коменданта отмечалось сильное истощение значительной части населения вследствие безработицы. Люди вынуждены были менять на хлеб даже теплую одежду. Основным источником продовольствия для многих тагильчан было свое хозяйство [Ермаков 2002: 73].

После прихода Красной армии в 1919 году ситуация в продовольственном вопросе по-прежнему оставалась тяжелой. Данные о питании населения за вторую половину 1919–1920 гг. свидетельствуют, что хотя массового голода не было, питание большинства тагильчан было скудным. Недоедание наиболее сильно проявлялось в весенне-летние месяцы, когда заканчивались запасы предыдущего урожая. Во второй половине 1921 – первой половине 1922 годов разразился настоящий голод, который унес жизни нескольких тысяч горожан. Ситуация со снабжением рабочих Нижнего Тагила в это время была очень тяжелой. Десятник Высокогорского рудника Иван Михайлович Пылаев вспоминал: «Горняки, на своей спине испытывая власть белых, очень дружно берутся за работу, хотя и голодны, разуты, раздеты... Горностаев Ефим Егорыч (председатель объединенного рудничного комитета – А. Е.) добыл немного муки и картофеля. Он добыл также лаптей и ниток. Рабочие радуются, получают муку и тут же в замере начинают печь лепешки. Некоторые товарищи, надевая лапти, говорят: “Обуты!”. Федор Данилович Козьмин делит нитки для починки одежды. Он дает конец нитки одному из товарищей, велит бежать до определенного места. Добежал – стоп,

нитка обрывается, и товарищ получает ее. Берется следующий... Организуем свою столовую, варим суп. Если в суп ложат немного крупы и картофеля – считаем хорошим, а если в котел попадает иной раз конина – очень хорошим» [Были горы Высокой... 1935: 243]. Только хороший урожай 1922 года положил конец жатве смерти.

По мере развертывания новой экономической политики снабжение тагильчан улучшалось. На 1 апреля 1924 г. в городе действовало 221 торговое предприятие, в том числе 199 частных, 14 кооперативных и 8 государственных. По размерам товарооборота частные предприятия уступали и кооперативным, и государственным (соответственно 5,2%, 44,9% и 49,9% за полугодие октябрь 1923 – март 1924 годов). Следует особо отметить роль кооперации. Члены потребительской кооперации получали при покупке значительную (до 10% и выше) скидку. На 1 июля 1924 г. Нижнетагильское потребительское общество располагало в городе десятью лавками, а число активных пайщиков составляло 3 922 человека (то есть каждый восьмой житель). Существенную роль играло и заводское снабжение. В 1928 г. в городе работали 157 частных лавок, 51 кооперативный и 15 государственных магазинов.

Таблица 3

Торговые заведения Нижнего Тагила в 1928 году
[Статистический справочник Тагильского округа... 1929: 62–63]

Виды торговых заведений	Всего заведений	В том числе 2–6 рядов	Товарооборот заведений 2–6 рядов (тыс. руб.)	Оборот на 1 торговое заведение (тыс. руб.)
Государственные	15	15	3 084,3	205,6
Кооперативные	51	51	8 005,8	157,0
Частные	157	79	1 029,3	13,0
Всего	223	145	12 119,4	83,6

Питание населения значительно улучшилось. Данные по Екатеринбургской губернии свидетельствуют, что если в сентябре 1921 г. калорийность дневного рациона горожанина не превышала 2 500 килокалорий, в период голода в феврале 1922 г. опустилась до 2 200–2 300 килокалорий, то с ноября 1922 г. она не опускалась ниже 3 000–3 100 килокалорий. Выбор продуктов и промышленных товаров в торговых лавках и магазинах был достаточно широким и доступным значительным слоям тагильчан. Так, при заработной

плате рабочего Средне-Уральского металлургического треста (куда входил и Нижнетагильский завод) в 1923/24 хозяйственном году в 291,96 золотых рубля (24,33 зол. руб. в месяц) средние базарные цены в этом году в Нижнем Тагиле были следующими: мука ржаная – 111 коп. за пуд, мука пшеничная – 187 коп. за пуд, картофель – 39 коп. за пуд, яйца – 49 коп. за десяток, масло топленое – 68 коп. за фунт, сахар-рафинад – 49 коп. за фунт, корова дойная – 86 руб., лошадь средняя крестьянская – 121 руб., соль – 3 коп. за фунт, керосин – 7 коп. за фунт, ситец – 45 коп. за аршин, сапоги – 14 руб. 90 коп. за пару [Уральский статистический ежегодник... 1925]. Сравнивая начало и середину 20-х гг., штабелъщица Высокогорского железного рудника Авдотья Максимовна Андрейцева вспоминала: «В голодуху мы робили хорошо... Вот, бывало, в лавке навесят тебе фунт муки да щепотку соли. Голодному трудно робить, а робили... Уж очень мы трудно двадцать первый год пережили. Потом стало налаживаться. По мешку ржаной дали, мясо давали, материю давали. Проса по полпуда отпускали. Жисть-то и пошла веселее...» [Были горы Высокой... 1935: 233–234].

Конечно, и в 20-е гг. были сложности. В сводках ОГПУ летом 1924 г. отмечалось, что зарплату на Нижнетагильском заводе выдали с задержкой в 4 месяца (в июле – только за апрель). В феврале 1926 г. в Тагиле произошли волнения завербованных на лесозаготовку рабочих из Белоруссии. Поводом для них послужило грубое нарушение руководством Нижнетагильского металлургического треста своих обязательств (несвоевременно выдавались продукты, к тому же недоброкачественные, не выдана спецодежда, не оказывалась медицинская помощь больным и т. п.). В октябре 1926 г. в Тагиле, как и в других районах Урала, произошли очередные продовольственные затруднения. Как отмечалось в сводке ОГПУ за сентябрь 1926 г., рабочие «снабжались мукой с большими перебоями» и «в крайне недостаточном количестве». Это привело к росту прогулов, поскольку многие рабочие пытались решить продовольственную проблему самостоятельно, а также к «распространению всякого рода панических слухов и усилению антисоветской пропаганды» [«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... 2001, т. 2: 129; т. 4, ч. 1: 129; т. 4, ч. 2: 626].

Тяжелейшие испытания революции и гражданской войны сказались на одежде населения. В 1917 – начале 20-х гг. оно вынуждено было пользоваться старыми запасами. При нехватке промыш-

ленных товаров в качестве материала женщины использовали мешковину, которая шла на юбки. Кофточки шили из марли. Значительная часть одежды была обменена на продукты питания на рынке. Еще хуже было положение с обувью. Ее плели из полос ткани и веревок, шили из парусины. Выручали и лапти, которые в особо торжественных случаях (например, к свадьбе) окрашивали ваксой в черный цвет.

По мере развития нэпа положение с промышленными товарами заметно улучшилось. Появились добротные шерстяные и хлопчатобумажные ткани, обувь. Оживилась деятельность частных портных, которые изготавливали верхнюю одежду и платье по журналам мод. Происходили изменения во внешнем облике и костюме молодежи. Косоворотка стала принадлежностью лишь будничной, рабочей одежды, в праздники под костюм надевали сорочку с манжетами и носили ее с галстуком или надевали манишку. Основным видом обуви по-прежнему оставались сапоги – хромовые, шевровые и, подешевле, – яловые, брюки чаще продолжали носить заправленными в сапоги и реже – навыпуск.

Новшеством в 20-е гг. стало значительное распространение одежды военного покроя. Ее носили не только бывшие военнослужащие и работники тех учреждений, где она была обязательной, но и значительно более широкие слои населения. Особой популярностью пользовались френчи и галифе. Иногда их специально шили из подходящего материала. Кожаная одежда – куртки и брюки – стали отличительным признаком руководящих партийных и советских работников [Крупянская, Полищук, Юхнева 1974: 235–237].

Как справедливо заметила Е. А. Осокина: «не стоит идеализировать нэп. Он не стал золотым веком ни для города, ни для деревни... Не изобилие, а относительное благополучие – островок между разрухой гражданской войны и голодной жизнью первой пятилетки – вот чем был нэп» [Осокина 1997: 37].

Однако с началом так называемой «сталинской модернизации», с переходом к форсированной индустриализации и сплошной коллективизации материально-бытовое положение тагильчан резко ухудшилось. Сооружение гигантов тагильской промышленности началось в 1931 г. Первые строители Новотагильского металлургического завода располагались в палаточном городке. Только в марте 1931 г. (спустя три месяца после начала строительства) был сооружен первый барак для строителей НТМЗ, а затем началась застройка

двух новых барачных поселков. Работавшая на строительстве огнеупорного завода Н. Я. Новоселова вспоминала: «В конце лета 1931 г. нас перевели на Огнеупорстрой. Вначале жили в палатках, рубили лес, пеньки динамитом рвали. Ямы потом водой заполнялись, мы ее использовали для питья, стирки белья. Осенью, когда наступили холода, нас перевели из палаток в бараки... В общем, очень неустроенной была тогда наша жизнь. Рабочие со стройки уходили и уезжали туда, где получше». Барачный городок был перенаселен. Дощатые стены, между которыми были засыпаны опилки, плохо спасали от холодной уральской зимы. Инженер Н. С. Боташев так описывал изменения в облике города, произошедшие после начала сооружения НТМЗ: «Появились поселки: Первая площадка, Вторая площадка, Центральный, Технический. Поселки были разбросаны по контуру будущего завода, часть из них была прямо в лесу. На Второй площадке начали строить одновременно 102 барака, примерно столько же было и на Первой площадке, по речке Вязовке... За железной дорогой вырос палаточный городок» [Васютинский 1990: 111].

Жилой фонд Новотагильского завода и его спутников – коксохимического и огнеупорного заводов – постепенно рос, но и в начале 1940 г. жилье на Техпоселке (где проживала основная масса строителей и эксплуатационников) состояло из нескольких брусковых домов и множества бараков. При входе в барачный коридор обычно располагалась большая печка, на которой сушили одежду и обувь. Вплоть до самого конца 30-х гг. бараки не делились на комнаты, а представляли собой сплошные ряды нар по обе стороны коридора или железных коек, застеленных соломенными матрацами. Семьи, проживающие в таких жилищах, в лучшем случае отгораживались кусками ткани, но часто и этого не было [Васютинский 1990: 124].

Таблица 4

**Жилой фонд некоторых строительных и металлургических предприятий Нижнего Тагила на 1 января 1940 г.
[НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 31. Л. 9]**

Предприятие или организация	Весь жилой фонд (кв. м)	В том числе в %:		Из всего жилого фонда оборудовано (в %):			
		Жилые дома	Баракы	Водопроводом	Канализацией	Центральным отоплением	Электроосвещением
Коксохимстрой	16 754	–	100,0	11,0	10,3	–	100,0
Тагилстрой	57 689	2,9	97,1	1,3	–	1,3	100,0
Высокогорское РУ	21 098	55,3	44,7	9,4	9,4	9,4	100,0
Завод им. Куйбышева	10 885	58,6	41,4	–	–	6,3	100,0
Огнеупорный завод	14 053	38,3	61,7	–	–	–	100,0
Новотагильский металлургический завод	34 058	66,2	33,8	38,2	38,2	23,7	100,0

Аналогичными оказались и жилищные проблемы первостроителей Уралвагонзавода. Нижний Тагил был перенаселен, поэтому разместить их всех в старой части города не удалось. Поэтому было занято много пустых домов, имевшихся в соседней Салке. Туда два раза в день курсировал трудовой поезд. На самой площадке и технический персонал, и рабочие жили сначала в шалашах. Затем появился палаточный городок. Наконец, перешли к сооружению бараков. К началу 1932 г. было сдано 2 690 кв. м жилой площади. Этого было явно недостаточно, и жилищный вопрос резко обострился.

Зиму 1931–1932 гг. вагоностроители провели в тяжелых условиях. Большая часть работавших жила в Салке и Нижнем Тагиле и поэтому ежедневно тратили по 6–7 часов на переезды, мерзли в дороге. А те, кто жил в холодных бараках на площадке, простывали ночью. Временный водопровод от Малой Кушвы несколько раз за зиму замерзал, часто оставляя площадку вовсе без воды. В этот период строительные работы также заключались главным образом в

постройке бараков и 8-квартирных стандартных домов. На 1 января 1933 г. весь жилой фонд площадки Уралвагонстроя составлял 48 тыс. кв. м. В центральном поселке было заселено 35 каркасных бараков, 23 фанерных, 33 щитовых, 4 брусковых дома и 9 так называемых домов «РД» – одного из типов стандартного дома. В поселке № 3 было 21 каркасных и 24 фанерных барака и на Красном бору – 9 каркасных бараков и один дом «РД».

Качество строительства было низким. «Утепление было сделано не везде и кое-как, – оценивал ситуацию Д. Н. Лоренцо. – Между тем зима выдалась очень суровой – морозы достигали сорока градусов. На площадке не было квартиры, где бы ночью не замерзала в ведрах вода. Однажды главный инженер строительства задремал за чаем, а проснувшись, с разочарованием увидел в стакане лед. По утрам часто воды не было даже чтобы умыться, а если и была, то ее надо было разогревать. В бараках-общежитиях печки-временки топилась круглые сутки, для чего были выделены специальные топники. Чтобы согреться люди в бараках, часто недостроенных, ложились на нары прямо в одежде и тесно прижимались друг к другу, чтобы согреться. С наступлением вечера площадка погружалась в темноту. Электрическое освещение имелось в очень немногих домах» [Лоренцо 1961: 49, 51, 57–58].

Прирост жилого фонда УВЗ составил (в тыс. кв. м): за 1934 г. – 60,8, за 1935 – 42,5. Однако это не означало систематического улучшения жилищных условий работников Уралвагонстроя и Уральского вагоностроительного завода. Хотя с 1936 по 1938 гг. жилая площадь УВЗ выросла более чем в 6 раз, обеспеченность жильем снизилась соответственно с 4,5 до 3,9 кв. м на каждого члена семьи рабочих. Три четверти домов завода были брускового и барачного типа, без водопровода, канализации и отопления. Тем не менее Вагонка росла, превращаясь в новый крупный район города. В начале 1937 года ее население достигло 60 тыс. чел. (около 41% жителей Нижнего Тагила). На 23 новых улицах поселка вагоностроителей располагалось 600 домов. К началу 1941 г. жилой фонд УВЗ достиг 164 тыс. кв. м., около 58% его состояло из постоянного жилья и 42% из бараков [Лоренцо 1961: 106; НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 214. Л. 43].

На архитектуре и пространственном расположении жилых районов города крайне отрицательно сказалась ведомственность первых пятилеток. Заводы Нижнего Тагила проектировались раз-

личными проектными организациями Москвы, Харькова и Ленинграда. Новые заводские поселки также разрабатывались архитекторами первой и второй столиц страны. Рассогласованность действий проектировщиков сказалась на не совсем удачном расположении жилых кварталов (например, Вагонка попала в зону господствующих ветров со стороны Ново-Тагильского металлургического и коксохимического заводов). Попытки привлечь к проектированию города силы лучших архитекторов страны дали лишь частичные результаты. Проекты жилых районов Красный камень, Ключики и Вагонстрой, в разработке которых принимали участие известные советские архитекторы 30-х гг. М. Я. Гинзбург и И. И. Леонидов, так и не были реализованы. Дело ограничилось сооружением отдельных домов на Красном Камне и в Дзержинском районе.

Грандиозные проекты 30-х гг. так и не были реализованы. И помешала этому не только война. Работа архитекторов велась разрозненно, координация деятельности различных архитектурных коллективов длительное время отсутствовала. Только в 1936 году был утвержден окончательный вариант генплана Нижнего Тагила, а еще спустя три года в городе организована первая проектная мастерская под руководством И. А. Комшилова для согласования проектов столичных архитектурных мэтров. Однако сколько-нибудь крупного вклада в развитие городской архитектуры это учреждение не внесло, а в годы войны его деятельность прекратилась. В том же 1939 году после длительных обсуждений правительство страны окончательно утвердило схему планировки Нижнего Тагила. В ней печально констатировалось фактическое наличие двух отдельных городов («существующего Тагила и поселка Вагонстороя») [Журавлева, Ковалева 1998: 415–416; Нижний Тагил 1997: 76, 123; Нижний Тагил – из прошлого в будущее... Нижний Тагил, 1999: 17].

Хотя к концу 30-х гг. в городе возникло уже немало новых жилых районов – на Уралвагонзаводе, руднике имени III Интернационала, техпоселок металлургов, поселки ТЭЦ, Красный бор, Валегин бор, Смычка, Красный Камень, Лебязка и другие, однако они не удовлетворяли нужд города. При росте населения Нижнего Тагила за три первые пятилетки в четыре раза жилой фонд города вырос только в 2,6 раза. Поэтому уровень обеспеченности жилой площадью, характерный для Нижнего Тагила первой четверти XX века, в годы первой пятилетки упал в 2,6 раза. Хотя с начала второй пятилетки он вновь стал увеличиваться, прежних размеров ему суждено

было достичь только в первой половине 60-х гг. Общий уровень благоустройства тагильского жилья был минимальным. Только электрическим освещением пользовался почти каждый тагильчанин. Водопроводом, канализацией и центральным отоплением было оснащено всего 6–8% жилой площади (см. табл. 6).

Таблица 5

Рост населения и застройки Нижнего Тагила*

Год	Населе- ние, тыс. чел.	Общая площадь жилых домов, тыс. кв. м	Количество домов	Общая площадь на одного жителя, кв. м
1916	44,0	240,0	–	5,1
1920	37,8	198,0	6 224	5,2
1926	38,8	246,7	7 388	6,4
1932	136,0	330,9	8 462	2,5
1940	172,5	691,7	–	4,0

* Нижний Тагил – из прошлого в будущее: История развития, перспектива застройки. Нижний Тагил, 1999. С. 26; Бакунин А. В., Цибульникова В. А. Градостроительство на Урале в период индустриализации. Свердловск, 1989. С. 34.

Несмотря на ограниченность денежных средств, выделяемых на социальное развитие, происходят некоторые сдвиги в транспортной инфраструктуре города. С 1934 г. начинается строительство городского трамвая, и в 1937 году он был пущен в эксплуатацию. Движение первоначально происходило по трем линиям протяженностью 5,1 км, которые обслуживались 16 вагонами. Всего за 1937 год было перевезено 3,2 млн пассажиров, иными словами, каждый тагильчанин совершил за год всего 21 поездку. В 1940 году протяженность трамвайных путей увеличилась до 17,5 км. Был открыт новый протяженный маршрут Уралвагонзавод – центр города. Число перевезенных трамваем пассажиров возросло до 15 млн, а число поездок на 1 жителя – до 83. Новый вид городского транспорта постепенно становился важнейшим средством передвижения, вытесняя традиционных извозчиков. В 1933 году на средства промышленных предприятий Нижнего Тагила было организовано автобусное сообщение по маршруту: Уралвагонстрой – Металлургический завод имени Куйбышева – Рудник имени III Интернационала. В 1938 году автобусный парк города состоял из 29 машин. Однако, в отличие от трамвайного, автобусное сообщение было крайне нерегулярным, кроме того, автобусы обслуживали лишь работников

«своих» предприятий. В крайнем случае можно было воспользоваться услугами попутной грузовой машины (легковых было очень мало и ездило в них главным образом начальство) [НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 499. Л. 12, 146; Маслов 2002].

Таблица 6

**Благоустройство жилищного фонда Нижнего Тагила
(по состоянию на 1 января 1941 г.) [НТГИА. Ф. 128. Оп. 1.
Д. 31. Л. 15–15 об.; Д. 55. Л. 16]**

Виды благоустройства	Обобщественный фонд		Индивидуальный фонд		Весь фонд	
	Кв. м	%	Кв. м	%	Кв. м	%
Весь жилой фонд	493 182	100,0	198 506	100,0	691 688	100,0
В том числе оборудованный:						
Водопроводом	56 338	11,4	8	0,0	56 346	8,1
Канализацией	50 273	10,2	–	–	50 273	7,3
Центральным отоплением	44 698	9,1	–	–	44 698	6,5
Электрическим освещением	478 096	96,9	194 736	98,1	672 832	97,3

Значительный рост населения, приток на стройки и предприятия города десятков тысяч новых людей в годы «сталинской модернизации» резко обострили бытовые проблемы в Тагиле. Главным для партии было производство, люди же всегда оставались на втором плане. В конце 20-х гг. Нижний Тагил, подобно всем городам страны, вновь переходит на карточную систему. Торговля (впервые в мирное время) заменяется распределением.

Карточная система, действовавшая до 1935 года, не позволяла обеспечить все потребности тагильчан. Горожане были прикреплены к строго определенным распределителям, где они отоваривались. Как правило, полностью государство отоваривало только хлебную пайку. Например, бурильщику Высокогорского железного рудника, снабжавшемуся по первому списку, полагался на месяц пуд муки. Прочие продукты (не говоря уже о промышленных товарах) люди порой не видели месяцами. Для начальства и для иностранных специалистов, работавших по контрактам зарубежных фирм, были особые магазины-распределители и столовые, располагавшие широким выбором товаров и продуктов. Снабжение основ-

ной массы тагильчан было скудным. В наиболее тяжелом положении оказались спецпереселенцы, которые нередко ходили по помойным ямам и собирали отбросы.

На эти общие трудности накладывались проблемы новых жилых поселков стремительно растущего города. Материально-бытовое обеспечение населения новых поселков приходилось организовывать практически с нуля. Так, отдел рабочего снабжения Уралвагонстроя (ОРС УВС) имел в первой половине 30-х гг. крайне скудную собственную продуктовую базу. Он был не в состоянии даже наладить снабжение продуктами, поступавшими на строительство в счет выделявшихся фондов. Не лучшим было положение и на Тагилстрое. Например, зимой в магазинах-распределителях хлеб приходилось не резать ножом, отмеряя очередную пайку, а подчас пилить пилой. Лишь после увеличения оборотных средств ОРСов Тагилстроя и Уралвагонстроя после второго приезда Г. К. Орджоникидзе удалось завершить постройку ряда магазинов, овощехранилищ и баз. Вообще нарком обожал выступать в роли доброго Деда Мороза. Директор Высокогорского железного рудника А. А. Давыдов вспоминал, что при посещении Орджоникидзе предприятия в 1933 г. нарком узнал, что ВЖР сработал с большой прибылью. Обрадованный Серго разрешил 50% сэкономленных средств израсходовать на рудничные надобности. Благодаря этому гора Высокая смогла израсходовать 350 тысяч рублей на собственную продовольственную базу, на благоустройство рабочих квартир, на ясли и детсады. Это сильно помогло улучшению бытовых условий рабочих и ИТР [Были горы Высокой 1935: 364].

На строительстве Уралвагонзавода уже в июне 1931 г. приступили к постройке столовой, которую сдавали в эксплуатацию частями: сначала отделение для приготовления пищи, затем не обшитый с боков вплоть до поздней осени навес – «обеденный зал». К годовщине революции на площадке был введен барак, в котором располагался закрытый рабочий кооператив – первый магазин Вагонки. Другим новшеством стала первая коммунальная баня, пропускавшая в смену 30–50 человек, в зависимости от подачи воды, которую первоначально доставляли лошадьми в бочках.

Очень плохо работала сеть Нарпита на Уралвагонстрое. Даже в «литерной» столовой на второе блюдо обычно давали кашу из сечки, которая так готовилась, что имела крайне неприглядный вид. Положение в начале 1933 г. было столь напряженным, что потребо-

валось специальное постановление Уралобкома ВКП(б) об улучшении бытовых условий вагоностроителей. Часть строителей были вынуждены снять с промышленных объектов и перебросить на культурно-бытовое строительство [Лоренцо 1961: 58]. Ситуация на других городских новостройках была не лучше вагонской.

В 1932–1933 гг. Нижний Тагил оказался в зоне голода, охватившего всю страну. Распространение неизбежной спутницы голода – цинги – было столь значительным, что в июне 1932 года городские власти запросили у областных экстренные поставки щавеля, картофеля, квашеной капусты, свеклы, моркови, ревеня, гороха.

Помимо карточек людей выручали свои огороды, скот и птица, но их держали в основном те, кто жил в собственных домах. Преимущественно это были жители старой части города, работавшие на возникших еще до революции предприятиях. Так, например, в апреле-мае 1929 г., по данным переписи рабочих промышленности, около 21% рабочих Высокогорского рудника имели посеы, около 52% – покосы, 56% – огород, около 52% – коров и около 43% – рабочий скот. В 1934 г. на Нижнетагильском металлургическом заводе из 8 954 работающих семей 2 500 (27,9%) располагали собственными огородами. Число рабочих, имеющих личное подсобное хозяйство, на новых предприятиях города (УВЗ, Новотагильском металлургическом заводе и других) было значительно меньшим [История индустриализации Урала... 1967: 359; Денисевич 1991: 59, 71].

Другим подспорьем был рынок. Но географическое положение Нижнего Тагила, меньшая развитость сельского хозяйства в северных районах Свердловской области обусловили относительно небольшие объемы продаж на рынках города. Руководство областной торговли совершенно справедливо включало Тагил «в города с ослабленным базарным привозом» [Продовольственная безопасность Урала в XX веке... 2000, т. 2: 175]. В расчете на душу населения в Нижнем Тагиле продавалось в несколько раз меньше хлебных продуктов, мяса, животного масла, яиц, чем в большинстве других городов Урала.

Таблица 7

**Реализация сельскохозяйственных продуктов
на душу населения на колхозных рынках
некоторых городов Урала в 1937 г.***

Города	Число рынков	Хлебные продукты** (кг)	Картофель (кг)	Капуста (кг)	Мясные продукты*** (кг)	Молоко (л)	Масло коровье (кг)	Яйца (штук)
Оренбург	1	7,0	3,7	2,1	11,5	6,5	0,5	2,4
Орск	1	5,3	1,8	0,7	4,3	0,7	0,4	2,5
Пермь	5	0,6	1,2	1,0	3,7	1,5	0,04	0,4
Нижний Тагил	2	0,08	3,7	1,3	1,5	1,4	0,02	0,5
Березники	2	0,006	3,4	1,3	2,5	0,7	0,05	0,8
Златоуст	1	0,2	4,0	0,06	3,6	0,02	0,1	1,3
Уфа	9	6,7	4,5	1,5	9,2	6,6	1,0	2,9
Ижевск	5	3,5	5,9	0,6	7,1	2,0	0,1	2,2

* Подсчитано по данным: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 35. Д. 167в. Л. 25–26; Всесоюзная перепись населения 1937 года. Краткие итоги. М., 1991. С. 63–65.

** Рожь, пшеница, мука ржаная, мука пшеничная, крупа всякая.

*** Говядина, баранина, свинина.

Рыночные цены на продовольственную продукцию были более высокими, чем на продукты в сети нормированного снабжения. В голодном 1933 г. при среднемесячной заработной плате тагильских рабочих в 100–200 руб. рыночные цены в городе колебались в следующих пределах (за 1 кг): ржаная мука (появлялась в продаже только эпизодически) – 7,5–14 руб., говядина – 13–20 руб., картофель – 1,8–3 руб. Литр молока стоил от 3 до 5 руб., а десяток яиц – 9–15 руб. К тому же нужно добавить, что открытая продажа муки на рынках города была чрезвычайно редкой. Как отмечал информатор Тагильского городского финансового отдела Бурдаков: «мучной подвоз совершенно отсутствует, бывает мука, которую до рынка не доносят и продают таковую где-нибудь за углом или в стороне. Спрос на муку и другие продукты очень огромный, т. к. имеются перебои в плановом снабжении рабочих и служащих». Спрос в огромной мере превышал предложение, поэтому «какие бы продук-

ты питания на рынок не вывозились, все покупается быстро», «реализуются так быстро, что всегда наблюдаются очереди у продуктов» [НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 13. Л. 18–18 об., 19 об., 37 об., 40–40 об., 46 об., 63–63 об., 76–76 об., 81–82, 94–94 об., 119–119 об., 127–127 об., 140–140 об.].

По мере постепенного улучшения экономической ситуации во второй и третьей пятилетках происходил рост продаж на рынках Нижнего Тагила, и рыночные продукты становились более доступными тагильчанам. В 1940 г. среднемесячная заработная плата рабочего на Нижнетагильском коксохимическом, Новотагильском металлургическом и Уральском вагоностроительном заводах составляла соответственно 408, 407 и 442 рубля. Средние же цены на рынках города на 25 января 1940-го и 1941-го гг. были следующими (руб. за кг): мука ржаная – 3,1; картофель – 1,2; говядина – 16 и 23; свинина 25 и 27. Литр молока стоил 4 руб., а десяток яиц соответственно 12 и 16 руб. [Денисевич 1991: 179, 180; Антуфьев 1981: 85].

Таблица 8

**Реализация сельскохозяйственных продуктов
на колхозных рынках Нижнего Тагила в 1933 и 1937 гг.***

Продукты	1933	1937	%
Хлебные продукты (в ц)**	56,1	119,2	212,5
Картофель (в ц)	306,9	5 418,4	1765,5
Капуста (в ц)	132,5	1 844,7	1392,2
Мясные продукты (в ц)***	709,3	2 272,9	320,4
Молоко (в тыс. л)	160,9	211,0	131,1
Масло коровье (в ц)	59,5	22,7	38,2
Яйца (в тыс. дес.)	6,5	8,0	123,1

* Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 35. Д. 167в. Л. 26; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 13. Л. 19, 37, 46, 62, 64 об., 82 об., 95 об., 100 об., 117 об., 120 об., 124 об., 134 об., 141 об.

** Рожь, пшеница, мука ржаная, мука пшеничная, крупа всякая.

*** Говядина, баранина, свинина.

Особенно тяжелым было положение с промышленными товарами. Одежда, обувь, мебель и домашняя утварь стали настолько дефицитными, что ими часто награждали передовиков производства в качестве высшей награды. Большинство тагильчан в 30-е гг. одевалось очень скромно. Так, например, известный тагильский журналист Ю. П. Злыгостев, составитель и литообработчик книги «Были горы Высокой», в 1930 году предстал перед рабочим Григорием

Быковым в таком виде: «Я взглянул на его ботинки и засмеялся: большие были, стоптанные и носки кверху загнуты, ровно елевый сук в погоду хорошую. Ну, и брючишки на нем не прыткие». Как показало одно из ретроспективных исследований уральских социологов, факт приобретения первого выходного костюма в жизни людей 30-х гг. был одним из самых важных событий в жизни. Ветераны (спустя 40 лет) без особых усилий вспоминали год и месяц его появления, цвет, материал и даже те чувства, которые они при этом испытали.

В 1935 году карточная система в снабжении была отменена. Постепенно росло количество торговых заведений города. В 1940 г. в Нижнем Тагиле работали 223 розничных магазина, 83 ларька, более 80 столовых и буфетов. Розничный товарооборот торговли в этом году составил 277 млн руб., а общественного питания – 46 млн руб. К концу 30-х гг. материально-бытовое положение горожан немного улучшилось. В продаже стали появляться новые товары – электроплитки, электроутюги, патефоны, радиоприемники, электрочайники. Правда, количество их было крайне невелико, и для большинства горожан они оставались экзотикой.

Но и во второй половине 30-х гг. нередко возникали перебои со снабжением населения отдельными товарами. Один из таких кризисов разразился в конце 1936 – начале 1937 годов. Перебои в снабжении населения хлебом привели к огромным очередям. Как отмечал специально посланный в Свердловскую область с проверкой работник Наркомата внутренней торговли СССР Хохлов в феврале 1937 г.: «Надо отметить, что не только в Свердловске имеют место очереди за хлебом, таковые еще в большем размере мне пришлось наблюдать в Тагиле, там идя с вокзала в город в 4 часа ночи на улицах около хлебных магазинов были очереди от 200 до 250 чел.» [Продовольственная безопасность Урала в XX веке... 2000, т. 2: 169].

Еще более чудовищный кризис разразился в начале 1940 г. Тагильчанка Прасковья Степановна Клементьева, мать двух детей в возрасте от 9 месяцев до 3,5 лет, в отчаянии писала И. В. Сталину: «Кормить ребенка совершенно нечем. Раньше хотя при консультации работала молочная кухня. Теперь она закрыта. Готовить не из чего. Все магазины пустые, за исключением в небольшом количестве селедка, изредка если появится колбаса, то в драку. Иногда до того давка в магазине, что выносят людей в бессознательности. Иосиф Виссарионович, что-то прямо страшное началось. Хлеба, и то, надо идти в 2 часа ночи стоять до 6 утра и получишь 2 кг ржаного

го хлеба, белого достать очень трудно. Я уже не говорю за людей, но скажу за себя, я настолько уже истощала, что не знаю что будет дальше со мной. Очень стала слабая, целый день соль с хлебом и водой, а ребенок только на одной груди, молока нигде не достанешь. Если кто вынесет, очередь не подступиться. Мясо самое нехорошее – 15 руб., получше – 24 руб. у колхозников. Вот как хочешь – так и живи». Почти одновременно с письмом П. С. Клементьевой в ЦК ВКП(б) поступили письма тагильских коммунистов учителя школы № 29 И. Н. Фролова и журналиста «Тагильского рабочего» С. Мелентьева. Более информированный Мелентьев приводил убийственные факты диких очередей, гибели скота в личных подсобных хозяйствах тагильчан [Кризис снабжения... 1996: 8–9, 11–13]. Результатом таких кризисов стало стихийное введение распределительной системы вновь, хотя она и не признавалась официально властями.

Таким образом, материально-бытовое положение тагильчан в 1917 – начале 1941 годов сильно зависело от политических процессов в стране. Дважды – в годы гражданской войны и голода 1921–1922 гг. и в период «сталинской модернизации» 30-х гг. – жизненные условия горожан ухудшались настолько, что часто ставили их на грань выживания.

Этикетки пищевых продуктов. 1919 год
(НТГИА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 12. Лл. 11 об., 116 об.)

Первое трамвайное кольцо по улице Ленина.
1930-е годы (НТГИА. К-1. Оп. 1П. Д. 1674)

3.2. Жилищная сфера в Нижнем Тагиле в годы Великой Отечественной войны: на пределе возможного

На всем протяжении российской истории XX века жилищная проблема была одной из самых острых. Катаклизмы мировых и гражданской войн, ускоренная урбанизация конца 20-х – 30-х гг. и ее продолжение в 50–60-е гг. в совокупности привели к тому, что несколько поколений жителей российского города не знали иного местожительства, кроме землянки, барака или в лучшем случае – коммунальной квартиры. Лишь начавшаяся во времена хрущевской «оттепели» своеобразная жилищная революция позволила начать постепенный переход к наделению городской семьи отдельной квартирой.

Трансформация страны на рубеже XX–XXI вв., сопровождавшаяся резким экономическим спадом и новыми миграционными волнами, отрицательно сказалась на всей социальной проблематике

Российской Федерации, включая и жилищный вопрос. Найдется ли решение этой проблемы на путях ипотечного кредитования – ответ на этот вопрос даст только будущее. Попытаемся рассмотреть, как решалась эта острая проблема в Нижнем Тагиле в тяжелейший период Второй мировой войны.

К началу 40-х гг. Нижний Тагил едва начал выбираться из жилищного кризиса, порожденного ускоренной «сталинской модернизацией». За 1926–1939 гг. население города увеличилось в 4,1 раза, а жилищный фонд – только в 2,8 раза. В результате обеспеченность жилой площадью на душу населения снизилась с 6,4 до 4,0 м² [Нижний Тагил – из прошлого в будущее... 1999: 26].

Начавшаяся война вызвала перемещение огромных масс населения. В ходе двух волн эвакуации (вторая половина 1941 и лето-осень 1942 гг.) максимальное количество эвакуированных на Урале дважды достигало цифры в 1,5 млн чел. [Корнилов 1993: 98]. Нижний Тагил принял, по официальным данным, 280 тыс. приезжих, в том числе в одном только Дзержинском районе было размещено 70 тыс. чел. [Великая Отечественная война... 1985: 488; Дзержинский район – 98... 1998: 2]. В начале 1943 г., когда численность населения достигла максимума, в Нижнем Тагиле проживало, по оценке городских властей, не менее 420 тыс. чел. [НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 499. Л. 47 об.] (цифра числа эвакуированных по Нижнему Тагилу вызывает сомнение, поскольку, по данным Г. Е. Корнилова, опирающимся на данные центральных статистических органов, в Свердловской области максимальное число эвакуированных в города составляло 393,1 тыс. чел. Таким образом, получается, что в одном только Нижнем Тагиле (население которого в течение войны составляло от 12% до 16% городского населения области) было размещено свыше 70% всех эвакуированных. Это явно за гранью здравого смысла. Значительно завышены, по нашему мнению, и оценки населения Нижнего Тагила к концу 1941 г. в 500 или даже более 500 тыс. чел. См. например: [Урал – фронту 1985: 31; Фахретденова 2004: 6]. Прибытие десятков тысяч эвакуированных превратило проблему жилья в одну из самых жизненно важных.

Самый простой выход заключался в уплотнении жилищного фонда. Председатель Нижнетагильского исполкома Иван Афанасьевич Непомнящий собирал председателей уличных комитетов, которые в свою очередь уговаривали владельцев частных домов принять у себя эвакуированных. Хотя большинство соглашалось, но были и

случаи отказов – далеко не все хотели обременять себя дополнительными заботами. Что касается квартир ведомственного жилья, то с ними было проще. Сверху спускали разнарядку и подселяли в пустующие комнаты или на «излишнюю жилплощадь» [Литвинова 2000: 17]. Одновременно из города стали в принудительном порядке выселять «неблагонадежных» (служивших раньше в белой армии, раскулаченных и т. п.), хотя, конечно, «освободившегося» таким образом жилья было немного [Из списка работников завода № 183 им. Коминтерна... 1996: 102–104].

Воспоминания Николая Ивановича Манакова рисуют следующую типичную картину: «Жили мы в полукаменном доме на углу улиц Комсомольской и Дзержинского. В квартире, где мы обитали, было четыре комнаты. Одну занимали торговые работники, мать с дочерью, другую – Дурымановы – мать с двумя детьми. В нашей комнате жили четверо – мать, отец, и я с сестрой. Четвертая комната временно пустовала. Во время войны, в начале 1942 г., туда поселили четыре разных семьи. В одном углу жили мать с сыном (армяне), в другом углу муж с женой, оставшуюся площадь занимали два бухгалтера-одиночки. В каждой комнате стояла печь, которую топили дровами или углем. Топливо покупали или выписывали. Крыша в доме была дырявой. Когда начинался дождь, приходилось подставлять тазы и ведра» [Архив автора. Воспоминания Н. И. Манакова]. Причем тяжело было не только рядовым тагильчанам, но и людям, занимающим высокие посты. Так, семья академика Е. О. Патона из 5 взрослых человек получила комнату в благоустроенном доме. На ночь всю мебель приходилось выставлять в коридор, чтобы разместить там раскладушки и стулья для сна [Янтовский 1985: 159].

Дополнительное вселение в дома новых семей изменило функциональное использование помещений. В кухне, где только готовили пищу и ели в будничные дни, теперь кто-то спал, в общей комнате, где семья собиралась в праздничные и воскресные дни за обедом, временно жила семья эвакуированных и т. п. К концу 1941 года в каждой из 49 тысяч квартир Нижнего Тагила жило не меньше, чем по 2–3 семьи, плотность заселения достигала 2,4 м² на человека [Кириллов 1996: 8].

Однако одним только подселением было не обойтись. Чтобы получить недостающие места, проводилось интенсивное строительство временных жилищ: каркасно-засыпных бараков и землянок. Для эвакуированных одной только «Вагонки» в спешном порядке

были возведены дополнительные рабочие поселки: Новый, Восьмой, Восемь «А», Девятый, Петриковский, Молодежный городок [Дзержинский район – 98... 1998: 2]. Подобные городки вырастали в центре города, на Красном Камне, на Вые и Гальянке. Уже за сентябрь 1941 – декабрь 1942 годов отдел капитального строительства УВЗ-УТЗ ввел в эксплуатацию 190 каркасно-засыпных бараков и 334 землянки, в которых было расселено 33 тыс. человек. Кроме того, 29 тыс. эвакуированных было распределено по семьям рабочих УВЗ в порядке уплотнения [НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 220. Л. 28–29; Д. 253. Л. 95]. Всего за 1941–1945 календарные годы на Уральском танковом заводе было введено 23,4 тыс. м² постоянного жилья и 108,7 тыс. м² бараков. Тагилстрой-Тагиллаг за тот же период построил 54,3 тыс. м² только постоянного жилья [НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 214. Л. 43; Д. 245. Л. 45; Д. 284. Л. 38; Д. 321. Л. 14; Д. 357. Л. 32; Из акта сдачи-приемки Тагилстроя... 1996: 217, 221].

Технология изготовления землянок была очень проста. Открытую в мерзлой земле траншею разделяли на секции из 4–6 комнат, по 6–8 м² каждая. Стены и пол обшивали досками, настилали пол, делали деревянные нары, столы, табуреты. Крыша засыпалась землей, наружу выводились дымовые трубы от железных печек, установленных в каждой комнате, где селилась семья из 2–4-х человек. Такие землянки – даже при топившейся круглые сутки печке – все же не спасали от холода, так как уральские морозы доходили до минус 40–45°С [ХПЗ – Завод имени Малышева... 1995: 292–293]. «Устройство на новом месте не заняло много времени, – подчеркивал эвакуированный из Харькова Виктор Антонович Роденко. – Самы построили землянку, установили железную “буржуйку”, затопили – дыма полная “комната”, но жить можно» [Роденко 1989: 125]. Внутреннее убранство этого жилища составляли «буржуйка» с трубой наружу и различные топчаны, которые использовались и в качестве стола, и в качестве кроватей. Как вспоминал Петр Хаймович Котляр, приехавший в Тагил с Московским станкостроительным заводом: «Согреться в них (землянках) можно было только возле горячей печки. Но сначала надо свалить в лесу дерево, притащить его на себе, распилить и расколоть – всем этим приходилось заниматься после двенадцатичасового рабочего дня» [Котляр 1989: 151].

Не лучше были условия проживания и в бараках. «Выдали ордер на жилье, – вспоминала эвакуированная из Харькова К. И. Шейченко (Печеницына). – Моему отцу, Ивану Семеновичу Шейченко, и семье

Абрама Яковлевича Бланка досталась комната в 14 м² в бараке. В нашей семье шесть человек, у Бланка – четверо. Построили нары: слева – для нас, справа – для соседей. Что делать? Война!» [Печерицына 2000: 5]. По воспоминаниям бригадира комсомольско-молодежной фронтовой бригады Марии Наумовны Липовской: «В общежитии... нас было двадцать две в комнате. Девчата приехали из Харькова, Ленинграда, Самарканда, Киева и других городов и деревень... В дощатом, наспех построенном бараке, гулял ветер. Топили сами, но угля не было, а торфом удавалось поддерживать температуру ненамного выше, чем на улице. Чтобы было теплее, мы сдвигали кровати, ложились по двое, навалив на себя матрацы, платки, телогрейки...» [Липовская 1989: 163]. Ей вторит Н. А. Горинов: «Выдали нам наматрасники и наволочки, отвели на дровяной склад, где мы набили их опилками, и поселили в бараки, по 15–20 человек в комнате. В каждом бараке имелся воспитатель, зимой – истопник, обычно из инвалидов. Топить приходилось круглосуточно, так как стены были со щелями и – топи не топи – температура в комнатах минусовая» [Горинов 1989: 168]. Корреспондент городской газеты так описывал ситуацию в барачном фонде металлургов: «В бараке № 6 Новотагильского завода до сих пор не отремонтирована крыша, стекла не вставлены, рамы не замазаны. Очень часто не бывает дров, и поэтому рабочие не имеют возможности приготовить себе пищу... А ведь скоро зима» [Васильев 1942].

В особенно тяжелом положении находились заключенные Тагиллага и представители депортированных народов. А. А. Шмидт, прибывший в Нижний Тагил 17 февраля 1942 года в первом эшелоне мобилизованных в трудовую армию советских немцев, так вспоминал о своем первом жилье: «Поселили нас за колючей проволокой Тагиллага на территории старого кирпичного завода в наскоро сколоченный из сырых нестроганных досок сарай. Так появился спецотряд, которому присвоили номер 18-74. В сарае холод, как на улице, зимний ветер заносит в щели снег. Нары трехэтажные, сплошные, из тех же досок, что и стены, без постельных принадлежностей. Спали одетыми, не умывались» [Шмидт 1994: 248]. По состоянию на 15 мая 1943 года 37 тысяч заключенных Тагиллага были буквально спрессованы в 103 бараках и 57 землянках общей площадью всего 55,5 тыс. м². В расчете на одного заключенного приходилось 1,5 м² жилья [Кириллов 1996, ч. 2: 14–15].

Газеты военных лет пестрят мрачными сообщениями. «В большом бараке, разбитом на отдельные комнаты живут молодые рабочие из восьми разных цехов. В комнатах грязно и неуютно. Дощатые стены ссохлись, образовались щели. “Окном не пользуемся, нам и через стенку видно, что делается на улице”, – заявляет Иван Иосифович Ишков. Общежитие не оштукатурено, не законопачено. Коммунальщики говорят, что это – дело цехов, а цеха ссылаются на коммунальщиков. Изнутри помещение тоже не радует. Мрачные стены, темные потолки и в тон им месяцами не стиранное постельное белье, грязные одеяла и подушки. “И умываться не хочется, – говорит Михаил Пархоменко, – ну что это за порядки: уборщица моет пол один раз в три дня. Комнат для хранения вещей нет. Раз в месяц снимут постельное белье для стирки и кровати остаются оголенными – смены нет”. В комнате живет 25 человек» [Ларин 1944].

Особенно тяжелые условия складывались в части общежитий, где не было заботы администрации и жильцов об условиях проживания. Даже в 1944 году встречались такие примеры. «В общежитии на улице Тельмана № 34 холодно, хотя дрова имеются. Полы грязные, хотя уборщица обязана их мыть через день. Постельное белье лучше в чистку не давать, так как прачечная возвращает его в более грязном виде, чем оно было до стирки. В коридорах и уборной лампочек нет. Не всегда в общежитии бывает сырая вода, не говоря уже о кипяченой. Если к этим “удобствам” добавить еще что на 5 человек имеется три табурета, то понятно, почему у коменданта никто, кроме клопов, а их достаточное количество, жить не хочет» [Тагильский рабочий. 1944. 29 марта]. «В комнате цеха, где начальник Веретник, – сообщалось в другой корреспонденции, – живут выпускники ремесленного училища из школы ФЗО. Здесь также неуютно, как и в других комнатах общежития. В грязи развелись клопы, и вместо отдыха жильцы вынуждены воевать с ними. Если простыни меняются регулярно, то наволочки не чаще раза в месяц. В комнате рабочих механосборочного цеха постельное белье поменяли один раз за полтора месяца. На двадцать жильцов здесь одна табуретка и одно полотенце» [Ларин 1944]. Там же, где жильцы и работники общежитий предпринимали хотя бы минимальные усилия, ситуация выглядела иначе. Вот как описывалось одно из общежитий ФЗО: «В просторной комнате светло, чисто, тепло, аккуратно. Приятно смотреть на аккуратно заправленные новые железные

кровати. Каждый живущий здесь имеет полный комплект постельных принадлежностей. На окнах занавески с яркими цветочками, любовно вышитыми девичьими руками» [Спивак 1944].

Сильное влияние на состояние общежитий оказывали партийные и профсоюзные организации предприятий. Так, во время проведения «недели чистоты» осенью 1942 года все проживающие в общежитиях Уральского танкового завода прошли дезинфекционную обработку и посетили баню. Бараки были промыты и продезинфицированы. Строгая партийная комиссия дважды – в начале «недели чистоты» и после ее завершения – проверила состояние общежитий. Итоги, приведенные в таблице, свидетельствуют об определенных сдвигах.

Таблица 1

**Оценка состояния общежитий УТЗ № 183 партийной комиссией
во время «недели чистоты» осенью 1942 года
[НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 272. Л. 81]**

Состояние общежитий	На 1 ноября		На 18 ноября	
	%	Число проживавших	%	Число проживавших
Образцовые	1	138	5	690
Хорошие	25	3 450	57	7 866
Удовлетворительные	43	5 934	38	5 244
Неудовлетворительные	31	4 278	–	–
Всего	100	13 800	100	13 800

Постепенно строители переходили на более совершенные виды временного жилья. Трест, где начальником был Павлов, в течение 1942 года освоил строительство грунтоблочных щитовых домов. На площадках монтировалась установка для изготовления грунтовых блоков. Глина бралась прямо из котлованов здания, что не требовало затрат на ее транспортировку. Из безобжиговых грунтоблоков сооружались двухэтажные дома. Перегородки этих домов заготавливались в мастерской и представляли собой щиты, сколоченные из реек – отходов лесопиления, залитых алебастровым раствором. Еще одним типом более приспособленного для нужд жителей временного жилья были одноэтажные щитовые дома. Материалом для заполнения щитов являлась шлаковата. Основное преимущество этих домов заключалось в концентрации заготовок всех деталей на механизированном строительном дворе. Это резко ускоряло

ло монтаж зданий. В качестве кровли применялись отходы деревообработки – дрань и пеки [Тагильский рабочий. 1943. 4 февраля].

Структура жилого фонда города в первые два военных года резко ухудшилась. Если в начале 1941 года жилые дома составляли около 55% обобщественного жилого фонда, а бараки – 44%, то в начале 1943 года доля домов уменьшилась до 48%, бараков – до 43%, а около 10% жилого фонда приходилось на временные и приспособленные помещения (клубы, амбары, землянки и т. п.). Лишь к концу войны структура обобщественного жилищного фонда вновь приблизилась к довоенной.

Таблица 2

**Обобщественный жилой фонд города Нижнего Тагила
в 1941–1945 гг. (на начало года) [НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 55.
Л. 2, 7, 8, 16]**

Жилфонд и его населенность	1941	1943	1945	%		
				1941	1943	1945
Весь обобщественный жилфонд (м ²)	493 182	682 935	645 215	100,00	100,00	100,00
в том числе дома	269 736	326 733	351 870	54,69	47,84	54,54
бараки	217 876	291 605	286 975	44,18	42,70	44,48
прочие строения	5 570	64 597	6 370	1,13	9,46	0,99
Проживало (чел.)	108 653	166 123	137 269	100,00	100,00	100,00
в том числе в домах	53 829	78 314	69 740	49,54	47,14	50,81
в бараках	53 447	72 676	66 224	49,19	43,75	48,24
в прочих строениях	1 377	15 133	1 305	1,27	9,11	0,95

Ситуация на части предприятий Нижнего Тагила была еще более тяжелой, чем по городу в целом. Доля бараков на огнеупорном и коксохимическом заводах Нижнего Тагила в конце войны составила 60–70% всей жилой площади. Также преимущественно из бараков состоял и жилой фонд Ново-Тагильского металлургического завода. В 1943 г. в бараках проживало более 85% работников НТМЗ. При чем обеспеченность жильем на этом заводе в 1944 г. составляла всего 1,8 м² [Айрапетов, Панфилов 1978: 77].

Данные таблицы 3.10 в части, касающейся населенности жилого фонда, вызывают у нас некоторые сомнения, поскольку резко расходятся с данными о численности населения города в военное время. Конечно, кроме жилья местных Советов, предприятий и организаций имелись и частные дома, но к началу 1945 года их площадь составляла около трети общественной. Усиливают недоверие к официальной статистике и некоторые архивные данные. Так, в отчете Нижнетагильского горисполкома за 1943 – первую половину 1944 годов прямо говорится, что обеспеченность жилой площадью в Нижнем Тагиле составляет всего 2,24 м² на человека [НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 499. Л. 11]. Между тем данные приводимой ниже таблицы рисуют более радужную картину: по обобществленному фонду на начало 1943 г. – 4,11 м², а на начало 1945 г. – 4,70 м². Если пересчитать сведения с учетом реальной, а не мнимой обеспеченности, тогда мы выходим на численность городского населения, близкую к 400 тыс. чел. (обобществленный жилой фонд на начало 1943 г. составлял 683 тыс. кв. м., индивидуальный – примерно 203 тыс. м². Исходя из обеспеченности 2,24 м² на человека, нетрудно подсчитать, что в городе проживало 395 тыс. человек. Партийные органы имели информацию о том, что на начало 1943 года численность тагильчан достигла 324 тыс. чел., но не вполне ясно, учитывался или нет спецконтингент).

Весьма низкой оставалась и обеспеченность жилого фонда города элементами благоустройства (см. табл. 3). Согласно отчетам статистического отдела горисполкома по жилфонду, примерно десятая часть обобществленного жилья была обеспечена водопроводом, канализацией и центральным отоплением. За годы войны уровень благоустройства жилищного фонда повысился крайне незначительно.

Следует, впрочем, сразу отметить, что имеются и иные, гораздо менее оптимистичные данные, представлявшиеся горкомхозом и межрайонными бюро по инвентаризации в областные органы статистики, согласно которым центральным отоплением было обеспечено только 6,1% всего городского жилья, водопроводом – 8,0%, канализацией – 0,9% (в том числе обобществленного соответственно 8,1%, 10,6% и 1,1%) [НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 55. Л. 13]. Однозначно оценить, в каком случае статистические органы были более точны, достаточно сложно. Мы можем лишь предполагать, что более «оптимистические» данные – это количество жилья, присоединенного к соответствующим сетям, а более «мрачные» – жилье, где системы

водо- и теплоснабжения реально функционировали (интересно отметить, что авторы известного этнографического исследования о нашем городе (также со ссылкой на отчеты Нижнетагильского городского отдела коммунального хозяйства) сообщают, что «в начале 40-х годов сетью водоснабжения не обслуживалось и 20% городского населения, а канализацией – всего лишь 5,8%». См. [Крупянская и др. 1974: 15]. Поистине распутывать хитросплетения тагильских статистиков военной поры предстоит еще многим историкам). В отчете горисполкома 1944 года признавалось, что строительство водопровода не закончено, имеется много недоделок, к сооружению разводящей линии еще не приступили. Строительство городской канализации заморожено. Добавим к этому, что Дзержинский район, поселок рудника имени III Интернационала, Тагилстрой получали воду через сеть промышленного водопровода из загрязненного Тагильского пруда [НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 499. Л. 12].

Таблица 3

**Благоустройство обобщественного жилищного фонда
Нижнего Тагила в 1941–1945 гг. (на начало года)
[НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 55. Л. 16]**

Виды благоустройства	1941		1945	
	м ²	%	м ²	%
Весь жилой фонд	493 182	100,0	645 215	100,0
В том числе оборудованный:				
Водопроводом	56 338	11,4	83 276	12,9
Канализацией	50 273	10,2	77 946	12,1
Центральным отоплением	44 698	9,1	59 087	9,2
Электрическим освещением	478 096	96,9	633 875	98,2

На крупнейших предприятиях города уровень благоустройства жилого фонда превышал общегородские показатели. Так, по сведениям Уральского танкового завода, в 1945 году водопроводом и канализацией было оборудовано 16–18% жилья, центральным отоплением – около 10%. При этом дома постоянного типа были обеспечены водопроводом и канализацией на 31–32%, теплом – на 16%, а бараки – лишь на 1,7% [НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 321. Л. 14; Д. 357. Л. 32].

Городской жилищный фонд представлял собой как новые, так и построенные много лет назад здания. В целом по городу на 1 января 1945 года площадь жилищ, построенных до конца 1917 года, составляла 26,7%, в 1918–1928 гг. – 6,4%, в 1929–1940 гг. – 34,7% и

в 1941–1945 гг. – 32,0%. Самым старым было жилье, находящееся в ведении городского Совета, Нижнетагильского отделения Свердловской железной дороги и непромышленных государственных учреждений (3/4 введено до революции). Частное жилье на 2/3 состояло из построенного до 1918 года [НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 55. Л. 13].

Фонд промышленных предприятий, на долю которого приходилось 65% всего городского жилищного фонда, был более новым. 47,1% его были введены в годы войны, а еще 44,4% – в течение предвоенных пятилеток. Однако обольщаться этими цифрами не стоит, поскольку именно промышленные предприятия к концу войны сосредоточили у себя 97% временного и приспособленного городского жилья (бараков, землянок и т. п.) [Расчитано по: НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 55. Л. 14].

Качественный состав жилищного фонда к концу войны можно охарактеризовать следующим образом: Нижний Тагил к концу войны оставался по преимуществу одноэтажным и деревянным. Однако если сравнить данные конца 1945 года с концом первой пятилетки, то можно увидеть некоторый прогресс. В 1932 году менее 4% городских домов были каменными, а в победном 1945 году – 17%. Одноэтажные дома в начале 30-х гг. составляли около 85% жилого фонда, а трех- и более этажные – всего 0,2%. В 1945 году эти показатели равнялись соответственно 63% и 7% (см. табл. 4).

Более детальные (и несколько отличающиеся от сведений московских этнографов) данные горкомхоза на начало 1945 года показывают, что основная часть фонда каменных домов была сосредоточена во владении промышленных предприятий (80,6%) и городского Совета (11,2%), у частных же владельцев имелось немногим более 3% площади каменных домов города. Около трети жилого фонда города приходилось на низкокачественное жилье – землянки, каркасно-засыпные и грунтоблочные бараки, – которое было весьма недолговечным. В конце войны из существующих в городе жилых домов площадью 862 тыс. м² почти половина (400 тыс. м²) подлежала сносу по техническому состоянию. При этом львиная доля такого жилья (97%) принадлежала промышленным предприятиям [НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 55. Л. 14].

Таблица 4

Жилой фонд Нижнего Тагила по этажности и материалу стен*

Тип строений	1932		1945	
	Тыс. кв. м	%	Тыс. кв. м	%
Весь фонд	330,9	100,0	864,5	100,0
В том числе по типу:				
Каменные	12,9	3,9	147,0	17,0
Деревянные	310,7	93,9	717,5	83,0
Баракы и другие здания временного типа	337,1	39,0
В том числе по этажности:				
Одноэтажные	280,6	84,8	544,6	63,0
Двухэтажные	49,6	15,0	259,4	30,0
Трех и четырехэтажные	0,7	0,2	60,5	7,0

* Рассчитано по данным: Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Указ. соч. С. 16; Нижний Тагил. Свердловск, 1945. С. 232; ГАСО. Ф. 1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 132.

Сходные процессы прослеживаются и по жилищному фонду отдельных предприятий. Если перед войной жилищный фонд УВЗ на 50% состоял из каменных и брусковых домов (в том числе 13% – каменные), то в 1942 году их удельный вес снизился до 36% (в том числе каменных – около 10%) [НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 217. Л. 4–5; Д. 245. Л. 43]. В 1942 году свыше трети всего жилого фонда завода (по другим данным – до 40%) составляли землянки. Такая ситуация оказалась просто опасной, так как весной 1942 г. большая часть землянок была затоплена грунтовыми водами. Пришлось в авральном порядке отселять и заново устраивать людей. По признанию заводского отчета за 1942 год земляные баракы, по существу, вовсе не пригодны под жилье (холод, затопляемость грунтовыми водами, постоянная сырость и прочее). Перенаселенность жилого фонда выразилась в крайне низкой обеспеченности работников жилой площадью. В конце 1941 года она составила всего 2,9 м² на человека, а в конце 1942 г. – 3,4 м² [НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 246. Л. 46].

Только в 1944–1945 гг. качественный состав жилищного фонда УТЗ начал улучшаться. За эти два года удельный вес каменных домов на этом заводе вырос почти на 5%, а землянок сократился на 6%.

Война резко ухудшила условия эксплуатации жилья. Перенаселенность, частая смена жильцов, недостаточность средств, выделяемых на ремонт, и другие факторы уже в середине войны стали

сказываться на качестве жилья. В особенно тяжелом положении оказались жильцы домов, принадлежащих местному Совету. В одной из корреспонденций 1944 года с характерным названием «Беспризорный дом» рабкор Алексеев сообщал: «Дом № 16 по Тагильской улице раньше принадлежал ЖАКТУ, а сейчас – жилищному управлению райсовета Ленинского района. Но ни старый, ни новый хозяин не проявляют никакой заботы о сохранении дома. Некоторые живут в доме по 15 лет и не помнят, чтобы на протяжении этого времени проводился ремонт. Крыша худая, водосточные трубы пришли в негодность, и дождевая вода размывает стены. Ворота скоро совсем рухнут. Внутреннее состояние жилища ничуть не лучше» [Тагильский рабочий. 1944. 3 сентября].

Только с конца 1943 года жилищная проблема начала смягчаться. Резэвакуация части заводов и выезд их работников привели к сокращению общего числа проживающих. Началось крупномасштабное переселение рабочих тагильских заводов из временного жилфонда в дома улучшенного типа. Количество и площадь землянок значительно уменьшились, началось строительство новых каменных и брусковых домов. В центре города в 1944 г. началось строительство первых многоэтажных домов в 33-м квартале, примыкающем к улице Ленина, а уже в 1945-м первые из них были сданы в эксплуатацию [Нижний Тагил... 1961: 171, 288]. С 1944 года ряд предприятий города (рудник III Интернационала, Высокогорский железный рудник, Уральский танковый завод) начали строительство шлаконаливных и шлакоблочных домов по типовым проектам, которые затем в рассрочку предоставлялись рабочим. Эти дома были оштукатурены снаружи и изнутри, крыты двускатной или шатровой крышей (преимущественно под шифером). Особенно много таких домов было построено на Новой Кушве, на Вагонке и в поселке Тагилстроя [Крупянская и др 1974: 220, 222].

В 1943–1945 гг. власти предприняли некоторые усилия по оживлению индивидуального жилищного строительства. Однако в этой области оставалось множество «подводных камней». На Ново-Тагильском заводе в 1943 году денежную ссуду на индивидуальное строительство получили только 45 человек, а начали строить всего 3 человека [Айрапетов, Панфилов 1978: 78]. «На заводе, где заместителем председателя завкома тов. Рукавишников, забыли об индивидуальных застройщиках, – сообщал годом позже корреспондент Тагильского рабочего. – Товарищам, желающим заниматься

строительством жилья, не оказывается надлежащей помощи и поддержки. Товарищи не раз обращались к руководителям завода за помощью, но получали один ответ. Нет материалов, транспорта. Не удивительно, что из 42 человек индивидуальных застройщиков, числившихся в 1943 г., осталось всего лишь 11, но и они прекратили строительство домов» [Тагильский рабочий. 1944. 8 ноября].

Наспех сооруженное, лишенное элементарных удобств, крайне низкое в качественном отношении жилье военных лет имело значительно большее количество недостатков, нежели достоинств. Вновь строившиеся бараки зачастую не делились на отдельные помещения. Для экономии площади в них для холостяков просто устраивались нары для сна, нередко в два яруса. Только в середине войны ситуация стала медленно улучшаться. Так, в 1944 году во всех тагильских лагерях была завершена ликвидация нарной системы, замененной койками, топчанами и вагонкой [Кириллов 1994: 48] (вагонка – тип оборудования бараков двухъярусными койками на четыре человека. Каждая пара мест разделена узкой доской, установленной ребром. Ряд таких нар образует подобие купе пассажирского вагона. См.: [Росси 1991, ч. 1: 46]).

В землянках бытовых удобств не было. Все бытовые хозяйственные занятия (приготовление еды, стирка, уборка) были очень осложнены для рабочих, живущих в бараках и особенно в землянках. Их быт при этом как бы концентрировался на спальном месте – на кровати, топчане, «раскладушке». Сидя на постели, нередко ели, читали, занимались хозяйственными делами. Это обстоятельство порождало массу острых бытовых проблем.

За годы войны изменились внешний вид города и жилых кварталов в нем, внутреннее убранство жилья рабочих. Дома не подвергались ремонту и приобрели грязно-серый цвет. Из-за недостатка топлива часто не действовало центральное отопление, и горожане устраивали для обогрева жилья железные печки, знаменитые «буржуйки», с выводом труб через окна на улицу.

В районах индивидуальной застройки (деревянных одноэтажных домов), где до войны обычно регулярно красили крыши, белили и ремонтировали дома со всеми их хозяйственными постройками, – после ухода значительной части мужского населения на фронт чувствовалось запустение. Чтобы поддерживать в прежней сохранности эти дома, женщины и подростки, заменившие на заводах фронтовиков, не имели ни времени, ни сил, ни средств. Использо-

вавшиеся домашние библиотеки горожан, детские уголки с игрушками и книжками, уголки школьников с письменными столами – все было нарушено в связи с переуплотненностью жилища.

Война стала временем невероятных лишений и испытаний для всех россиян. Концентрация массы эвакуированных в Нижнем Тагиле, уже к началу войны вследствие форсированной индустриализации значительно перенаселенном, привела к сильнейшей перегрузке жилищной сферы. Чтобы хоть как-то обеспечить значительно выросшее население крышей над головой, пришлось прибегнуть к традиционному способу решения этой проблемы – строительству землянок и бараков. Скудность населения, тяжелейшие бытовые условия сопровождали тагильчан на всем протяжении военного лихолетья.

3.3. Экологические последствия промышленного скачка 30–40-х годов

Форсированная индустриализация 30-х годов, следствием которой стало появление в Нижнем Тагиле гигантов отечественной металлургии, машиностроения и химии, привела к резкому усилению техногенного влияния на природу Тагильского края и его быстро растущее население. По существу, возникал новый город, на который негативный отпечаток накладывали промышленные монстры, сооружаемые не только без учета, но часто и вопреки экологическому фактору. Территория города по сравнению с 1926 годом, когда она составляла 3 300 га, увеличилась в 1940 году до 29 тысяч га, то есть в 8,8 раза.

В проекте УВЗ мало уделялось внимания условиям будущей эксплуатации зданий. Так, кровли цехов занимали площади в десятки гектаров, а вопрос об удалении с них снега был совершенно упущен. При проектировании фонарей и световых проемов следовало предусмотреть соответствующие приспособления и оборудование для механической прочистки стекол (металлические щетки и т. п.). Для удобства надзора и передвижения по крышам необходимо было предусмотреть устройство трапов. Ничего этого запроектировано не было. Недостаточно было уделено внимания санитарной технике цехов, особенно сварочных и литейных. Не случайно в вагоносборочном корпусе после сдачи его в эксплуатацию требовалось заново проектировать и перестраивать вентиляционные устройства.

Соцгород был запроектирован и построен с учетом розы ветров на юго-запад от завода, а газоочистка ТЭЦ проектом не предусмотрена. Поэтому при северных и северо-восточных ветрах в городе осаждалось большое количество копоти, сажи. Только в конце 50-х годов проект газоочистки ТЭЦ был разработан, но реализовали его лишь в 60-е годы.

Вообще было неправильно в организационном отношении и очень неудобно в ходе строительства то, что проектирование завода и соцгорода велось изолировано. Тесный контакт между проектными организациями необходим, начиная со стадии проектного задания.

С первых лет индустриализации наметились серьезные расхождения между планированием промышленного и жилищного строительства. Результатом такой диспропорциональности стало появление поселков, оторванных от основного города (городки Уралвагонзавода, Тагилстроя и др.).

Трезвые расчеты подменялись волюнтаристскими решениями. Частые изменения проектов крупных градообразующих предприятий Тагила, недостаток ассигнований на социально-бытовое строительство отражались негативным образом на проектировании города.

Создание генерального плана Нижнего Тагила было поручено трем разным организациям, расположенным в Москве, Ленинграде и Харькове. В итоге их несогласованных действий поселок Вагоностроительного завода оказался с подветренной стороны от Новотагильского металлургического и коксохимического заводов. Площадка УВЗ оказалась расположена выше площадки Новотагильского завода. В результате вагоны с металлом с одного предприятия на другое шли в гору, а порожние – под гору. В целом окончательный вариант генплана Нижнего Тагила был утвержден только в 1936 году, когда значительная часть поселков новых предприятий уже была построена и новые контуры города уже определились.

Серьезные трудности возникли в 30-е годы при организации земляных работ в зимний и весенний периоды. В Нижнем Тагиле зима продолжается около семи месяцев. Земля здесь начинает замерзать уже в ноябре. К середине декабря земля настолько промерзает, что ее нельзя взять обычными экскаваторами, без специальных устройств. Оттаивает же земля только в конце мая, а иногда и во второй декаде июня. Поэтому в зимние сезоны на строительствах Уралвагонзавода и Новотагильского металлургического завода приходилось широко применять взрывные работы.

Площадка будущего Уралвагонзавода была покрыта довольно хорошим смешанным лесом, который использовался крайне рационально. О том, что лес необходимо беречь и не рубить там, где он не будет мешать будущей стройке, уже тогда говорили очень много, но никаких оградительных мер принято не было. Рядом с площадкой и на территории соцгорода, безусловно, можно было не вырубать всех деревьев и этим значительно сократить объем последующей работы по озеленению. Например, временный водопровод от реки Малая Кушва вели после наступления морозов. Работали в одну смену – днем вынимали грунт, а ночью, для того чтобы не дать ему замерзнуть, жгли громадные костры. Уже после, уничтожив на дрова большое количество деревьев, разбили работу на две смены.

Коренные перемены произошли в 30-е гг. в горнодобывающей промышленности Тагила. Рудники-закопушки были превращены в крупнейшие механизированные предприятия по добыче и подготовке железной руды к плавке. Экскаваторы за считанные месяцы добывали руды больше, чем раньше вручную добывалось за годы. Механизация получила широкое распространение на Высокогорском и Лебяжинском железных рудниках, на медном руднике имени III Интернационала. Если за 1920–1930 гг. на Высокогорском железном руднике было добыто 1 575 тыс. т руды, то в 1931–1940 гг. – уже почти 5 490 тыс. т (почти в 3,5 раза больше). Скорость роста горных отвалов с пустой породой у рудников и шахт Нижнего Тагила значительно возросла.

Война усугубила экологические проблемы Нижнего Тагила. В условиях военных лет строительство новых цехов и других производственных сооружений велось по временной схеме, проблемы утилизации отходов производства, строительства очистных сооружений, рационального размещения производственных объектов с экологической точки зрения часто игнорировались или в лучшем случае решались как третьестепенные. Кроме того, и оборудование предприятий, и природные ресурсы, и люди эксплуатировались на износ. Именно война с ее вынужденными (а значит, крайне нерациональными решениями) способствовала постепенному перерастанию экологических трудностей в перманентный кризис.

Известный уральский журналист и писатель Б. Рябинин так описывал аглофабрику Высокогорского рудоуправления в 1943 году: «Вокруг агломерационной фабрики – точно лунный пейзаж. Высокие темные холмы насыпаны вдоль путей... По путям медленно

движутся составы с рудой. Одни из них оставляют за собой обильный капельный след; над другими вьется сизый дымок. Первые идут с мытой рукой от промфабрики, вторые – с “агло”. Эти две фабрики диаметрально противоположны. Если на промывке грязь, слякоть, то на “агло” – жар и копоть». Темпы добычи руды выросли на Высокогорском рудоуправлении.

Грязь и захламленность Новотагильского завода к концу войны достигли столь критических значений, что стали негативно влиять на психологию рабочих, на их отношение к труду. Когда новый директор Новотагильского металлургического завода Л. Э. Вайсберг увидел второй мартеновский цех, то было от чего прийти в отчаяние. Разливочный пролет захламляли горы мусора, скрапа и шлака. Временная схема разлива слитков в изложницы приводила к громадным потерям металла. Ситуация усугублялась запущенным крановым хозяйством. Результатом была низкая производительность труда, постоянные аварии. Потребовалось проведение специальной кампании, в ходе которой сталеплавильщики и ремонтники вывезли сотни вагонов мусора из завалов между дымовых труб. Была создана специальная зона озеленения, где посадили деревья, кустарники и цветы.

Не меньшей была захламленность Уралвагонзавода. Крыш механических цехов к концу войны не было видно из-за гор механической стружки. Возле цеха крупного литья были навалены огромные кучи формовочной земли. Заваленные отходами производства цехи не могли нормально работать. Несколько послевоенных месяцев значительная часть коллектива была занята на уборке территории.

Кроме того, значительная часть оборудования заводов (литейных цехов на УВЗ, теплоэлектроцентралей и др.) эксплуатировалась в годы войны на износ и требовала в первые послевоенные годы длительного капитального ремонта. Конструктор УВЗ Ю. П. Костенко так описывал литейные цеха завода в начале 50-х годов: «Практически на всех крупных машиностроительных заводах, на которых имелось свое литейное производство, оно являлось самым тяжелым местом в производственном процессе. В этом отношении не был исключением и УВЗ. Тонкая, въедливая пыль, грохот формовочных машин, жар расплавленного металла, отравленный различными ядовитыми примесями мартеновских газов воздух – все это делало литейные цехи, применяя христианскую терминологию, похожими на преисподнюю. Бывало, что здесь устраивали “зону”, и

работали заключенные. Все это оставляло тяжелое впечатление. Но такова была жизнь».

Острейшей проблемой военных лет стала проблема чистоты улиц. Тагильский журналист Э. Теман в марте 1943 года так описывал проблемы Вагонки: «Стоит пройтись хотя бы по новому поселку Дзержинского района, и можно убедиться, как много здесь беспорядков. Снега почти не видно, около домов он весь покрыт озерами помоев. У разломанных уборных сложены штабелями кучи нечистот. Отвратительный запах гниющих отходов разносится по всему поселку. С наступлением тепла вся эта замерзшая грязь растечется и будет разнесена на обуви по всем комнатам и общежитиям». Подобная картина была характерна и для других районов города.

«Износились» и люди. Длительная работа без отпусков и почти без выходных, страшное напряжение, отвратительное питание и жилищно-бытовые условия, постоянный страх за родных и близких, сражающихся на фронте, не могли не сказаться на здоровье людей. Когда после войны один из медицинских институтов провел обследование сварщиков на УВЗ, выяснилось, что свыше 80% из них нужно переводить на инвалидность. Администрация даже добилась прекращения медицинских исследований, опасаясь лишиться опытных кадров. Ясно, что в таком же положении было большинство рабочих города.

В 1945 году, по заключению санитарных врачей, Нижнетагильский пруд стал почти не пригоден для купания и рыбной ловли вследствие загрязнения отходами коксохимического производства. Однако именно из него получала питьевую воду большая часть центральной части города и Дзержинский район. Для прочей части жилого фонда водозабор осуществлялся из Нижневыйского пруда, вода в котором была ненамного чище.

Подводя итоги развитию экологической ситуации в Нижнем Тагиле к началу 50-х годов, следует особо отметить произошедший сдвиг, переход от одной стадии взаимоотношения человека и природы к другой. При всех экологических проблемах Урала XVIII – первой половины XIX веков по характеру потоков вещества и энергии производственные системы мало чем отличались от природных, выступая как их продолжение.

С освоением геологического пространства ниже кислородной границы, с использованием каменного угля и эндогенных руд (магнитного железняка, сульфидов меди и т. п.) люди, по выражению екатеринбургского геолога Э. Ф. Емлина, выпустили на волю джин-

на – ассоциацию необычных для современной природы элементов (серы, теллура, меди, цинка, свинца, кадмия, ртути и др.). Технология, обратившись к ресурсам былых геосистем, заставила нас совершить путешествие во времени, частично воссоздав древний геохимический мир, враждебный человеку и большинству других современных живых организмов.

Лебяжинский рудник. Северная выработка.
1920-е годы (НТГИА. К-1. Оп. 1 ФА. Д. 13. Л. 20. ф. 41)

Митинг по поводу закрытия завода им. Куйбышева
и передачи его музею-заповеднику. 06 октября 1987 года
(НТГИА. К-1. Оп. 1 Н1. Д. 1964)

Приложение 1

**Из репортажа Б. Рябинина об одном из рудников
Главного карьера горы Высокой**

На другой стороне, прямо в горе торчат доски, бревна, остатки какой-то постройки. Выше, дальше – всюду эти ежи. Вся гора утыкана ими. Оказывается на этом месте, где мы стоим, раньше был поселок. Каждый хозяин в своем огороде копал руду. Бил дудку, прокладывал штрек и копал руду. Наберет мешок или тачку и везет продавать хозяину. Копейка за пуд. Конечно, выбрать мелочь ему было не под силу, так же, как и крупные куски. Бралось самое доступное, что было легко и просто взять, остальное шло в отвал.

Когда экскаваторы начали разработку приусадебного участка, они всюду натыкались на эти старые ходы. За год с небольшим здесь образовался огромный карьер, и каждый день отсюда уходят поезда с рудой...

Дно карьера похоже на дно ущелья... Перед нами гигантский кратер. Стены его сужаются книзу, ниспадая террасами. Внизу, пущая белые дымки, бегают паровозы, хрипят экскаваторы. Еще ниже, под ногами, зияет обнаженное нутро земли.

Источник: Рябинин Б. Гора Высокая // Нижний Тагил. Свердловск, 1945. С. 131–132.

Приложение 2

**Производство чугуна, стали и проката на заводах
Нижнего Тагила в 1940–1950 гг. (в тыс. т)**

Продукция	1940	1942	1944	1946	1948	1950
Новотагильский металлургический завод						
Чугун	178,8	652,1	874,1	803,1	985,8	1 248,1
Сталь	22,8	150,2	265,1	308,1	500,9	1 119,0
Прокат	7,2	80,8	158,0	137,9	353,4	1 015,5
Нижнетагильский металлургический завод имени Куйбышева						
Чугун	117,8	68,0	102,7	124,1	167,6	184,1
Сталь	41,6	39,2	49,4	54,9	71,4	88,7
Прокат	25,9	23,3	38,2	44,9	61,0	78,9

Источник: Сталь для победы: Черная металлургия СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1983. С. 226–231.

3.4. Тагильские скверы и парки¹

Скверы и парки являются важной частью городской среды. На протяжении XX века «зеленое кольцо» Нижнего Тагила расширилось. Парки и скверы становилось излюбленными местами отдыха горожан.

В дореволюционном Тагиле, в самом его центре, располагалась большая торговая площадь, ограниченная улицами Шамина (Карла Маркса), Александровской (пр. Ленина), Высоковской (Первомайской), Балыковским переулком (Огаркова). Эту площадь называли Александровской в связи с тем, что на ней 20 августа 1881 года был заложен, а в 1885 году открыт мраморный памятник императору Александру II. В 1917 году памятник был реконструирован и стал называться памятником Свободы с надписью «Павшим борцам за свободу» [НТГИА. Ф. 533. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–2]. В начале 1920-х годов на Александровской площади было решено разбить сквер. Весной 1924 года начались работы по его устройству. Для этого были снесены ряд мелких временных лавочек, площадь огородили деревянной изгородью, начались работы по посадке первых саженцев и цветов (посадка производилась под наблюдением опытного специалиста-садовода Кузьмы Осиповича Рудого). Общая площадь сквера составляла два гектара [НТГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 23; Д. 12. Л. 35 об.]. Одна его часть называлась Комсомольский сквер. Это название, очевидно, было дано из-за активного участия комсомольцев в создании этого зеленого уголка. Другая часть именовалась Пионерским сквером.

18 июня 1925 года был составлен акт приемки работы по устройству сквера [НТГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24. Л. 146]. Открытие предусматривалось на 15 июля 1925 года, ко дню освобождения Урала от войск адмирала Колчака [НТГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20. Л. 83]. В апреле 1927 года Александровская площадь была переименована в площадь Свободы и стала излюбленным местом проведения митингов и демонстраций.

В 30-е годы в сквере были сооружены пять фонтанов по эскизам К. О. Рудого. Фонтаны были отделаны мрамором и художе-

¹ Впервые опубликовано: газета «Тагилка». 2010. 14 января (№ 1). С. 19. Публикуется с дополнениями.

ственным литьем. Другим украшением сквера стали мраморные вазы с цветами и ворота в византийском стиле с колоннами.

На месте памятника «Павшим за Свободу» в 1946 году была установлена многометровая фигура И. В. Сталина на кубическом постаменте, но и его ждала печальная участь, в 50-х годах памятник снесли [НТГИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 209. Л. 32].

В 1938 году на территории сквера, напротив кинотеатра «Искра», располагалось трамвайное кольцо. В конце 1968 года рядом со сквером было выстроено новое здание кукольного театра по проекту архитектора А. И. Обухова [НТГИА. Ф. 183. Оп. 2. Д. 9. Л. 123–124]. 5 октября 2007 года, в канун 285-летия города, в сквере был установлен памятник уральскому заводчику Николаю Демидову.

Одним из самых любимых и популярных мест отдыха в городе является центральный парк культуры имени А. П. Бондина, открытый в 1830 году для заводских служащих, в то время назывался Господским садом.

В 20-е годы в городском саду действовал летний театр, на площадке которого выступали приезжие коллективы театров (Пермский, Серовский и др.), еженедельно устраивался показ кино.

В 30-е годы в саду проводились массовые гулянья с музыкой, танцами, фейерверками; работали читальня, ресторан «Поплавок», прокат лодок, шахматно-шашечная комната, детская техническая станция. Цена за вход составляла 50 копеек. В центре сада работал фонтан.

23 июня 1935 года в саду была открыта передвижная выставка зверинца Уральского зоопарка, насчитывающая 150 различных животных.

Для улучшения планового и культурного обслуживания трудящихся города в 1944 году исполком Нижнетагильского горсовета принял решение передать городской парк с имеющимися в нем объектами (летний театр, концертную эстраду и аттракционы) в арендное пользование Свердловской филармонии сроком на два года [НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 510. Л. 54].

27 июля 1946 года в городском парке состоялось торжественное открытие памятника тагильскому писателю Алексею Петровичу Бондину (скульптор М. П. Крамской), а 1 апреля 1947 года на основании решения Нижнетагильского горисполкома парку присвоено имя А. П. Бондина [НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 566. Л. 12].

В декабре 1952 года при городском парке было организовано рекламное бюро для упорядочения постановки рекламного дела в городе [НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 649. Л. 256–258]. В 60–70-е годы в парке работали летний кинотеатр, открытая эстрада, спортивный городок, детская площадка, планетарий. В настоящее время в городском парке действуют разнообразные аттракционы, карусели. В начале 2000-х годов парк украсил каскадный фонтан длиной 130 метров.

Генеральным планом города Нижний Тагил, утвержденным Советом Министров РСФСР 8 февраля 1948 года, было предусмотрено создание центрального парка культуры и отдыха площадью 380 гектаров, организация на его территории ботанического сада. Решением Нижнетагильского горисполкома от 17 ноября 1956 года была закреплена территория «Корабельный мыс» для проектирования и строительства центрального парка [НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 723. Л. 311].

Однако только в июле 1957 года на совещании при председателе исполкома Нижнетагильского горсовета был рассмотрен и согласован для дальнейшей разработки эскиз планировки будущего центрального парка (архитектор Л. И. Маковеев), где предполагалось разместить основные сектора: физкультурный, культурно-массовый, зрелищно-аттракционный, детский, сооружения: водную и две лодочные станции, два пляжа, зеленый театр и трассировку аллея парка [НТГИА. Ф. 183. Оп. 1. Д. 66. Л. 10–11]. К сожалению, этот проект до сих пор не реализован.

Зеленое убранство Нижнего Тагила растет год от года. Интересные проекты по озеленению города были воплощены в XXI веке, но это уже другая история.

Проект сада у памятника В. И. Ленину (автор К. Рудный).
1925 год (НТГИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 28. Л. 24)

Главный вход в парк культуры и отдыха. 1946 год
(НТГИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 209. Л. 96. ф. 177)

3.5. Учреждения культуры и образования в информационном пространстве городских СМИ (по материалам газеты «Тагильский рабочий»)

Большое влияние на формирование культурных запросов, положительного имиджа учреждений культуры и образования оказывают СМИ. К концу XX века информационное пространство города включало: 16 газет, 5 журналов, 2 телеканала и 3 радиостанции. Все они так или иначе освещали культурную жизнь города и работу школ. Среди наиболее крупных и популярных печатных городских изданий конца 1990–2000-х гг. стоит назвать: газеты «Тагильский рабочий», «Горный край», «Телемир», «Телекон-семья»; журнал «Максималист», детско-юношеский журнал «Пульсар». Мы решили проанализировать, как периодическая печать отражала процесс развития вышеназванных учреждений в условиях социокультурных и экономических трансформаций конца XX в. Для анализа мы выбрали городскую газету «Тагильский рабочий». Это ежедневная общественно-политическая газета, основанная в 1906 году, выходит 5 раз в неделю, тиражом от 6 и более тысяч экземпляров, ее учредителями являются администрация г. Нижний Тагил и редакция газеты.

В Нижнем Тагиле к концу XX века сформировалась достаточно разветвленная сеть учреждений культуры и образования. К началу 1990-х гг. в городе работало два театра: театр кукол (основан в 1944 г.) и драматический театр им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (основан в 1945 г.). В 1993 г. появился муниципальный молодежный театр. К концу века значительно расширилась сеть музеев и образовательных учреждений. Так, к 2007 г. в Нижнем Тагиле функционировало более 80 музеев, в том числе 3 муниципальных, 72 учебных, 10 ведомственных музеев. Разнообразной и разветвленной была и сеть образовательных учреждений.

Театры и музеи на страницах городской газеты

Для выяснения количества и качества контента о театрах города в газете «Тагильский рабочий» в рассматриваемый период были просмотрены номера газеты за 1993, 1995, 1998, 2000, 2002, 2005, 2007 годы [Рыжкова, Худякова 2008]. В среднем 267 экземпляров в

год. Были выявлены 193 статьи, посвященные театральной жизни Нижнего Тагила (табл. 1).

Контент-анализ выборки показал, что тематически статьи можно сгруппировать в 3 блока. Наиболее многочисленный блок статей о премьерах тагильских театров (37% всех выявленных статей), вторым по численности является блок статей о гастрольных турах других театров в Нижнем Тагиле (34%), третьим – блок статей о юбилеях актеров тагильских театров (29%). Выявленное соотношение в отдельные годы нарушалось. Так, в 1998 г. абсолютное большинство составляли статьи третьего тематического блока, а в 2000, 2005 гг. – статьи второго тематического блока.

Анализ регулярности публикации статей о театрах в течение года показал, что большее количество статей приходилось на октябрь – ноябрь. Очевидно, это связано с началом театрального сезона. Следующий всплеск статей отмечался в летние месяцы (конец мая – август). Обычно эти статьи посвящались предстоящим в городе гастролям. Динамика количества статей по годам позволяет говорить о росте интереса корреспондентов газеты к театральной теме. Если в 1998 г. газета опубликовала 16 статей о театрах (8% от общего количества выявленных статей по данной тематике), то в 2005, 2007 гг. – 34 статьи (18%).

Количественный анализ статей по каждому из 3 театров свидетельствует о том, что чаще корреспонденты писали о Нижнетагильском драматическом театре (почти половина всех статей, 49%), реже о Театре кукол (33%), о Муниципальном молодежном театре (18% статей, табл. 2). Данную ситуацию можно объяснить тем, что, как правило, гастроли приезжих театров проходили на сцене Нижнетагильского драматического театра (соответственно статьи о гастролях при подсчете были включены в блок статей, посвященных Драматическому театру). Помимо этого, важную роль играет и заинтересованность самих театральных работников в том, чтобы деятельность их театра получала широкое освещение в СМИ.

Жанровый анализ газетных материалов свидетельствует о том, что более предпочтительным для корреспондентов являлся жанр заметки. В выявленной выборке практически отсутствовали репортажи, эссе, интервью с руководителями театров и актерами, зрителями, театральная критика. Информация о театрах в газете была представлена не только «чисто театральными» заметками, но и рекламными объявлениями, сюжетами в статьях, посвященных общим

проблемам развития культуры в городе (но эти материалы в общую статистику включены не были).

Руководители учреждений культуры, в том числе и театров, в личных беседах отмечали, что в газете «Тагильский рабочий» не освещена даже треть всей деятельности учреждений культуры. Многие события оставались «в тени». Работники сферы культуры предлагали даже создать отдельную газету или журнал для освещения культурных событий, происходящих в Нижнем Тагиле.

Сплошной просмотр газеты «Тагильский рабочий» за 1993, 1998, 2000, 2005 гг. выявил 217 статей о музеях, тематически сгруппированных в 6 блоков: выставки в музеях города (62 статьи), выездные мероприятия (42), пополнение фондов музеев (29), участие в конференциях (24), издательская деятельность (35), награды музеев (25). Наблюдается положительная динамика в количестве статей: в 1993 г. – 30 статей, 1998 г. – 51, 2000 г. – 40, 2005 г. – 96. Уровень освещенности деятельности разных музеев различен. О музее изобразительных искусств за указанные годы опубликовано 58 статей, о музее-заповеднике «Горнозаводской Урал» – 38, о ведомственных – 3, о школьных – 3 статьи [Худякова 2008]. Газета чаще ограничивалась публикациями заметок, репортажей своих корреспондентов, редко предоставляя место руководителям, научным сотрудникам музеев для проблемных, развернутых статей.

Проанализировав материалы газеты «Тагильский рабочий» о театрах и музеях города, мы пришли к следующим выводам:

1. Журналисты газеты, как правило, периодически возвращаются к тем или иным театральным событиям. Например, подробное освещение получили гастроли Криворожского театра драмы и музыкальной комедии, премьеры пьесы молодого драматурга Василия Сигарева по мотивам новеллы Ги де Мопассана «Пышка».

2. Количество статей о театре в 1998 г. значительно меньше, чем в 1993, 2000, 2002, 2005, 2007 гг. Возможно, снижение интереса к культуре вообще и театру в частности было вызвано неблагоприятными экономическими условиями в стране. Основной темой, обсуждаемой СМИ в год охватившего страну дефолта, были экономические проблемы. Однако постепенная стабилизация социально-экономической, политической ситуации в стране способствовала, на наш взгляд, изменению тематической тональности СМИ. Уже к 2005 году количество статей в «Тагильском рабочем» о театре увеличивается на 5%. Во многих статьях, посвященных Нижнетагиль-

скому муниципальному молодежному театру, внимание читателя акцентировалось на полупустом зале, что явно не способствовало привлечению зрителя в этот театр.

3. Журналисты недостаточно использовали жанровое разнообразие при раскрытии как театральной, так и музейной тематики.

Школы на страницах городской газеты

Какое отражение в газете получили тагильские школы? Нами были просмотрены номера газеты за 1990–1999 гг. В среднем 267 экземпляров в год. Выявлено 160 статей. Тематически их можно сгруппировать в шесть блоков (табл. 3).

Статьи первого блока информируют об открытии в городе образовательных учреждений нового типа: гимназий, лицей (11 статей), специализированных классов (2), о мнении тагильчан о реформе образования вообще и новых типах ОУ в частности (8 статей). Так, В. Кинелев и Е. Ямбург достаточно резко замечают: «У нашей экономики нет ресурсов на реформу образования: школа не может бежать впереди паровоза. Мне кажется, что сейчас нужна не реформа, а грамотная стратегия сохранения того, что достигнуто...» [Кинелев, Ямбург 1997].

О развитии материально-технической базы (МТБ) школ города сообщают 12 статей. Наибольшее количество статей (7) информирует о состоянии МТБ школ. Проблему нехватки учебников поднимает одна статья, недостаточного финансирования школ и школьного питания – по две статьи. Инспектор школьного питания В. Малекина с грустью констатирует: «Вот уже десять лет я работаю инспектором школьного питания. <...> Из дня в день убеждаюсь в том, что этим ... никто всерьез не занимается. В результате накопилось масса проблем, еще более усложняющих обслуживание. <...> В самых скверных условиях функционируют столовые при школах № 58, 6, 66. А в 72 – раздача всего лишь на 32 посадочных места – это на 520 учащихся. В школах № 3 и 12 пищеблоки расположены в подвальных помещениях. <...> Самое удивительное, что даже новые столовые для учащихся выглядят довольно плохо и имеют мало удобств...» [Малекина 1990].

Самый многочисленный третий блок статей посвящен педагогическим кадрам (59 статей). Его тематика разнообразна (табл. 4). 44 статьи (74,6% от общего количества статей этого блока) рассказывают о забастовках, голодовках, требовании учителей повысить

им заработную плату. Впервые о забастовках городская газета сообщила в 1992 г.: «В понедельник восемь школ города начали забастовку <...>. Тайным голосованием принято решение об объявлении трехдневной предупредительной забастовки в связи с невыполнением требований <...> о доплате к заработной плате <...> в сумме 100–200 рублей. <...> на предупредительную забастовку вышло 35 педколлективов <...>» [Рыжкова, Худякова 2008]. Всплеск забастовочного движения приходится на 1997–1998 гг. (27 статей). Город посетила съёмочная группа СГТРК для подготовки телепередачи о критическом положении тагильских учителей [Андреев 1997б]. Без волнения нельзя читать сводки о голодающих учителях: «Участники совещания городского забастовочного комитета поблагодарили за мужество голодающего преподавателя ОБЖ А. Н. Целева из школы № 10 и передали ему просьбу прекратить голодовку. Он согласился. Чуть раньше “вышла из голодовки” Н. А. Маслакова, психолог школы № 36 <...>» [Чернявская 1997].

Но даже в эти кризисные годы газета не забывала сообщать о светлых, праздничных событиях в жизни учителей. Так, из статьи А. Андреева можно узнать о результатах конкурса «Учитель года-97»: «<...> Места распределились следующим образом. Первые: среди молодых специалистов – Замураева Н. (ОУ № 61), среди стажистов – Рулев М. А. (физматлицей). Второе: среди молодых специалистов – Ковальчук М. Е. (ОУ № 61), среди стажистов – Сибирякова Г. В. (ОУ № 61). Третьи места: у молодых специалистов – Журавлева О. В. (физматлицей), у стажистов – Дударева О. Е. (ОУ № 10) <...>. Призерам весь год будет начисляться к зарплате пятидесятипроцентная надбавка <...>» [Андреев 1997а].

Об учащих газета сообщает редко (всего 12 статей, 7,5% от общего количества). В этих статьях затрагиваются следующие темы: участие школьников в олимпиадах (3 статьи), летнее трудоустройство (3), посещаемость занятий (2), выпускные экзамены (2), школьная форма (1), появление новых дневников (1). О. Романова и М. Горкова сообщили о том, что два городских предприятия «Тагилшвейбыт» и «Тагилтрикотажбыт» на подиуме Дома мод представляли созданные специально для тагильских школьников костюмы [Романова, Горкова 1996].

Большое внимание газета уделяла учебно-воспитательному процессу, прежде всего новым формам и методам работы, деятельности специализированных классов, УПТ (табл. 5). О победах уча-

щихся экономического класса школы № 44 в смотрах и конкурсах на лучшее знание основ экономики рассказала Н. Михайлова [Михайлова 1996]. 17 статей (77% от общего количества статей этого блока) посвящены школьным праздникам, юбилеям. Пришлась по душе тагильским школьникам европейская традиция отмечать День св. Валентина, о чем свидетельствует статья «Любовь с первого взгляда» [Викторович 1999]. Встречам тагильских учителей с зарубежными коллегами посвящено 5 статей. Подробно газета информировала о визите Фредерико Майора, председателя ЮНЕСКО, в гимназию первой категории, являющуюся ассоциированной школой ЮНЕСКО [Погодина 1997].

Жанровый анализ газетных материалов о школе выявил ту же тенденцию, что и с материалами об учреждениях культуры. Большая часть материалов – это заметки. Значительно реже встречаются репортажи, эссе, интервью с руководителями школ, учителями, учениками и их родителями. Однако следует отметить, что информация о школах в газете представлена не только «чисто школьными» заметками, но и рекламными объявлениями, сюжетами в статьях, посвященных общим проблемам развития культуры и образования в городе (но эти материалы в общую статистику включены не были).

Таким образом, проведенный анализ контента городской газеты позволяет сделать следующие выводы:

1. Журналисты газеты на протяжении всех 1990-х гг. информировали городское сообщество о развитии системы школьного образования. К некоторым темам они возвращались периодически. Например, подробное освещение получили забастовки учителей в 1997–1998 гг., визит в город Ф. Майора, председателя ЮНЕСКО, и др.

2. Динамика статей как по количеству, так и по тематике нестабильная. Количество статей возрастает в наиболее кризисные с экономической точки зрения годы (1997–1999 гг.). Основной темой, обсуждаемой на страницах газеты, становится кадровая проблема, прежде всего материальное положение учителей. В разной степени, но регулярно журналисты обращали внимание на два основных субъекта процесса школьного образования – учителей и учащихся. Однако вне поля их внимания остался еще один важный участник этого процесса – родители.

3. Многие статьи, посвященные реформе образования, носят полемический характер. Газета критически освещает «болевые»

проблемы развития школьного образования: состояние МТБ школ, школьное питание и т. д.

4. Основные тенденции, выявленные в развитии городской системы школьного образования по архивным документам [Рыжкова 2009в], прослеживаются и по материалам «Тагильского рабочего», что свидетельствует о высоких информационных возможностях и достоверности газеты как источника по истории образования. Важным является и то, что материалы прессы позволяют воссоздать атмосферу эпохи, в которой происходило развитие образования, приоритеты общественного мнения по вопросам его реформирования, самую первую оценку тех или иных событий.

Таблица 1

**Динамика количества статей о театрах г. Нижний Тагил
в газете «Тагильский рабочий» с 1993 по 2007 годы**

Тема/Год	Кол-во статей (экз.)							Ито- го
	1993	1995	1998	2000	2002	2005	2007	
Премьеры тагильских театров	10	9	5	13	9	11	15	72
Гастрольные туры других театров в Нижнем Тагиле	9	8	4	14	6	13	11	65
Юбилеи актеров тагильских театров	7	8	7	10	6	10	8	56
Итого:	26	25	16	37	21	34	34	193

Таблица 2

**Тематика статей по отдельным театрам г. Нижний Тагил
в газете «Тагильский рабочий» с 1993 по 2007 годы**

Наименование театра	Кол-во статей (экз.)							Итого
	1993	1995	1998	2000	2002	2005	2007	
Нижнетагиль- ский драмати- ческий театр им. Д. Н. Ма- мина Сибиряка	14	12	8	13	15	17	16	95
Театр кукол	7	4	6	10	12	11	13	63
Муниципаль- ный молодеж- ный театр	-	4	5	7	4	7	8	35
Итого:	21	20	19	30	31	35	37	193

Таблица 3

**Динамика количества статей о системе школьного образования
города в газете «Тагильский рабочий» (1990–1999)**

год	1	2	3	4	5	6
1990	14	2	2	2	2	6
1991	8	4	1	2	–	1
1992	14	3	–	2	–	9
1993	9	3	–	1	–	5
1994	6	1	1	1	1	2
1995	11	–	1	7	–	3
1996	19	2	2	3	2	10
1997	36	2	1	3	2	11
1998	18	–	2	12	2	2
1999	25	3	2	9	3	8
Всего за 1990-е гг.	160	20	12	59	12	57

Перечень тематических блоков: 1 – всего статей; 2 – о сети учреждений школьного образования; 3 – о материально-технической базе школы; 4 – о педагогических кадрах; 5 – об учащихся; 6 – об учебно-воспитательном процессе.

Таблица 4

**Динамика количества статей о педагогических кадрах
городских школ в газете «Тагильский рабочий» (1990–1999)**

год / те- матика статей	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1990	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
1991	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–
1992	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1
1993	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–
1994	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–
1995	–	–	–	–	–	–	1	–	6	–	–
1996	–	–	–	1	–	–	–	–	2	–	–
1997	–	–	1	–	–	–	2	–	17	–	–
1998	–	–	–	–	–	1	–	1	8	2	–
1999	–	–	–	–	–	–	–	–	6	1	2
Итого	1	1	3	2	1	1	3	1	38	3	3

Перечень тематических блоков: 1 – реформа школы; 2 – о пед. коллективе; 3 – опыт учителей; 4 – молодые специалисты; 5 – российско-американский семинар; 6 – концертная деятельность педагогов; 7 – «Учитель года»; 8 – «День учителя»; 9 – забастовки; 10 – голодовки; 11 – зарплата учителей

Таблица 5

**Количество статей об учебно-воспитательном процессе в школах
г. Нижний Тагил в газете «Тагильский рабочий» в 1990–1999 гг.**

Год/тем. блок	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1990	2	1	–	–	1	1	1	–	–
1991	–	–	–	–	–	1	–	1	–
1992	6	–	1	–	–	1	–	–	–
1993	4	1	–	–	–	–	1	–	–
1994	–	–	–	–	–	–	1	–	1
1995	1	–	–	–	–	2	–	–	–
1996	2	2	–	2	1	3	–	–	–
1997	4	1	–	–	–	–	3	2	–
1998	–	–	–	–	–	–	1	1	–
1999	3	1	–	–	–	–	2	1	1
итого	22	6	1	2	2	8	9	5	2

Перечень тематических блоков: 1 – новые формы, методы обучения; 2 – специализированные классы; 3 – профили УПК; 4 – участие в международных конкурсах; 5 – конкурсы среди школ; 6 – юбилеи школ; 7 – школьные праздники; 8 – встречи учителей; 9 – поступление в школу.

3.6. Археологические памятники в городской среде

На территории города находится 15 археологических памятников и минимум 13 местонахождений отдельных предметов. Девять памятников, находящиеся вне зоны городской застройки, исследовались раскопками. Обычно раскопки носили рекогносцировочный или спасательный характер. Остальные памятники заметно повреждены или полностью разрушены.

1. Святилище на вершине горы Голый Камень. Открыто тагильским краеведом С. Н. Топорковым в 1909 г. Расположено на вершине г. Голый Камень, которую венчает 15-метровый скалистый шихан. Эпизодические раскопки памятника проводились многими археологами: Д. Н. Эдинггом (1939 г.), О. Н. Бадером (1944–1945 гг.), Н. П. Кипарисовой (1946 г.), А. Я. Брюсовым (1948 г.), А. И. Рассадович (1960, 1977 гг.), Г. В. Бельтиковой (1978 г.). В 1993–1998, 2000 гг. исследование святилища производилось экспедицией Нижнетагильского пединститута под руководством Ю. Б. Серикова. За эти годы памятник удалось раскопать полностью, получена коллекция в 18,7 тыс. находок. Общее количество находок с Голого Камня составляет около 22 тыс. экз. (не считая костей животных). В настоящее время этот памятник является единственным на Урале полностью исследованным раскопками святилищем. Святилище функционировало с перерывами с конца VIII в. до н. э. до X в. н. э.

Большую часть находок составляют фрагменты керамических сосудов (свыше 17 тыс. экз.). Они представляют по пять культур железного века и Средневековья. Среди находок костяные, бронзовые и железные наконечники стрел, железные ножи, костяные и роговые острия, керамические и каменные пряслица, кресальные кремни, «карандаши» из магнетита, бронзовые украшения, бусины (рис. 1). Анализ показал, что выделенные тематические группы находок отражают разные проявления солярного культа [Сериков, Серикова 2005: 4–46]. Коллекция находок хранится в Нижнетагильском музее-заповеднике.

2. Гальянская стоянка. Открыта тагильским краеведом П. Э. Рикертом в 1954 г. На северо-восточном склоне горы Голый Камень, прилегающем к Гальянскому торфянику, им было собрано

около сотни своеобразных крупных каменных изделий [Кипарисова 1956: 119–123]. Каменные изделия залежали пятью локализованными местонахождениями. В настоящее время большая часть памятника занята садами. Все каменные изделия покрыты слоем патины толщиной 1–2 мм. Причем патина покрывает и обработку изделий. По определению П. Э. Рикерта, все изделия изготовлены из окремнелых туфов.

Коллекция Гальянской стоянки состоит из 102 каменных изделий. Она содержит как законченные орудия, так и изделия первичного раскалывания и отходы производства. Изделия первичного раскалывания представлены преформами и нуклеусами. Среди отходов производства имеются отщепы, обломки, пластины, технические вертикальные и горизонтальные сколы. Большая часть орудий – это скребла (10 экз.). Имеется также изделие, которое можно определить как остроконечник, а также нож с обушком [Петрин, Сериков 1988: 28–34]. Самыми интересными орудиями в данном комплексе являются ручные рубила (5 экз.). Они имеют в основном подтреугольную форму, изготовлены из типичного для стоянки окремнелого туфа, покрыты глубокой патиной. Данные изделия мало чем отличаются от типичных ашельских рубил и датируются также эпохой раннего палеолита (рис. 2) [Сериков 2015: 5–8]. Гальянская стоянка является древнейшим памятником на восточном склоне Среднего Урала. Коллекция находок хранится в фондах Нижнетагильского музея-заповедника.

3. Голокаменная мастерская. Открыта краеведом П. Э. Рикертом в 1954 г. Находится на юго-восточном склоне горы Голый Камень. В 1954–1955 гг. мастерская исследовалась экспедицией Государственного исторического музея под руководством В. М. Раушенбах. Раскопками вскрыто 56 кв. м, хотя площадь памятника оценивается в 7 тыс. кв. м. Получена коллекция находок, состоящая более чем из 6 тыс. каменных изделий [Раушенбах 1961: 164–165]. Большая часть коллекции хранится в Государственном историческом музее в Москве, а часть – в Нижнетагильском музее-заповеднике.

Все находки представлены только каменными изделиями, изготовленными из зеленовато-серых вулканомиктовых алевролитов. Среди находок только нуклевидные куски, заготовки нуклеусов и отщепы. Это позволяет определить, что памятник на юго-восточном склоне Голого Камня является мастерской по первоначальному

расщеплению камня. Удалось также выяснить, что мастерской пользовалась одна крупная социальная группа мезолитического населения (возможно, племя). Следы более мелких социальных подразделений этой группы (возможно, родов) выявлены на трех проточных озерах, расположенных в окрестностях мастерской – Горбуновском (8 км) и Полуденском (16 км) торфяниках, а также Черноисточинском пруду (21 км). На каждом из этих озер известно по одному базовому мезолитическому поселению (соответственно Серый Камень, Полуденка II и Крутяки I), комплексы каменных изделий которых содержат от 20% до 25% предметов, изготовленных из голокаменского алевролита. Находки изделий из голокаменского сырья позволяют очертить границы территориальных владений данного социального подразделения. Если за центр владений принять Голокаменскую мастерскую, они будут выглядеть в виде овала, вытянутого вдоль Уральского хребта на 50–55 км и шириной до 20–25 км. Анализ всех каменных изделий из коллекций Нижнетагильского музея-заповедника показал, что голокаменское сырье использовалось только в мезолитическую эпоху. Таким образом, изделия из голокаменского алевролита стали надежным индикатором мезолита на всей территории своего распространения [Сери́ков 1988: 204–208].

4. Стоянка Голый Камень III. Открыта школьником Сергеем Руммегой в середине 1980-х гг. Находится она на южном склоне горы, в 1 км от шихана, на левом берегу р. Лебы. Стоянка связана с хорошо выраженной первой береговой террасой р. Лебы и находится на высоте 10 м над уровнем реки. В 1995–1996, 2010 и 2015–2016 гг. стоянка исследовалась рекогносцировочными раскопками экспедицией Нижнетагильского пединститута / педкадаемии под руководством Ю. Б. Сери́кова. Вскрыта площадь 80 кв. м. На стоянке выявлено несколько разновременных комплексов: архаичные отщепы раннепалеолитического облика, микролитические изделия эпохи мезолита и керамика средневековой петрогромской культуры VI–X вв. К XVIII–XIX вв. относится основная часть коллекции: русская гончарная керамика, обломки точильных камней, железные изделия, медная фигурная пряжка, полушка 1718 г., а также множество жженных и сырых костей животных. Коллекция находок (около 1,5 тыс. экз.) не опубликована, хранится в археологической лаборатории НТГСПИ [Сери́ков, Сери́кова 2005: 12].

5. Вязовская стоянка. Открыта в 1928 г. членом Забайкальского географического общества И. А. Махаловым. Находится на

правом берегу реки в 100 м выше впадения р. Вязовки в р. Тагил. Среди находок фрагменты керамики с орнаментом, скребок, отщепы, отбойник. Коллекция не сохранилась [Бадер 1953: 334–335].

6. Шихан на Красном Камне. Основываясь на рассказах старожилов, О. Н. Бадер предполагал, что на скалах могли быть нанесенные в древности красной краской писанцы (отсюда и могло произойти название скал) [Бадер 1953: 334]. Древние находки в районе скал Красного Камня местные жители находили неоднократно. Но только в 2003 г. на скалах были обнаружены остатки древнего святилища. В 2009 г. оно было обследовано сотрудниками Научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры О. П. Мищенко и Е. К. Шамоновой. Святилище находится на правом берегу р. Тагил и на правом берегу р. Вязовки, которая впадает в реку Тагил у подножья скал. Максимальная высота скал достигает до 20–25 м. На вершине самого высокого шихана Красного Камня располагается площадка, на которой и были обнаружены древние артефакты. В коллекции находок из 38 предметов имеются изделия различных археологических эпох: мезолита, энеолита, железного века и средневековья [Мищенко, Шамонова 2011: 141–147]. Коллекция хранится в Нижнетагильском музее-заповеднике.

7. Святилище на Лисьей горе. Гора находится в черте города Нижнего Тагила на берегу пруда. В 1953 г. на вершине горы сотрудницей музея А. А. Саматовой был найден железный плоский наконечник стрелы ромбовидной формы [Кипарисова 1956: 123]. В средней части горы имеется скальный выход длиной 38 м и высотой до 14 м. Над уровнем пруда скала находится на высоте 19–20 м. В скале присутствует небольшой грот длиной 1,6 м, шириной 0,85 м и высотой от 0,55 до 0,9 м. В 1999 г. Ю. Б. Сериковым в приустьевой части грота найден венчик сосуда петрогромского типа X в. Больше древних находок не было. Тем не менее даже единичные находки позволяют предполагать, что в древности на горе функционировало святилище петрогромского населения. Находки хранятся в Нижнетагильском музее-заповеднике.

8. Ольховская стоянка. Открыта А. И. Рассадович в 1964 г. Находится в устье реки Ольховки (на правом берегу) при впадении ее в р. Тагил. Датируется поздним железным веком. Раскопками не исследовалась. Коллекция находок (587 экз.) хранится в Нижнетагильском музее-заповеднике.

9. Кушвинская стоянка. Открыта А. И. Рассадович в 1954 г. Находится на правом высоком берегу р. Большая Кушва в 1,7 км к востоку от пос. Валегин Бор. Исследовалась раскопками А. И. Рассадович в 1964 г. Коллекция находок (412 экз.) хранится в Нижнетагильском музее-заповеднике.

10. Стоянка Тагильская Старица. Открыта А. И. Рассадович в 1974 г. Исследовалась раскопками Ю. Б. Сериковым в 1976 г. Памятник находится на левом берегу старого русла р. Тагил на мысу высотой 4,5 м сразу за забором дачного поселка «Горняк». Раскопками вскрыто 70 кв. м. На стоянке выявлены материалы позднего бронзового и раннего железного веков. Среди находок фрагменты керамики, каменные наконечники стрел, скребки, нуклеусы, ножевидные пластины, заготовки орудий, отщепы. Коллекция находок (1 247 экз.) хранится в Нижнетагильском музее-заповеднике.

11. Поселение Евстюниха I. Открыто в 1964 г. тагильскими краеведами Е. А. Сокирко и И. А. Орловым. Исследовалось экспедицией краеведческого музея под руководством А. И. Рассадович в 1971–1972 и 1974–1975 гг. Раскопками вскрыто около 200 кв. м. Памятник располагается в пос. Евстюниха, на левом устьевом мысу р. Евстюниха при впадении ее в р. Тагил. На памятнике найдена древнейшая на Урале каменная скульптура – фигурный молот в виде головы лося. На материалах поселения выделен евстюнинский тип неолитической керамики (рис. 3). Кроме керамики (5 884 экз.), в коллекции присутствуют разнообразные каменные изделия: нуклеусы, ножевидные пластины, скребки, наконечники стрел, резцы, острия, отщепы, обломки «утюжка», а также фрагменты керамических скульптур. Датируется комплекс ранним неолитом – 5,5–6,5 тыс. лет назад [Герасименко 2008: 44–72]. Коллекция находок (8 123 экз.) хранится в Нижнетагильском музее-заповеднике.

12. Стоянка Евстюниха II. Открыта Ю. Б. Сериковым в 1973 г. Находится напротив стоянки Евстюниха I. Датируется эпохой неолита. В настоящее время полностью застроена садами-дачами.

13. Стоянка Евстюниха III. Открыта Ю. Б. Сериковым в 1974 г. Стоянка расположена на останце террасы правого берега р. Баранча, в 250 м от места ее впадения в р. Тагил. Исследовалась раскопками в 1977–1978 гг. Вскрыта площадь в 52 кв. м. Обнаружены культурные слои трех эпох: мезолита, раннего железного века и русского средневековья. Эпоха мезолита представлена нуклеусами,

микропластинками, резцами, резчиками, скребками, отбойником и наконечником стрелы [Сериков 2000: 72–75]. В слое раннего железного века раскопки вскрыли очаг и каменную вымостку. Среди находок фрагменты керамики, костяной наконечник стрелы, каменные скребки и отщепы. С русским временем связано два комплекса – периода похода Ермака и середины XIX в. От воинского отряда сохранились фрагменты сосудов, обломки точильных брусков и ружейный кремль [Сериков 1998: 162]. К позднему комплексу относится разбитый керамический сосуд, обломки штофа, три стеклянные стопки и нательный крестик. С ним же связано и захоронение человека. Коллекция находок (1 874 экз.) хранится в Нижнетагильском музее-заповеднике.

14. Стоянка Мурино. Открыта А. И. Рассадович в 1958 г. В 1959 и 1977 гг. исследовалась раскопками ею же. В 1981–1984 гг. раскапывалась П. К. Халяевым. Стоянка находится на северном берегу Муринского пруда в черте пос. Горбуново. Раскопки выявили слои мезолита и раннего железного века. Памятник не опубликован. Коллекция находок (5 148 экз.) хранится в Нижнетагильском музее-заповеднике. Из индивидуальных находок необходимо отметить два крупных двусторонне ретушированных ножа из полосчатой красно-зеленой яшмы, фигурку птички из молочного кварца и фигурный глиняный штамп в виде сердечка (рис. 4, 1–3) [Сериков 2020: 53–55].

15. Клад на горе Трехскалке. Найден профессором Нижнетагильской педагогической академии Ю. Б. Сериковым в 2006 г. на г. Трехскалке в районе Пихтовых гор на окраине Нижнего Тагила. Клад располагался на глубине 8–10 см. Среди находок пять нуклеусов (из них два хрустальных), отбойник, два скребка и 96 микропластинок (рис. 5). Судя по залеганию находок, в кладе находилось кроме нуклеусов и скребков два вкладышевых костяных кинжала и пять-шесть вкладышевых наконечников стрел [Сериков 2007: 113–116]. Клад хранится в Уральском минералогическом музее В. А. Пелепенко.

16. Единичные находки на территории города.

1. Еще в 1880 г. на р. Малая Кушва найдена медная рукоять ножа или кинжала. Место хранения неизвестно [Бадер 1953: 335].

2. На огороде, расположенном на берегу р. Малая Кушва, студент Д. С. Головских в 1994 г. нашел каменный наконечник стрелы.

3. На р. Большая Кушва в 1953 г. найден шлифованный топор [Кипарисова 1956: 118].

4. На берегу тагильского пруда в 1951 г. школьниками найден костяной нож, а в 1975 г. школьником Сергеем Кошурниковым – микропластинка.

5. На правом берегу р. Тагил у скал Красного Камня в 1945 г. сотрудница музея Т. Крамская нашла каменный скребок [Бадер 1953: 332], а в 1951 г. школьник Евгений Шакуров – обломок каменного шлифованного топора [Кипарисова 1956: 118].

6. В 1918 г. в ямке от взрыва гранаты на ул. Невской местная жительница Ф. П. Копытцева обнаружила каменный наконечник стрелы, который впоследствии учителем И. П. Шубертом был передан в краеведческий музей [Бадер 1953: 335].

7. На Гальянском торфянике в разные годы местными жителями найдены каменный топор, остатки древней лодки, деревянная чашка [Бадер 1953: 336; Кипарисова 1956: 119].

8. В 1975 г. школьники принесли в музей два фрагмента неолитического сосуда. Нашли у гаражей на Красном Камне.

9. В пос. Горбуново, на берегу р. Лебы Ю. Б. Сериковым в 1973 г. найдено каменное шлифованное просверленное рыболовное грузило.

10. В пос. Горбуново, на левом берегу р. Чащиха, на одном из огородов Ю. Б. Сериковым в 1974 г. найдено два отщепы.

11. На склоне горы Голый Камень школьник Юрий Сурков в 1944 г. нашел кольцо-печать, возможно, римского времени [Бадер 1953: 339].

12. В 1975 г. на юго-восточном склоне г. Голый Камень, на левом берегу р. Лебы Ю. Б. Сериков нашел каменные отщепы и кости животных (49 экз.).

13. В середине 1950-х гг. при рытье котлована для будущего драмтеатра шофером Евгением Правоторовым были найдены две бронзовые бляшки. Одна бляшка изображает антропоморфную фигуру, по бокам которой расположены две фигуры человеко-лосей. Под ногами всех трех фигур находится звероящер. На второй бляшке изображены в фас две соединенные человеческие фигурки. Предварительно бляшки можно отнести к V–VIII вв. н. э. Условия находок неизвестны, но, учитывая, что драмтеатр находится от реки более чем в 500 м, можно предположить, что их появление в столь необычном месте связано с кладом. В настоящее время они хранятся в семье О. И. Новиковой, проживающей в г. Нижний Тагил [Сериков 2009: 75–76].

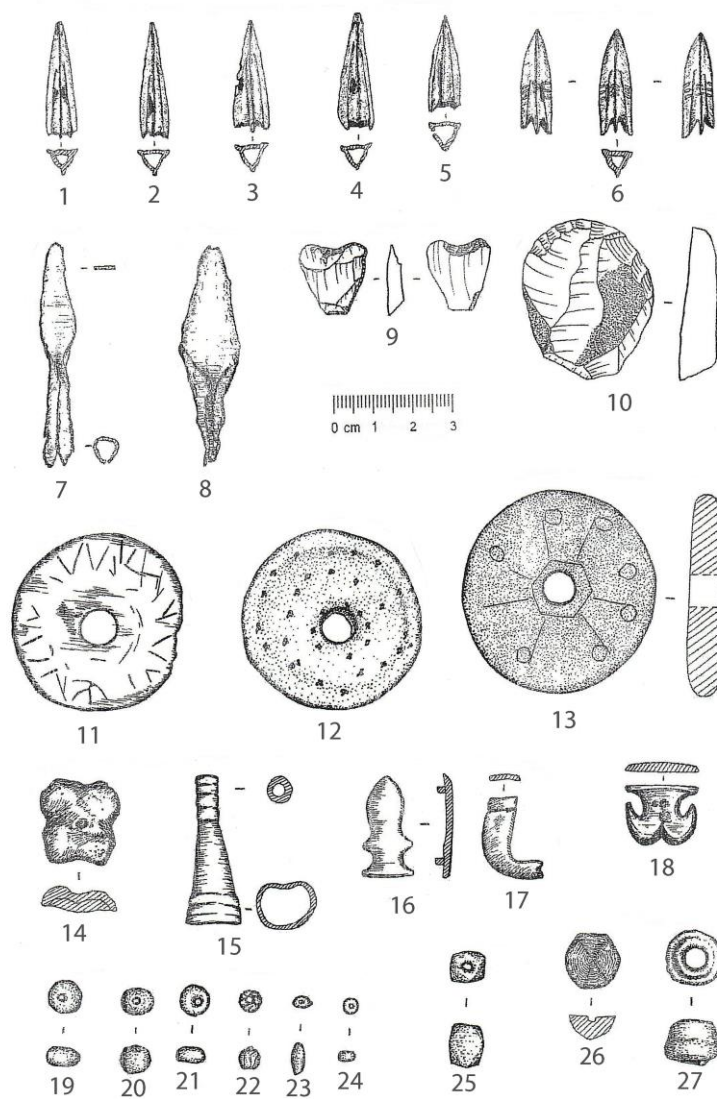

Рис. 1. Святилище на Голем Камне. Жертвенные комплексы (1–6 – бронзовые наконечники стрел; 7–8 – железные наконечники стрел; 9–10 – кресальные кремни; 11–13 – пряслица; 14–18 – бронзовые украшения; 19–27 – стеклянные бусы)

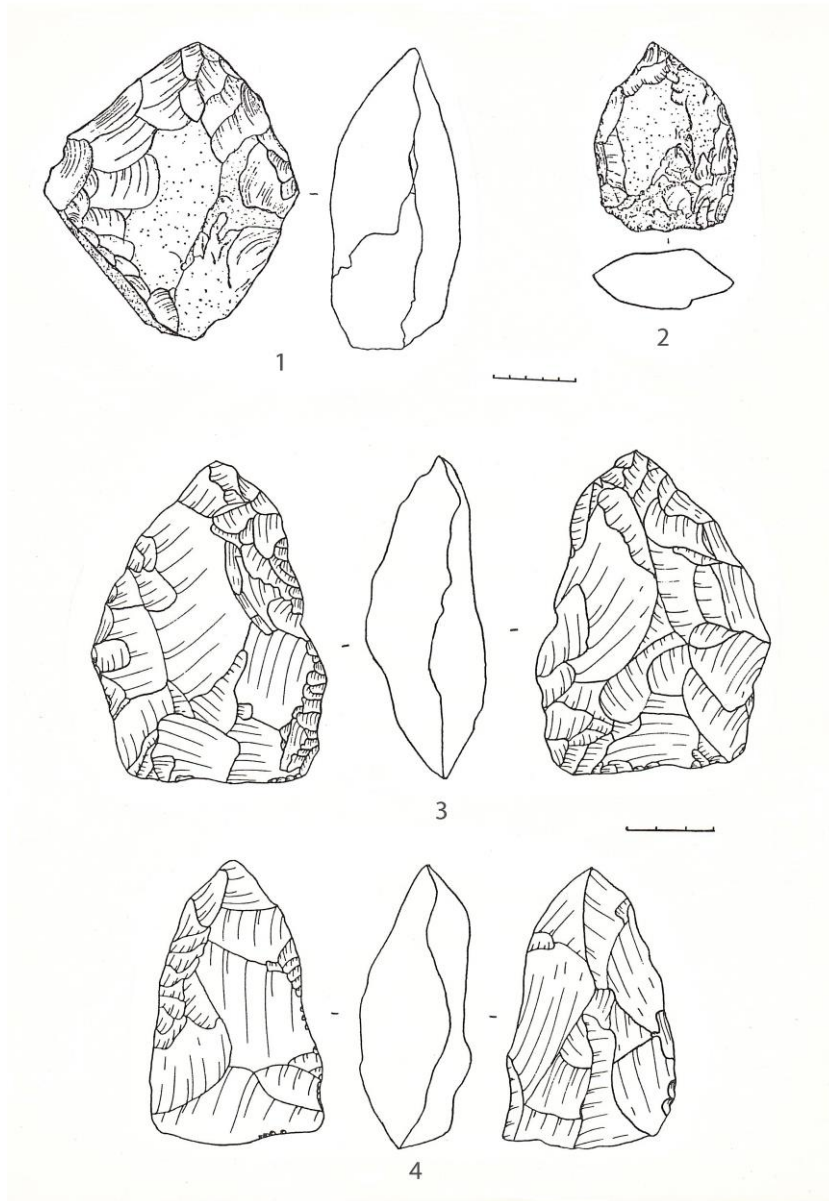

Рис. 2. Гальянская стоянка. Каменные рубила (1–4)

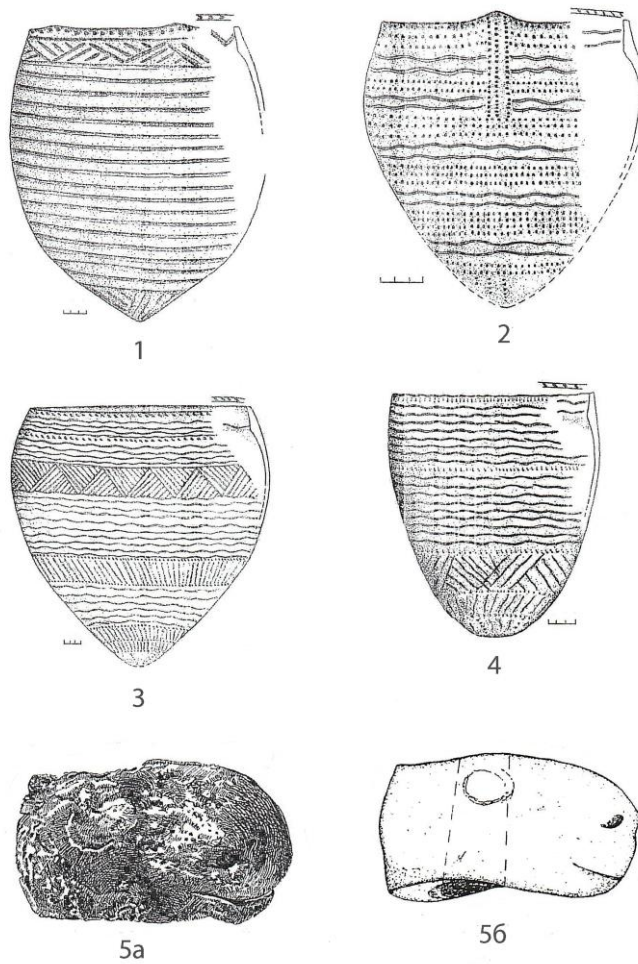

Рис. 3. Евстюниха I. Реконструкция неолитических сосудов (1–4) и фигурный молот в виде головы бобра (5а, 5б)

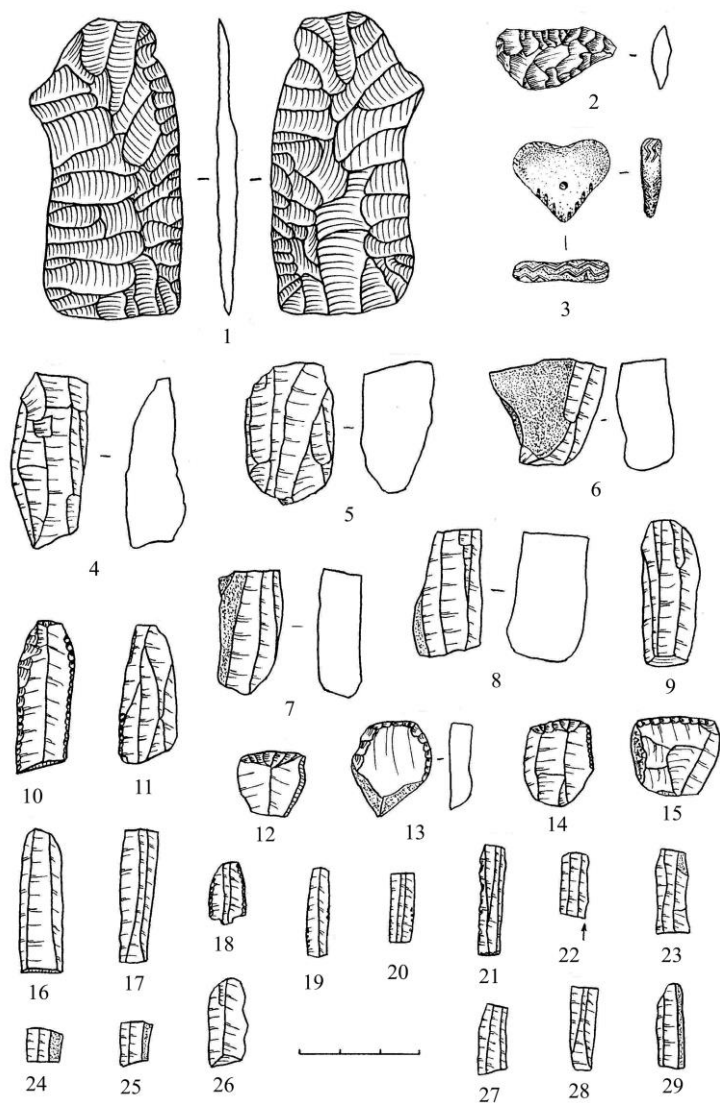

Рис. 4. Мурино I. Каменные (1, 2, 4–29) и глиняное (3) изделия стоянки (1 – нож; 2 – кремневая скульптура птички; 3 – фигурный штамп; 4–8 – нуклеусы; 9, 16, 17, 23–29 – пластинки без ретуши; 10, 11, 18 – пластинки с ретушью; 12–15 – скребки; 19–21 – пластинки с ретушью утилизации; 22 – резец)

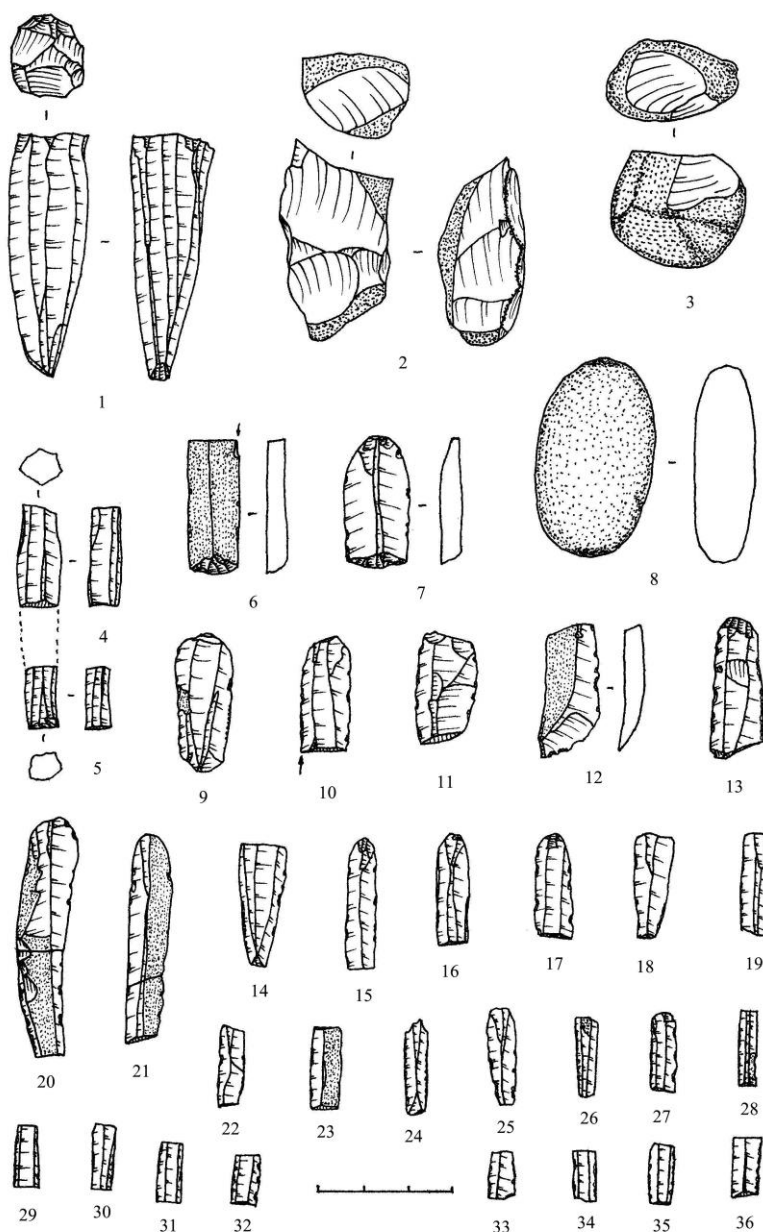

Рис. 5. Трехскалка. Клад каменных изделий (1-5 – нуклеусы; 6-7 – скребки; 8 – отбойник; 9-36 – микропластинки)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XX век трансформировал пространство, среду и социум практически всех населенных пунктов нашей необъятной страны. Следы этих трансформаций в одном из индустриальных центров Урала – Нижнем Тагиле – попытались зафиксировать и описать авторы данной монографии.

К началу XX века Нижний Тагил был промышленным поселком, в документах он именовался Нижнетагильским заводом. На основании Постановления Екатеринбургского губернского военно-революционного комитета от 20 августа 1919 года Нижнетагильскому заводу были присвоены права безуездного города [НТГИА. Ф. 99. Оп.1. Д. 8. Л. 29].

В начале 1930-х гг. было принято решение о строительстве нового соцгорода в Нижнем Тагиле. В ходе бурных дискуссий для Нижнего Тагила был принят смешанный вариант застройки, сочетающий принципы дезурбанизма и урбанизма. Структура расположения социалистического города в виде концентрированного пятна на западе и линейной застройки на востоке стала обязательной к исполнению. Полученная смешанная форма размещения промышленной и селибельной зон определялась спецификой города.

В процессе осуществления плана строительства социалистического города в Нижнем Тагиле были реализованы проекты московских архитекторов из «ОСА» (конструктивистов), часть каменных зданий соцгорода сохранилась до настоящего времени. Вместе со строительством градообразующих предприятий – Новотагильского металлургического и Уральского вагоностроительного заводов – возникли новые районы города: Вагоностроителей, рудника им. III Интернационала, новые поселки – ТЭЦ, Красный бор, Валегин бор, Смычка, Красный Камень, Лебяжка. Появились новые учреждения социально-культурного обеспечения горожан. Произошло преобразование «демидовского» Тагила в новый индустриальный центр.

Великая Отечественная война существенно изменила значение Нижнего Тагила, превратив его в один из важнейших экономических центров Советского Союза. Однако внешний вид города, его архитектурное пространство во многом оставались старыми. В 1948 году был принят Генеральный план развития Нижнего Тагила, и началась капитальная реконструкция города. В послевоенные годы резко из-

менилось благоустройство жилищного фонда города. В середине 50-х гг. только треть жилого фонда города была обеспечена основными удобствами, а в середине 80-х – уже около 9/10. В 60–80-е гг. в городе появились многие общественные и культурные здания, определяющие его внешний облик и в настоящее время (кинотеатры «Россия», «Современник», здания театра кукол, цирка, гостиницы «Тагил», железнодорожного вокзала и др.).

90-е гг. стали трудными для города. Из года в год на 20–25% снижался ввод жилых домов, за 1991–1998 гг. он сократился в 8 раз. Финансирование промышленных объектов в крупных размерах продолжал только НТМК. Однако даже в эти трудные годы шло накопление сил для нового рывка в области строительства. В 1996 г. институт «Уралгражданпроект» разработал новый Генеральный план развития Нижнего Тагила на перспективу до 2030 г., который начал осуществляться уже в XXI веке.

Численность населения Нижнего Тагила, согласно статистическим данным, в 1907 году составляла 33 939 чел., к концу века, в 1999 году, – 395 800 чел. В течение века в естественном движении населения Нижнего Тагила произошли радикальные изменения, которые достаточно четко вписываются в теорию демографического перехода. Согласно этой концепции в истории развития демографических процессов наблюдается одна и та же закономерность – постепенный переход от традиционного типа воспроизводства населения, характеризующегося высокими уровнями рождаемости и смертности, к современному типу воспроизводства. Основными признаками последнего являются: низкий уровень рождаемости и смертности, утверждение малодетного образа жизни населения и планирования семьи, формирование новой структуры причин смертности (доля массовых инфекционных заболеваний в структуре смертности снижается до минимума, а их место занимают инфекционные хронические болезни, несчастные случаи и травмы).

Демографический переход в Нижнем Тагиле происходил в несколько этапов. Несмотря на то, что многие этапы демографического перехода в городе в течение XX в. были успешно пройдены, тем не менее нельзя говорить о его завершении. Это связано прежде всего с незавершенностью модернизации смертности, о чем свидетельствуют такие признаки, как: высокий уровень общего коэффициента смертности (с 1994 по 2002 гг. он не опускался ниже 15,1‰), значительный удельный вес среди умерших лиц трудоспособного

возраста, а также сохранение элементов традиционной структуры причин смерти. Для изменения сложившейся к концу XX века негативной ситуации и завершения демографического перехода в городе потребуются приложить значительные усилия как государственным структурам, так и самим тагильчанам.

Бурные события XX века стимулировали общественную активность горожан. В городе увеличивается сеть общественных организаций, расширяется благотворительная деятельность в годы Первой мировой войны. Мужество и трудовой героизм демонстрируют тагильчане в годы Великой Отечественной войны.

Одной из печальных страниц в истории Нижнего Тагила является тема «спецконтингента». Большую работу по сохранению исторической памяти, реабилитации тагильчан – жертв политических репрессий и становлению гражданского общества в городе сыграло общественное движение «Мемориал». Весомый вклад в изучение и популяризацию локальной истории внес клуб «Тагильский краевед», который начал свою работу в апреле 1986 г.

В XX веке под воздействием различных факторов существенные изменения претерпела и городская среда обитания (проживания). Негативным наследием промышленного скачка 1930–1940-х годов и дальнейшего промышленного роста стала сложная экологическая ситуация, приведшая к активизации экологического движения в городе в последнее десятилетие XX века. «Смягчению» экологических проблем города способствовало расширение садово-парковой зоны, которая одновременно служила местом отдыха и активного досуга горожан.

Трансформации XX века нашли свое отражение в городских СМИ. Особая роль в информировании горожан о политических, социально-экономических, культурных событиях, происходивших в городе, стране, за рубежом, принадлежала газете «Тагильский рабочий», основанной в 1906 году.

События XX века наложили отпечаток на меморативный ландшафт города, приобретшего слоистую структуру. Однако основой городского исторического ландшафта являются памятники археологии, активное изучение которых пришлось на XX век.

Таким образом, за XX век Нижний Тагил прошел непростой путь от заводского поселка до второго по величине и экономическому потенциалу города Свердловской области. Усилиями многих поколений тагильчан преобразовывалась городская среда, создавался узнаваемый облик города. Наша задача – сохранить это наследие для потомков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеносов, Г. Фотополотна старого Тагила / Г. Агеносов. – Текст : непосредственный // Областная газета. – 2001. – 13 октября.

Айрапетов, В. Г. Материально-бытовое положение трудящихся черной металлургии Урала (июнь 1941 – 1945) / В. Г. Айрапетов, С. П. Панфилов. – Текст : непосредственный // Из истории социалистического строительства на Урале. – Свердловск, 1978.

Алексеев, В. В. Особенности демографического перехода на Урале / В. В. Алексеев, А. И. Кузьмин. – Текст : непосредственный // Население России и СССР: новые источники и методы исследования. – Екатеринбург, 1993. – С. 8–18.

Альманах «Тагильский краевед». – Нижний Тагил, 1992. – 128 с. – Текст : непосредственный.

Андреев, А. Тагильских учителей увидят по всей области / А. Андреев. – Текст : непосредственный // Тагильский рабочий. – 1997а. – 19 марта.

Андреев, А. Были учителя, а стали «Учителя года» / А. Андреев. – Текст : непосредственный // Тагильский рабочий. – 1997б. – 17 мая.

Андреев, Е. М. Население Советского Союза: 1922–1991 / Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харьковская. – М., 1993. – 143 с. – Текст : непосредственный.

Анимица, Е. Г. Города Среднего Урала / Е. Г. Анимица. – Свердловск, 1983. – Текст : непосредственный.

Антуфьев, А. А. Материальное состояние рабочего класса Урала в годы Великой Отечественной войны / А. А. Антуфьев. – Текст : непосредственный // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма 1937–1975. – Свердловск, 1981.

Бадер, О. Н. Археологические памятники Тагильского края / О. Н. Бадер. – Текст : непосредственный // Ученые записки ПГУ. – 1953. – Т. VIII, вып. 2. – С. 311–364.

Баженова, К. Е. Деятельность уральского городского комитета Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам в начальный период I мировой войны / К. Е. Баженова. – Текст : непосредственный // Урал индустриальный: Бакунинские чтения : материалы IX Всерос. конф., посвящ. 85-летию д. и. н., проф.

А. В. Бакунина, Екатеринбург, 8–9 октября 2009 г. : в 2 т. Т. 2. – Екатеринбург, 2009а.

Баженова, К. Е. Оказание помощи семьям призванных как одно из направлений деятельности уездных комитетов Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам Пермской губернии в годы Первой мировой войны / К. Е. Баженова. – Текст : непосредственный // Платоновские чтения : материалы и доклады XV Всероссийской конференции молодых историков / (Самара, 20–21 ноября 2009 г.) / отв. ред. П. С. Кабытов. – Самара, 2009б.

Базаров, А. А. Кулак и Агроулаг / А. А. Базаров. – Текст : непосредственный. – Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 1991.

Бакунин, А. В. Градостроительство на Урале в период индустриализации / А. В. Бакунин, В. А. Цибульникова. – Свердловск, 1989. – Текст : непосредственный.

Близнакова, М. Жилищное строительство для культурной революции, 1928–1932 годы: новые типы домов с учетом новых семейных ценностей / М. Близнакова. – Текст : непосредственный // Брумфилд У., Рубл Б. Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история : монографический сборник. – М., 2001.

Были горы Высокой : рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни / под редакцией М. Горького, Д. Мирского. – Москва : Государственное издательство истории фабрик и заводов, 1935. – 433, [3] с. – Текст : непосредственный.

Вагина, Г. Н. Некоторые закономерности естественного движения населения городов Урала / Г. Н. Вагина. – Текст : непосредственный // Труды первой научной сессии по проблемам развития городских поселений Уральского экономического региона. – Пермь, 1968. – Вып. 3, т. 2. – С. 24–29.

Васильев. Улучшить бытовые условия / Васильев. – Текст : непосредственный // Тагильский рабочий. – 1942. – 25 сентября.

Васютинский, В. Ф. Хранители «старого соболя». История трудового коллектива Нижнетагильского металлургического комбината / В. Ф. Васютинский. – Свердловск, 1990. – Текст : непосредственный.

Великая Октябрьская социалистическая революция : энциклопедия. – М., 1987. – Текст : непосредственный.

Великая Отечественная война. 1941–1945 : энциклопедия. – М., 1985. – Текст : непосредственный.

Викторович, В. Любовь с первого взгляда / В. Викторович. – Текст : непосредственный // Тагильский рабочий. – 1999. – 12 февраля.

Во имя победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / под ред. А. В. Сперанского. – Екатеринбург, 2005. – 256 с. – Текст : непосредственный.

Всесоюзная перепись населения 1937 года. Краткие итоги. – М., 1991. – Текст : непосредственный.

Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион : сборник материалов. – Екатеринбург, 2002. – Текст : непосредственный.

Гаврилов, Д. В. О жилищных условиях уральских рабочих в конце XIX – начале XX в. / Д. В. Гаврилов. – Текст : непосредственный // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма (1861–1917 гг.). – Свердловск, 1990. – С. 52–56.

Гаврилова, И. Н. Население Москвы: исторический ракурс / И. Н. Гаврилова. – М., 2001. – 480 с.

Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия : материалы к Генеральному плану РСФСР и СССР. – Свердловск : Уралплан, 1927. – 113 с. – Текст : непосредственный.

Герасименко, А. А. Характеристика керамики поселения Евстюниха I / А. А. Герасименко. – Текст : непосредственный // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург ; Сургут : Магеллан, 2008. – Вып. 25. – С. 44–72.

Горинов, И. А. Так начиналась биография / И. А. Горинов. – Текст : непосредственный // Т-34: путь к Победе. Воспоминания танкостроителей и танкистов. – 2-е изд. – Киев, 1989.

Город, социум, среда: история и векторы развития : сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции 28–29 октября 2022 г. Часть 1 / Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» ; Уральский государственный педагогический университет ; ответственный редактор О. В. Рыжкова. – Нижний Тагил : [б. и.] ; Екатеринбург : УрГПУ, 2022. – 280 с. – Текст : непосредственный.

Город, социум, среда: история и векторы развития : сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции

28–29 октября 2022 г. Часть 2 / Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» ; Уральский государственный педагогический университет ; ответственный редактор О. В. Рыжкова. – Нижний Тагил : [б. и.] ; Екатеринбург : УрГПУ, 2022. – 202 с. – Текст : непосредственный.

Город, социум, среда: история и векторы развития : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Тагил, 14–15 сентября 2017 г. / отв. ред. О. В. Рыжкова. – Нижний Тагил : НТГСПИ (ф) РГППУ, 2017. – 280 с. – Текст : непосредственный.

Город: годы, события, люди : материалы II региональной научно-практической конференции, Нижний Тагил, 17 февраля – 17 апреля 2012 г. / отв. ред. О. В. Рыжкова. – Нижний Тагил : Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2012. – 526 с. : ил. – Текст : непосредственный.

Города России : энциклопедия. – М., 1994. – Текст : непосредственный.

Гуськова, Т. К. Д. Н. Мамин-Сибиряк и Тагильский край / Т. К. Гуськова ; МО РФ, Нижнетаг. гос. соц.-пед. акад. – Нижний Тагил, 2003. – 69 с. – Текст : непосредственный.

Гуськова, Т. К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в. / Т. К. Гуськова. – Челябинск, 1996. – Текст : непосредственный.

Гуськова, Т. К. Нижнетагильский горнозаводской округ Демидовых во второй половине XIX – XX в. Заводы. Рабочие : монография / Т. К. Гуськова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. агентство по образованию ; Нижнетагил. гос. соц.-пед. акад. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2007. – 292 с. – Текст : непосредственный.

Гуськова, Т. К. Писатели тагильского края / Т. К. Гуськова. – Текст : непосредственный // Тагилка. – 2009. – 3 декабря. – С. 19.

Движение населения Пермской губернии с 1882 по 1901 год. Часть VI Верхотурский уезд. – Пермь, 1906. – 75 с. – Текст : непосредственный.

Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневого. – М., 2006. – 608 с. – Текст : непосредственный.

Денисевич, М. Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.) / М. Н. Денисевич. – Екатеринбург, 1991. – Текст : непосредственный.

Дерюшева, М. А. К вопросу о месте благотворительных учреждений в общественной жизни Пермской губернии (1892–1917 гг.) / М. А. Дерюшева. – Текст : непосредственный // Смышляевские чтения : материалы 10 научно-практической конференции. Пермь, 31 мая 2007 г. – Пермь, 2007.

Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. – М., 1986. – 205 с. – Текст : непосредственный.

Дзержинский район – 98. 65 лет. – Нижний Тагил, 1998. – Текст : непосредственный.

Дзержинский район: годы и люди. – Екатеринбург, 2003. – Текст : непосредственный.

Домрачева, Е. В. Поздний конструктивизм: архитектура здания гостиницы «Северный Урал» в городе Нижнем Тагиле / Е. В. Домрачева, Н. В. Федяшева. – Текст : непосредственный // Материалы студенческой научной конференции «Актуальные проблемы архитектура и дизайна – 2008». Архитектон: известия вузов. Приложение к № 22. – 2008.

Епанчинцева, Е. Н. Журнал «Тагильский краевед» – рукописный орган Нижнетагильского клуба краеведов. От истоков к перспективе / Е. Н. Епанчинцева. – Текст : непосредственный // Тагильский краевед. Выпуск 20 : рукописный журнал краеведческого клуба / Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал» ; Нижнетагильский клуб краеведов. – Нижний Тагил, 2008.

Ермаков, А. В. Быт тагильчан в 1917–1930-е гг. XX в. / А. В. Ермаков. – Текст : непосредственный // Тагильский вестник. Уральская провинция в культурном пространстве XX века : истор.-краевед. альманах. – Нижний Тагил, 2004. – С. 55–77.

Ермаков, А. В. Демографические процессы и ритм рабочего времени в Нижнем Тагиле в годы Великой Отечественной войны / А. В. Ермаков. – Текст : непосредственный // Человек в историческом измерении: Памяти В. А. Сурина. – Нижний Тагил, 2006. – С. 94–111.

Ермаков, А. В. Социально-экономические процессы в Нижнем Тагиле под властью белых / А. В. Ермаков. – Текст : непосредственный // Ученые записки НТГПИ. Т. 2. Ч. 2. – Нижний Тагил, 2002.

Естественное движение населения в 2003 году. Свердловская область : стат. сб. – Екатеринбург, 2004. – 70 с. – Текст : непосредственный.

Естественное движение населения Свердловской области : стат. сб. – Свердловск, 1984. – 83 с. – Текст : непосредственный.

Журавлева, В. А. О генеральных планах строительства уральских городов в 1930-е годы / В. А. Журавлева, А. А. Ковалева. – Текст : непосредственный // Урал в прошлом и настоящем. Ч. I. – Екатеринбург, 1998.

Захарова, О. Д. Эволюция рождаемости в России в XX веке / О. Д. Захарова. – М., 1993. – 131 с. – Текст : непосредственный.

Земсков, В. Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы / В. Н. Земсков. – Текст : непосредственный // С. И. – 1991а. – № 10.

Земсков, В. Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны / В. Н. Земсков. – Текст : непосредственный // С. И. – 1992. – № 2.

Земсков, В. Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные / В. Н. Земсков. – Текст : непосредственный // История СССР. – 1991б. – № 5.

Золотухин, М. В. Развитие правозащитного движения в Нижнем Тагиле (1970-е – 1990-е гг.) / М. В. Золотухин. – Текст : непосредственный // Кириллов В. М. Жертвы репрессий. Нижний Тагил 1920–80-е гг. – Екатеринбург, 1999.

Из акта сдачи-приемки Тагилстроя из системы НКВД СССР в систему Наркомтяжстроя СССР. Апрель 1946 г. – Текст : непосредственный // История репрессий на Урале. Ч. 2. – Н. Тагил : УрГПУ ; НТГПИ, 1996.

Из истории жилищного и гражданского строительства в Нижнем Тагиле (часть 1). – URL: <http://vsenovostint.ru/2014/07/30/iz-istorii-zhilishhnogo-i-grazhdanskogo-stroitelstva-v-nizhnem-tagile-chast-1/> (дата обращения: 11.10.2014). – Текст : электронный.

Из истории жилищного и гражданского строительства в Нижнем Тагиле (часть 2). – URL: <http://vsenovostint.ru/2014/07/30/iz-istorii-zhilishhnogo-i-grazhdanskogo-stroitelstva-v-nizhnem-tagile-chast-2/> (дата обращения: 02.11.2014). – Текст : электронный.

Из истории жилищного и гражданского строительства в Нижнем Тагиле (часть 4). – URL: <http://vsenovostint.ru/2014/07/30/iz-istorii-zhilishhnogo-i-grazhdanskogo-stroitelstva-v-nizhnem-tagile-chast-4/> (дата обращения: 02.11.2014). – Текст : электронный.

Из списка работников завода № 183 им. Коминтерна, подлежащих увольнению и временному выселению в другие районы области. 10 декабря 1941 г. – Текст : непосредственный // Кирил-

лов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е – начало 50-х гг. Ч. 2. – Нижний Тагил, 1996. – С. 102–104.

История индустриализации Урала (1926–1932 гг.). – Свердловск, 1967. – Текст : непосредственный.

История России 1917–1940. Хрестоматия. – М. : Исторические науки, 1996. – Текст : непосредственный.

История советской конституции. 1918–1936. – М. : Юриздат, 1957. – Текст : непосредственный.

Исупов, В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки / В. А. Исупов. – Новосибирск, 2000. – 244 с. – Текст : непосредственный.

Казакова-Апкаримова, Е. Ю. Общественная жизнь уральского города в годы Первой мировой войны / Е. Ю. Казакова-Апкаримова. – Текст : непосредственный // Известия УрГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – № 2 (76).

Казакова-Апкаримова, Е. Ю. Повседневная жизнь уральского города в годы Первой мировой войны / Е. Ю. Казакова-Апкаримова. – Текст : непосредственный // Уральский город XVIII – начала XX в. История повседневности / Е. Ю. Апкаримова, С. В. Голикова, Н. А. Миненко, Т. П. Мосунова. – Екатеринбург, 2001.

Казаковцев, С. В. Мобилизация людских и материальных ресурсов в Вятской губернии в годы Первой мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. В. Казаковцев. – Киров, 2007. – Текст : непосредственный.

Кашин, В. В. На службе государства: органы государственной безопасности города Нижний Тагил: люди, судьбы, факты / В. В. Кашин. – Нижний Тагил : Репринт, 2008. – 338 с. : ил. – Текст : непосредственный.

Кинелев, В. Образованию угрожает очередная реформа / В. Кинелев, Е. Ямбург. – Текст : непосредственный // Тагильский рабочий. – 1997. – 17 сентября.

Кипарисова, Н. П. Новые данные об археологических памятниках Тагильского края / Н. П. Кипарисова. – Текст : непосредственный // Ученые записки Молотовского государственного университета. – 1956. – Т. XI, вып. 3. – С. 113–124.

Кириллов, В. М. Жертвы репрессий. Нижний Тагил 1920–80-е гг. / В. М. Кириллов. – Екатеринбург, 1999. – Текст : непосредственный.

Кириллов, В. М. История репрессий на Урале. Ч. 1 / В. М. Кириллов. – Н. Тагил : УрГПУ ; НТГПИ, 1996. – Текст : непосредственный.

Кириллов, В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е – начало 50-х гг. Ч. 2 / В. М. Кириллов. – Нижний Тагил, 1996. – Текст : непосредственный.

Кириллов, Д. Н. Тагиллаг – лагеря смерти (1941–1953 годы) / Д. Н. Кириллов, В. М. Кириллов. – Текст : непосредственный // Книга памяти. – Екатеринбург, 1994.

Коган, Л. Н. Молодой рабочий: вчера, сегодня. Опыт социологического исследования образа жизни молодых рабочих 30-х и 70-х годов. На материалах Урала / Л. Н. Коган, Б. С. Павлов. – Свердловск, 1976. – Текст : непосредственный.

Корнилов, Г. Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития / Г. Е. Корнилов. – Екатеринбург, 1993. – 174 с. – Текст : непосредственный.

Котляр, П. Х. Станкозаводцы делают танки / П. Х. Котляр. – Текст : непосредственный // Т-34: путь к Победе. Воспоминания танкостроителей и танкистов. – 2-е изд. – Киев, 1989.

Кризис снабжения 1939–1941 гг. в письмах советских людей. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 1996. – № 1.

Кругликов, В. В. Городское население Свердловской области накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / В. В. Кругликов. – Екатеринбург, 2007. – 288 с. – Текст : непосредственный.

Крупянская, В. Ю. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917–1970) / В. Ю. Крупянская, О. Р. Будина, Н. С. Полищук, Н. В. Юхнева. – М., 1974. – 319 с. – Текст : непосредственный.

Крупянская, В. Ю. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала: конец XIX – начало XX в. / В. Ю. Крупянская, Н. С. Полищук. – М., 1971. – 286 с. – Текст : непосредственный.

Ларин, А. Что случилось, товарищи из завкома? / А. Ларин. – Текст : непосредственный // Тагильский рабочий. – 1944. – 1 сентября.

Лауреаты премии имени О. Е. Клера. 1992–2005 гг. – Екатеринбург, 2006. – С. 28–29. – Текст : непосредственный.

Ленин, В. И. Очередные задачи советской власти / В. И. Ленин. – Текст : электронный // Полное собрание сочинений. Т. 36. – URL: <http://leninvi.com/t36>.

Липовская, М. Н. Молодежь – фронту / М. Н. Липовская. – Текст : непосредственный // Т-34: путь к Победе. Воспоминания танкостроителей и танкистов. – 2-е изд. – Киев, 1989.

Литвинова, М. Его линия фронта / М. Литвинова. – Текст : непосредственный // След на земле. Т. 2. – Екатеринбург, 2000.

Лоренцо, Д. Н. Уральский вагоностроительный завод / Д. Н. Лоренцо. – М. ; Свердловск, 1961. – Текст : непосредственный.

Малекина, В. Школьная столовая: лозунги и реальность / В. Малекина. – Текст : непосредственный // Тагильский рабочий. – 1990. – 9 января.

Мамонова, Т. В., Базарова М. Р. Музей «История образования в городе Нижний Тагил» школы № 1 им. Н. К. Крупской / Т. В. Мамонова, М. Р. Базарова. – Текст : непосредственный // Хранители исторического наследия : [сборник]. Кн. 2: Музеи Нижнего Тагила: статьи и воспоминания их создателей и сотрудников. – Нижний Тагил : Репринт, 2013. – С. 370–374.

Маслов, С. Самый народный и ... бесплатный / С. Маслов. – Текст : непосредственный // Горный край. – 2002. – 28 февраля.

Машкова, Н. Н. Мобилизация людских и материальных ресурсов на Южном Урале в условиях войны: 1914–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. Н. Машкова. – Оренбург, 2004.

Меерович, М. Г. Рождение соцгорода. Градостроительная политика в СССР, 1926–1932 гг. / М. Г. Меерович. – Иркутск, 2008. – Текст : непосредственный.

Меерович, М. Г. Типология массового жилища соцгородов-новостроек 1920–1930-х гг. / М. Г. Меерович. – Текст : электронный // Архитектон: известия вузов. – 2010. – № 31. – URL: http://archvuz.ru/2010_3/6.

Меерович, М. Г. Кладбища соцгородов: градостроительная политика в СССР, 1928–1932 гг. / М. Г. Меерович, Е. В. Конышева, Д. С. Хмельницкий. – М., 2011. – 270 с. – Текст : непосредственный.

Мезенин, Н. А. Династия Демидовых. Исторические очерки / Н. А. Мезенин. – Нижний Тагил, 2002. – Текст : непосредственный.

Михайлова, Н. «Аскоша» побывала в кармане России / Н. Михайлова. – Текст : непосредственный // Тагильский рабочий. – 1996. – 19 апреля.

Мищенко, О. П. Охранные исследования на Красном Камне в Нижнем Тагиле / О. П. Мищенко, Е. К. Шамонова. – Текст : непосредственный // Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. Ученые записки. Общественные науки. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2011. – С. 141–147.

Мостаков, А. М. Планировка Нижнего Тагила / А. М. Мостаков. – Текст : непосредственный // Советская архитектура. – 1935. – № 7.

Музей живет полвека. – Текст : непосредственный // Тагильский рабочий. – 2009. – 6 ноября.

Народное хозяйство Свердловской области. Статистический сборник к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. – Свердловск, 1967. – 134 с. – Текст : непосредственный.

Нарский, И. В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. / И. В. Нарский. – М., 2001. – 632 с. – Текст : непосредственный.

Население России в XX веке : истор. очерки. Т. 1: 1900–1939 гг. – М., 2000. – 463 с. – Текст : непосредственный.

Население России в XX веке : истор. очерки. Т. 2: 1940–1959 гг. – М., 2001. – 416 с. – Текст : непосредственный.

Население России в XX веке : истор. очерки. Т. 3. Кн. 1: 1960–1979 гг. – М., 2005. – 304 с. – Текст : непосредственный.

Население СССР за 70 лет / под ред. Л. Л. Рыбаковского. – М., 1988. – 216 с. – Текст : непосредственный.

Население Урала. XX век. История демографического развития. – Екатеринбург, 1996. – 212 с. – Текст : непосредственный.

Наш адрес – Ленинский район. – Нижний Тагил, 2006. – Текст : непосредственный.

Нечаев, М. Г. Патриотическая и благотворительная деятельность русской православной церкви в годы Первой мировой войны на Урале / М. Г. Нечаев. – Текст : непосредственный // Урал в прошлом и настоящем : материалы научной конференции. Часть I. – Екатеринбург, 1998.

Нижний Тагил – из прошлого в будущее: История развития, перспектива застройки. – Нижний Тагил, 1999. – Текст : непосредственный.

Нижний Тагил. – Текст : непосредственный // Анимациа Е. Г. Города Среднего Урала. – Свердловск, 1975.

Нижний Тагил. – Свердловск, 1945. – Текст : непосредственный.

- Нижний Тагил. – Свердловск, 1961. – Текст : непосредственный.
- Нижний Тагил. – 2-е изд. – Свердловск, 1964. – Текст : непосредственный.
- Нижний Тагил. – Изд. 3-е. – Свердловск, 1971. – Текст : непосредственный.
- Нижний Тагил. – 4-е изд. – Свердловск, 1977. – Текст : непосредственный.
- Нижний Тагил. – Екатеринбург, 1997. – Текст : непосредственный.
- Нифантова, Р. В. Социальные и демографические проблемы Урала: реальность и перспективы / Р. В. Нифантова. – Екатеринбург, 2000. – 46 с. – Текст : непосредственный.
- Ново-Тагильский металлургический завод (часть 1). – URL: <http://vsenovostint.ru/2014/10/21/novo-tagilskiy-metallurgicheskiy-zavod-chast-1/> (дата обращения: 04.10.2014). – Текст : электронный.
- Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. – М., 1998. – 540 с. – Текст : непосредственный.
- Орлов, И. А. Старый Тагил глазами краеведа / И. А. Орлов ; ред.-сост. Т. К. Гуськова. – Нижний Тагил : Музей-заповедник «Горнозаводской Урал», 2011. – 118 с. – Текст : непосредственный.
- Орлов, И. А. Вспоминая торговлю в Нижнем Тагиле / И. А. Орлов. – Текст : непосредственный // Уральская старина. Вып. 1. – Екатеринбург, 1994.
- Осокина, Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 / Е. А. Осокина. – М., 1997. – Текст : непосредственный.
- Отчет Нижне-Тагильского Городского Совета РК и КД о работе за 1935 год. – Нижний Тагил : Горплан, 1936. – Текст : непосредственный.
- Охрана материнства и детства в СССР : сб. нормативных актов. – М., 1986. – 368 с. – Текст : непосредственный.
- Панюхин, Г. П. Часовые Уралвагонзавода / Г. П. Панюхин. – Нижний Тагил, 2005. – 131 с. – Текст : непосредственный.
- Первые пятилетки. 30–40-е годы. – Текст : непосредственный // Нижний Тагил – из прошлого в будущее: История развития. Перспектива застройки. Архитектурный сборник. – Нижний Тагил, 1999.
- Петрин, В. Т. Комплекс эпохи палеолита с восточного склона Среднего Урала / В. Т. Петрин, Ю. Б. Сериков. – Текст : непосредственный // Эпоха камня и палеометалла Азиатской части СССР. – Новосибирск : Наука, 1988. – С. 27–36.

Печерицына, К. Мое поколение / К. Печерицына. – Текст : непосредственный // Горный край. – 2000. – 6 мая.

Пичугин, А. Л. Веселые горы: историко-географические очерки о природе гор в окрестностях города Нижний Тагил / А. Л. Пичугин. – Нижний Тагил : [б. и.], 2004. – 72 с., [8] л. цв. ил. – Текст : непосредственный.

Плотников, И. Е. Условия жизни ссыльнопоселенцев на Урале в начале 30-х годов / И. Е. Плотников. – Текст : непосредственный // История репрессий на Урале в годы советской власти : тез. докл. науч. конф., г. Екатеринбург, 25–26 октября 1994 г. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1994.

Плотников, Н. Ф. Большевики горнозаводского Урала в трех революциях / Н. Ф. Плотников. – Свердловск, 1990. – Текст : непосредственный.

Погодина, Л. Визит Ф. Майора позади. Что дальше? / Л. Погодина. – Текст : непосредственный // Тагильский рабочий. – 1997. – 21 февраля.

Погодина, Л. У нас четыре «Серые шейки» / Л. Погодина. – Текст : непосредственный // Тагильский рабочий. – 2009. – 6 ноября.

Позднякова, И. Г. «Дежавю» концепции микрорайона в XXI веке / И. Г. Позднякова. – Текст : электронный // Архитектон: известия вузов. – 2010. – № 30. – URL: http://archvuz.ru/2010_2/9 (дата обращения: 11.10.2014).

Половозрастной состав населения Свердловской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года : стат. сб. – Екатеринбург, 2004. – 291 с. – Текст : непосредственный.

Попов, А. Иван Коверда: «Это был прорыв и шок одновременно» / А. Попов. – Текст : непосредственный // Горный край. – 2003. – 4 апреля. – С. 13.

Попова, В. Реформы 90-х и их цена / В. Попова. – Текст : непосредственный // Горный край. – 2003. – 15 июля.

Поршнева, О. С. Общественность Екатеринбурга в деле мобилизации тыла в годы Первой мировой войны: к постановке проблемы / О. С. Поршнева. – Текст : непосредственный // Шестые Татищевские чтения : тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 20–21 апреля 2006 г. Т. 1. – Екатеринбург, 2006.

Поршнева, О. С. Благотворительность общественных организаций Екатеринбурга в годы Первой мировой войны (по материалам прессы) / О. С. Поршнева, О. С. Мальцева. – Текст : непосредственный.

ный // Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице : материалы Всерос. научно-практической конф. Екатеринбург, 23–24 мая 2002 г. – Екатеринбург, 2002.

Преснякова, В. Д. Некоторые вопросы развития городских поселений Свердловской области / В. Д. Преснякова. – Текст : непосредственный // Труды I научной сессии по проблемам развития городских поселений Уральского экономического района. – Пермь, 1968. – Вып. 3. – С. 137–144.

Приложения к журналам Верхотурского Уездного Земского Собрания 45-й очередной сессии 1914 г. – Н. Тагил, 1915. – Текст : непосредственный.

Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы. Т. 2. – Екатеринбург, 2000. – Текст : непосредственный.

Пудовкин, С. И. История Красного Камня : краеведческий путеводитель / С. И. Пудовкин ; Ком. по делам молодежи Администрации г. Нижний Тагил. – Нижний Тагил : [Б. и.], 2006. – 68 с., [2] л. цв. ил. – Текст : непосредственный

Пудовкин, С. И. Мой Тагил : исторические очерки / С. И. Пудовкин. – Нижний Тагил : Книжный дом «ХлопотовЪ», 2014. – [Т. 1] : Из глубины столетий. – 303 с. – Текст : непосредственный.

Пудовкин, С. И. Мой Тагил : исторические очерки / С. И. Пудовкин. – Нижний Тагил : Книжный дом «ХлопотовЪ», 2014. – Т. 2 : Город в военной шинели. – 439 с. – Текст : непосредственный.

Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.). – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1993. – Текст : непосредственный.

Раушенбах, В. М. Мастерская каменных орудий на Голом Камне под Нижним Тагилом / В. М. Раушенбах. – Текст : непосредственный // Советская археология. – 1961. – № 2. – С. 164–171.

Рашин, А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.) : статист. очерки / А. Г. Рашин. – М., 1956. – 352. – Текст : непосредственный.

Роденко, В. А. Преданность делу / В. А. Роденко. – Текст : непосредственный // Т-34: путь к Победе. Воспоминания танкостроителей и танкистов. – 2-е изд. – Киев, 1989.

Рождественская, К. Краткая летопись Нижнего Тагила / К. Рождественская. – Текст : непосредственный // Нижний Тагил. – Свердловск, 1945.

Романова, О. Одежда для школьников должна быть яркой / О. Романова, М. Горкова. – Текст : непосредственный // Тагильский рабочий. – 1996. – 20 июня.

Росси, Ж. Справочник по ГУЛАГу : в 2 ч. Ч. 1 / Ж. Росси. – М., 1991. – Текст : непосредственный.

Россия: Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 5. – СПб., 1914. – Текст : непосредственный.

Русина, Ю. А. Структурные особенности процессов рождаемости и смертности в городах Среднего Урала в 1960–1985 гг. (на материалах актов гражданского состояния) / Ю. А. Русина. – Репр. – Свердловск, 1991. – 27 с. – Текст : непосредственный.

Рыжкова, О. В. Газета как исторический источник изучения истории образования / О. В. Рыжкова. – Текст : непосредственный // Четвертые Емельяновские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Курган, 2009б.

Рыжкова, О. В. Четверть века в уральском краеведении / О. В. Рыжкова. – Текст : непосредственный // Вестник Тамбовского центра краеведения : научно-информ. изд. / Тамб. центра краеведения ; науч. ред. Г. П. Пирожков ; отв. ред. А. В. Ишин. – Тамбов : ООО «Центр-пресс», 2010. – № 20. – С. 55–59.

Рыжкова, О. В. О некоторых тенденциях в развитии провинциального театра в эпоху социально-экономических трансформаций конца XX – начала XXI вв. / О. В. Рыжкова. – Текст : непосредственный // Социокультурное пространство регионов: традиции и современные тенденции : материалы и доклады Всероссийской научно-практической конференции, 25 мая 2009 года. – Белгород : БГИКИ, 2009в. – С. 193–198.

Рыжкова, О. В. Основные тенденции развития школьного образования Нижнего Тагила в 1990-е гг. / О. В. Рыжкова. – Текст : непосредственный // XIII Царскосельские чтения: «Высшая школа – инновационному развитию России» : междунар. науч. конф., 21–22 апр. 2009 г. / под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова. Т. 1. – СПб. : ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2009а. – С. 127–131.

Рыжкова, О. В. Театры Нижнего Тагила в зеркале СМИ / О. В. Рыжкова, А. В. Худякова. – Текст : непосредственный // Уральские Бирюковские чтения : сб. науч. и научно-популярных статей. Вып. 5. Историко-культурное наследие российских регио-

нов. Часть I / науч. ред. проф. С. С. Загребин. – Челябинск. 2008. – С. 409–411.

Рыжкова, О. В. Краеведческие продолжающиеся издания как источник и предмет исследования региональной культуры (по материалам Нижнего Тагила) / О. В. Рыжкова, Е. А. Черненко. – Текст : непосредственный // Формирование специалиста в условиях региона: новые подходы : материалы X Всерос. межвузов. науч. конф., г. Тамбов, 18 ноября 2009 г. : в 2 ч. Ч. 2 / под ред. В. М. Тютюнника, С. А. Мамонтова. – Тамбов ; М. ; СПб. ; Баку ; Вена : Изд-во «Нобелистика», 2009а. – С. 252–255.

Рыжкова О. В. Члены Нижнетагильского клуба краеведов как читатели / О. В. Рыжкова, Е. А. Черненко. – Текст : непосредственный // Homo legens в прошлом и настоящем : материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 22–23 апреля 2009 г. / отв. ред. О. В. Рыжкова ; Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. – Нижний Тагил, 2009б. – С. 170–172.

Рыжкова, О. В. Историческое краеведение : учебно-методическое пособие / О. В. Рыжкова ; Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» ; Уральский государственный педагогический университет. – Нижний Тагил : [б. и.] ; Екатеринбург : УрГПУ, 2023. – 116 с. – Текст : непосредственный.

Рыжкова, О. В. Краеведческие периодические издания Нижнего Тагила / О. В. Рыжкова, Е. А. Черненко. – Текст : непосредственный // Региональные социокультурные, политические и экономические процессы: опыт и перспективы : материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Березники, 5–6 декабря 2008). – Березники, 2008.

Рыжова, М. П. Лабиринты поисков: родственники и свойственники поэта : исследования-эссе / М. П. Рыжова. – Издание второе, дополненное. – Челябинск, 2009. – 312 с., ил. – Текст : непосредственный.

Рябинин, Б. Гора Высокая / Б. Рябинин. – Текст : непосредственный // Нижний Тагил. – Свердловск, 1945. – С. 131–132.

Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952. – М. : Юриздат, 1953. – Текст : непосредственный.

Сборник законов и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938–1967). Т. 2. – М., 1968. – 896 с. – Текст : непосредственный.

Свердловская область в цифрах за 1971–1975 гг. : стат. сб. – Свердловск, 1976. – 92 с. – Текст : непосредственный.

Свердловская область в цифрах. 1981–1985 гг. : стат. сб. – Свердловск, 1987. – 128 с. – Текст : непосредственный.

Свердловская область в цифрах. 1986–1990 гг. : стат. сб. – Екатеринбург, 1991. – 144 с. – Текст : непосредственный.

Свердловская область в цифрах. Краткий статистический справочник / ЦУНХУ Госплана СССР ; Свердловское областное управление народно-хозяйственного учета. – Свердловск, 1936. – Текст : непосредственный.

Свердловская область за 50 лет. Цифры и факты. – Свердловск, 1984. – 256 с. – Текст : непосредственный.

Свердловская область: Административно-территориальное деление на 1 января 1987 года. – Свердловск, 1987. – Текст : непосредственный.

Свидетельства истории. Публикация документов. Вып. 4. Тоталитаризм и личность. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1994. – Текст : непосредственный.

Семячкова, В. В. Социальная помощь семьям военнослужащих в 1905–1914 гг. (на примере Екатеринбургского уезда) / В. В. Семячкова. – Текст : непосредственный // Седьмые Татищевские чтения. 24. Доклады и сообщения. Екатеринбург, 17–18 апреля 2008 г. – Екатеринбург, 2008.

Сериков, Ю. Б. Голокаменная мастерская и ее место в мезолите Среднего Зауралья / Ю. Б. Сериков. – Текст : непосредственный // Советская археология. – 1988. – № 4. – С. 203–209.

Сериков, Ю. Б. Клад эпохи мезолита с окраины Нижнего Тагила / Ю. Б. Сериков. – Текст : непосредственный // XVII Уральское археологическое совещание : материалы науч. конф. – Екатеринбург ; Сургут : Магеллан, 2007. – С. 113–116.

Сериков, Ю. Б. Некоторые проблемы изучения так называемого Тагильского волокна / Ю. Б. Сериков. – Текст : непосредственный // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 1998. – С. 158–164.

Сериков, Ю. Б. Новые находки культового литья в Тагильском Зауралье / Ю. Б. Сериков. – Текст : непосредственный // Памятники археологии и художественное творчество : материалы осеннего коллоквиума. Вып. 5. – Омск, 2009. – С. 75–79.

Сериков, Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья / Ю. Б. Сериков. – Нижний Тагил : НТГПИ, 2000. – 430 с. – Текст : непосредственный.

Сериков, Ю. Б. Следы раннего палеолита на территории Среднего Зауралья / Ю. Б. Сериков. – Текст : непосредственный // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2015. – № 4 (31). – С. 4–16.

Сериков, Ю. Б. Святилище на вершине горы Голый Камень (Нижний Тагил) / Ю. Б. Сериков, Л. В. Серикова. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2005. – 79 с. – Текст : непосредственный.

Славко, Т. И. Кулацкая ссылка на Урале. 1930–1936 / Т. И. Славко. – М. : Мосгорархив, 1995. – Текст : непосредственный.

«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 2. – М., 2001; Т. 4. Ч. 1. – М., 2001; Т. 4. Ч. 2. – М., 2001. – Текст : непосредственный.

Соломеина, Ж. Первым лауреатом премии «Духовное сокровище» стал тагильский краевед и фотограф Иван Коверда / Ж. Соломеина. – Текст : непосредственный // Тагилка. – 2007. – 31 декабря.

Соскин, В. Л. Российская советская культура (1917–1927): Очерки социальной истории / В. Л. Соскин. – Новосибирск, 2004. – Текст : непосредственный.

Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920–1930-е гг.) : коллективная монография. – Новосибирск, 2013. – Текст : непосредственный.

Спивак. Когда общежитие становится домом / Спивак. – Текст : непосредственный // Тагильский рабочий. – 1944. – 29 марта.

Сталь для победы: Черная металлургия СССР в годы Великой Отечественной войны. – М., 1983. – С. 226–231. – Текст : непосредственный.

Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 год. – Екатеринбург, 1923. – Текст : непосредственный.

Статистический справочник Тагильского округа, Уральской области. – Нижний Тагил, 1929. – 73 с. – Текст : непосредственный.

Тагил социалистический. – Текст : непосредственный // Тагильский рабочий : газета, орган Тагильского райкома ВКП (б),

Горсовета и райпрофсоюза. – 24.06.1931. – № 140; 29.06.1931. – № 144.

Тагильские фамилии : науч.-попул. сборник / М. А. Бойкова [и др.] ; гл. ред. Ю. А. Матросов ; Урал. ист.-родословное о-во, Нижнетагил. музей-заповедник «Горнозавод. Урал». – Нижний Тагил : Медиа-Принт, 2004. – 288 с. : фот., карты Н. Тагила. – Текст : непосредственный.

Тагильский краевед. Выпуск 1 : рукописный журнал краеведческого клуба / Нижнетагильский краеведческий музей ; Нижнетагильский клуб краеведов. – Нижний Тагил, 1988. – Текст : непосредственный.

Терехов, В. С. Рекруты великой идеи. Технические специалисты в период сталинской модернизации / В. С. Терехов. – Екатеринбург, 2003. – 252 с. – Текст : непосредственный.

Токарев, В. А. Рец.: Конышева Е. В., Меерович М. Г. Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток / В. А. Токарев. – М., 2011. – URL: <https://bogoslav.ru/event/4232839> (дата обращения: 20.01.2016). – Текст : электронный.

Труды государственной комиссии по электрификации России ГОЭЛРО. Материалы по электрификации отдельных районов. – М. : Наука, 1964. – Текст : непосредственный.

Урал – фронту. – М., 1985. – Текст : непосредственный.

Уральский статистический ежегодник на 1923 г. – Екатеринбург, 1923. – 500 с. – Текст : непосредственный.

Уральский статистический ежегодник. 1923–24 г. – Свердловск : Издание Уральского Областного Исполнительного Комитета, 1925. – Текст : непосредственный.

Уральское хозяйство в цифрах 1926 г. : стат. справочник. – Свердловск, 1926. – 390 с. – Текст : непосредственный.

Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг. – Свердловск, 1933. – Текст : непосредственный.

Фахретденова, А. Тагильчане-фронту / А. Фахретденова. – Текст : непосредственный // След на земле. Т. 6. – Нижний Тагил, 2004.

Фельдман, М. А. Культурный уровень и политические настроения рабочих крупной промышленности Урала в годы НЭПа / М. А. Фельдман. – Текст : непосредственный // Отечественная история. – 2003. – № 5. – С. 20–30.

Хлопотов, С. И. Нижнетагильский металлургический завод – в прошлом и настоящем / С. И. Хлопотов. – Нижний Тагил, 2000. – Текст : непосредственный.

Хлопотова, О. Бастует 35 школа / О. Хлопотова. – Текст : непосредственный // Тагильский рабочий. – 1992. – 23 января.

Хозяйство Свердловской области. 1935–1936. – Свердловск, 1936. – 230 с. – Текст : непосредственный.

ХПЗ – Завод имени Малышева. 1895–1995. Краткая история развития. – Харьков, 1995. – Текст : непосредственный.

Худякова, А. В. Музеи Нижнего Тагила в зеркале СМИ (по материалам газеты «Тагильский рабочий») / А. В. Худякова. – Текст : непосредственный // Ученые записки Нижнетагильской социально-педагогической академии. Общественные науки / отв. ред. О. В. Рыжкова. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2008. – С. 194.

Черненко, Е. А. О деятельности Нижнетагильского отделения ВООПИиК (1965–1990 гг.) / Е. А. Черненко. – Текст : непосредственный // Ученые записки Нижнетагильской социально-педагогической академии. Общественные науки / отв. ред. О. В. Рыжкова. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2008. – С. 112–116.

Чернявская, В. Гальянский эксперимент / В. Чернявская. – Текст : непосредственный // Тагильский рабочий. – 1997. – 20 мая.

Численность и состав населения Свердловской области по Итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г. – Свердловск, 1990. – 52 с. – Текст : непосредственный.

Шмидт, А. А. Страшный февраль сорок второго / А. А. Шмидт. – Текст : непосредственный // Книга памяти. – Екатеринбург, 1994.

Янтовский, З. 1418 дней и ночей. Литературная мозаика / З. Янтовский. – Текст : непосредственный // Урал. – 1985. – № 5.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Булавин Максим Викторович, выпускник исторического (ныне социально-гуманитарного) факультета и аспирантуры Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала) РГППУ, кандидат исторических наук, учитель истории МАОУ ГИМНАЗИИ № 86, г. Нижний Тагил, bulavin.m@mail.ru

Даренская Ирина Викторовна, выпускница исторического (ныне социально-гуманитарного) факультета и аспирантуры Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала) РГППУ, доцент, кандидат исторических наук, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) РГППУ, социально-гуманитарный факультет, кафедра социальной работы, управления и права, г. Нижний Тагил, ivilinych@mail.ru.

Ермаков Александр Владиславович (1957–2007), кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории исторического факультета Нижнетагильского государственного педагогического института (ныне социально-гуманитарный факультет, филиал РГППУ в Нижнем Тагиле) в 1984–2007 гг.

Кайдышева Наталья Николаевна, выпускница исторического (ныне социально-гуманитарного) факультета Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала) РГППУ, кандидат исторических наук, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) РГППУ, социально-гуманитарный факультет, кафедра гуманитарных и социально-экономических наук, г. Нижний Тагил, kainatalya@yandex.ru

Кириллов Виктор Михайлович, профессор, доктор исторических наук, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) РГППУ, социально-гуманитарный факультет, кафедра гуманитарных и социально-экономических наук, г. Нижний Тагил, history_vmk@mail.ru

Манзор Ирина Анатольевна, выпускница исторического (ныне социально-гуманитарного) факультета Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала) РГППУ, ведущий специалист отдела организационной работы, Администрация Горноуральского городского округа, г. Нижний Тагил, manzoririna@rambler.ru

Маринина (Олохова) Ольга Павловна, выпускница социально-гуманитарного факультета и аспирантуры Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала) РГППУ, кандидат исторических наук, ведущий библиотекарь в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», polite87@yandex.ru

Рыжкова Ольга Васильевна, доцент, кандидат исторических наук, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) РГППУ, социально-гуманитарный факультет, кафедра гуманитарных и социально-экономических наук, г. Нижний Тагил, olimp_a49@mail.ru

Сериков Юрий Борисович, профессор, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) РГППУ, г. Нижний Тагил, u.b.serikov@mail.ru

Тараканов Максим Юрьевич, выпускник исторического (ныне социально-гуманитарного) факультета и аспирантуры Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала) РГППУ, кандидат исторических наук, преподаватель истории и обществознания первой квалификационной категории, ГАПОУ Свердловской области «Нижнетагильский педагогический колледж № 1», г. Нижний Тагил, katar.mik@yandex.ru

Харитоновна Елена Геннадьевна, выпускница исторического (ныне социально-гуманитарного) факультета и аспирантуры Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала) РГППУ, доцент, кандидат исторических наук, начальник отдела НИР, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) РГППУ, социально-гуманитарный факультет, кафедра социальной работы, управления и права, г. Нижний Тагил, onir_ntgspi@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВООПИиК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАСО – Государственный архив Свердловской области

ГДДЮТ – городской дворец детско-юношеского творчества

ИЕМИ – институт естествознания, математики и информатики

ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь

ИТК – исправительно-трудовая колония

МИФИ – Московский инженерно-физический институт

НКВД – Наркомат внутренних дел

НТГИА – Нижнетагильский городской исторический архив

НТГПИ – Нижнетагильский государственный педагогический институт

НТГСПА – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

НТМЗ – Нижнетагильский музей-заповедник

НТМИИ – Нижнетагильский музей изобразительных искусств

НТУИ – Нижнетагильский учительский институт

ОГУК НПЦ – Областное государственное учреждение культуры «Научно-производственный центр»

СЭФ СГИ – социально-экономический факультет социально-гуманитарного института

УрГПУ – Уральский государственный педагогический университет

УГТУ-УПИ – Уральский государственный технический университет

УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук

УРФО – Уральский федеральный округ

ФСР – факультет социальной работы

ХГФ – художественно-графический факультет

ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области

ЧГПИ – Челябинский государственный педагогический институт

Научное издание

**НИЖНИЙ ТАГИЛ В XX ВЕКЕ:
ГОРОД, СОЦИУМ, СРЕДА**

Коллективная монография

Подписано в печать 26.06.2023. Формат 70x100¹/₁₆
Бумага для множ. аппаратов. Печать на ризографе.
Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 17. Уч.-изд. л. 14,2.
Тираж 500. Заказ

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе
Уральского государственного педагогического университета.
620091 Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
E-mail: uspu@uspu.ru

